

*Каждый пишет, как он слышит,
Каждый слышит, как он дышит...*

Булат Окуджава

ОБРАЗЫ ЖИЗНИ ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

LIFE IMAGES
LITERARY ALMANAC

Ответственный редактор: **Алла Ходос**

Безответственный редактор: **Марина Золотаревская**

Технический редактор: **Любовь Шапиро**

Фотографии на обложках: **Юрий Золотаревский**

Посиделки. *Набережная реки Шпрее, Берлин. Автор композиции*

“Три девочки и мальчик” – Вилфрид Фитценрейтер.

Абстрактный этюд. *Национальный заповедник дикой природы Дон Эдвардс,*

Область залива Сан-Франциско.

Заставки: **Алла Ходос**

Взгляды редакции не всегда совпадают со взглядами авторов.

Редакция не несёт ответственности за неточности и непроверенные факты в опубликованных материалах.

При перепечатке ссылка на альманах «Образы жизни» обязательна.

Мы оставляем за собой право в некоторых случаях редактировать документальные материалы, не уведомляя автора.

Альманах издаётся на средства авторов, проживающих в Америке и Израиле.

**Редакция благодарит за сотрудничество
международный интернет-журнал «Интерлит».**

ISBN: 978-0-9832503-7-1

ISSN: 2167-0765

Сан-Франциско

ОБРАЗЫ ЖИЗНИ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
2017-2018

ДРАМАТУРГИЯ

Артур Соломонов

Сталин если и умер, то не весь 4

Григорий Трестман

Шествие. *Стихи* 49

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Мария Перцова

Гул. *Стихи* 14

Игорь Ильин

Несколько историй из жизни нашего колдуна 51

Диляра Тасбулатова

Байки 16

Юлиана Полякова

Но что запреты для поэтов? *Стихи* 63

Слава Блуд

Бучило 21

Вадим Жук

Жалею вас, хорошие, жалею. *Стихи* 64

Александр Милитарев

Прощанье с Кармой *Стихи* 32

Михаил Якобсон

Карзубый 66

Мартин Мелодьев

Времена города. *Стихи* 36

Михаил Якобсон

и **Лидия Косарева**
Катька 79

Алла Ходос

Вещей шершавая изнанка. *Стихи* 38

Саша Немировский

Под абсурдинку 40

Так, чем далее Бог, тем я тише молюсь. *Стихи* 81

Владимир Гандельсман

Но пробудился к жизни я. Я ей поддакнул. *Стихи* 44

Александр Ратнер

И солнца золотой паук плетет заката паутину. *Стихи* 83

Валерий Черешня

Почти несносная разлита благодать. *Стихи* 46

Семен Абрамович

Из цикла «Уроки географии.» *Стихи* 85

Хельга Ольшванг

Вот яблоня перед зимой и бурей помалкивает яблоком одним *Стихи* 48

Екатерина Короткова

Панночка 87

ОБРАЗЫ ЖИЗНИ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
2017-2018

ПЕРЕВОДЫ

Александр Милитарев
Переводы 103

**Марина Золотаревская,
Алла Ходос**
Переводы 106

**ПРО СТРАНСТВИЯ И
ПРОСТРАНСТВА**

Александр Трегуб
Мираж в степи 108

ОТПЕЧАТКИ ВРЕМЕНИ

Инна Голубовская
Дочки-матери 117

Александр Кейлин
Вечная тема.
Текущая правда жизни 130

Галина Курляндчик
Старая тетрадь деда Шуры
и Заметки на полях 132

Елена Макарова
Поперек судьбы 148

Инна Мельницкая
Дом на Юрьевской 163

КОЛЮЧИЙ ОЖИК

Евгений Минин
Пародии 176

Виталий Щрайбер
Как я сочинял пародию
на песню Евгения Клячкина 179

ФОТОГАЛЕРЕЯ

Любовь Шапиро
Игры тени 183

Юрий Золотаревский
Люди и камни 184

ИСКУССТВО

Юрий Линник
Заметки по философии языка 188

Надежда Виноградова
Анатолик и дррр. 195

Александр Янушкевич
Из цикла "Малявы" 196

Александр Мелихов
Наше интеллигентное
сознание эпично 198

Михаил Голубовский
Генетика и Библия.
Реальность Авраама и его рода 204

Борис Бернштейн
Жесткий стиль — там и здесь 217

Сведения об авторах 226

Артур Соломонов

СТАЛИН ЕСЛИ И УМЕР, ТО НЕ ВЕСЬ

Художественный руководитель Александринского театра в Санкт-Петербурге Валерий Фокин сообщил СМИ, что приступает к репетициям спектакля про Иосифа Сталина по пьесе Артура Соломонова. Премьера должна состояться в следующем сезоне. Новость вызвала резонанс в обществе. Артур Соломонов любезно согласился предоставить отрывок из новой пьесы о Сталине для публикации в ОЖ. Публикацию предваряет интервью Олега Перанова с автором пьесы.

— Почему вы решили написать пьесу о Сталине? Чем вас так заинтересовала эта фигура?

— В прошлом году, осенью, меня пригласил на встречу художественный руководитель Александринского театра Валерий Фокин и предложил написать пьесу о молодом Сталине. Я, конечно, оторопел. Как любой человек, живущий в нашей стране, я понимаю и чувствую, что ни один политик прошлого не оказывает такого влияния на наше общество, как Сталин. Этот правитель если и умер, то не до конца, не весь.

Потому сначала я подумал, что это должна быть пьеса не столько о Сталине, сколько об охватившем нашу страну — уже скоро на столетие — сталинизме. Человек давно умер, но до сих пор отбрасывает тень на огромное государство, и все мы, со сталинизмом борющиеся, Сталину поклоняющиеся, находимся под властью этой тени. Ситуация исключительная. В какой стране есть что-то похожее, есть ли в истории подобные примеры? Где еще мертвый человек обладает такой актуальностью, внедряется в такое количество разговоров и яростных споров — в Государственной думе, на кухнях, во время застолий? Кто из покойников вызывает такой шквал ненависти и такую ослепляющую, всепрощающую любовь?

Потому, конечно, каждый, кто сейчас пишет или думает о Сталине, — пишет и думает о нас сегодняшних. Но анализом только лишь сталинизма

в пьесе, разумеется, не обойдешься. В ней главным образом должен быть представлен тот, кто это явление породил. Тут интересна чисто художественная задача, ведь есть колоссальное количество пьес, гениальных и слабых, в которых главным действующим лицом является правитель. Если говорить о гениальных, мы знаем пушкинского Бориса, которого терзали «мальчики кровавые в глазах», знаем Макбета, который не выдержал зрелища океана пролитой им крови, у него начал мутиться рассудок, а его жена просто сошла с ума.

Сталин — совершенно другой. Никаких «мальчиков в глазах» и ужаса от пролитой крови не было. Этот правитель дошел до крайней степени самообожествления, и — что немаловажно — ближнее окружение и народ позволили ему это сделать (кстати, в старости Сталин в шутку иногда называл себя «посланником Бога»). Этот процесс — постепенного самообожествления — интересует режиссера, и, конечно, интересует меня. Я не стану говорить о других целях и идеях Валерия Фокина, он гораздо лучше делает это сам. Важно, что мы одинаково видим жанр будущей пьесы: это должно быть что-то вроде мистического трагифарса. Потому что с помощью реалистического ключа, исключительно интеллектуальных усилий, одной только логикой и стремлением к психологической правде эту фигуру не открыть.

Я одну за другой стал читать книги о молодом Сталине, съездил в Тбилиси и Гори — по просьбе Александринского театра мне дали доступ в закрытые архивы. Встретился с людьми, безгранично Сталину преданными, которые в своих домах хранят посвященные вождю картины, копии его резолюций и даже осколки снесенных памятников «отцу времен и народов». В одном из таких домов-музеев я видел бережно хранимый каменный нос Иосифа Виссарионовича.

Погрузившись в этот исторический период, посидев в архивах, я увидел, как много совпадений

и параллелей — порой пугающих — возникает с сегодняшним днем.

— Получается, что появление этой пьесы — дань веянию времени, когда о Сталине так много говорят и спорят?

— По-моему, театр обязан обращаться к проблемам, которые волнуют большую часть общества. Главное, когда поднимаешь в пьесе такие актуальные и болезненные темы, стараться использовать исключительно художественные средства, избегая публицистического подхода. Конечно у меня, как автора текста, для которого постоянным фоном звучат как славословия, так и проклятия Сталину, есть большой соблазн впасть в газетно-журнальный «анализ» этой фигуры. Но тогда пьеса не будет иметь никакого смысла, и в конечном итоге режиссер не станет с ней работать. Очень надеюсь, что этого соблазна — однозначных решений и митингового подхода, когда ты видишь своей целью как можно громче выкрикнуть дорогой твоему сердцу лозунг, — я избежал. Потому что искусство должно использовать свои преимущества: дать возможность существовать в одном поле прямо противоположным точкам зрения; не бояться признать, сколько мощи, глубины и даже очарования таится в том, что мы считаем злом. Только в этом случае мы сумеем приблизиться к грандиозного масштаба социальной и даже метафизической проблеме, какой является для нашего общества Сталин.

— Наверняка вы изучали какие-то материалы, собирали факты... Что-то удивило, или даже восхитило, когда вы узнавали новые факты из жизни этого персонажа?

— Мне очень нравится, что вы называете его «персонажем». Потому что он теперь для меня, конечно, не только историческая фигура, но и персонаж пьесы, где очень большая доля принадлежит не документу, а фантазии автора текста, и, конечно, фантазии и воле режиссера.

Надо сказать, что Сталин — один из самых закрытых, совершенно чуждых откровенности правителей. Вот, к примеру, Наполеон оставил после себя такое количество афоризмов, откровений, высказываний; он любил себя как мыслителя, он ощущал себя артистом, выступающим на сцене истории, и потому совершенно открылся перед современниками, а следовательно, и перед потомками. То же самое можно сказать, например, про Гитлера — он так ценил свои суждения по любому поводу, что из воспоминаний о нем можно составить ясный портрет

его малопривлекательной и довольно-таки банальной личности. Когда я думаю о Сталине, он представляется мне преимущественно молчаливым. Заставить его заговорить — вот она, задача. Конечно, до конца не выполнимая.

Известно, что в начале XX века (а пьеса посвящена преимущественно этому периоду) Сталин был главарем, если говорить нашим языком, террористической группировки, которая занималась шантажом, грабежом, убийствами, похищениями и вымогательствами. Некоторые преступления его группы были такими выдающимися, что о них писали не только в центральной российской прессе, но и в газетах европейских столиц. При этом ни сам Сталин, ни члены его группы никогда не присваивали себе отнятых денег. Хитроумным способом — спрятав деньги в винных бурдюках — их отсылали в Швейцарию Владимиру Ленину, который называл Сталина «чудесным грузином». И еще — «пламенным колхидцем». Так, действуя совершенно преступными методами, относясь к насилию как к чему-то совершенно естественному и необходимому, Сталин и его помощники приближали то, во что верили, в чем видели полное и окончательное оправдание всех своих действий — революцию...

Конечно, мне как автору пьесы важны детали. Например, что в старости Сталин любил бродить по ночному саду на Ближней даче и при свете фонарей обрезать садовым ножом венчики роз. За ним на расстоянии следовали охранники и собирали в мешки обрезанные цветочные головки. Если Сталин ранил руку, звали врача, но у того от страха дрожали ладони и он не мог сделать перевязку.

Или, к примеру, что в ссылке он часами мог разговаривать о международной политике с собакой по кличке Степан Тимофеевич. Или — что он, будучи молодым человеком, оставлял пометки в книгах, где Лев Толстой трактует Евангелие: там, где речь шла об искуплении и прощении, он написал «Ха-ха», а на одной из станиц сделал пометку «Наскучило его христианство».

Очень важно для меня, как часто те, кто лично знал Сталина, отмечали его своеобразный артистизм. «Каждый раз он был другим человеком. Я знал не меньше пяти-шести Сталиных», — говорил Каганович, а Хрущёв называл Сталина «лицедеем». Также мне кажется очень важным, что еще в начале прошлого века, в Баку, Сталин уже манипулировал своими соратниками, по своему выбору и произволу назначая врагов и провокаторов. Уже тогда — в скромном пока масштабе — он открыл охоту на «врагов народа».

Очень интересен факт, что любопытство Сталина всегда вызывали священники, их психология и характер, поскольку сам он был несостоявшимся (а в определенном смысле — очень даже состоявшимся)

пастырем. Кстати, тем людям, которые поразительным образом совмещают православие и сталинизм, интересно было бы узнать, что молодой семинарист Иосиф Джугашвили вместе со своим другом осквернил икону. Не стану говорить, каким способом он это сделал, но можете поверить, что это было настоящее кощунство.

— **Этот эпизод войдет в вашу пьесу?**

— В мое понимание этого образа и в его интерпретацию этот эпизод войдет точно. А что касается конкретики — все решится на последнем, окончательном этапе работы, во время репетиций спектакля. Тут я совершенно доверяю режиссеру — это уже будет его произведение.

— **Все-таки будет отражен ваш взгляд на Сталина, ваше отношение к нему — отрицательное или положительное?**

— Презрение к человеческой жизни, которым Сталин отравил нас на десятилетия, а может быть, и на века — как к этому можно относиться положительно?

Я думаю, основная причина сегодняшней, и, возможно, вечной для нашей страны актуальности этой фигуры в том, что Сталин однозначно и страшно ответил на вопрос, кто важнее — человек или государство. Пусть это утопия, пусть прекраснодушие, но мне кажется, что все, кто имеет отношение к искусству, должны придерживаться только такой идеи: человек, отдельный, маленький, со своими проблемами, странностями, чудачествами — важнее государства. Меня, говоря мягко, удивляют деятели культуры, которые думают иначе. Хотя бы потому, что я не понимаю: что тогда является предметом их исследований, их любопытства? Ведь о государстве нельзя писать романов и пьес, ставить спектакли, снимать кино. Искренно не могу я понять и людей, которые говорят, что Сталин — их герой, людей, которые пользуются совершенно недопустимой арифметикой: с одной стороны, миллионы невинно убитых, замученных, обращенных в рабов, подвергнутых насилию и унижению, утративших достоинство, здоровье, жизнь, а с другой — колоссальное строительство, выигранная война, мощное государство. Это ведь дьявольская логика, и мы знаем ее автора.

Однако, с художественной точки зрения, проклятия и ненависть по отношению к Сталину как персонажу пьесы — совершенно непродуктивные и даже ослепляющие эмоции. Если хочешь выразить ненависть или произнести ритуальные проклятия — для этого есть социальные сети, митинги и колонки в журналах и газетах. Для пьесы этого очень мало. Даже

и затеваться не стоит.

И последнее: когда я давал согласие писать этот текст, я понимал, что тут есть момент, который меня очень привлекает. А именно — у меня всегда вызывала интерес фигура властителя, человека, который логическим и вместе с тем магическим образом подчиняет себе других людей, усилием воли направляет события по выбранному им пути. Таков, например, режиссер Сильвестр Андреев из моего романа «Театральная история», таков вымышленный правитель Николай Сергеевич Береда из романа «Благодать», который я отложил, чтобы написать пьесу о Иосифе Сталине.

— **Присутствуете ли вы на репетициях, участвуете в создании постановки, или увидите спектакль уже на премьере? Может быть, вы высказывали режиссеру свои пожелания насчет актеров, например?**

— Нет, на эту территорию я не захожу, да это и довольно бессмысленно — вряд ли Фокин послушает мои советы. На выбор актера на роль влияет очень много факторов, знать о которых я просто не могу.

На репетициях я буду присутствовать и, быть может, стану немного изменять текст, исходя из того, куда поведет спектакль фантазия режиссера. Это приключение захватывающее, в определенном смысле опасное, а главное — совместное. Пьеса не оформится окончательно, пока не пройдет через сцену и актеров, пока мы не поймем, насколько убедительно и точно сделана основа для будущего спектакля.

— **Готовы ли вы к тому, что спектакль могут воспринять неоднозначно, потому что споры о личности Сталина не утихают?**

— Я думаю, что спектакль воспримут неоднозначно как сталинисты, так и антисталинисты. И вполне к этому готов.

Sobesniedk.ru

Действие пьесы разворачивается в ночь смерти Сталина. Возможно, это предсмертная галлюцинация "отца времен и народов", а может быть, это его путешествие по своему прошлому. На сцене — два Сталина: вокруг одного, умирающего, собралась свита (Берия, Хрущев, Каганович, Молотов), а другой отправляется в "последнее путешествие".

Сцена третья. "Усики выращивает нам на радость".

Появляется Ленин.

Ленин: Пламенный колхидец! Чудесный грузин!

Сталин: Владимир Ильич! Я ждал! Здравствуйте?

Ленин: Здоровья нам друг другу желать глуповато.

Сталин: Потому что поздновато?

Ленин: Мне-то уж точно. А вы еще...

Сталин: *(трогает свой пульс)* Вроде жив пока.

Ленин: *(указывает на группу соратников вокруг тела Сталина)* Когда пульс прервется, они вас ко мне подложат...

Сталин: Подложат?

Ленин: Все веселее будет, а то у меня там скука смертная... Ходят, плятятся и молчат... Тишина жуткая, нерушимая, три года назад муха залетела, как я был рад ей! Я бы стоя ее поприветствовал, если бы мог. Но ее убили, а мавзолей на время охоты закрыли. Лейтенант и два майора гонялись за крылатой тварью, как три циркача, я девять дней потом эту чудесную сцену вспоминал, и посмеивался, но тайно. Вот так... Правда, усы кололи нижнюю губу, меня же почти не бреют. Все восхищаются – ах, у него растут усики, ах, тридцать лет как мертв, а усики нам на радость выращивает, уж не воскреснуть ли намечается наш любимый, наш родной?..

Слышен глухой удар.

Берия *(шипит, трясясь от гнева)*: Вы что натворили? Вы уронили зубы товарища Сталина!

Первый врач: Нам нужно было опустошить полость...

Второй врач: Он не нарочно, он от благоговения...

Первый врач: Что значит – он? Это ты уронил...

Второй врач: Я сам себя, что ли, локтем толкнул?

Первый врач: У меня никогда не было локтей...

Второй врач: Что ты несешь? А!.. Так хочешь получить мою кафедру?

Первый врач падает на колени.

Первый врач: Он бредит. Мы искупим.

Второй врач падает на колени.

Второй врач: Я брежу. Мы искупим.

Берия: Под трибунал пойдете! Оба!

Сталин и Ленин хохочут, правда, Сталин хохочет с горечью.

Сталин: Выронили зубы товарища Сталина... Стремясь опустошить полость... Да, это посильней Фауста...

Ленин: А вы думаете, мне было легче, когда меня выпотрошили и выставили на всесоюзное обозрение? В центре страны? Помните, что я завещал похоронить меня на Волковом кладбище, рядом с мамой?

Сталин: Воля была не моя. Народ не хотел отпускать вас под землю.

Ленин: Что вы городите, чудесный грузин?.. Да что это с вами?

Сталин: Холодный пот пробил.

Ленин: Везет!

Сталин: А если смерть меня не примет? Если оставит лежать тут годами? Оставит **им** на посмешище, **им** на поругание!..

Ленин: На этот счет не расстраивайтесь. И потом холодным орошаться прекратите. Вы умрете на рассвете. Гарантирую. *(Протягивает ему бритвенные приборы)*. А пока... Вы... Чувствуете мою просьбу? *(Сталин принимает приборы и начинает подравнивать Ленину усы и бороду)*. Да! Великолепно! Как тогда, в октябре семнадцатого!.. Чтобы я мог наконец смеяться и не колотиться! Да! И сбоку, сбоку, но не надо широких жестов, действуйте как тогда...

Сталин: Перед вашим выдающимся, историческим выступлением!

Ленин: Вы тогда превосходно подровняли мне бороду и усы! Я знал, кому поручить *(косится на слишком размашисто гуляющий бритвенный нож)*... Вы бреете или дирижируете?

Сталин: Тогда было трудно добраться до Смольного, я еле успел, чтобы вас постричь да побрить... Помните,

как в то время открыли доступ к царским винным складам, и стали спиваться все, даже пожарные? Тогда по вашему приказу разбили все бутылки и бочки, и люди лакали вино и водку прямо из канав... Перед тем, как совершить историческое обривание вождя мирового пролетариата, я проезжал мимо Зимнего и видел, как мужики и даже бабы пьют из луж новый революционный напиток...

Ленин: *(хохочет)* Грязь со спиртом? Эй! Осторожней, колхидец! Тогда, в семнадцатом, вы были почтительней... Жилку не трогайте! Она уже тридцать лет не бьется, а вы все равно не трогайте!.. Ой, а сейчас щекотно... Не надо меня ни пугать, ни щекотать: ищите золотую середину...

Каганович *(соратникам):* Вы усилили охрану? Сюда не проникнет посторонний?

Берия: Ты взволнован, Лазарь, потому такие глупости спрашиваешь. Ничего. Мы все сейчас себя не контролируем.

Сталин: Но ведь кто-то же из них убил меня? Кому-то это удалось?

Молотов *(вдруг не выдерживает и восклицает):* Как же мы теперь без него? Есть у кого-нибудь платок... Я в спешке ничего не взял, совсем ничего...

Хрущев подходит к нему, дает платок и кладет руку на плечо. Молотов начинает плакать, к нему присоединяется Каганович. Они делят один платок на троих.

Ленин: А почему именно такие образы ваша память сохранила? О том великом времени? Проспиртованная грязь... Почему?

Сталин: А ваша память?

Ленин: Я порой вспоминаю, как в одной из комнат Смольного мы все вместе спали на газетах – я, вы, Троцкий, Свердлов... Помню, как Луначарский подошел к вам, спящему, и поцеловал в лоб. Восторженный был человек!

Сталин: Я не проснулся?

Ленин: Ну вы же не спящая красавица, а нарком Луначарский – не принц. Вы что-то бормотнули, но остались во сне... Ничего этого больше нет.

Сталин: Ничего этого нет больше... Даже предсмертной киноленты...

Ленин: Вам обещали киноленту? Кто?

Сталин: Советские ученые. *(Ленин смеется)* Они говорят, что перед смертью у человека перед глазами вся жизнь проносится. Кадр за кадром.

Ленин: Пронесется. Чуть-чуть погодите.

Сталин: Я бы хотел... Предсмертный монтаж сделать. Кое-что переменить. Войну пораньше разглядеть. Вас пораньше отравить.

Ленин: Нет-нет! Вы это сделали вовремя, и я вам... *(смеется)* Хотел сказать – по гроб жизни благодарен. Но и за гробом – благодарен. Устал я тогда от себя бесконечно.

Сталин: Как скажете. Этого менять не стану. Но наивность свою хотел бы урезать.

Ленин: Наивность?

Сталин: Я ведь сразу не смог разглядеть врагов. Трижды из-за предательства на волоске от смерти был. Убереечь себя хочу от ошибок любви и дружбы.

Ленин: Прошное монтировать желаете, пламенный грузин? Эк вам власть голову вывихнула.

Сталин: Ну хотя бы вспомнить. Хоть взглядом прошлое обласкать.

Ленин: Взглядом – ласкайте. Но только им!

Сталин: Первая мечта и любовь, первое ограбление, первое убийство, первый труп...

Ленин: *(хохочет)* Я и забыл, как вы сентиментальны! Даже первый труп с ностальгией вспоминаете!

Сталин: ...Чувство мести, удовлетворенное впервые! Любовь, неотличимая от ярости – как говорил мой товарищ Камо...

Ленин: Успокойтесь. Любовь, месть, ярость... Вы же лежачий больной, совсем лежачий. До сердечного приступа себя раньше времени довести хотите? Положите руку на сердце. Как оно?

Сталин: Встревожено воспоминаниями юности.

Ленин: Вот видите! Не торопитесь умирать. А вы не представляли, что однажды подле меня ляжете? Что у нас впереди – совместная вечность?

Сталин: Когда приходил в Мавзолей, порой... Это же бессмертие?

Ленин: Паршивенькое... Но уж какое есть. А какие будут к нам очереди! Коммунисты Таиланда, Франции, Бангладеша, Германии... Со всего мира потянется могучий коммунистический поток, а мы будем лежать рядом, и тиинииихо, тиинииихо так разговаривать... У меня там есть кое-какие забавы, я покажу...

Сталин: Забавы?

Ленин: *(показывая на лежащего Сталина)* Слышите? Учащается дыхание. И вдруг – длинная пауза. И вот: снова учащается. Это предвестие чайн-стокса... Вашего последнего дыхания.

Появляется хор мальчиков-подростков, один из которых – совсем молодой Сосо, второй – его друг Давид, поют покаянный псалом царя Давида на фоне царских врат. За пением благосклонно наблюдает отец Григорий.

Сталин: О! Смотрите! Моя революционная молодость очнулась.

Ленин: Нашла где очнуться – в церкви.

Сталин: А какие в Мавзолее могут быть забавы?

Ленин: Ну что ж. Давайте посмотрим кино. До рассвета есть время.

Сталин: Так какие...

Ленин: Тсссс... Отроки псалом напевают.

Садятся в кресла, как в кинозале, и смотрят, не замечаемые никем из сталинского прошлого.

(Псалом будет сокращен для сценической версии. Здесь он приведен целиком.)

Хор: Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои. Многократно омой меня от беззакония моего, и от греха моего очисти меня, ибо беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною. Тебе, Тебе единому согрешил я и лукавое пред очами Твоими сделал, так что Ты праведен в приговоре Твоем и чист в суде Твоем.

Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя. Вот, Ты возлюбил истину в сердце и внутрь меня явил мне мудрость Твою. Окропи меня иссопом, и буду чист; омой меня, и буду белее снега. Дай мне услышать радость и веселие, и возрадуются кости, Тобою сокрушенные. Отврати лице Твое от грехов моих и изгладь все беззакония мои. Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня. Не

отвергни меня от лица Твоего и Духа Твоего Святого не отними от меня. Возврати мне радость спасения Твоего и Духом владычественным утверди меня. Научу беззаконных путям Твоим, и нечестивые к Тебе обратятся.

Избавь меня от кровей, Боже спасения моего, и язык мой восхвалит правду Твою. Господи! Отверзи уста мои, и уста мои возвестят хвалу Твою: ибо жертвы Ты не желаешь, — я дал бы ее; к всесожжению не благоволишь. Жертва Богу — дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже. Облагодетельствуй, Господи, по благоволению Твоему Сион; воздвигни стены Иерусалима: тогда благоугодны будут Тебе жертвы правды, возношение и всесожжение; тогда возложат на алтарь Твой тельцов.

Отец Григорий доволен, но при этом суров. Он призывает мальчиков расхотиться.

Молодой Сталин: Отец Григорий! Можно, мы останемся здесь с Давидом?

Давид: Мы хотим помолиться вместе.

Отец Григорий: Совместная молитва очищению сердец служит. Когда Господь слышит такую молитву, Он радуется.

Молодой Сталин: Мы это чувствуем. Потому и просим остаться.

Отец Григорий: Вот ключи, запрете дверь, когда будете уходить. Ах, нет! Зачем? Лучше просто отдайте их сторожу, он сам закроет. Он спать уже наверняка будет, но не робейте, толкайте его в бока, сторожа нашего, око наше недремлющее *(по-бабьи хихикает в рыжую бороду)*.

Молодой Сталин: Толкнем!

Давид: Несильно.

Отец Григорий: А вы готовы к завтрашнему экзамену? Вас отец Димитрий по всему катехизису прогонит. Готовы?

Давид: Конечно, отец Григорий.

Молодой Сталин: Прекрасно, отец Григорий.

Отец Григорий: Ох ты! Даже и прекрасно? А что

значит, Иосиф, исповедовать веру в Бога?

Молодой Сталин: *(с готовностью)* Значит открыто признавать, что мы православные, и исповедовать это с такой искренностью и твердостью, чтобы ни угрозы, ни мучения, ни сама смерть не могли заставить нас отречься от веры в истинного Бога и в Господа нашего Иисуса Христа.

Отец Григорий: А почему господь наш Иисус Христос назван «семенем жены»?

Давид: Потому что Он родился без мужского семени от Пресвятой Девы Марии.

Отец Григорий: Что мы называем верой?

Молодой Сталин: Вера есть уверенность в невидимом, как в видимом. И уверенность в желаемом и ожидаемом, как в настоящем.

Отец Григорий: И последний вопрос, многомудрые отроки – а кто такие демоны?

Давид: Злые ангелы, которых иначе называют бесами. Они сотворены добрыми, но нарушили долг повиновения Богу, отвернулись от него и впали в самолюбие, гордость и злобу.

Отец Григорий: Молодцы! Молитва ваша порадует Господа, но и уборка в церкви ему угодна. *(протягивает Давиду и Молодому Сталину метлу и мешок)* Не делайте кислых лиц, ленивые отроки, не впадайте в грех уныния. Огарки свечные сюда *(показывает на мешок)* соберите. Бог в помощь.

Отец Григорий уходит. Давид и Иосиф предварительно получают благословение и целуют его руку.

Молодой Сталин: Старый осел! Как будто ему есть дело до того, что мы там знаем!

Давид: *(с восторгом)* Как ты можешь, Сосо!

Молодой Сталин: Пошёл, небось, прихожанок тискать! Ой, Давид, ты будто не знаешь, почему отец Григорий так любит таинство исповеди!

Давид: *(с еще большим восхищением)* Как же ты можешь, Сосо!

Молодой Сталин: А разве для кого-то тайна проказы отца Григория?

Давид: Нам о своих грехах надо думать, а не о чужих, Сосо.

Молодой Сталин: *(передразнивает):* О своих, не о чужих, Сосо! А ты хоть знаешь, после какого выдающегося греха сотворил твой тезка царь Давид покаянный псалом, который мы с тобой сейчас смиренно пели?

Давид: Он полюбил замужнюю Вирсавию.

Молодой Сталин: *(смеется)* Полнобил! Он услал ее мужа, воина Урия, в самую кровавую схватку. И тот, разумеется, погиб. К радости царя Давида, который уже успел обольстить его жену. У Давида и Вирсавии родились дети, а Урий смиренно гнил в могиле. И через долгие годы раскаявшийся царь стал сочинять псалмы, которые мы тут распеваем. Он согрешил и покаялся, а мы что? Каемся, не согрешив? Его словами? Тебе нравится чувствовать себя дураком, Давид? Мне нет.

Давид: Мне тоже нет.

Сталин протягивает Давиду метлу, тот начинает подметать пол церкви.

Молодой Сталин: Кому-то и мужей можно убивать, и с женами их спать, потом стихи складывать в честь своего греха, а нам остается только петь. Робкими голосами прославлять великого грешника, который был так дерзок, так свободен и нагл, что его произвели в святые. Кому-то все – и убийство, и распутство, и дар сочинительства, и прощение, и память в веках, и причисление к лику святых, а нам? Каждый день задыхаться от гордости, что нас пустили сюда попеть, Давид?

Давид: Это ты мне?

Молодой Сталин: Ну не царю же! Он меня бы и слушать не стал. Он бы только посмеялся, узнав, что мы тут, в Гори, испрашиваем прощения за грех, который он совершил тысячи лет назад в Иерусалиме. Его словами! Где тут мы с тобой? Какую лупу взять, чтоб разглядеть таких маленьких?

Давид: Был бы ты, как я, сыном священника, Сосо...

Молодой Сталин: А может, я и есть сын священника? А может вообще – как тут говорил Григорий грешный – я от женского семени?

Давид: Прекрати!

Молодой Сталин: Каждый день нам повторяют, что человек грешен. Как после этого хоть кто-то может быть уверен, что знает своего отца? Вот ты придешь домой, а там какой-то бородатый пузач в рясе. А твой настоящий отец, может, песни в трактирах поет? Может, он веселый? Может, он свободный?

Давид: Возьмешь метлу, Сосо?

Молодой Сталин: Бога нет, Давид. Нас обманывают.

Давид: Это я допускаю. Но все равно так говорить не надо.

Молодой Сталин: Ха! Если его нет, то почему не надо? Пусть артисты, облаченные в рясы, продолжают нам врать?

Давид: Значит, решил-таки уйти из семинарии?

Молодой Сталин: Когда все, что мне нужно, сделаю — уйду.

Давид: И куда пойдешь?

Молодой Сталин: Расскажу, если ты готов идти со мной.

Давид: Разве я могу заранее знать ?

Молодой Сталин: А ты верь. Ты верь мне.

Давид: Верю.

Молодой Сталин: Давид! Стоит только все это толкнуть, и оно развалится. Все только делают вид. Внизу – темный, ждущий свободы народ, а наверху – труп лицадеев. Никто ни во что не верит – ни в Бога, ни в царя, ни в отечество.

Давид: Я допускаю, но...

Молодой Сталин: Ты мне осточертел со своим «но»!

Давид: Поминаешь нечистого в церкви?

Молодой Сталин: Да нет ни чистого, ни нечистого! Экий ты сложный отрок: в Бога не веришь, а в черта веришь! Ты парадоксалист, Давид?

Давид: Очень даже возможно!.. А ты можешь мешок подержать, пока я огарки собираю? Смотри, как иконы закоптились...

Молодой Сталин: И хорошо, что закоптились. Да я плюю на них. Не фигурально, а вот прямо слюной. Во время службы плюю, когда никто не видит.

Давид: Зачем?

Молодой Сталин: Потому что через них ко мне протягивают руки отцы Григории и Димитрии, дворяне и наместники царя. Тянут руки и нашептывают, и приказывают – это делай, а вот это – не делай! Чтобы им досталось все, а мне – ничего. Чтобы я счастлив был, когда они меня хлебной корочкой одарят или вниманьем наградят. Так как же мне не плевать на картинки, которые нарисованы для того, чтобы я жил как раб и умер как раб?

Устремляется к амвону. По пути задевает и рассыпает мешок, в который Давид собирал огарки.

Давид: Ты специально? Ты специально.

Молодой Сталин достает по пути на амвон бумагу из-за иконы, на которой Авраам заносит нож над своим сыном Исааком. Давид с ужасом понимает, что Иосиф хранит запрещенную литературу в церкви, за иконами.

Молодой Сталин быстро проходит мимо не замечаемых им Ленина и Старого Сталина. Старый смотрит с очевидным умилением, Владимир Ильич – с возрастающим раздражением.

Ленин: И зачем нам с вами такое кино? Молчите? Вы на меня такими воспоминаниями злобу нагоняете.

Старый Сталин: А что вас, собственно, в моем прошлом не устраивает?

Ленин: Так мы с вами не сойдемся характерами! Недолго пробудете в моем Мавзолее. Как внесут, так и вынесут. Даже паршивого бессмертия не получите.

Старый Сталин: Обижаете, папаша.

Ленин: Вот! Опять! Ну какие мы Отец и Сын? Зачем вам понадобилась вся эта мифология?!

Старый Сталин: Не впрямую, Владимир Ильич, не впрямую...

Ленин: Сказочки библейские оставьте в покое! Немедленно!

Старый Сталин: Вы совсем не знаете народа, который осчастливили.

Ленин: Вы революцию! Революцию вспоминайте!

Старый Сталин: Так вот же она, вот она, посмотрите, как юноша на амвоне возгорается! Из искры, между прочим!

Молодой Сталин *(на амвоне)*: Вот, смотри и слушай, дорогой мой сын священника, из уважения к своему отцу решивший вечно оставаться рабом! Вот – настоящий катехизис. *(читает)* Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единою страстью — революцией. Мир для него — враг беспощадный. Революционер продолжает жить в нем лишь для того, чтоб вернее его разрушить. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему. Суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все чувства – родства, дружбы, любви, благодарности – должны быть задавлены в нем холодной страстью революционного дела. Для него существует только одна нега, одно утешение, вознаграждение и удовлетворение — успех революции. Денно и ночью должна быть у него одна мысль и одна цель — беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неумолимо к этой цели, он должен быть всегда готов и сам погибнуть и погубить своими руками все, что мешает ее достижению. Против дворянства, против чиновничества, против попов соединимся мы с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России. Сплотить этот мир в одну непобедимую, всесокрушающую силу — вот наша задача.

Давид: Сосо, почему ты такой разный?

Молодой Сталин: Какой разный? Да оставь ты эти огарки! А то опять разбросаю!

Давид: Вчера мы специально собрались тебя послушать. А ты пил да ел. И поднимал какие-то тосты, будто не понимал, зачем мы пришли! Такой ты разный! Мне кажется, я знаю нескольких Сосо.

Молодой Сталин: Я берег все это для тебя! Кто они мне – пришедшие вчера? Я с тобой хочу идти, Давид.

Пауза.

Молодой Сталин: Ну же! Ступай за мной. И предоставь мертвым погребать своих мертвецов.

На все библейские цитаты Ленин реагирует очень эмоционально.

Давид: Сосо, я не смогу... У революционера не должно быть друзей, а ты мне друг, единственный, Сосо...

Молодой Сталин: Мы – другое дело. Мы – Гималаи. Так что же? Выбираешь скуку? Тление при жизни? Хочешь жить, как твой якобы отец?

Давид: Нет. Не хочу.

Молодой Сталин: *(снимает со стены икону, где Авраам заносит нож над Исааком, а в небе является останавливающий его ангел)* Я называю эту икону "Заказчик отменяет убийство". Смотри: ангел сообщает Аврааму, что Бог передумал, и не надо святому старцу убивать своего сына Исаака. Авраам рад, ангел весел, Исаак счастлив: два отца, земной и небесный, передумали перерезать ему горло... И только осел, глупый авраамов осел полон скорби.

Давид: Зачем тебе икона?

Молодой Сталин: Что ты как в лице изменился? Писать хочешь, терпишь? *(растегивает ширинку)* Так я тоже. И терпеть нам незачем. Мы достаточно терпели. *(смеется, и вдруг с полуборота приходит в ярость)* Выпотроши мешок! *(Давид повинуется)* Выбрось метлу! Туда! *(Давид замер, Молодой Сталин вырывает у него метлу и бросает в сторону амвона. Но не попадает, и метла приземляется подле Ленина и Старого Сталина. Старый поднимает ее, рассматривает).*

Ленин: Та самая? Родная? Которой вы изгнали всех

врагов? Платок еще не нужен?

Старый Сталин: Вы все готовы осквернить! *(смеется)*
Побойтесь Бога!

Молодой Сталин: Я все это спалю! Спалю! И ты мне поможешь.

Давид: Нет!

Молодой Сталин: Хорошо – не сейчас. Для начала разберемся со святым старцем.

Давид: Я осквернять не стану, хорошо, ладно, хорошо? Давай просто уйдем, Сосо...

Молодой Сталин: Эту раскрашенную доску осквернить нельзя. Вот ты, когда посещаешь сортир, ты разве оскверняешь дерево, из которого этот сортир сделан?

Давид: Мне страшно.

Молодой Сталин: Ибо преждее прошло, как говорят в твоей любимой книге. Смотри – вот новая земля и новое небо. Долго ты еще будешь ходить по мертвой земле и смотреть на погибшее небо? Это же трупы, от них разит! Отринь! Отринь!

Давид: Я...

Молодой Сталин: Должен посоветоваться с папенькой!?

Давид: Ну нет, но...

Молодой Сталин: Ну-но-на! Ты песню поешь какую-то? Так давай вместе споем, я знаю трактиры, где нам за это еще и заплатят! И пьяны будем! Пойдем! Нынче же будешь со мною в раю. *(смеется)*

Молодой Сталин и Давид уходят вместе с иконой.

Ленин (Старому Сталину): И нам пора. Но не в трактир. Пойдемте, я укажу вам на ошибки.

Сталин: Поздновато, Владимир Ильич.

Ленин: Для истины, как и для выдающихся преступлений, срока давности не существует. Пойдем-

те, чудесный грузин.

Сталин: Мне больше нравится «пламенный колхидец».

Ленин: Капризен! И сейчас капризен! Как живой! *(хохочет)*

Сталин: Я еще поброжу тут немного, а потом...

Ленин: Потом я распеку вас как гренку!

Сталин: Гренку... Распекают разве?

Ленин: Таковую как вы – конечно! *(засовывает руку ему под китель, выхватывает градусник).*

Старый Сталин: Когда вы успели мне градусник поставить?

Ленин: Температура тела пятьдесят четыре градуса!

Старый Сталин: Так не бывает.

Ленин: Это больше не аргумент. Привыкайте.

Старый Сталин: Смотрите! *(указывает за кулисы)*
Как дым надвинулись виденья, туманом мне застлавши кругозор. Ловлю дыханье ваше грудью всею и возле вас душою молодею.

Ленин: Грудью всею – не надо. Вам сейчас как никогда к лицу умеренность и осторожность.

Старый Сталин: *(идет навстречу воспоминаниям, останавливается)* Пронизанный до самой сердцевины тоской тех лет и жаждою добра, я всех, кто жил в тот полдень лучезарный, опять припоминаю благодарно...

Мария Перцова

ГУЛ

* * *

О, эти женщины Булгакова,
Московских весен Маргариты,
Они молились, но не плакали,
Не из таких материй сшиты.

Одна несла пионы желтые,
Другая ключик от подвала
Хранила в сумочке с защелкою,
А третья по ночам летала.

Трамвай катил по рельсам масляным,
Круша ведущих и ведомых.
Три женщины любили мастера –
И были с Воландом знакомы.

ТРИ КОМНАТЫ

Три ивы тоскливо глядят в водоем –
На стенке картина без рамы.
Всего-то три комнаты в замке моем –
Не очень вместительный замок.

В одной отчего-то все время темно,
И дверь заперта постоянно,
И ключ не подходит, и даже окно
Забито доской деревянной.

Горит во второй теплый сливочный свет,
И дверь в коридор приоткрыта, –
То китель курсантский, то детский берет
В проеме мелькнут деловито.

А в третьей – покои мои, и должна
Бессменно я в них находиться,
Но я убегаю, тем светом больна,
Что в щелку молочно сочится.

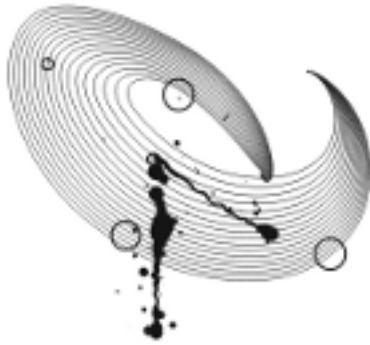
Меня не пускают туда насовсем,
Не слушая увещеваний,
Обрубленность взглядов, и жестов, и тем, –
В них краткость тюремных свиданий.

Вот так неуютен и странен мой дом.
Три черепа в ряд на заборе, –
Один, покачнувшись, упал в водоем...
Вот так и живу – в коридоре.

ГУЛ

1.

Мы случайные гости на этом пиру,
Принесенные ветром вселенной.
Нам плеснули вина, мы пришились ко двору, –
Мы сильны, мы умны, мы нетленны.
Как изысканны яства, как песня мила!
На арфистку глядим с восхищеньем,
Но куда-то тарелка опять уплыла
С приглянувшимся нам угощеньем.
И украдкой тянем скатерки лоскут
На себя, на свою половину,
Может быть, не заметят и мимо пройдут
Соглядатаи в масках звериных.
Приглушается к вечеру гул голосов,
И не хочется верить в курьезы,
Будто время стекает по лицам часов –
Неутешные детские слёзы.
...Продолжается пир, только – мерзкая слизь! –
Ворон чокнутый каркнул знакомо,
Да внезапно зловещие буквы зажглись
На фасаде соседнего дома.

2.

Красная и синяя – на стене,
Ржа и прозелень – под крылом.
Мы живем, оказалось, в другой стране,
Не в той, в которой живём.
Запах гари у вин, а ещё – тщеты.
Пахнет хлеб навозом сухим.
И не тем, что вдыхаем, разинув рты, –
Дышим воздухом мы – другим.
Не тот, кто умер, положен во гроб,
Выясняется в суете.
И не то, что писали всю жизнь, взахлёб,
Нацарапано на листе.

* * *

До свидания ли, zbogom, Адриатика
С белой церковью на дальнем берегу...
Расстояния – не только математика,
Убегаю от тебя, не убегу.
Что гадать мне – о сокровитом в птичьих прочерках...
Чей кораблик уцепился за причал,
И кого теперь полынной водкой потчуешь,
Колокольным звоном будишь по ночам?
Ты – проделка хитроумного прозаика,
На старинной карте жирное пятно!
Но засветится античною мозаикой
Сероватой галькой устланное дно,
Чёрный сфинкс от солнца низкого сошурится,
К храму двинется тетрархов череда.
...На берегах твоих, на безымянных улицах
Время, в сущности, прозрачно, как вода.

Диляра Тасбулатова

БАЙКИ

Еще вечером заходила Бабыра.
Бабыра принесла маме 7 тюльпанов, а мама угостила ее колбасой.
В это время за стеной раздалось: "Как упоительны в России вечера".
Бабыра сказала:
– Упоительны – это точно. Сосед опять нажрался так, что почему-то плясал на холодце. Ну и поскользнулся, и сломал, кажется, ногу.
А евонная жена сидит и плачет. Я думала из-за ноги, а она говорит:
– Ат сука! Я вчера всю ночь холодец варила, а он его оземь и давай плясать на ём. Теперь будет сидеть месяц с этой его ногой, чтоб ему ее отрезали.
– Она потом из его ноги еще сварит (сказала я).
Бабыра перекрестилась и внезапно сказала:
– Видели бы нас Клара с Розой, знали бы какой это позор – 8 марта.

* * *

Еще мне звонили из банка – что я просрочила платеж.
После разговора о платеже клерк Сергей спросил меня:
– Будут ли у вас еще вопросы?
– Будут (сказала я).
– Я вас слушаю (сказал клерк)
– Можно вместо платежа я спою вам арию? Из оперы?
– К сожалению, вместо платежа нельзя.
– А просто так можно?
Клерк Сергей на секунду задумался а потом говорит:
– Все разговоры записываются.
– Так потому я вам и предлагаю – мне не на чем записать, так хоть в банке останется мой голос – для потомков. Раз я им не могу оставить деньги – одни долги.
Слово "долги" подействовало на него как холодный душ.
– Вы портите себе... (начал он)
– Карму?

– Кредитную историю.
– Так это и есть карма.
– Да? Не знал. Хорошо, вы портите себе кредитную карму. Вы когда заплатите?
– Сначала спою.
– Переключаю вас на старшего менеджера.
И переключает.
Старший менеджер внезапно говорит:
– Ну, хорошо, пойте. Я слушаю.
Я говорю:
– Ладно, пойду заплачу.
Менеджер рассмеялся.
И я заплатила.
Мама говорит:
– Надули они тебя – и спеть не дали и заплатить заставили.

* * *

Забывла написать как вчера ТЦ посетила на Планерной: я ж из дому почти месяц не выходила, одичала совсем.
В ТЦ посередине зала стояла интеллигентная с виду бабушка на костылях и громко кричала:
– В сортире нет бумаги! И памперсов нигде нет! А мне 85 лет! Я хочу в туалет! И сортира для инвалидов нет! И бумаги нет! Он что, и бумагу украл?
– Кто это – он? – спросил подоспевший мент, уже не очень молодой и умученный.
– А то вы не знаете? – каверзно выкрикнула бабушка. – Этот, Ирод проклятый! Нет бумаги! Чем мне в мои-то годы подтираться, а?
– Это вы про хозяина торгового центра? – спросил мент устало.
– Про хозяина страны! – крикнула бабушка.
Мент опять сказал устало:
– Задерживать мне вас не с руки: и посадить некуда, и возраст...
– Лучше иди и купи мне туалетной бумаги! – крикнула бабушка и широким аристократическим жестом протянула ему купюры. – За что меня задерживать? Один крадет, а задерживают другого!
– Так я ж при исполнении (опять устало сказал

мент, видимо, жалеющий бабушку).

– Я – мигом (сказала я) Сейчас! Куплю вам салфетки.

– Ты – стой, – повелительно сказала бабушка. – Вот пусть товарищ милиционер пойдет и купит: я на страну долго работала, а он, видите ли, при исполнении, на побегушках у воров!

– Мне кажется (опять сказал мент) вы и в туалет не хотите. Просто вам нужна публика.

Бабушка внезапно подобрела.

– Публика? Нужна, а как же. Были и мы рысаками когда-то. Я вот пела и на фортепьяно играла хорошо. И меня слушали. Да...

Она опять вошла внезапно в раж:

– А теперь я стою здесь и не могу сходить в туалет!

Постепенно вокруг бабушки начала собираться публика.

– Так мне идти за салфетками? – спросила я.

– Не надо (сказала бабушка). Ты лучше скажи – ты романсы русские знаешь? (!!!)

– Знаю (сказала я).

– Напой.

Я напела НЕ УХОДИ.

Она подхватила. И мы вместе с ней до конца спели НЕ УХОДИ, побудь со мною, пылает страсть в моей груди и тэ дэ. (Она еще и в терцию может, слух хороший, я еле удержалась чтобы не сойти со своей тональности, у нас даже Киркоров этого не умеет, под фанеру поет). И нам, хахаха, аплодировали.

– Ну вот теперь (сказала бабушка, раскланявшись) пойдем, проводишь меня в туалет.

Когда мы пришли в туалет, бумага там уже была. И уборщицы быстро шныряли: видимо, начальник испугался скандала.

Вот такая история.

* * *

ПЬЕСА О ТОМ КАК ВОЛОДАРСКИЙ ХВАЛИЛ СТАЛИНА НА ЭХЕ

Действующие лица: Тасбулатова (блогер)

Ее мать – мать блогера

Бабыра – соседка блогера.

Васечка – друг блогера.

Воскресенье. Май. День.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

(И последнее)

– А че тебя на ЭХО не зовут? (спрашивает мама).

– Эт зачем? (сказал Васечка) Хвалить Сталина с прищепкой на носу? (Володарский, который пиратское видео переводил с этой прищепкой, отметил).

– А что, Сталин иногда носил прищепку на носу?

(спросила Бабыра, которая зашла щас чай пить).

– Ага (сказала я). Только об этом никто не знал, кроме его любовниц и Поскребышева. Сталин перед важным решением – например, напасть на Финляндию или расстрелять Бабея, всегда надевал прищепку.

– И при любовницах надевал? (спросила Бабыра)

– Ну конечно (сказала мама). Все тираны спят с любовницами с прищепкой на носу.

– А зачем? (наивно спросила Бабыра).

– А это способствует длине.. (сказал Васечка)

– Прибора? (спросила Бабыра).

– Да нет (сказал Васечка). Сношения.

– Тогда все понятно (сказала Бабыра). Я племяннику посоветую – у него чета это слишком быстро происходит. Сноха жалилась.

– Как наденет прищепку (сказал Васечка), так часа полтора сможет, не вынимая.

– Фу (сказала мама).

– Не вынимая прищепки? (опять наивно осведомилась Бабыра).

– Вот это правильный вопрос (сказал Васечка).

Прищепку нужно то снимать, то опять прицеплять. Камасутра так велит.

– С утра вынимать? (опять спросила бедная Бабыра).

– Так, все, хватит! (сказала мама). Не слушай их, Ирочка. Похабники.

– Мы?? (хором закричали мы с Васечкой). Это Володарский похабник!

– Какой еще Володарский? (опять спросила Бабыра).

– Тот, который посоветовал Сталину надевать прищепку (сказала мама, опять включившись в игру).

– Вон оно что! (сказала Бабыра протяжно). Мы многого, оказывается, не знаем – ни про прищепку, ни про Сталина.

– Это да (подтвердила мама). История – такая вещь, много неизведанного.

* * *

РАСКАС

... Мы другу другу с интеллектуалом Юрием Табаком (Yuri Tabak) туда сюда два раза интервью пересылали – правили.

– Чем кончилось? (спрашивает мама)

– Приписал мне слово *имплицитный*...

– Нихера се (сказал пораженный Васечка).

Слово такое, что за него или отп...ть могут, либо так зауважают, что сразу место дадут в президиуме.

– В президиуме Академии наук? (спросила мама)

– В президиуме собрания колхоза "За надои".

– Надо было колхоз назвать Имплицитный.

(сказала мама). Это как эмпириокритицизм. Тех, кто в партию хотел вступить, заставляли эту книгу учить чуть ли не наизусть: и они мучились. Одно

знакомого чабана заставили. Он так мучился, что слег с температурой. Ну его пожалели и так взяли в партию – за надои. Ему и в партию не хотелось, но сказали, что надо. Чуть не угробили человека. Раза два в год таскали его на трибуну, и он там ломал шапку и потел, икал, слова не мог вымолвить.

– Какого слова? Имплицитный? (спросил Васечка).

– Пострашнее: что-то типа *соблюдения социалистической законности в стаде*. Причем на русском языке, которого он не знал. В общем, они его чуть не угробили, пока он партбилет на стол не шмякнул: увольте, говорит, меня от этой вашей социалистической законности прямо в стаде.

– Это похоже на стихи, где один сознательный олень везет Ленина и типа оглядывается все время: знает, сцуко, кого везет (сказал Васечка: такие стихи и правда есть, кто не помнит).

– Черт его знает (сказала мама) – если олень такой был продвинутый, че бы баранам не понять суть этой социалистической законности?

– Мне кажется, вы далеко ушли от слова имплицитный (сказала я).

– Ну да (сказала мама). Это принцип Бабыры: она с одного начинается, а кончается у нее совсем другим.

– Синдром прыгающего мозга, как Диля выражается (сказал Васечка). У нас так Петрович разговаривает: ему скажешь, что типа гроза надвигается, а он отвечает: а у меня, говорит, еще баба не еб@на.

* * *

Фестиваль в Минске был блестящим (завтра серьезно напишу).

Но там было и много смешного.

Оператор фильма-призера, эстонец, подсел за стол в баре к каким-то архитекторам, грузину и сербу. Мы разговаривали с грузином и сербом по-русски. Эстонец сказал:

– Если вы будете говорить по-русски, я буду сильно вами недоволен.

Грузин ответил:

– Я и сам не рад говорить по-русски, но как мы с вами будем тогда говорить?

И сказал что-то по-грузински. Эстонец начал говорить по-эстонски.

Серб сказал:

– А разговор-то не клеится!

Эстонец, сильно пьяный, пошел по столам и начал всем запрещать говорить "по-русски".

– Набить ему морду, что ли? – задумчиво сказал пожилой грузин.

Серб сказал:

– Ты же профессор, академик – как ты будешь бить ему морду?

Грузин задумался и говорит:

– Действительно. Профессор, и бьет морду какому-то эстонцу за русских. Ерунда какая-то получается.

– Он получил приз (сказала я).

– За знание русского языка? (спросил грузин).

– За незнание (ответила я).

– А кто ему дал этот приз? (спросил грузин)

– Лукашенко (сказала я).

– Молодец! (крикнул грузин)

– Не знаю я никакого Лукашенко! (сказал эстонец вернувшись за наш стол). Кто это?

– Тот, кто дал вам приз (сказала я).

– Я не запоминаю тех, кто дает мне призы (сурово отозвался эстонец).

Серб сказал:

– Вы приехали на какой-то саммит?

– Типа тово (сказала я). Фестиваль водки.

Серб сказал:

– А кому там дают призы?

– Кто больше выпьет (сказала я). Видите, он и выиграл этот приз.

– Эх! (сокрушенно сказал пожилой грузин). Я в его годы всех перепивал!

– Эстонца вы не перепьете (сказала я).

– Вы меня плохо знаете (сказал грузин обиженно).

– Перестаньте говорить по-русски! (опять выкрикнул эстонец).

– В русских есть широкость (сказал серб). Или широта? (спросил он меня).

– И долгота (сказала я).

– А ты вообще замолчи (сказал эстонец). Ты вообще кто?

– Я – заслуженный рыбак Казахской ССР (сказала я).

– Правда? (изумился серб). Я вот тоже рыбак. Вы на какой спиннинг ловите?

Тут подошел бармен и сурово сказал:

– Вы пьете свою водку. А надо купить водку у меня.

Эстонец сказал:

– Я больше не могу пить. Я выпил свою норму. И перестаньте говорить по-русски! (сказал он бармену).

(Ну и так далее – я все-таки пошла спать, потому что мне эта пьеса абсурда стала надоедать).

* * *

Вот ещё в Сети вычитала о себе:

«Книжки смешные. Иногда. Но не всегда. Можно читать их в поезде или у стоматолога когда сидишь. И в туалете даже. Но можно и не читать.

Не знаю, рекомендовать ли их вам? Вдруг не понравится? Сам я не знаю – понравилось или нет.

Хотя я ж говорю, можно читать в поезде. Или в электричке. Ехал тут к куме два часа на электричке, читал. Смеялся. Но потом ввалились какие-то пьяные, и я испугался. У меня с собой самогон был. Для кумы с её братом. Брат правда раньше сильно пил – сейчас почти завязал. Но иногда может.

Потом пьяные ушли – пришла откуда-то милиция.

Хотели и меня зацепить, но кто-то сказал, что он типа книжку читал. Мент спросил, какую. Я сказал – вот. Тасбулатова. Мент покрутил пальцем у виска. Но в отделение меня не увели. Получается, Тасбулатова спасла меня от ментов.

Почему я и пишу про её книжки – вот как в жизни-то бывает.

Но женщина она недобрая: смеётся над всеми, над соседями своими. Что они бухали в ДР Пушкина. Как будто соседи знали что его ДР в этот день. Как будто они следят.

Так что я не знаю, рекомендовать ли вам её книжки. Весь в сомнениях сижу. Кума не оценила – херня какая-то, говорит.

Но кума лет сорок уже как книгу в руках не держала – может, поэтому? С другой стороны, она читает иногда КП или МК.

А раньше читала в Вечёрке кто и когда умер.

А её брат – кого и когда убили. Больше они ничего не читали.

Но они зато смотрят телик.

И почему-то Дом-2 больше всего. Я когда таки до них доехал, они с братом всё время говорили, поженятся ли Лика с каким-то Макаром или Павел с какой-то Настей. Даже как-то скучно стало.

Но кума мне сказала:

– А читать какую-то там Тасбулатову веселее, что ли?

Кума так обиделась за Павла с Настей или Макара с Ликой, что сплюнула об пол.

Но потом помирились – самогон был отличный, я сам варил. Степень очистки почти производственная. У меня в принципе среднее техническое образование. Я не дурак какой-то там.

Вот так.

* * *

Тут молодая поэтесса пишет, что ей за предисловие к её книге предлагали БДСМ¹.

Митя Плахов печалуется, что ему вот ничего такого не предлагают, никакого абьюза² – что он типа ходит старый и в рваных носках, и согласился бы на все, чё хошь. Включая БДСМ.

1 БДСМ(BDSM-англ.) – психосексуальная субкультура, основанная на эротическом обмене властью и иных формах сексуальных отношений. (Википедия.) – *Прим. ред.*

2 Абьюз, abuse (англ.) – насилие, жестокое обращение, оскорбление. – *Прим. ред.*

За предисловие или, на крайняк, уйдисловие.

Вот и мне тоже – никто ничего не предлагает.

Просто так пишут предисловия и это, согласитесь, страшно обидно. Спрашиваешь: напишете предисловие?

Отвечают: напишу. Три дня ждите, усё будет.

Я все три дня сижу и боюсь этого бэдэсэма, боюсь и мечтаю (я-то думаю, что это такая уловка, что через три дня будет абьюз, как у той поэтессы, которую мурыжили долго, не пиша предисловия, а потом откровенно сказали про этот, бля, БДСМ) и даже присматриваю себе белье получше нижнее, но через три дня приходит по мылу предисловие.

Один знаменитый поэт (правда, по типу стихов-пирожков) вапще отказался написать пару строк. На обложку.

– Явно хотел бэдэсэма (говорит Васечка) Он же не знает, что у тебя артроз.

Однако выяснилось, что ничего такого он не хотел, просто ему не нравятся мои типа байки. Сказал, что это херня – какая-то там мама, какие-то гопники, фигня кароче.

БДСМ не предлагал – я уже два года жду, у меня и верёвка дома есть крепкая, связанная из синтетической пряжи.

Пока что, в ожидании Годо, я этой веревкой перетягиваю матрас, на котором иногда спят то Васечка, то еще кто-нить, типа соседки, которую погнали со съёмной хаты.

Так что Митя не единственный, на которого поплёвывают все эти всемогущие люди, которые пишут всякие такие предисловия и уйдисловия, а ведь могли бы, между прочим, и для таких пожилых, как я, хотя бы прикинуться, что хотят БДСМ и др. абьюз.

Хотя мне вчера не то что БДСМ, а вапще молодой таксист-кавказец сказал, что машину водить мне уже поздно учиться.

Не говоря уже о БДСМ.

– Кароче, ты так и помрёшь, не испытай этого бэдэсэма, – говорит Васечка, цинично ухмыляясь. – А ведь в жизни всё нужно попробовать. Как, к примеру, этот ваш Лимонов, который хвастается, что сосал у не@ра.

* * *

... в Риге всё было замечательно, хотя попала я туда не сразу. Забыла, что на паспорт-контроле нужно знать, в каком отеле ты будешь жить.

На контроле сидел такой белокурый и очень розовощёкий юный пограничник. Латыш. Очень строгий.

Строгий латыш мне говорит:

– В каком отеле вы намереваетесь остановиться?
(на правильном казённом таком русском языке говорит).

– Я не помню (сказала я)

– Как же вы остановитесь в отеле, если вы не помните, в каком?

– А меня встретят.

– Кто?

– Друг.

– Откуда вы знаете, что он вас встретит?

– Надеюсь.

– Пусть ваш друг скажет, в каком отеле вы намереваетесь остановиться.

– А у меня нет его телефона.

– Значит, вы не сможете проехать на территорию Латвии.

– Ну и ладно (говорю). В КПЗ переночую.

– Я не понял.

– В камере предварительного заключения, то есть.

– Ваше нарушение не предполагает уголовной ответственности.

– В Северной Корее меня бы расстреляли.

– Мы сейчас не в Северной Корее (говорит он совершенно невозмутимо). Мы в ЕС.

– Я сейчас думаю (говорю я ему) – размышляю: что лучше – Северная Корея или ЕС?

– Вкусы бывают разные (опять говорит совершенно невозмутимо – ну просто персонаж Аки Каурисмяки, настоящий нордический тип).

– В общем, я тут подумала и решила, что Северная Корея лучше ЕС.

– Так поезжайте в Северную Корею (опять говорит совершенно спокойно, очереди нет, время у него есть, я одна стою). – Только не забудьте в какой отель направляетесь. А то – вы же сами говорите – вас расстреляют.

– Но сначала я хочу посмотреть Латвию (говорю). Перед расстрелом. Последнее желание такое.

Он говорит устало:

– У вас специфический юмор – если это юмор. Это юмор?

– У вас тоже специфический.

– У меня нет юмора.

– А у меня есть!

– У меня кончается смена.

– Купите мне билет в Северную Корею!

– Я не уполномочен покупать билеты ни в Южную, ни в Северную Корею.

– О! Я вспомнила, кто мне купит билет в Корею!

Этот человек есть у меня в мессенджере. Но Инет не работает.

– Дайте телефон, я вам его включу.

(Он включает мне Инет).

Я звоню из мессенджера, даю ему трубку, он записывает название отеля и говорит мне:

– Ваше последнее желание исполнено: проходите.
(Теперь жду, какая сумма придет за пользование Инетом на чужой территории без роуминга).

– Какая тебе разница, какая сумма (говорит Васечка), если тебя всё равно расстреляют?

* * *

Однажды меня звали даже в Австралию – чему Бабыра совсем не верит.

Бабыра думает, что Австралия ещё не открыта – её, может, думает она, немного приоткрыли, а потом опять закрыли. Потому что испугались сумчатых людей.

И сколько бы мама ни убеждала её, что это как Европа и все такое, Бабыра, прихлебывая чай, крестится и говорит:

– Не приведи Господь увидеть сумчатого человека.

– А я вот видела (говорю я). Одну тётку, которая как-то так ловко со всех вечеринок сбрасывает себе еду куда-то в живот: там у неё есть сумка.

– Её кенгуру воспитывали (говорит Васечка). Уникальный случай. Одного мужика – волки, а эту тётку – кенгуру.

– А как она оказалась в Москве? – спросила Бабыра.

– А её привезли показать на ВДНХ, и она оттуда сбежала (сказал Васечка). Ну, поискали её, поискали, а потом плюнули. Один учёный, правда, очень сокрушался: он даже хотел себя в жертву науке принести и жениться на ней – чтобы посмотреть кто родится. Типа новую расу хотел вывести.

– А зачем? – спросила Бабыра. Со старой бы разобраться – расой.

– Как зачем? Чтобы удобно было тырить жратву на вечеринках (сказал Васечка).

Бабыра опять истоиво перекрестилась:

– Страшно-то как. Я и нег@ов боюсь – вдруг у них тоже или сумка или чёта ещё есть?

– Чёта ещё есть у всех (философски заметил Васечка). Несмотря на то, что Мединский это «чёта ещё» запретил.

– Он это слово запретил (сказала мама)

– Сначала слово запретят, а потом вот это самое, которое это слово обозначает (сказала Бабыра). Вот такой у нас недавно разговор был интересный – в связи с моими вояжами.

Слава Блуд

БУЧИЛО¹

Детский рассказ

«Лини преимущественно держатся в стоячих водах с илистым или глинистым дном, на котором и лежат постоянно лениво, без действия. Насколько невзыскательны лини на качество воды показывает следующий случай, который рассказывает Ярель. При очистке старой помойной ямы, которая долгое время была наполнена нечистотами, когда подняли доски, нашли 400 больших откормленных линей, один из них был так защемлен между корнями, что не мог двигаться. Такое лишение свободы произошло, очевидно, уже очень давно, так как все его тело приобрело форму той небольшой полости, в которой могло разрастаться, именно: сильно утолщена была задняя часть, хвост в окружности имел 70 см, а длина всего тела 85 см. Весил этот откормленный урод около 6 кг. Рыбу эту осторожно вынули и пустили в пруд, где она вскоре совершенно освоилась...»

Брем. Жизнь животных

СЛАВКА

Еще прохладно, но скоро будет жарко. «Будэ спэка», – вспомнил Славка слова, услышанные в Донецком селе, в котором он когда-то гостил у своего школьного дружка Сережки Понедилка. А пыль всегда будет прохладной, даже в самую страшную спэку. Славка погрузил босую ногу в сбившуюся в дорожной колее пыль, похожую на серую муку мелкого помола. Нога ушла вглубь по щиколотку и почувствовала приятный холодок.

Вдруг ожил репродуктор возле сельсовета и заиграл гимн. 6 часов. Славка заспешил к бучилу. Хорошо, что спешить недалёко: бучило сразу под горкой, на которой стоит Славкин дом. Но спешить надо, а то скоро люди начнут ходить и увидят, в каком месте стоит верша, и потом пиши «пропало». Так дед говорил: «пиши пропало». «Вот щас косить не научишься – потом пиши пропало», например. «Вот глаза спортишь, книжки читавши – потом пиши пропало». Где только надо это записывать, кому писать – дед не объяснял.

Разбудил Славку дядя Геня. Он, когда приезжал

в деревню в отпуск из Семипалатинска, всегда это делал, и с большим удовольствием. Любил он это делать – будить Славку спозаранку (во, рифма), считая его тунеядцем и дармоедом, изнеженным городской жизнью.

Но Славка не роптал. Он любил это озеро, которое местные люди называли бучилом. Жизнь в нем была совсем не такой, как в соседнем озере или речках. Рыбы здесь были другие: похожие на ужей вьюны, которые пищали, и довольно громко, когда их поймашь на удочку (больше говорящих рыб Славка нигде не встречал). И главное сокровище – караси, совершенно золотые и совсем плоские. Славке нравилось думать, что такие водятся ещё только в Китае и Японии (если верить Брему и его «Жизни животных»).

И даже ракиты вокруг бучила были особенные: свои толстые старые стволы они наклонили к воде, будто стараясь скрыть её от глаз людей, а одна и вовсе стелилась над поверхностью, так что можно было пройти по дереву чуть ли не до середины и нырнуть оттуда или половить рыбу.

Вот под этой ракитой Славка ставил вершу. Конечно, можно было бы привязывать вершу к дереву, но тогда её могли бы украсть, и тогда – пиши пропало.

Не раздеваясь – то есть не снимая трусов – Славка соскользнул с ракиты и погрузился в воду почти по шею. Водомерки зигзагами разбежались прочь от его загорелого тела. Славка потрогал желтые кувшинки: они были упругие и гладкие, безо всяких изъянов, словно сделанные из пластмассы.

Но надо торопиться, а то пойдут люди по дороге и увидят, как Славка вытаскивает карасей, да ещё и много, а у них карасей нет, и дед считает, что это нехорошо. Может, даже пиши пропало.

Прежде, чем замутить воду вытаскиванием верши, Славка всмотрелся в воду: солнечные лучи уже прорезали её под углом и высвечивали водоросли и плавающих между ними жириков – так называли здесь пескарей. Совсем маленьких называли «сепельдявками» и ловили – на корм кошкам – на хлеб безо всякого поплавка: и так хорошо было видно, как они

¹ Бучило – омут, водоворот. Глубокая яма с весенней водой. Здесь – небольшое озеро.

клюют.

В бучиле им, а также вьюнам и карасям, было очень хорошо: хищники здесь не водились, не было ни щук, ни окуней, ни мёнухов¹. Собственно, Славка был едва не единственным, кто хоть как-то регулировал здесь рыбно-популяцию.

Славка нащупал ногой бьющий на дне ключ и подержал на нем ногу, пока она не стала застывать от холода. Убрав ногу, он подцепил ею веревку, к которой была привязана верша, приподнял её и перехватил рукой.

Верша походила на бочонок с золотом. Через ивовые прутья просвечивали золотые монеты, пустившиеся в пляс. Славка побросал самых крупных карасей в бидон, помельче – отпустил. На развод, как сказал бы дед. Или на семя.

Дед до выхода на пенсию был ветеринаром. До семи лет Славка жил в деревне с дедушкой и бабушкой, пока родители обосновывались в Донецке. Зимними вечерами дед возвращался и недолго – до ужина – играл со Славкой в одну и ту же игру – «жеребчика». Жеребчиком был Славка: он бегал на четвереньках вокруг деда, ржал и брыкался. «Мария, – говорил дед бабушке, – пора коника кастрировать, а то ему только биграться, а до работы не будет охоч».

Бабушка начинала упрашивать деда не кастрировать коника: «Может, не надо, Филя, пусть ещё погуляет жеребчик!»

– Да не, вон как брыкается!

Дед приносил свои ветеринарные толи ножницы, толи клещи с длинными ручками, которые, возможно, совсем недавно употреблялись по назначению, и пытался поймать Славку. Тот ещё пуще брыкался, ржал и вставал на дыбы.

– Надоть стреножить его, а то зашибет ещё.

Бабушка хватала деда за руку, державшую страшные ножницы: «Подожди, Филя, а, может, на семя оставим?»

– Да начто на семя? А кто работать будет? – не унимался дед, пытаясь поймать Славку свободной рукой.

Дед все никак не мог поймать разрезвившегося жеребчика и, устало вздыхая, наконец, говорил: «Ну, ладно, так и быть, оставим на семя».

Славка радостно ржал и кивал головой...

Дед уже запрягал лошадь. «Завтракай и поехали», – сказал он. Славка вздохнул. Кастрация его миновала, а вот крестьянского труда он не избежал. А ведь все было хорошо, вплоть до 7-го класса его работой не обременяли, потому как он

болел ревматизмом суставов и четыре года его лечили в городе антибиотиками. В деревне его лечил дед: каждый день он приносил с пасеки две пчелы и сажал на Славкины щиколотки. Пчелы кусали Славку, и их жала нельзя было вытаскивать из кожи 20 минут. На этом мучения заканчивались, и Славка весь день мог делать, что хотел: играл с другом Сашкой в индейцев, ловил рыбу, купался. Больше всего он любил лежать на диване и читать книжки. Сельсоветскую библиотеку он знал не хуже библиотекарши. Фенимора Купера, Джека Лондона, Арсеньева он перечитывал каждое лето: леса, прерии, следопыты, индейцы, первопроходцы, дикие звери захватывали его воображение. «Лесная газета» Бианки и «Жизнь животных» Брема были его настольными книгами.

Деду было тяжело смириться с таким вопиющим простым дешевой рабочей силы. «Что ты все книжки читаешь, только глаза портишь!» – нет-нет да и вырывалось у него. Он искренне хотел, чтобы Славка не напрягался попусту и скорее выздоровел, после чего зрение могло бы пригодиться для более полезного чтения, например, журнала «Пчеловодство».

Бабушку же никак не раздражало Славкино сибаритство: она только подносила «больному ребёнку» корцы² то с клубникой, то с малиной, то со смородиной, то с крыжовником. Лишь бы внучок поправился.

И бабушкины старания, а также яд пчёл, отдававших свои жизни за Славкино здоровье, увенчались успехом. Славка избавился от своей болезни: у него больше не ныли суставы, его не лихорадило под вечер, пропала вялость.

Через одну минуту (как показалось Славке) после чудесного исцеления дед написал письмо в Донецк, в котором подробно описал петуха, которого он зарезал, с указанием живого веса. Из петуха был сварен суп, чтобы «внучок окреп здоровьем». И когда он суп съест, продолжал дед, то пусть он уезжает обратно в Донецк, потому как в деревне тунеядцы никому не нужны. Пусть ходит по квартирам своих друзей в городе «чужие бздюхи нюхать».

Ответ пришёл быстро. Он был неутешительным: родители давали отмашку на полную загрузку Славки посильным физическим трудом.

Все деревенские работы оказались посильными.

На пасеке было лучше всего. Пчелиная жизнь казалась Славке более налаженной, чем человеческая. Все старательно делали то, что было им положено – работали, сторожили или ничего не делали. Последнюю функцию выполняли трутни. Их личинки нужно было срезать с сотовых рам кривым длинным ножом. Делать

1 Налим (местн.)

2 Корёц (местн.) – ковш

это нужно было раз в неделю, чтобы трутни не успели вылупиться и не начали пожирать взятку³. Со стыдом Славка вспоминал, что и его дед раньше называл трутнем. Только он все же успел вылупиться и таки пожирал взятку. «Смотри, смотри, сколько намазывает, – говорил дядя Геня одновременно с негодованием и восхищением, глядя на то, как Славка готовил свой излюбленный бутерброд – чёрный хлеб с домашним коровьим маслом и прошлогодним засахарившимся мёдом.

Дед мёда не жалел. В августе часто заходили люди и просили: «Кириллыч, отлей мядку хоч бы пол-литра, на лечение», – протягивая литровую банку. Дед всегда давал. Жадничать он отучился ещё до войны.

Нос у деда был очень большой, мясистый и требовал специально изготовленной пчелиной маски – просторной и с проволочной сеткой. Но даже и в ней при работе нос тыкался в сетку, и пчела его жалила. «Тыщ твою мать», – произносил единственное своё ругательство дед. «Зато нос никогда не заболит ревматизмом, дедушка», – ехидничал Славка.

Пилить и колоть дрова – работа потяжелее. Но самым сложным делом для Славки была косьба. «Пяточку, пяточку прижимай» – поучал дед. Это он о косе. Пяточка – это там, где коса крепится к косовищу, и вот её нужно прижимать к земле, чтобы острое не втыкалась в землю. «И не пропускай, не пропускай!» Пропускать никак нельзя, а то, как шутят мужики, нескошенную траву косарю на яйца наматывают.

Перед выходом Славка выхватил в сенях из ведра соленый огурец на дорогу, чтобы закусить им съеденный только что бутерброд с мёдом. Ехать надо было километров пять, через две лесные деревни. Первая называлась 1-я Болотня, а вторая – 2-я Болотня. Славка думал, что для простоты можно было бы вообще все деревни назвать Болотнями и пронумеровать. Да и дело с концом, как говорил дед.

Ещё было прохладно, и конь бежал бодро. Впереди показались контуры леса, который занимал весь горизонт.

Покосы для колхозных пенсионеров выделяли в самом неудобье – на полянах в лесу. Заморишься косить, а потом трелевать⁴. Рядом косили ещё два старика: Линьков и Бычков. В обед все сходились вместе, разводили костёр, ели кто что принес, обычно поджаривали сало на прутиках с черным хлебом. Запивали молоком.

«Ну что, Кириллыч, как там Толя на Украине поживает?», – высоким гнусавым голосом спрашивал

3 Взятку (муж. род, ед. число) – собранный пчелами мед

4 Здесь: тащить волоком (к месту погрузки)

Линьков.

Это он про Славкиного отца.

– Нормально, работает.

– А жонка яго?

– Работает.

Дед не глядит в глаза Линькову, супит мохнатые брови и больше смотрит на костёр и сало.

– Аны ж у тебя интеллигенция. Толя инженер. Начальник какой?

– Не.

– Хорошо получает?

– Да не.

«Так да или не?», – подумал Славка.

– На почте говорят, посылки табе каждый месяц.

– А, это малому книжки matka шлёт. Он читать любит.

– В батьку пошёл. А мы, Кириллыч, много не читали. Я разве газеты только читаю.

Линьков посмотрел на Бычкова, который в это время заворачивал в кусок газеты махорку. Бычков, когда не косил, всегда курил махорку. От этого его пальцы были коричневыми. Он всегда был мрачен: и когда курил, и когда косил. С дедом он иногда говорил, с Линьковым – никогда. Вечером он пойдёт мимо дедова дома низом по лугу на речку с несколькими самодельными удочками. Славке любопытно было посмотреть, с каким видом Бычков удит рыбу: с мрачным или нет. Но он всегда видел только его сутулую спину.

Дед много не читал, это точно. Четыре класса церковно-приходской школы. Что не помешало ему быть шпионом английской разведки. Раскрыл деда Линьков вместе с целой сетью агентов, которые орудовали в районе в начале 30-х годов. Бычков был тоже шпионом, но в составе другой группы. Линьков и его разоблачил: он всегда был на руководящей партийной работе и боролся с несознательным элементом. Дед же, по заданию Англии, открыто заявлял, что «в колхозе люди выведенного яйца не увидят».

Про то, как дед получил десять лет и строил Беломорканал, Славке рассказывал отец. Сам дед, отвечая на Славкины расспросы, сказал, что как только его привезли в лагерь, он увидел конец света: попы в рясах, запряженные вместо лошадей в телегу, везли бочки с водой.

Деду в лагере здорово повезло. Поначалу его назначили подрывником: его опускали с обрыва на веревке, он закладывал взрывчатку и поджигал бикфордов шнур. После чего его быстро вытаскивали наверх. Точнее, должны были вытаскивать. Дед сразу понял, что долго так не протянет. Тут пригодилось его умение чинить сапоги, и он стал сапожником. Скоро

выяснилось, что и это занятие в лагере небезопасно: заходил блатной, бросал деду пару сапог и говорил: «Будешь чинить два дня». Не сделаешь, как сказали – накажут ээки, сделаешь – накажет начальство.

Выручила Ленинградская ветеринарная академия. Её профессорско-преподавательский состав тоже прислали на Беломорканал на перевоспитание. Профессора как-то обратили внимание на деревенского Филю, который умело управлялся с лошадьми, и взяли его в помощники. После того, как Беломорканал был построен, деда отпустили домой. На свободу он вышел высококвалифицированным ветеринаром, которым он проработал всю жизнь. Правда, пришлось сдать экзамены экстерном. «Шестнадцать дисциплин, – любил хвастаться дед, – шестнадцать! Все сдал на хорошо и отлично!» Даже латыни учили его добросовестные профессора. «Вот, Славка, как будет по латыни «вода»? – спрашивал он.

- Аква.
- Верно. А что значит «Nota bene»?
- Обрати внимание.
- Молодец, латынь знаешь.
- Так ты же сто раз это спрашивал.
- Ничего, *usus magister ist optimus*⁵.

На этом экзамен по латыни заканчивался.

От съеденного сала и жары Славку сморило. Он лёг на разостланной в тени плащ-палатке и закрыл глаза. Сквозь дрему он продолжал слышать гнусавый голос Линькова:

– А что Генка – так все в старлеях⁶ ходит? Ему ж главное – на охоту ходить и рыбу ловить.

Ответы почти не слышны.

– А Катька его – ну, толста! Что бочонок! Как Генка с ней управляется? Её и не обхватишь!

Через траву Славка посмотрел на догорающий костёр. Над ним качался воздух. Так он, должно быть, качается в знойной саванне, где пасутся гну, газели Томпсона, антилопы Ньяла, зебры, а совсем рядом лежат или даже ходят между ними вялые львицы. И ни одно копытное животное и не думает даже отбежать в сторону, чтобы обезопасить себя от хищников. Они продолжают жевать траву под надзором ленивых львиных глаз. И уж говорить не приходится о том, чтобы они направили свои острые рога на наглых хищниц и хотя бы попытались их отогнать.

Вот дед и Бычков – две старые газели, сидят себе смирно, жуют и слушают гнусавого Линькова, который посадил их на 10 лет ни за что, ни про что. И боятся, как бы снова не посадил: потому как – кто его знает? Вот дед как рюмку водки за ужином выпьет, так

5 Опыт – лучший учитель (лат.)

6 Старший лейтенант

обязательно скажет: «Крепка советская власть!», хотя его из посторонних никто не слышит.

Наверное, законы дикой природы действуют и для человека. Брем пишет, что охота днём для льва всегда является исключением из общего правила. Копытные достаточно быстры, чтобы спастись ото льва бегством. Поэтому обыкновенно лев ожидает сумерек и только с наступлением их выходит на охоту.

Деда арестовывали тоже ночью. Бабушку с тремя детьми выгнали на мороз. Имуущество конфисковали, из дома сделали районное отделение милиции.

Линькову, правда, гораздо легче, чем льву. Его добыча никуда не денется, и он – сытый и довольный – лениво играет с ней, как кошка с полуживой мышью.

Славка стал вспоминать, что он читал у Брема. Брем много пишет о знаменитом охотнике и натуралисте по имени Фредерик Селус, для которого не было ни одного животного в Африке, которого бы он не любил и не убил. Как в песне «У попа была собака, он её любил, она съела кусок мяса, он её убил». Вот этот Селус рассказывал, что – как там в «Жизни животных»?

Славка помнил этот кусок наизусть. Собственно, как и многие другие. «Лев нападает на животных весьма различно. Я видел лошадь, молодого слона и двух антилоп, умерщвлённых укусом в горло, но, с другой стороны, я видел лошадь и несколько зебров убитых укусами в затылок. Я предполагаю, что с буйволами он справляется иногда путём вывиха шейных позвонков; для этого он вспрыгивает животному на плечо, хватается морду лапою и производит крутой поворот затылка. Я видал и убивал массу буйволов, которые благополучно спасались от его когтей, но у которых были страшно закусаны плечи и затылок».

Внезапно Славку разобрала злость: спасаются же буйволы ото львов, даже раненые! Ещё и обороняться умеют!

А что, если сейчас встать, схватить линьковскую морду лапою и произвести крутой поворот затылка? Не, лучше взять косу и – как бы случайно – вот, споткнулся о кочку – пяточку не прижал – чикнуть Линькова по горлу? Да и делу конец. Малолетнему много не дадут. Вот Хадя⁷ – самый козырный на Боссе⁸ – застрелил в посадке⁹ чувака из берданки, через пару лет вышел из колонии, сейчас король.

Королем Славке становиться не обязательно. Может, и срок не дадут, все же несчастный случай...

Возвращались вечером. Славка лежал на копне сена, привязанной веревкой к телеге, и смотрел на удаляющийся лес, за который заходило красное солнце.

7 Блатная кличка

8 Район на окраине Донецка

9 Искусственный лес (диалект.)

Лес казался ему могучим, заповедным и похожим на те леса, про которые он читал у Арсеньева, Бианки и Фенимора Купера.

Впрочем, живности в нем осталось с гулькин нос. Приходилось довольствоваться книгами и рассказами старожилов: вот мать рассказывала, как в детстве в малиннике она с подругами набрела на медведя; или бабушка вспоминала волка, который после войны подошёл прямо к бане; или дед по просьбе Славки в сотый раз пересказывал, как зимой волки гнались за его санями, когда он возвращался с работы из дальней деревни, и хорошо, что конь был молодой и резвый...

Славка с досадой думал о родных брянских лесах, где ни медведя, ни лося, ни бобра, и даже рябчика уже не встретишь. К своему сожалению, он должен был признаться, что немалую роль в этом опустошении сыграл кумир всего его детства – дядя Геня.

Дядю Геню (именно так в семье произносили его имя) Славка боготворил. Дядя Геня был на все руки мастер. Он мог починить все: радиоприёмник, мотоцикл, часы как стенные, так и наручные, швейную машинку. Построить баню и пристройку, наладить орошение на огороде при помощи ручного насоса, который качал воду из колодца (вернее, качал Славка: считалось, что это для него была хорошая зарядка). Из механической картофелечистки (которая все равно не годилась, так как требовала картофелин одинакового размера – такие в этих краях не росли) сделать отличную маслобойку.

И все дядя Геня делал ладно, аккуратно. На его самодельные снасти – донки, жерлицы¹⁰, удочки – было любо-дорого посмотреть. Приятно было наблюдать и за тем, как он готовился к охоте: как аптекарь, приготавливающий лекарства, он мерным стаканчиком, сделанным из пустого патрона, отмерял нужное количество пороха и дроби и набивал патроны. Порох у него был дымный и бездымный, дробь разного размера – на определенную птицу и зверя.

Когда он выходил утром к мотоциклу, чтобы ехать на охоту, Славка не мог смотреть без восхищения: все было на стройном и подтянутом дяде Гене пригнано и аккуратно: одежда – пусть сильно ношенная, но починенная, патронташ, тоже старенький и местами тщательно заштопанный, ремень с охотничьим ножом, вычищенное до блеска немецкое ружьё 12-го калибра «Зауэр три кольца».

Если Славка засыпал до возвращения дяди с охоты, его обязательно – по его же требованию – будили, чтобы посмотреть на трофеи: чирков, крикв, бекасов или тетеревов. Славка долго их рассматривал. Вместе с другими он восклицал: «Ух ты!», но в душе ему было жалко птиц, особенно изящных и хрупких

длинноклювых вальдшнепов и краснобровых косачей...

На следующий день – воскресенье – на покосы не поехали: руководство колхоза проводило важное мероприятие – открытие памятника в память о расстрелянных немцами жителей соседней деревни Буда.

Рассказывали, что расстреляли 80 человек и свалили в одну большую могилу. Славку председатель сельсовета попросил быть на мероприятии фотографом, чтобы потом можно было сделать стенд с фотографиями.

Славка оделся красиво: поверх цветастой рубашки он надел сшитый по индивидуальному заказу (матерью) черный вельветовый жилет на молнии с длинными полами и большими накладными карманами на боках. Осмотрев себя в зеркале, Славка остался очень доволен: он выглядел прямо как участник польского ВИА «Скальды¹¹».

Дед тоже был одет в праздничное: на нем были выходные галифе, гимнастерка, перевязанная ремнём, и хромовые сапоги. «Скальды бы сразу в плен сдались», – подумал Славка.

Народ собрался на будянском кладбище. Пришли родичи расстрелянных и много людей из соседних деревень. Вначале было торжественное открытие памятника – пирамидки с красной звездой: выступили партийные и колхозные руководители, говорили, как обычно, о партизанах и их командирах (тут обязательно упоминался Линьков), об эсэсовцах-карателях и героических будянцах. Бабы вытирали платками слезы. Под конец торжественной части выпустили очевидца – сухенького мужичка, чтобы он рассказал, как дело было. Мужичок сильно заикался, и никак не мог начать свой рассказ. «Н-н-н, – только и выдавливал он из себя. – Н-н-н...» «Да давай, Коля, рожай уже, пора и помянуть!» – раздавались нетерпеливые голоса. Коля махнул рукой – то ли на односельчан, то ли на своё упрямое «Н» – и решил начать как-нибудь по-иному. «К-к-к», – произнес он, но дальше дело никак не сдвинулось. «Не, Коля, не выходит, давай уже не начинай, давай заканчивай, – выкрикнули из толпы. Коля перевел дух. «Н-н-н», – решил он вернуться к первоначальному варианту. Кто-то из односельчан застонал. «Н-н-насрал к-к-кто-то на немецкое кладбище, – прорвало вдруг Колю. – Оно рядом с нашим было, несколько могил с крестами с касками. Ну, и немцы собрали всех, кто жил рядом с кладбищем, и расстреляли».

Настала мертвая тишина. Все, конечно, знали эту историю, но чтобы так своими словами при начальстве... Дальше Коля говорил почти без запинки: про то, как по нему не попали немцы, и он упал в яму, а

¹¹ Польский вокально-инструментальный ансамбль «Skaldowie»

АЛЁШКА

сверху попадали на него мертвые люди. Как он лежал в яме до вечера и только с темнотой выполз наружу. Его, однако, уже не слушали: все повернулись к начальству, которое угрюмо смотрело на Колю.

Накалившуюся атмосферу разрядили бабы, которые под конец Колиного рассказа завыли.

Все это Славка старательно фотографировал на отцовский «Зоркий» с выдвигаемым объективом, предварительно выставив по экспонометру выдержку и диафрагму.

После торжественной части люди разошлись по могилам родичей и расставили принесенную еду и выпивку. Каждый приглашал деда к своей могиле: его знали и уважали все, так как будучи ветеринаром, он обслуживал 13 деревень, входивших в колхоз «Заветы Ильича».

Угощали и Славку и просили и их сфотографировать. Дед со Славкой подсаживались то к одной, то другой компании, выпивали, закусывали и разговаривали. «Вот здесь самогонку не пей, – только и успевал предупреждать дед, – её из сахара гонят, пей только хлебную».

Но и хлебной вполне хватило.

Три километра, которые нужно было пройти обратно по дороге через ржаное поле, преодолевались гораздо медленнее, чем утром. Первым в поле упал Славка. Дед остановился, посмотрел на упавшего внука и тоже лёг. Славка перевернулся на спину и стал рассматривать нависшие над его лицом васильки.

Отдохнув, они продолжили путь, но чем ближе подходили к дому, тем чаще дед останавливался – чтобы перевести дыхание, опершись на чью-нибудь горожу¹² или поговорить с тем, кого встречал на пути.

Увидев Славку, который рукавом цветастой рубашки пытался счистить налипшую глину с жилета участника ВИА «Скальды», мать и бабушка все поняли и без лишних слов отправили его на сеновал. Славка покорно побрел к сараю, слыша за спиной гневные крики, обращённые к деду.

Когда Славка проснулся, уже вечерело. Сено было мягкое и душистое. Через открытую дверь сарая была видна старая липа. На ветке – всего в паре метров – сидела иволга. «Ничего себе, – подумал Славка, – вот это удача – так близко увидеть иволгу. Не зря все-таки хлебную пил».

От бани под горкой потянуло дымком и послышался дедов ворчливый голос: «Тыщ твою мать! Разорались бабы: споил малого, споил малого! Тыщ твою мать!»

«Наиболее распространён карась обыкновенный (*Carassius Carassius*); весьма близок к нему серебряный карась (*Carassius Gibelio*)... Красивая окраска тела прославила один из видов карасей, который называется золотой рыбкой (*Carassius Auratus*), длиной 25-30, даже 40 см. Рыба эта очень обыкновенная в водах Японии и Китая, ярко-красного цвета с золотистым отливом».

«Вполне возможно, что именно такие золотые караси водились когда-то в бучиле», – подумал Алёшка.

Он открыл книгу на следующей закладке и прочитал: «Вьюны (*misgurnus*). Тело их очень длинное, почти змеевидное, покрыто слизистой кожей с очень мелкими чешуйками; небольшой рот окружён усиками и сосательными бородавочками... При нужде... могут дышать своими жабрами и на воздухе. Вьюн, заглатывая воздух, издаёт тихий писк – за это его зовут «пискуном». Если вода высохнет, то он может, зарывшись в ил, в таком состоянии пробыть несколько месяцев. Летом свиньи, которые пасутся на болотах, часто выкапывают таких вьюнов и поедают их».

Алешка горестно вздохнул. Этих рыб в бучиле больше не водилось. Когда-то давно, ещё когда был колхоз «Заветы Ильича», руководству зачем-то понадобилось соединить бучило с соседним озером. Озерные щуки и окуни тут же набросились на золотых карасей и вьюнов и сожрали их. Из старожилов остались жирики и сепельдявки. Исчезли также кувшинки и лилии.

«Уникальная экосистема погибла за несколько месяцев», – подумал Алёшка. Он захлопнул книгу и поднял голову. Черным стеклянным глазом на него косилась рогатая голова оленя, убитого где-то в предгорьях Алтая. Рядом с ней высывалась из стены оскаленная пасть волка. Дядя Геня, о котором Алешке рассказывал отец, застрелил его недалёко от деревни и, когда отрезал ему голову, поранил руку о волчий зуб. После чего ему пришлось делать большое количество уколов в живот от бешенства.

Дядя Геня был великий охотник и умелец. Помимо голов млекопитающих, в комнате на полочках, этажерках и подоконниках были расставлены пернатые трофеи: тетерев, сова, коршун и даже чибис.

«Чибисы здесь тоже исчезли вместе с водно-болотистыми угодьями», – вновь употребил ученые слова Алёшка и вспомнил, как отец рассказывал о том, как в колхозе, выполняя решения партии, осушали болото и вместо него сажали кузику¹³. «Вот можно сказать, что кузика съела чибисов».

Впрочем, кузика так и не прижилась.

12 Горожа – ограда, забор (диалект.)

13 Кузика – кормовая свёкла

«Лёш, хватит тебе читать – глаза портить, – послышался из кухни голос отца, – поехал бы на велике покатался, чего сидеть сиднем».

«Не сидеть сиднем, а лежать лёжнем», – мысленно возразил Алёшка и встал с дивана.

День был жаркий, и Алёшка решил съездить искупаться в лесном озере. Проселочная дорога была сухой, и ехать было легко. Алёшка успевал по ходу рассмотреть щеглов на проводах и овсянок в придорожных кустах.

«Что на них смотреть, на этих овсянок, – усмехнулся Алёшка, – это ж овсянки обыкновенные, их здесь как грязи. Пусть на них вон тот сорокопут смотрит».

Но сорокопут сидел неподвижно на проводе и даже не поворачивал голову в сторону овсянок. Возможно, он уже переваривал одну из них.

В первой перед лесом деревне, которая называлась 1-я Болотня, ещё оставалось два дома с людьми. В одном жила старушка, второй купили люди из Брянска и приезжали сюда, как на дачу. Все остальные дома были брошены, некоторые были уже с проваленными крышами и утопали в буйно разросшемся малиннике. В лес по малину можно было уже не ходить, стоило только в один из садов сходить набрать, сколько хочешь.

Но Алёшка в 1-й Болотне никогда не задерживался: эта деревня, брошенная людьми, напоминала ему сны, в которых он ходит по улицам и не может найти ни одного человека, и ему страшно.

И совсем не по себе становилось Алёшке от блестящего новенького телефона-автомата, установленного при въезде. Такая же красивая будка стояла и во 2-й Болотне, в которой уже никто не жил. Алёшку подмывало позвонить с этого телефона какому-нибудь начальству и сказать, что здесь никого больше нет и список Болотень можно сократить.

Озеро было небольшое и прозрачное. Перед ним был луг, за озером сразу продолжался лес. Алёшка скинул с себя всю одежду и вбежал в воду. Зеленые водоросли покрывали дно, над которым были хорошо видны рыбы стайки. Удивительно, но в отличие от остальных местных водоемов, это озеро никогда не цвело и казалось Алёшке огромным аквариумом.

Греться на солнце Алёшка любил на большом камне, который каким-то образом оказался на берегу. Алёшкина тетка говорила, что земля здесь выталкивает камни из себя наружу. Сам же Алёшка считал, что это кусок метеорита, который свалился с неба в незапамятные времена. В любом случае, камней такой величины в округе больше не было.

Обогревшись, Алёшка засобирался уже обратно, когда услышал шум мотора. Вернее, двух

моторов: оставляя за собой шлейф густой пыли, к озеру подъехали два одинаковых джипа «Патриот».

Алёшка знал, кто выйдет из машин: братья-близнецы Линьковы, которых все звали сокращённо Линьки.

Резко затормозив у самой кромки воды, Линьки одновременно открыли дверцы и одновременно вышли. Отличить их друг от друга было невозможно. Одинакового роста, одинакового – тяжелого – телосложения, с одинаковыми черными курчавыми чубами, закрывающими низкие лбы, Линьки и одеты были одинаково – в пятнистую камуфляжную форму и берцы.

Алёшка почувал недоброе, когда Линьки решительно зашагали по направлению к камню.

«Эй, малый, крикнул один из них, – ты чего тут делаешь?»

«Ничего, – сказал Алёшка, на всякий случай забираясь повыше, – купаюсь».

«Так, значит, чтоб больше тебя здесь не было, – продолжал Линек, – это озеро теперь частное, мы его зарыбливать будем. Понял?»

«А документы у вас есть?» – спросил Алёшка и сразу пожалел, что спросил, потому что в ответ кричать стали уже оба Линька.

Разобрать все, что они кричали, было трудно, но главную их мысль Алёшка понял: что если он, блядь, больно умный на хуй, и если он, блядь, будет много пиздеть, то они у него лисапет заберут и жопу надерут. Блядь на хуй... Отъезжая от озера, Алёшка успел услышать: «Вот тут-то вот беседку поставим со столиком»...

Он мрачно крутил педали, не оглядываясь больше по сторонам. С Линьками шутки плохи, говорят, они вообще – местные олигархи, или, как говорит соседка Светка, – аллигаторы.

Вот если бы сейчас вышли из лесу дикие кабаны и напали бы на Линьков прежде, чем они успеют вытащить карабины из своих «Патриотов»! Брем пишет, что нападая на человека, вепрь с невероятной скоростью настигает его и клыками наносит сильные и опасные удары. Линькам придется броситься на землю, так как в драке кабан может наносить удары только вверх, а не вниз. Но тогда найдётся веприца, которая ещё опаснее кабана, так как останавливается над предметом своей ярости, топчет его ногами и кусает, отрывая целые куски мяса.

«Кусает, отрывая целые куски мяса», – с удовольствием повторил Алёшка.

Учинив эту кровавую расправу над Линьками, Алёшка успокоился и вернулся к любимому занятию – рассматриванию окрестностей.

Переезжая через речку, он обратил внимание на следы жизнедеятельности бобров – поваленные ракиты,

кроны которых свисали над самой водой. Раньше бобров вообще здесь не было, а сейчас развелись в больших количествах. Как это охотники просмотрели? Хотя работа уже ведётся, и Алёшка знал одного мужика в райцентре, который съел 20 бобров. Тут он снова вспомнил Линьков и фотографию, на которую набрел в Одноклассниках: на ней Линьки стояли с ружьями в маскировочных костюмах, а перед ними целая поляна была укрыта тушками убитых зайцев.

«Ну, ничего, – успокаивал себя Алёшка, – авось зайцы быстрее размножаются, чем Линьки, и ещё победят. А, может, у нас сделают такой же заповедник, как «Брянский лес», и охота будет запрещена, восстановится популяция медведей, лосей, кабанов, биологи будут устанавливать фотоловушки, чтобы фотографировать животных и вести их учёт»...

Алёшка представил себе, как станет биологом и будет жить в сибирской тайге, изучая поведение и повадки диких животных. То есть он будет специалистом в области этологии. Жить он будет в избушке, где будет все необходимое: компьютер с мобильным интернетом, рация, фоторужье, фотоловушки, голландская печь, охотничье ружье – на случай, если закончится провизия. Также будут рыболовецкие снасти, надувная резиновая лодка, с мотором, конечно, всякий хозяйственный инвентарь. Что ещё? Да, изба будет стоять не в гуще леса, а на лугу, с которого можно будет взлетать на паралёте для ведения наблюдений с воздуха в хорошую погоду. Паралёт – аппарат довольно надёжный, может неплохо летать и с выключенным мотором.

На землю размечтавшегося Алёшку вернул голос отца.

– Лёш, ты новость слышал?

– Какую ещё новость? – проворчал недовольно Алёшка, который был вынужден прервать аэронаблюдения.

– Бучило будут опять отгораживать от озера.

– Как это?

– Ну, землю насыпать будут, перешеек сделают, как раньше было.

– Зачем – карасей будут разводить?

– Да нет, в бучиле, говорят в войну немецкий танк утонул, вот хотят вытащить. Думают, можно продать его дорого. А отгораживают для того, чтобы воду можно было выкачать.

– А кто искать будет?

– Да у кого деньги есть – тот и будет. Это ж техника нужна... А ты чего так побледнел?

– Ничего, душно просто.

Алёшка выбежал в сад. Ему и вправду стало душно.

Наутро Алёшка первым делом устремился к бучилу. Работы по восстановлению перешейка шли уже полным ходом: туда-сюда ездил бульдозер, нагребавший землю между озером и бучилом. Руководили процессом, по-видимому, Линьки, стоявшие на обочине у своих «Патриотов». «А белый лебедь на пруду качает павшую звезду», – пел «Лесоповал» из окон одного из внедорожников.

Линьки стояли неподвижно, вперив взоры в воды бучила. Лица их были серьёзны и одухотворены: казалось, они уже видят тщетно пытающийся спрятаться немецко-фашистский танк и деньги, которые они за него получают.

Через два дня перешеек был построен, два водоема были разделены. Машина, пригнанная Линьками, принялась перекачивать воду из бучила в озеро. Дело шло споро. Линьки внимательно наблюдали за работой, время от времени отхлебывая из фляжки и угощаясь закуской, разложенной на капоте. На берегу толпились сбежавшие со всей округи люди с ведрами, тазами, мешками и целлофановыми кульками. Вскоре бучило обмелело настолько, что рыб можно было хватать руками. Люди кинулись в кишашую живностью гигантскую лужу, образовавшуюся на месте бучила. Стоя по колено в воде, они вылавливали рыб и бросали в принесённые ёмкости. Алёшка в воду не полез, но наблюдал за происходящим с таким же интересом, как и Линьки. Ничего неожиданного он не увидел: был обычный набор карпов, линей, плотвы и окуней. Поражало само количество рыб, прыгающих и извивающихся в грязном месиве. Некоторые особи удивляли своим размером, особенно лини. По-видимому, им здесь жилось очень хорошо.

Алёшка, однако, не любил линей и никогда не брал их на рыбалке.

Рыбу расхватали быстро, оставив в грязи только сепельдявок. Люди уходили домой довольные. Только лица Линьков выражали большое неудовольствие: становилось ясно, что окончательно бучило сдаваться не собирается. Сколько бы руководимые Линьками работники ни откачивали воду, дно бучила не обнажалось: насос не поспевал за родниками. Линьки стали кому-то звонить по мобиле.

Народ почти разошёлся, остались несколько алкашей и дети. Продолжал наблюдение с командной высоты – сельсоветской горки (так назывался холм над бучилом, на котором когда-то стоял сельсовет) и Алёшка...

Прошло около часа.

Насос продолжал качать. С дороги послышался нарастающий грохот: к бучилу ехал гусеничный бульдозер. Очевидно, Линьки решили убрать верхний слой ила.

Бульдозер утонул почти мгновенно. Не успев въехать в бучило, он сразу же увяз в грязи и погружался в неё до тех пор, пока из виду полностью не исчезли гусеницы. Водитель дал задний ход, но было уже поздно. Когда вода подобралась к кабине, мотор заглох.

На этом погружение прекратилось. Линьки поначалу кричали на водителя, который только пожимал плечами, потом стали ругаться друг с другом.

Беда, как известно, не приходит одна. В этот критический момент работающий на пределе насос не придумал ничего лучшего, как перестать работать. Бучило стало быстро наполняться водой и поглощать бульдозер.

«Когда-нибудь, через много лет, люди будут искать в бучиле бульдозер, который к тому времени станет музейной ценностью и будет стоить много денег», – подумал Алёшка и направился домой.

Придя на бучило на следующее утро, Алёшка увидел, что искать бульдозер через сто лет будет несложно: из воды торчал верх кабины и труба. На берегу никого не было. Насос тоже увезли, возможно, на починку.

Вздохнув с облегчением, Алёшка было направился домой, когда увидел празднично одетых людей, идущих к недавно построенной церкви. Среди них была и соседка Светка, которую Алёшка спросил, что сегодня за праздник.

«Та не, не праздник, это крестный ход как бы», – не совсем уверенно ответила Светка.

– А куда ходить надо?

– Та не ходить, повезут на автобусе в березник, там администрация и батюшка будут камень святить.

– Какой камень?

– Та камень какой-то нашли огромный и перевезли в березник, там его святить будут.

– А зачем?

– Не знаю, зачем. Сам поезжай, там и узнаешь. Давай быстрее, а то автобус уйдёт.

– Та не, я на велике.

Камень Алёшка узнал издали. Вокруг него толпились люди и время от времени крестились. Внутри круга стояли представители районной и сельской администрации и батюшка, который маленьким веником окроплял Алёшкин камень с прикрепленной уже табличкой. Батюшка что-то однозвучно гнусавил. Разобрать можно было только фамилию известного всем в деревне человека и слова о великой победе и геройской гибели.

Алёшка протиснулся сквозь толпу и, поднявшись на цыпочки, постарался разглядеть табличку. Золотыми буквами на ней было написано: «В память о деревне Красный Боевик, в которой родился и жил Герой Советского Союза»... Больше Алёшка разглядеть

из-за голов собравшихся не смог. Но и так было все понятно.

«Да, теперь на нем не позагораешь», – недовольно думал Алёшка и сразу же устыдился своих мыслей, которыми он, пусть и нехотя, но как бы замарал Великую Победу.

Алёшка решил об этом больше не думать. Но все же успел задаться вопросом, в честь чего все-таки возложен камень: деревни, в которой родился и рос человек, или человека? Было непонятно.

Не прошло и недели, как поисковые работы на бучиле возобновились. На этот раз люди приехали более серьезные, из самого Брянска. Утро было хмурым и ветреным, но народу на берегу и дороге собралось порядочно: день был воскресный. Серьезных людей из Брянска было двое. Они стояли на обочине, опершись на «Гелендваген», и наблюдали за работой машины, откачивавшей воду. Линьки держались чуть поодаль рядом со своими «Патриотами». Они стояли неподвижно, вперившись злыми глазами в шланг, погруженный в бучило, и только их густые чёрные чубы покачивались на ветру.

Линьки понимали, что их карта бита. Помимо насоса и трактора «Беларусь», брянцы привезли водолаза. В нем все сразу признали Витьку Червяка из райцентра, который в армии служил подводником. Он должен был обследовать лужи, из которых воду откачать было невозможно.

Снаряжение и скафандр, которые были выданы Червяку, были больше похожи на музейный экспонат, не уступавший по возрасту искомому танку. Такие Алёшка видел только в старом советском фильме «Человек-амфибия» в сцене поимки Ихтиандра. В тяжеловесном железном скафандре с маленьким окошком Червяк выглядел как злой пришелец с примитивной планеты.

Полного погружения Червяк добиться не смог: на поверхности постоянно торчала то его задняя часть, то скафандр. Но судя по времени, которое он уделял обследованию каждой лужи, работал он добросовестно. Насмотревшись на Витькин зад, народ начал расходиться.

Как раз в этот момент Червяк вынырнул из лужи и замахал руками. «Трос, трос давай!» – закричали брянцы. Помощники стали разматывать трос, прикрепленный к трактору с крюком на конце. Трос подволокли к Червяку, который вновь погрузился в воду, чтобы подцепить крюком находку.

Через несколько секунд Червяк подал знак, что можно тянуть. «Беларусь» потянул. По тросу было понятно, что что-то таки тащится. Все замерли в ожидании.

Однако предмет, вытасченный на берег, особого

восторга не вызвал. находка оказалась круглой железной толстой крышкой диаметром около полуметра с ручкой посередине, за которую Червяк и подцепил трос. На танковый люк крышка совсем не походила. Закрывать она могла все, что угодно, кроме танка. Лица Линьков засветились нескрываемым злорадством.

Помощники очистили крышку от ила. «Немецкая!» – крикнул один из них, тыкая пальцем в иностранные буквы. «Ну-ка, чё там написано?» – брянцы отстранили сгрудившихся у крышки людей, сели над ней на корточки и стали внимательно рассматривать буквы.

«Танк тут точно не написано», – раздался чей-то голос. Сказавшего это человека один из брянцев сразу назвал дегенератом, потому как танк по-немецки вовсе не танк, а панцер. На этом знание немецкого языка, однако, заканчивалось. Благо, за переводчиком далеко идти не пришлось. Мимо по дороге шёл Филиппыч – Алешкин дед, который подростком жил в деревне в оккупацию. Он обычно прогуливался в это время, опираясь на две тонкие палки, похожие на лыжные. Он так ходил уже много лет подряд – от дома вдоль бучила, потом вдоль озера и обратно. Поначалу вид его был односельчанам в диковинку, но с годами превратился в привычную черту местного пейзажа.

«Feldküche, – прочитал Филиппыч и перевел, – «полевая кухня». И тут же вспомнил, что действительно, когда немецкие части шли через деревню, какая-то повозка с лошадьми (лошади были ломовые, очень хорошие), съехала в кювет, застряла в бучиле, и немцы её бросили. Возможно, это и была вот эта полевая кухня, а так шут его знает...

С ненавистью смотрели брянцы на старожилу. Казалось, что они готовы прихлопнуть ни в чем неповинного дедушку этой самой злополучной крышкой. Не дослушав воспоминания о двухлетней немецкой оккупации, они забросили крышку в багажник «Гелендвагена» и, дав отмашку кончать работы, удалились с большим нарушением скоростного режима в направлении шоссе Смоленск – Брянск.

Продолживший свой путь Филиппыч отошёл на обочину – от греха подальше – чтобы пропустить немецкую машину. «Хороша техника», – подумал он и уже было собрался возвращаться на дорогу, как мимо пронеслись два «Патриота».

«Тыщ твою мать, – с усмешкой вспомнил Филиппыч единственное ругательство своего отца, – и зачем было вешать знак «40 км», когда здесь ездят со скоростью 140? Ещё одно расхождение между словом и делом.

Хотя им плевать. Кто был ничем – тот станет всем. Уже давно стал и всегда будет. А мы их боимся и жмёмся на обочине».

Филиппыч вздохнул и вспомнил отца, который после лагерей так никогда и не избавился от страха. «Тыщ твою мать, начто вы яблонку¹⁴ посадили? Зачем? Теперь у нас больше будет, чем у соседей!» И когда приезжало начальство из района и стояло в белых тулупах, куря папиросы, на сельсоветской горке, Филя спешил к нему мелкими шажками, чтобы пригласить в дом и угостить.

Линьков то и дело плевал прямо на пол и растирал плевки сапогом. А отец все подливал и покрикивал на мать, чтоб та была порасторопней.

«Но все это прекратилось самым неожиданным образом. Я только привёз в деревню мою Леду после нашей свадьбы, и она увидела этих людей и Линькова, плюющего на пол и растирающего плевки сапогом. И она их выгнала. И сказала Линькову плевать в своей собственной хате, если ему это нравится. И они ушли и больше не приходили. А отец так ругался, так кричал. Боялся. Но они больше не приходили. Время было уже другое.

Хотя нет, время здесь всегда одно и то же. И они никуда не уходили. Почему мне кажется, что я помню, как они пришли к нам в дом на хуторе? Мне было всего 3 с половиной, Гене полтора, Вечу¹⁵ шесть. Может, Вечик мне рассказывал? Но я хорошо помню громкий стук в дверь, мат и 8 пар сапог. Бледные лица родителей в свете керосиновой лампы. Все перевернули вверх дном. Требовали отдать револьвер (как узнали?). Мать сумела вытащить его из-под матраса и выбросить в форточку в сугроб. Прямо как у Булгакова. То, что забрали, я, конечно, не помню, знаю только теперь по копии ордера и описи. Ордер выписали, особо не заморачиваясь: кем выдан – не разборчиво. Спешили очень, видать. Написали: «Независимо от результатов обыска гр. Новикова Филиппа Кореви задержать. Это, значит, Кирилловича. Задержали независимо от отчества.

Дом с сеньями оценили дороже всего – 300 рублей. На втором месте была «лошадь племен» – 200. Потом шли корова, пчелы, свиньи, овцы. А 26 курей и часы настенные оценили одинаково – по 30 рублей.

Я этого добра, конечно, не помню. 8 десятин пашни, 2 луга, водяная мельница. Вот Славка спрашивал: «Что это такое – «железный ход – хура¹⁶ – 40 руб.». Высокие технологии, что ещё.

Что было бы, если бы мать – как моя Леда – тогда сказала бы им: «А ну, вон отсюда пошли!» Может, они бы смутились и ушли? Да... Или если бы отец всех этих четверых из револьвера положил? Все-таки воевал в Красной Армии. Да... Одежду на нас оставили

14 Яблонька (диалект.)

15 Сокращённо от «Вячеслав»

16 Подвода

и – на улицу, на мороз, а отца забрали.

Да... Раньше они все у людей забирали, а теперь – из земли, все, что ещё осталось. Из бучила вот хотят что-то вытащить.

А что там Славка все на горке сидит? Не, не Славка, конечно, Алёшка. Сильно похожи, хоть один рыжий, другой русский. Ну, и зрение у меня не того.

А ведь все началось со слова. В начале было слово. Слово о яйце. Ab ovo¹⁷. Может, в шутку отец ляпнул: «В колхозе яйца выеденного не увидим?» Шутка не удалась, но как в воду смотрел. Прошли десятилетия колхозного строительства, а птицеферм или вообще не было, или были, но яиц получать не удавалось. Цыплята, как правило, массово сдыхали. Уцелевшие куры сами поедали яйца: не успеет несушка слететь с гнезда, как вторая, терпеливо ждущая этого момента, съедает яйцо. И приходилось промкооперации закупать яйца для города у населения.

А вторая шутка на ту же тему вполне удалась, и даже 22 года после смерти отца мне пересказывал её в очередной раз нестарый житель – будто он был свидетелем!

Отец, как рассказывают, как-то пришёл в сельпо и сказал продавщице: «Вер, дай-ка мне вон тые носки!» А та его предупредила: «Кириллович, они только на яйца!» А он: «Да нет, Вер, мне на ноги!»

Ab ovo.

Филиппыч ещё раз вздохнул и повернул обратно к дому.

Алёшка проснулся в отличном расположении духа. Солнце шпарило уже всюю, хотя ещё не было и шести. Наскоро выпив стакан парного молока, Алёшка поспешил к бучилу. Настроение было таким хорошим, что хотелось бежать вприпрыжку, как в спектакле, который поставили на английском языке в его городской спецшколе, и распевать в такт бегу: «We're off to see the wizard, the wonderful wizard of Oz!»¹⁸

Соединять бучило с озером больше не стали. Возможно, было недосуг, а потом просто забыли. Только бульдозер вытащили. Как в бучиле вновь завелись караси – на этот раз серебряные, то есть обыкновенные – непонятно. Вот ещё вьюнов, правда, не хватало.

Не раздеваясь – то есть не снимая трусов – Алёшка соскользнул с ракиты и погрузился в воду почти по шею. Водомерки зигзагами разбежались в стороны подальше от его загорелого тела. Алёшка потрогал желтые кувшинки – их здесь тоже было полно: они были упругие и гладкие, безо всяких изъянов, словно сделанные из пластмассы.

17 От яйца (лат.)

18 Мы идём к волшебнику, чудесному волшебнику страны Оз!

Прежде чем замутить воду вытаскиванием верши, Алёшка всмотрелся в воду: солнечные лучи уже прорезали её под углом и высвечивали водоросли и плавающих между ними жириков. Этот свет продлится очень недолго, минут пять, не больше, и эта подводная яма, над которой нависал почти горизонтальный толстый ствол старой ракиты, опять исчезнет из вида. Алёшка набрал в себя побольше воздуха и нырнул.

Видна была только кабина. Вернее, её просматриваемый насквозь каркас почти прямоугольной формы. Крылья и нос были, вероятно, занесены многолетним слоем ила. Хвост, возможно, тоже, или же оторвался и упал в другом месте. Но и по одной кабине Алёшка мог высказать предположение, что она принадлежала истребителю "Messerschmidt Bf 109".

Алёшка подплыл поближе к пилоту. Как всегда он крепко держал в руках штурвал и – как обычно – улыбался Алёшке.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Года только красили основателя популярного в городе литературного альманаха – известного поэта, телеведущего, журналиста. У него была красивая седина и красивая аккуратная борода, а фигура сохраняла атлетичность.

«Ну, что тебе сказать, – задумчиво произнёс он, подливая коньяк в рюмки. – Рассказец. Типичный постмодернизм. Ну, все так немножко... задроченно. Ради одной придумки – столько текста... Короче, Лёш, давай лучше выпьем».

Алексей с готовностью выпил. Говорить ему не хотелось. А сказать он мог только одно: что он, в общем-то, никакой не писатель, потому что писатель должен иметь богатое воображение и уметь придумывать. И ему было бы стыдно признаться в том, что и этой «одной придумки» у него на самом деле не было.

Июль 2016 г.

Деревня Поконо Пайнз, Пенсильвания

Александр Милитарев

ПРОЩАНИЕ С КАРМОЙ

Открыть требует открыться,
а память вкрадчива как крот.
Уже назначен час отплытья,
уже не время для острот,

уже отринуты советы,
придушен стропами багаж:
словарь, будильник, пистолеты
и пара ношенных гамаш,

галет сундук, воды канистра
да спирт, начало всех начал,
и надо, не прощаясь, быстро
взойти на брошенный причал,

отдать концы, смотать швартовы,
поднять под днищем якоря,
чтоб вдруг понять, что все готово
и про отбой мечталось зря,

что брошен лот и нет возврата,
и продолженью не бывать,
а если брат пошел на брата,
здесь просто не с кем воевать.

Так, значит, надо отправляться
в совсем неведомый маршрут
и ничему не удивляться –
там будет все не так, как тут.

Так, значит, в путь! А птицу-веру
в то, что вернуться суждено,
под птичье слово утром серым
по сквозняку пустить в окно.

(1960-2002)

ИЗ ЦИКЛА «ФИЛОЛОГИЯ»

Стихи о русской поэзии ушедшего века

*Поэтов русских высота,
полет – стены отвесней,
и тень погнутого креста
над лебединой песней.*

(Из юношеских стихов)

Аське

Стихи – бесстыдное занятие
людей, стыдливых до забав,
кому невместно скинуть платье
при всех, хоть в койке у шалав.

Ах, что судьба! Судьба – индейка,
рифмовок кармовая клеть.
А вот свобода-иудейка
в том, чтоб и стыд преодолеть.

Не со стыда ли брили пейсы
и оба Оси, и Борис?
(Ведь только с геном эритрейца
легко ходить на снежность риз.)

Чего уж говорить о дамах!
В слезах проходят, обе две:
ну как задрать подол до самых...,
как век стоять на голове?

Как доносить стихотворенье
под сердцем, черным от растрав?
Одной – петля, другой – старенье.
О, Боже правый, ты не прав.

Да, об эпохе, жизни, лямке
что говорить? Ну, не свезло.
А что никто не вышел в дамки,
так это было запаadlo.

Вон: агнцем по волчарне рыща,
звеньев опущенных кузнец,
поэтов царь, надменный нищий –
ведь доигрался, наконец.

Другой, запрятавшись беспечно
в природу, в переводы, в тень,
решил: мне жизнь – сестра навечно.
Что он скопил про черный день?

(Лишь самый младший был везучий –
бежал он, ободрав бока.
Но горше нет его созвучий,
и невский лед его строка.)

А в след колес, из-под турусов
влетев, поспел ли, как в кино,
с тураевской шпаргалкой Брюсов
сыграть в кровавом казино?

И сквозь слезу не зрит ли око:
сокрытой камерой заснят,
над неподвижным ликом Блока
болотный венчик бесенят?

А председатель угорелый,
дерзнувший оструктурить бред?
А симулянт безумья белый?
От всех остался красный след.

А долговязый возмутитель?
Все до плеча, всё по плечу:
я – новой жизни возвеститель!
я рифмы бритвою точу!

А визави его кудрявый,
любимец муз, хлыстов и баб,
и *наше всё* догнавший славой?
Как все, он оказался слаб.

Вот если б из под пули выжил
последний рыцарь, дивный враль,
когда б потомком не унижен
да пожил – вот кого бы в рай!

Но формула неотменима:
направо – потеряешь честь,
налево – ум, а прямо – мимо
судьбы, к стихам, что ни прочешь,
ни перевернуть не будет шанса
у интернетова писца.
(И нобелевского венца
в дурном изводе иностранца
не схлопотать, а до конца
рядиться в тельник голодранца).

Поэтому легко поэту –
шпарь, не заботясь о судьбе!
у ней засолены ответы.
Но надо стыд убить в себе.

Мы алчем ласки муз? Не верьте:
мы озабочены лишь тем,
чтоб снять табу еще до смерти
с запретных рифм, с заветных тем.

(2002, Бердянск)

В ФАЙЛ "АЛЬБОМ.doc"

Я десять лет не понимая
тлел не горел
я был слепой а ты немая
и вот прозрел

я думал он с годами высох
в душе тот след
и рифм на адрес хмурых лысых
не пишут нет

глаза мне застил мутный фокус
былых грехов
но катаракту съела окись
твоих стихов

и вот пишу по паутине
из-за морей
и размышляю о причине
зачем еврей
спешу вернуться в край любимый
мною не тобой
с его шальной невыносимой
родной судьбой

зачем ныряю в этот морок
сплав без плота
где жизнь ни в грош покой не дорог
все маета

зачем готов чем ближе к точке
жить за тире
когда весь банк давно на бочке
опять в игре

согреть в горсти и бросить кости
на новый кон
и вновь спешить домой как в гости
допить флакон

я возвращаюсь возвращаюсь
delete печаль
экран тускнеет тьма прощаюсь.
К утру встречай.

(2002, Санта Фе – Альбукерке)

* * *

Вяч. Вс. Иванову — по прочтении его брошюры «Наука о человеке. Введение в современную антропологию» (курс лекций). М., 2004

От постмодернистской отяжки
как бомж от кутюр далеки,
замшелы как наши замашки,
нечитаны наши стихи.
Нам срока отпущено мало —
его не хватает всегда,
и еле видна из подвала
мельчайшая наша звезда.
Порой нам смешна наша вера
в непознанный императив
и в то, что взойдет ноосфера,
вселенную смыслом снабдив.
Но бельма нацеля слепые
и цель без промашки разя,
куражится мать энтропия,
и брать отпускные нельзя.
Не считано, сколько осталось
в жидеющих наших рядах
и сколько придет — эту малость
восполнить в грядущих родах.
Завидуя релятивистам,
заведуя только собой,

мы с тихим отчетливым свистом
ведем свой расчетливый бой,
рассчитанный на неудачу,
заложенный на неуспех.
А славы подкупим на сдачу
с бессмертья.
Там хватит на всех.

(2007, Москва – Бронкс)

СОНЕТ

Моим любимым юным старикам — Зае и Б.Б.

Есть в акте творчества три части,
когда находит стих всерьез:
пролог — жжет душу мысль, вопрос,
страданья опыт или страсти.
Затем ты отдаешься власти
стихии языка. Вразнос
идет сознание: сон, гипноз,
невнятным таинствам причастье?
На третье — правка, ремесло,
безжалостных купюр рутина,
паренью духа столь презренна.
Без них зазубрено тесло,
чревата патиной картина
и все стихотворенье тленно.

(Май 2008, Бронкс)

* * *

Твоим стихам, написанным не рано,
пролившимся как солнце из тумана,
как кровь из вены,
твоим стихам, посеянными в молчании,
расцвеченным палитрой увяданья,
мазками тлена,
твоим стихам, бессильным как моление,
как заговор от боли и забвенья,
я знаю цену.

(2002)

ПРОЩАНИЕ С КАРМОЙ

«Народ — биомасса истории» (И.М.Дьяконов, в разговоре)
«И вы, мундиры голубые...» (М.Ю.Лермонтов)
Памяти Бродского

я расплатился с тобой под расчет за хлеб вино и ученье
за искусство любить (чет) и за науку забвенья
(нечет) в этой степи где гурт исходная единица меры
биомассы живого мяса поживы войны и холеры
ибо смерда жизнь как гондон одна разова и конечна
но в том бонтон что величина и величье державы вечны
прощай волок из варяг ладейных и урок былинных в греки
чай путь долог с малин удельных к голубой царевой опеке
от благоверной царицы Феодоры бляди к Федорину горю
порционному горю христа ради на этом сиром просторе
в этой путине безрыбья бурлящей радостью рабьей
под вечной властью отребья в позе распятыя крабьей
в этом волчьем урочье в этой топи горячей
в этой доле собачьей в этой юдоли сучьей
на этой вдовьей поляне политой спермой
пострелянных здесь по пьяни Великой Стервой
имя которой кошунственно мусолить в соплях патриоту
а пришлецу бесчувственному прокаркать легко до рвоты
съел у нас этот брак как поется лучшие годы
я тебе не друг и не враг бери половину свободы
как знаешь распорядись и оставайся с Богом,
только что не трудись платком махать за порогом
а я сактируюсь с зоны пойду по следам таежным
коридором зеленым пройду по твоим таможням
мне нечего в декларации предъявить чтоб качать права
и кочевой моей нации все это трын-трава
дети да воспоминанья неподотчетный скарб мой
это не расставанье это прощанье с кармой.

(Май-август 2005, Бронкс-Москва)

Книга Александра Милитарева
«Охота за древом. Стихи и переводы»
вышла в издательстве «Ridero» в
2018 году. Адрес на сайте «ЛитРес»:
<http://iknigi.net/avtor-aleksandr-militarev/152687-ohota-zadrevom-stihi-iperevody-aleksandr-militarev/read/page-1.html>

Краткое авторское предисловие

Я давно вышел из того – признаюсь, затянувшегося – возраста, когда сильна иллюзия своими руками и головой заметно изменить к лучшему мир (страну, город, отношения между людьми, et cetera) или, скажем, внести нетленный вклад в науку (культуру, литературу, открытие иноязычной поэзии и т.п.). Omnia transeunt... Предлежащий сборник я составил из груды опубликованных, неопубликованных и начерканных на подвернувшихся поверхностях стихов и переводов почти за шестьдесят лет из своей неожиданно долгой жизни с главной целью: когда сын-подросток и юная внучка, а то и их – мое – потомство войдут в возраст пробуждающегося интереса к своим предкам, к своему древу, для них будет открыта возможность путем заглядывания в эту книгу что-то, не лежащее на поверхности, про данного предка узнать, а, может, и понять. Поэтому, кроме кондиционных стихов и переводов, я и напихал сюда все накопившееся – от юбилейных посвящений и юношеских стишков до вольных переводов и откликов коллег и друзей. Если что-то из написанного покажется еще кому-то интересным, хорошо. Но для меня это не особо важно.

Мартин Мелодьев

ВРЕМЕНА ГОРОДА

* * *

Новоси-б-р-р-ск?» – поморщатся брюзги.
Бесспорно, есть стариннее места.
Есть города, пошедшие с избы,
а этот начал строиться с моста.
Новосибирск! Я старый твой ландскнехт,
я жил на Башне, город сторожил я,
и тополиный пух летел как снег,
и были длинны осени и зимы,
дымы и трубы... Много есть примет,
в Новосибирске, что неизгладимы.

* * *

В этом городе, где истонченные ветви деревьев
смыкаются с трещинами домов панельных,
В городе, где и в воскресное утро
просыпаются сосредоточенно-хмуро,
направляясь на поиски тысячи мелочей;
повинуясь капризам тысячи сволочей –
курят плоские сигареты
и хлебают плиточный чай –
в этом городе я родился, как теперь говорят,
«случАй».

Говорят: «Не суди с изнанки!
город хмур, – говорят, – но мудр!»
В этом городе горожанки, расписные под Хохлому.
В этом городе две гражданки
говорят: «Не велеть ли в санки
дать вот этому и вон тому».

* * *

Медленно меркнет сибирский рассвет,
где ж эта улица, Красный проспект?
Омут забвеньем омыт, как волной:
месяц был... Господи, кажется, май!

Медленно тающий снег на полях,
проблеск зеленой воды в тополях;
припоминающийся с трудом
берег — и ты в пальто.

Зол циферблат, стрелки пляшут канкан,
время ощерило цифр капкан,
в медное горло кувшинки вплеснув
нашу с тобой весну.

* * *

Весна. Густые блямбы луж,
сугробов тлеющая ветошь –
как будто в городе ремонт.
А в городе – весна!
Идет побелка в небесах,
и талый снег на ветках.
И странно-просветленный серый свет.

И дворники сканируют отмостки,
и – детища нейтрального ума –
захлопнуты, как шахматные доски,
стоят крупнопанельные дома.
До них отсюда – восемь тысяч верст!
но до сих пор меняемся в лице мы.
... И облако, с улыбкой Авиценны, –
одновременно пар и паровоз.

* * *

Вечерние волшебны города:
машины по асфальту шарят
фарами,
и, рассыпая звезды над бульварами,
качается трамвайная дуга.

И облака с упорством росамах
бегут, бегут: все легче, все быстрее!
И светит в надвигающийся мрак
цветная глина мокрых фонарей.

И капли пролетевшего дождя
в глазах идущих мимо горожан.
И рифму подобрать как дважды два:
до завтра, город! Спи. Не провожай.

Не провожай ни светом, ни дождем,
дай одному остаться на мосту.
Как будто вновь сегодня я рожден
и только завтра имя обрету!

* * *

Помнишь, сквозь раннюю осень,
красный и желтый трамвай?
Жизнь, унесенную вальсом?
Так что давай, наливай.
Листья шуршали, как стрелки часов,
каждый казался красивее прочих.
Ставить ли крест, или прочерк?
Впрочем, не надобно слов.

Город мой, каменный город,
снимок на кромке зимы,
шарфом-рекою под горло
схваченный... В небе дымы.
Ветрено, все разбрелись по домам,

сцена пустует, артисты стареют...
Солнце осеннее греет
здесь даже больше, чем там.

Нечем нам хвастаться, странник!
Песня подходит к концу.
...Спит очарованный всадник,
лошадь гуляет в овсу.
Ну а пока что, гитара, играй!
Вальс продолжается. Милости просим...
Медленно падает в осень
красного солнца трамвай.

* * *

Вот и осень, строгая закройщица.
Календарь заказов: все красивы.
За окном неторопливо кружатся
лиственниц цепные карусели.
На опушке – шишки. Бур бурьян;
рыжий мех приходит в запустение.
И грибник приходит в загруздение
окружающих полян.

* * *

Опять берез молочные коктейли
свертела вьюга ночью за окном.
...Волошинского Крыма акварели,
где розовый на сизый заменен,
а ветер тот же, что и в Коктебеле...

А вместо гор пустынные дома.
А вместо теплых – стальные тона.
А ветер тот же, что и в Коктебеле.

Новая книжка Мартина Мелодьева «Как по нота́м» вышла в октябре 2018 года в Новосибирском издательстве «Свиньин и сыновья»; 140 стр, с ил. В ней 7 частей: «Музыкальный момент», «Времена города», «Альбом», «Родительский романс», «До-бемоль», «Калифорнийское рондо» и «Зигзонг».

Е-mail автора: marmelodyev@gmail.com . Цена книги \$15.

ОТ АВТОРА

Впервые я вышел в литературный свет сорок лет тому назад, представив подборку своих стихов на семинар при областном отделении Союза писателей. Сдуру я открыл ее стихотворением «Итак, вы едете, евреи», мгновенно вызвавшим неодобрение руководителя семинара А.С. Оглядев меня с ног до головы, он сухо заметил, что мои политические взгляды могут далеко завести. Он оказался прав: дальше, точнее западнее меня, только Гавайи. ...Смешно еще и то, что стихотворение — как на мой тогдашний, так и на теперешний взгляд — лишено даже привкуса политики.

Итак, вы едете, евреи, переступившие с трудом черту оседлости: за нею останутся язык и дом, которые всегда случайны. Они случайны, но боюсь — я вспомню там, как здесь ночами не спал. Итак, я остаюсь.

Как водолазу в толще вод зажатый шланг приносит гибель, так стих, в неведомых глубинах, боюсь, недолго проживет без поступленья русской речи — а я забочусь об одном: чтобы стихам дышалось легче, чтоб был у них язык и дом.

Все оказалось не столь трагическим, во многом благодаря расширившемуся пространству.

Тем не менее, когда я уезжал из СССР в 1989-м году, — это была именно эмиграция, усиленная ощущением остановившегося внутреннего времени и почти невыносимым отвращением к «боевой и кипучей» окружающей обстановке, уже чреватой долгим и тягостным раздраем.

Парадоксальным, несмотря на окончательность отъезда, стало отсутствие радикальных перемен в мироощущении. Но думаю все же, что именно «эмигрантской ноте» я обязан многими из стихотворений, с которыми встретятся читатели этой книги.

Алла Ходос

ВЕЩЕЙ ШЕРШАВАЯ ИЗНАНКА

Хоть правит жизнью проза —
все эти чихи, охи,
безденежья угроза, —
всегда спасают крохи.

Зарницы узнаваний,
небесных рифм ошметки,
зов утра — ранний, враний,
воспоминаний четки.

В тоске анабиоза
засушенная роза
впитала счастья миги
и выпала из книги.

2018

* * *

Старушка-филармония осела в снег и сумерки.
Медлительные зрители в сугробах на плечах
так мерно шли по улице, что в небе птицы умерли,
и стрелки заскучали на часах.

Вы слышали побасенки о рыжем музыканте,
при написании музыки впадающем в экстаз?
Блистательная родина Антонио Вивальди,
ну что вам надо, милая, от нас?

Медлительные зрители достойно и неласково
вручали гардеробщицам тяжелые пальто.
Потом неукоснительно в буфете дверью лязгали.
Ну что, старушка-музыка, ну что?

А где-то в консистории в далекий век истории
сиял венецианский абажур.
И девочки безродные, совсем как благородные,
играли на габое де'лямур.

1984

* * *

К.

Пускай в душе хозяйничает смута, —
придет свободы тайная минута!
Взбирайся вверх по лесенке бесшумной,
наперсник, непослушник вольнодумный!
Здесь в утлой башенке учитель темноликий
рассмотрит снов прозрачные улики.
Века и вымыслы он в крепкий узел свяжет.
А душу можно ль рассказать? Но он расскажет.
О, крепость чая и фортеция печенья!
И тусклой лампочки ворсистое свеченье!
А то, что будет, можно ль вычислить заранее?..
Но чу! Уж наступило утро вранье.

2000, 2018

* * *

Вещей шершавая изнанка
так прочно к коже приросла.
Потянешь — кровоточит ранка.
Когда берешься за дела,
из-за углов встают предметы:
мелькают призраки, приметы,
как метеоры и кометы.
И значит, ты уже была.
Вот первобытная стоянка.

20018

СТИХИИ

Я свет. Я сияю пока не угасну.
А вы не гасите меня понапрасну.

—
Я камень. Я буду лежать и стараться
на ваши призывы к борьбе — не подняться.

—
Я дерево. Я шелестящая сущность.
Люблю как распущенность, так и запущенность.

—
Я ветер. Не сдерживая порывы,
не ощутите напора игры вы.

—
Я речка, бегущая к океану.
Теряясь в догадках, доверьтесь туману.

—
Я мрак. Подожду-ка я вас за окошком.
Да я понарошку пока, понарошку.
2018

* * *
Коль разжег во мне, Господи, свой костер,
поддержи его!
Как уголья пылают и краски горят в небесах!
Сколько ярости в мире прекрасного:
алых лент, фиолетовых
в лунных твоих волосах!
Все костры, что возжег, поддержи!
Даже греться под грудой валежника
хорошо в темноте
и бессмертные искры хватать!
Не покинь ни раба своего, ни мятежника,
ни того, кто глаза замороженно
от огня не может поднять.
1995

* * *
Господи несуществующий,
будь, хотя бы мгновение!
Как ветер в глаза дующий.
Как солнечное затмение.
Ты нужен мне, Боже выдуманный.
Приди, освяти ужин.
Так ближний, судьбой выдубленный,
нужен.
Где же ты, будущий, следующий
по жизням глухим, по терниям?
Господи несуществующий,
мне бы твое терпение!
1986

БЕЖЕНЕЦ

Высока сэквойя, в ней заблудится взгляд.
Птица устанет блуждать средь ветвей.
Он прибыл сюда два года назад.
Он здесь до скончания дней.

Он приехал сюда из суровой страны,
где в подъездах опасность и вонь.
Здесь — лишь в каминах пылает огонь
и, наверно, не будет войны.

Здесь синь безоблачна, не бледна.
Играет в траве детвора.
Хотя и нет у нее двора,
довольна жизнью она.

Он ходит мимо гордых старух
с их чужим языком.
Он их не переносит на дух:
небось, говорят о нем.
В квартире весь день горит Интернет.
В бутылке осадок вина.
То вспыхнет, то затаится война.
От нее спасения нет.
То ль жуков полет, то ли пуль недолет.
О, Судный день недалек!
А в сердце его все не тает лед
и трепещет злой огонек...
И он говорит себе так: дурак,
все-то тебе не в масть...
А сэквойя машет ветвями так,
будто вечность не началась.
2018

* * *
Как колесница, несется любовь,
не разбирая дороги.
То ли еще примнится!
По костям летит колесница.
За ресницами — яркий закат.
Никто никому не сестра и не брат.
Вышел месяц двурогий.
Заткните свои тревоги,
в прах превратите страсти.
Утро уже на пороге.
Проснулись уже? Ну, здарсьте!
2018

* * *
Узник на волю выходит без имени.
Видит одни золотистые линии.
Звуки вдали — разлитые, текучие —
не докучают еще и не мучают.

Тихо из мглы выплывают названия
и проясняются очертания.

Жизнь развернется как скатерть желанная
или совется как плеть окаянная?

Непостижимая, если и сложится,
в несколько строк неподдельных уложится.

Веток стаккато в окно паутинное.
Тропка не слишком виляет, недлинная?

Узник на волю выходит без имени.
Видит одни золотистые линии.
Белой свечой оплывают названия.
И размываются очертания.

2018

Алла Ходос

ПОД АБСУРДИНКУ¹

МОНОЛОГ МУЗЫ

С таким писателем, как мой Слава, проживешь не одну жизнь. И не две. И не три. Сколько сюжетов разработает, столько жизней и проживем. Сколько людей создаст, во сколько и переселимся. И не после этой жизни, а уже сейчас. Когда поженились, он с меня два слова взял: первое, чтобы я сама не писала, и второе – чтоб детей у нас не было. Я с легкостью согласилась на эти условия. Я ведь писатель второго ряда, может быть, – третьего или вообще как-нибудь вне таблицы о рангах. А он – да. Чистый, мощный голос. И с детьми утряслось. Ведь у меня есть племяшки. Няню их по выходным или когда сестра с мужем в отпуск уезжают. С легкостью и радостью я отказалась от простого счастья во имя счастья сложного. Почему же пишу сейчас, нарушив запрет, скажу вам потом.

У Славика с самого начала проблем с публикациями не было. Ведь не многие пишут парадоксальную прозу. Эта ниша почти вся целиком заполнена славинской литературой. Парадоксы он берет из жизни. В первую очередь из своей. К примеру, накатит на Славу клаустрофобия. Ведь приваливаются к нему разные в общественном транспорте или, напротив, морально задевают чувствительные струны (ругаются). А ведь и правда, каждый чувствует себя в общественном транспорте мокрой селедкой в банке. Не в бочке, заметьте. Слава просит, чтобы я выражалась точно. От страха Слава сильно потеет. Но это еще полбеды, ведь можно себя потом спиртом протереть, водкой изнутри продезинфицировать. Страшнее на улице, когда люди близко, но рассредоточены, и их много. Слава понимает, что толпа взрывоопасна. Вспышка насилия может возникнуть в любой момент. На улицах и площадях его охватывает агорафобия. Выходит, и в замкнутом, и в разомкнутом пространстве кроются большие опасности. Парадокс? Парадокс. Я ему: Славик, ты улыбками обороняйся, создавай вокруг себя позитивное поле.

Он морщится, потому что я говорю банальные вещи. Но материал всегда под рукой. В романе «Погрешности», например, герой сам провоцирует вспышки насилия, чтобы избавиться от страха. Чего боится? Смерти, конечно. Исчезновения его уникально-парадоксального сознания. Которое приносит ему одни муки. Тот еще типчик. Заведет людей человеконенавистническими кличками и скроется в подворотне. Какое-то время живет спокойно, разговаривает вежливо. Потом ему опять нужна раз-

рядка. Поделит людей на подвиды по национальности, цвету, полу, ориентации, религии, и давай науськивать! *Дави, – кричит, – этих уродов, очищай светлозеленую землю от нечистых пауков и насекомых!* И тарантула в банке показывает публике. Люди бегут – кто-то от него, а кто-то – спасать землю. Два потока образуются. Он всегда точно рассчитывает момент – когда уйти. Но однажды он ошибается. Как известно, возмутитель спокойствия ошибается только один раз. Он падает. Толпа бежит по нему. Но читателю его не жалко. Ведь Славик пишет: *И вот он лежит посреди мостовой, как большой раздавленный таракан.* Читатель испытывает ужас и отвращение. А Слава какое-то время спокоен – ведь он своего внутреннего врага прикончил. Потом, как водится, творческий кризис, депрессия или протрация. Он разные определения находит своему паршивому состоянию. А я так понимаю: просто душа ушла в написанную книгу. Ну и пусть какое-то время отдохнет душа; на природу его зову, в кинотеатр. Иногда он соглашается. И так мне тогда хорошо рядом с любимым человеком. Бывает, ветер налетит и дождик пойдет. Всех освежит, ободрит. Пьеса большая разыгрывается на всечеловеческом языке. Всем любящим прижаться велит друг к другу дождик. Вдруг молния дерево пронзает, гром гремит, дуб горит, а дождь плачет, жалеет, гасит огонь. Чего мне еще желать, кроме того, чтоб под зонтиком идти с ним вдвоем, и когда еще, если не сейчас? Потом он восстановится, снова писать начнет. Ах, какие лужи, какие облака! А он: никогда мне этого не описать, никогда! Даже плачет, отворачивая лицо, – под дождем незаметней плачется.

И вот, наконец, новый замысел зреет. В такое время он очень нежен со мной бывает. Шутками сыплет, комплиментами. А как войдет во вкус... *Я вошел в поток сознания, и сознание потерял,* говорит. И тогда ему не до меня.

Еще до женитьбы я Музой его стала. Очень меня это чаровало. Он с меня потом разные женские образы списывал, душевно противоположные: то ревушку, то резвушку. Во мне ж это все есть. Я человек непосредственный. Трудно мне и смех, и слезы сдерживать. А когда гадкий женский образ у него вырисовывается, я спрашиваю с подозрением: откуда ж это взялось? А он мне в ответ: *квинтэссенция, сублимация!*

В сущности, он хороший мужик. Просто сложный. Всегда обеда мои хвалит. Вот только над обидами посмеивается.

Смотрю на себя в зеркало: что-то я подвяла: кончики губ опустились и кончики глаз, будто плакать все время собираюсь. И вот я решила. Нарушу запрет. Запишу. Все переплавится в творческой лаборатории нашей жизни. И вот, наконец, живешь, как пишешь...

¹ Другие рассказы из этого цикла печатались в ОЖ за 2010 г.

ТРЯПОЧКА

На любимого своего никогда не обижалась. Человек он был хороший, отзывчивый. Вот люди его и отзывали. От меня отрывали. Был завален работой: днем для пропитания – компьютеры продавал, вечером – для воспарения – в симфоническом хоре пел. В перерывах и по выходным он звонил друзьям и знакомым, помогал их дела улаживать, их раны врачевать. Конечно, теоретически, мне люди тоже нравятся. Но это разнообразие их типов – не по мне. От этих типов никогда не знаешь, чего ждать. А он знал. Он и меня сразу узнал, сразу понял, что мне только он один во всем свете потребен. И сгоряча – подарил. Ведь он большого значения не придавал своей персоне. Если надо, вот я, весь твой. Но не навсегда. Людям из его окружения должны были достаться части. Вот вам части меня – на счастье. Из этих вот частиц, отданных многим встречным, складывалась его большая личность. Погрузившись в трудные заботы, он духовно рос. А я сохла. Сохла по любимому, – и душа моя сжималась, становилась как неглаженная тряпочка, в которую только высморкаться да выбросить. Он бы никогда не выбросил. Но я стала такой крохотной, что сама отпала, затерялась...

ШОПИНГ

Жизнь не сложилась. Забыться. Пошла в магазин, где вместо забвенья нашла раздражение. Недорогие пестрые вещи тянутся ко мне пустыми рукавами. На родине выбора не было. Не чужбине душу отведу. Быстро надеваю их в примерочной, одно за другим, десятое за девятым. Ничего не подходит. Повесить на место? Быстрее будет просто отдать продавщице. Она ласково берет и бодро улыбается. Будто я сделала ей большое одолжение. Дорожит своим рабочим местом. И вот я уже набираю корзину за корзиной – сначала джинсов, теперь облегающих маечек. Джинсы еще ничего, но не льстят мне эти маечки, ой не льстят. Жарко в примерочной. Пойду-ка я лучше мерять их перед зеркалом, стоящим в зале. Ведь можно мерять их поверх моей майки. Быстро сняв, кладу ту, что не подходит, на стопку шортиков. В нескольких шагах от меня другая продавщица безропотно складывает мои маечки. Это ее работа. Вот пусть и делает свою работу. После работы она, наверное, развлекается с мужчиной, ищет счастья. Пусть ищет. Может, найдет. Не всем же век вековать. Не всем и бедствовать. А сейчас пусть хорошо потрудится. В минуту отдыха будет ценить свое счастье.

Хоть бы кто еще подошел. Менеджер. Сказал бы им, что надо быстрее работать. Или бы ангел прилетел. Простер бы крыла свои над нами, защитил, утешил. Нет его. Нет.

Зайдя в туалет, смотрю — первая продавщица. Умывается. А глаза красные-красные. Раньше тушь была. Надо бы ей попробовать водостойкую.

Пойду-как я, пожалуй. В суд пойду. Не имеет права этот мерзавец дочку у меня отнимать. Ну и что, что я употребляла. Немножко совсем, и впоследствии отказалась. У всех знакомых рекомендации возьму. И у начальницы. Я — хороший клерк. Меня клиенты знают. И у них возьму. И у лечащего врача.

Охранник у выхода. Это добрый знак. Что — маечка? Ох, маечка на мне, поверх моей. Это моя, моя майка — кричу. Я за нее заплатила. Сполна. Тут выходят трое: продавщица со смытыми глазами, и вторая, без косметики, но она и так ничего. Третий, в белой рубашке, менеджер, наверное. Ангела нет между ними. Смытоглазая кричит: «Вот она, майку украла!» Я глянула на нее: у нее глаза хоть и красные, но бледно-голубые, точно как у меня. Если б сестра у меня была, вот, наверное, такая. И тут я заревела. И моя тушь потекла. Очень больно — в глаза попала. «Будем разбираться», — сказал охранник.

Теперь дело свое в суде я проиграю. Задержали меня, будто я преступница. Дочку теперь моему отдадут. Да какой же он мой после всего? Да что это я?..

В РАМКАХ

1

Судьба не толкает меня в пропасть нищеты, но и не дает взлететь по служебной лестнице. Переезжая с места на место (как того требует моя работа), я каждый раз снимаю приличную, но не шикарную квартиру.

Вниз и вверх не смотреть, и голова не закружится. Въехав в новые апартаменты, я первым делом смотрю прямо перед собой.

К примеру, сейчас, поселившись в тихом и несколько сонном городке, я вижу сосны без корней и вершин, обрезанные краями балкона.

В прошлый раз в оконную раму были вставлены горы без вершин и предгорий.

А в позапрошлый – кусок океана без берега и горизонта.

Окружающее заключено в рамки, вот и я себя держу в руках.

Вечером я выхожу на улицу и смотрю, как жители закрывают окна и задергивают шторы. Двери, приоткрытые днем, чтобы сквознячок развеял жару, тоже закрываются.

А сегодня после работы я остался на улице. Я стоял между двумя липами, а над ними, вроде перекалдыны, нависала сизая туча. Вдруг послышался стук,

будто заработала старая швейная машинка. Нити дождя протянулись сверху вниз и быстро слились в сплошное полотно. Рамки исчезли. Все пропало...

2

В рамках жить больно, но как же без них. Рамки — как крылья, прижатые к телу. И стоит себе птичка по стойке смиренно. Немного похожа на чучело. Но ничего, стоит, живет...

СТРАННИК

Я легкий. Меня не сложно вынести. Меня и выносить не надо. Сам уйду. Вот я вам еще улыбаюсь. А через минуту — улетел. Я — странник. Я странен тем, что боюсь привязаться. Уж слишком я привязчив. И я решил привязать себя к дороге. Как ваганты. Я еду. Я убегаю. И от бабушки ушел, и от дедушки ушел, но от себя, лисы, не уйти...

КАК СНЕГ НА ГОЛОВУ

Несчастья чаще всего, как снег, сваливаются на голову. Но иногда — с предупреждением: кошка перебежит дорожку, несчастье и свалится.

А не могла ли бы ты, кошка, подождать меня за углом, чтобы перебежать дорогу сразу после того, как я пройду?

И пусть бы снег отдельно, а несчастье — отдельно, но только не сейчас, когда-нибудь потом.

А снега пусть себе ложатся на плечи, как белые коты. Поведешь плечами, коты и прыгнут.

ОДНА НОГА ЗДЕСЬ...

Старая Ирэна притихла. Дочке, внуку, работнице по уходу она в состоянии сказать одну и ту же фразу: «Рада видеть тебя, дорогая мамочка».

— Больно вежливая стала, — думает дочка. — Когда в память-тибыла, говорила: — Дайте мнетишины и покоя, суки!

— Бедная бабка, — думает внук, — я бы застрелился сразу, как только бы за мной стали присматривать.

— Если б не надо было так часто менять дайперсы, можно было бы и полюбезничать с тобой, — усмехается про себя работница по уходу.

На стенах картины, написанные Ирэной. Вот ее автопортрет, к примеру: губки бантиком, волосы взбиты, взгляд с поволокой. А вот второй. Лица не разглядеть. Фигурка — в движении. Готова унести прочь из этой комнаты. Одна нога здесь, другая там. В Москву, в Москву! Или в Варшаву. На баррикаду? На randevu?

Наивно-пышный потрет загорелого седого офтальмолога на фоне таблицы с буквами. Похоже на рекламу: он подарит вам новое зреньё. Это покойный муж хозяйки. А рядом — его же маленький портретик. Здесь он не смотрит на зрителя. Голову вниз наклонил, задумался. Или задремал. Надо бы потише рядом с ним. Сколько он в глаза заглянул! Пусть отдохнет. А вот мальчик с сачком — много таких мальчиков порхает по живописным ландшафтам! А рядом дружок его почему-то держит сачок вверх дном. И напряженно смотрит на стустившееся облако, ждет, что там упадет в сачок — дождь? Стая мошкары? Манна небесная?

Вряд ли эти картины окажутся в музее или на аукционе. Скорее всего их свезут в комиссионный магазин Армии Спасения.

Одна нога здесь, а вторая там. Душа в старухе еще брезжит, но скоро совсем угаснет. Сложно верить в бессмертие впавшей в сон души. Печально — не верить. Искусство Ирэны прорывается сквозь глянец, и может быть, ее картины украсят квартиру какого-нибудь нелегального эмигранта, пока он не встанет на ноги...

СНОВИДЦЫ

ГРЕШНИЦА

Ей снилось, что она летела. Не было у нее ни крыльев, ни стратостата, ни даже зонтика, за который можно ухватиться. Она летела вниз по лестнице. Нет, она не катилась кубарем. Стоя, спускалась по лестнице, не касаясь ее. Стоя летела. Приятель ей сказал: твой сон означает, что тебе хочется совершить грех — простительный, небольшой. Она возразила приятелю: что за глупость, не грешница я никакая! А на самом деле ей хотелось, чтобы приятель этот ее милым стал. Так что обманула она приятеля. Грех совершила. Но совсем не тот, который хотела...

КОСТИ

Во сне Наташа ездила на велосипеде вокруг столовой.

А наяву было так. Папа обедал в этой столовой. Столовая стояла в самом центре дома отдыха. Папа ездил в дом отдыха, а Наташе покупал путевку в пионерский лагерь. Оба учреждения принадлежали предприятию, на котором работал папа, и находились рядом. Очень удобно. Папа со своими взрослыми, Наташа со своими детьми.

Когда папе становилось скучно, он брал к себе дочку на часок-другой. Он приносил ей куриную нож-

ку со своего обеда и водил на речку, показать корягу, под которой жили раки. Когда дочке становилось скучно, она не могла взять к себе папу. В этом вся разница.

Детей собирались вести в поход по местам боевой славы. Наташе не хотелось в поход. Она боялась случайно найти кости убитого бойца на дне оврага. Ведь человека нельзя собрать снова из старых костей. Потом дети сядут вокруг костра рассказывать страшные истории о привидениях. Но о найденных костях они говорить не станут. Нестрашными и ненужными покажутся Наташе их рассказы. Вот бы не пойти в этот поход. Ведь всё ужасное, что может случиться с человеком, Наташа уже пережила в своём сердце. Будто выросла и состарилась.

Во сне она ездила на велосипеде вокруг столовой. По усыпанной галькой дорожке, за которой начинались овраги и холмы...

ДРУГОЕ

Лида и ее мать при жизни явно не понимали друг друга и все время ругались. Может быть, на дне души и дремало что-то другое, но никто из них не потрудился это другое расшевелить. Но почему-то, когда Лида рожала свою дочку и потом, как только родила, кричала: «Мама! Мама!», имея в виду сначала: «Помоги!», а потом: «Вот, смотри!»

Умирая, мама дочку не позвала.

А Лида на расстоянии не почувствовала, что дела ее матери плохи.

Во сне Лида держала на руках умирающую маму. Мама была размером с младенца. Но была еще жива. Дождалась дочку. Лида качала ее во сне, пока мама не уснула...

КЛАД

Во сне Виктор Петрович отправился во двор, чтобы откопать клад, который он где-то здесь когда-то зарыл. Ведь сказано ему было: не зарывай талант в землю. А он зарыл. Весь двор был перекопан. Может быть, что-то строить собирались. Может, огород хотели разбить. Но скорее всего, многие свой клад зарыли где-то здесь, а где точно, позабыли; когда же опомнились, не смогли найти. Вокруг этого дела был такой ажиотаж! В итоге, каждый взял себе первый попавшийся талант. А потом как-то его к себе приспособил. Виктор Петрович не брал чужое. Он откопал дождевого червяка и отправился с ним на рыбалку. Посидел в лодке... И так хорошо у него на душе было под вечерним солнышком, после работы, с бутылочкой пива...

КОЗОЧКА

Во сне она танцевала. У нее были легкие ножки молодой козочки. Белые, пушистые. Ей самой нравились ее ножки. Но окружающим почему-то нет. Одни смеялись, другие кидались помидорами. Она танцевала «Танец маленьких лебедей» – теми ножками, которые у нее имелись.

Потом, вытирая томатный сок со лба, она кланялась. Один мальчик лет девяти, крикнув: «Держи», бросил ей мячик. Сначала ей показалось, что это помидор, но в последнюю минуту увидела, что нет. И поймала мячик. Как ловят букет. Но может быть, мальчик не ей бросал мячик, а в нее? От этой мысли она на долю секунды даже опоздала в такт. Но так как это был самый настоящий бейсбольный мячик, она всё-таки бросила его мальчику обратно. А тот крикнул: «Держи, это тебе!» и бросил мячик снова. Она поклонилась. В примерной она стерла красные слезы с лица и поставила мячик в вазу...

АДАМ

Во сне всё рушилось, горело, а потом тонуло в пучине. В небесах летал какой-то супермен. Все остальные умерли от страха. Но Адаму было не страшно, а скучно; может быть, поэтому конец света не коснулся его. Когда всё успокоилось, а супермен улетел в те края, где в него верили, сновидец начал новую жизнь во сне.

Адам взял из воздуха ножик и стал стругать и вырезать не до конца обгоревшие деревяшки. Он изготовил пару ложек, чашку, похожую на ступу, пару полочек для книг и одну для туалетных принадлежностей. Потом он смастерил стол и стул. О скуке он, конечно, забыл, но зато почувствовал голод и горе. Он обошел пепелище, чередующееся с затопленными кусками суши, и возле сгоревшей мельницы обнаружил мешок зерна. В огорочной луже на месте затонувшей книжной лавки плавали разрозненные странички и несколько целых книг. Так-так, сказал себе сновидец и все это собрал. Но сказал себе: чтение оставлю на потом, а то жить забуду. Он сжевал несколько зерен, запил водой, бившей из скважины, и положил на новенький стол листки и книги, чтобы высохли. Потом вынул из себя ребро и сделал себе подругу. Она прижалась боком к его ране. Зажило, как на собаке. Они пошли по выжженной земле. Порой они наступали на случайно уцелевшие яблочные косточки...

Владимир Гандельсман

НО ПРОБУДИЛСЯ К ЖИЗНИ Я. Я ЕЙ ПОДДАКНУЛ

* * *

Сестрица мерила наряд,
шепча с соседкою,
ещё не умер друг, и брат
входил с ракеткою.

На ветках в дымке золотой
птенцы чирикали,
мальки сновали под водой,
часы не тикали.

В то время я не воспарял
и не загадывал
желаний. Ставни растворял –
и свет окатывал.

Ты помнишь лето – день за днём –
какое выдалось?
А что надвинулось потом,
то и надвинулось.

Когда вплотную к ничему
стоишь, возможно ли,
чтобы ушедшие во тьму
прощально ожили?

Ведь нет любимых в тех краях,
где мне прощение
мерещится за мерзкий страх
развоплощения.

СТИХИ

тайн хранитель тайну выдай
и из трубочки своей
шар стекла прозрачный выдуй
в ветвь стиха его извей
зимним ливнем летним градом
оперением реки
электрическим разрядом
вдоль искрящейся строки
лень души и разум косный
бездыханный сон мирской
просквози молниеносной
и вседышащей тоской
груша выльется из колбы
новым деревом взойдёт
лишь толпою капель шёл бы
шёл бы точный звездочёт

ДЕНЬ

Увидел на полу медяк.
Впотьмах, обидой
раздавлен, рухнул на тюфяк.
Спал как убитый.
Сосед ли утром, выходя,
ключами звякнул,
но пробудился к жизни я.
Я ей поддакнул.
День ни о чём и ни о ком
с небес нагрянул,
сверкнул на солнце медяком
и в подпол канул.

ТЫ

В тело встроен,
чтоб накапливать боль,
отчего же ты скроен
жизнежаждущим столь?
Шепотком еле слышным
дождь моросит,
от земли в метре с лишним
твоё сердце висит.

Бог рассвета в единый
миг тебя
точно нить паутины,
сдует со лба.
Шаг, шажок, боязливо
с просёлка свернёшь,
выйдешь к бухте залива
и себя не найдёшь.

* * *

Пруд застелило листьями,
которых пруд пруди,
и дереву, как истине,
я говорю: свети!
До угасанья – несколько
прозрачно-тихий дней,
и мне, пока я здесь, легка
печаль и смерть ясней.
Качнув кленовой веткою,
возник олень и стал
стеклянной статуэткою,
и глазом заблестал,
и я спросил: в обыденном
такое существо
откуда? – став невидимым,
чтоб не спугнуть его.

Валерий Черешня

ПОЧТИ НЕСНОСНАЯ РАЗЛИТА БЛАГОДАТЬ

* * *

Вечер. Город вымучен до дна.
Серый цвет усталости на лицах.
Солнце тычется последней спицей
в форточку чердачного окна.

Ватная, густая глухота
нависает облаком из пыли.
Гончие дорог – автомобили
ждут зелёной дичи по углам.
Проступает голый свет реклам.

Кажется, сейчас произойдёт:
вдрогнет воздух, вздрётся завеса...
Почему так нестерпимо тесно
вровень с жизнью, как она идёт?

Что-то ловишь в воздухе пустом,
что-то ждёшь – подумать! – что-то ищешь.
Свет заката, как смиренный нищий,
тихо умирает под мостом.

НАБРОСОК

С цепочкой на руке и в джинсы влит,
прилип у стойки бара, полуспит,
талантливое тела тугой изгиб,
над головой табачный прозрачный нимб.

Лихой проныра-бармен трясёт коктейль
под музыку густую, под «шэйли-мэйл»,
на пухлом рыжем пальце блестит кольцо,
лоснится небольшое мыльное лицо.

А музыка вскипает и льётся через край,
прощай, мы исчезаем, впадая в кайф,
прощай, мы исчезаем – ищи-свищи –
в ночи своих желаний, в ночи, в ночи...

* * *

Тишайший вечер. Загород. Жара
спадает. Просыхает майка.
Я соглашаюсь с Пушкиным – пора.
Кричит несъятая и вечно злая чайка.

Почти несносная разлита благодать,
вдали, как в раннем детстве – пианино,
перебирают старые этюды.

Идёт война, но далеко отсюда.
Мы в райском уголке, и в наши спины
не тычут палкой, – что же больше ждать!

* * *

Собака тоскует в трамвае,
скулит и рвётся на волю,
и плачет, недоумевая,
зачем это движется поле?

Как может, ей суть переезда
хозяин толкует сурово
святыми словами «на место»,
лишёнными смысла вне крова.

А Ты, удивительный лекарь,
врачующий буйное стадо,
как мне объяснишь, человеку,
своё безусловное «надо»?

Ты хочешь добиться прозренья,
что наши стремленья напрасны?
Твои повеленья прекрасны
и вне моего разуменья.

ИДУЩИЙ СЛЕДОМ

(Из Шеймаса Хини)

Отец идет за плугом, пригибаясь,
И понукая потных лошадей.
Его спина белеет, словно парус,
Пустившейся по пахоте лады.
Умелец, как он ловко налегает,
Как лемех входит в черные пласты,
Какой волной земля над ним вспухает.
Дойдя до края, как, без суеты
Одним движением меняет курс
Команды потной. Глазом смерив
Уклон земли, ее покатый торс,
Он борозду ведет, руке доверив.
Малец, я ковылял за ним, как мог,
По комьям взрезанной земли сползая,
Порою на плечах его, как Бог,
Вздымался ввысь и падал, замирая.
В мечтах я видел пахарем себя
С таким же глазомером и уменьем.
Тогда я мог лишь следовать, любя,
Быть тенью его стелющейся тени.
Я ныл и падал, бороздой петляя.
Я лип, подобно банному листу, но
Теперь он сам, неверно ковыляя,
Бредет за мною следом неотступно.

* * *

Поющие безумие, но в лад,
прилежно раскрывающие рты,
пока подходит варваров отряд,
сметающий последние посты.
Пощады побеждённым не сулит
отточенная варварская спесь,
но рты ещё растянуты в нули
и хлещет горлом сладостная песнь.
Возможно ли на выдохе держать,
протяжное до не могу тянуть,
пока подходит варварская рать
и в жилы льётся подлинная жуть?
Уже и ветер сквозняком скулит,
в пустых домах хозяйствует паук.
Холодный воздух над селеньем длит
очищенный и победивший звук.

* * *

С кем ты, с кем попивал вино,
лёгкости позабытой вторя?
С другом, посеребрённым пылью
времени, словно трухой и сором,
с женщиной, чьё лицо
всё больше становится маской горя.
Не лучше ли было тебе присесть
с юными, в их дерзновенные сани:
глупость задора счастливая есть,
неба мельканье, снега сверканье...
Не просквозила б колючая весть –
необратимое знание.
Или вообще посидеть одному –
стены смыкаются в тесную вечность.
Здесь неуютно, но с болью приму
переселенье в туманную млечность:
жаль расставания, да и кому
там я пожалуюсь на быстротечность?
Что ж, будем вместе сидеть на ветру,
тесно прижавшись, чтоб нас не сдуло.
Что обнажённой скамейки в саду
осенью, осиротевшего стула?
Долготерпенья нам, в нашем аду,
слушатели подземного гула.

* * *

Предметы, всего лишь предметы,
живущие робко, как ссыльный,
намёки иного, приметы,
след тумбы, очерченный пылью,
свидетель, что было – и нету.
Заложники тесного быта,
испарина спёкшейся жизни:
здесь где-то висело корыто...
Но память ржавеет и киснет.
Забыто. Забито. Закрыто.
Вот разве очнуться на кухне,
где мама у крана стирает,
а пена пузырьчато пухнет,
сползая, по краю стекает –
и время в ничто своё рухнет.
А в небе распахнутых ставень,
где Каин по брату скучает,
где кроткий блаженствует Авель,
Гроссмейстер фигуры расставил,
но медлит, не начинает.

Хельга Ольшванг

ВОТ ЯБЛОНЯ ПЕРЕД ЗИМОЙ И БУРЕЙ ПОМАЛКИВАЕТ ЯБЛОКОМ ОДНИМ

* * *

тяжелеют фруктовые
обнажаются дикие
без печального шума
давай
заново оба
бЕрега выкрасим в цвет коры
заодно поездА
ближнего следования под землёй и презренного
"Фауста"

корешок среди книг других
замаскируем под наготу
старческих веток
потеки защитного полотна
чтобы некуда стало дню
в упадок
пришедшему пялиться

все нам позволено осень моя или кто ты
крохотный Гёте смолчит
и в лице не изменится

* * *

пеленай
неумолчное на ночь свое
пеленай его – осьминога
свей
заново наглухо шей как швея
пеленгуй и глуши его вражеский голос
обмотай вокруг пальца и выбрось
спать хочется нам
последним
крепостным малолетним
умалишённым
а не даст – усмиряй
укатай под спуд и в море зарой

сверху ляг и оглохни
в огнях берега подгулявших смех
клапан в сердце у всех

НАБРОСОК

Вот яблоко: за воротник
взять, подержать, ни так ни эдак –
позариться

нельзя, нельзя,

ствол яблони – сплошное сердце клеток,
стоячий обморок, чешуйчатый передник,
в жгут свернутый, сплошная полоса.
О яблоке: ни справа-слева в щеку
в сердцах поцеловать его,
ни сбить его – собаку, ни обнюхать,
ни робко оторвать, исподтишка.
Вот яблоня перед зимой и бурей
помалкивает
яблоком одним,
вот Я,
невидимое поле
чернеет перед ним.

* * *

даны пути расхождения и бесконечное множество
нас друг за другом следящих
не крадясь не касаясь почти
изо ртов чьих
выбивается пар высыпаются крошки сухие
усмешки
а внутри за зубами колотится как сумасшедший в
рубашке
слово любви

два угла посмотреть на такое
зимнее что не разжечь
и в домах повторенных безвидной рекою
собираются лечь

слышно всем замерзающим щебет полозья
близкий треск и часов хохоток на запястье
сумасшедшего плач

Григорий Трестман

ШЕСТВИЕ

Я мертвецов своих мертвей стократ:
в мои обезображенные строфы
до срока проникает трупный яд
еще незавершенной Катастрофы.

Я вижу свой обуглившийся труп
среди городских обугленных развалин.
Вверх – черный дым идет из черных труб,
вниз – черный снег на легкий дым проталин.

И, прорывая тело рваных туч,
вослед скелетам и вослед конвою
обугленного солнца черный луч
обводит спины траурной каймою.

И ребе – мертвый, праведный пророк
не может вникнуть в истину простую:
какой же может быть в пророках прок?
Вещать над ямой мертвецам впустую?

А он пророчит – лагерный скелет,
чтоб я не слал проклятие арийцу,
что это я почти две тыщи лет
растил в себе самом самоубийцу,

и что со мной сгоревшие тела
бредут в один овраг в одной когорте...
Я чувствую, как движется игла
к еще живому сердцу по аорте...

* * *

Возможно ли без всяких проволочек
с Тобою говорить, Господь, на Ты.
На мне слои защитных оболочек
вокруг первоначальной пустоты.

Возможно, я не существую, Боже?
Реальность я не в силах изменить,
и подчиниться ей не в силах тоже –
все время рвется Ариадны нить.

Я весь раскрыт – от голода до секса.
Мне невдомек, что мы с Тобой – родня.

Я – горстка обусловленных рефлексов,
и смысла нет сердиться на меня.

Мы попадаем в собственные сети,
которых нам увидеть не дано,
и вряд ли очевидное заметим,
поскольку притворяемся давно.

Мы сами друг для друга – отраженье.
Лукавят зеркала нам всякий раз,
когда мы порожаем окруженье,
а окруженье порождает нас.

Но как бы нам не приходилось туго,
добро в миру «имеет место быть».
Недаром же приветствуют друг друга
боксеры перед тем, как морды бить.

Мы вышних не усвоили уроков,
и вряд ли нам усвоить их дано.
Намного отвратительней пороков
все наши добродетели давно.

* * *

В нас неизменны лишь названия –
фамилии да имена...
Ты – жертва преобразования
в твои живые времена.
Отправься хоть в сортир, хоть в Мекку –
твой изменятся черты.
И коль рискнешь зайти ты в реку,
то выйдешь из реки не ты.
Закон природы или шутка?
Не спорь с Всевышним Игроком:
не ты родился, а малютка,
и ты с ним вовсе незнаком.
И страх твой – не твоя забота,
к чему заигрывать с судьбой.
Не ты умрешь – уставший кто-то,
кто будет в саване тобой.

* * *

Как будто я не знаю, кто я есть?
Я – плут! А обаяние – приманка.
А знаете: зачем вы нынче здесь?
Чтоб заглотить наживку спозаранку.

Да, я шельмец и шнырь...
Но кто же вы?
Святые что ли? Купно или розно?
Все человеки, право, таковы,
и наша жизнь не очень-то серьезна.

Ужели жизнь – валянье дурака?
Или игра, что есть одно и тоже?
Что скажет Бог?
Спросите Старика.
Возможно, что игра всех благ дороже?

* * *

Свой путь земной пройдя до половины...

А. Данте

Свой путь пройдя до финиша почти,
в преддверьи своего исчезновенья
не думай об оставшемся пути,
о том, что ждет нас пыль, ничто, забвенья.

Мы смерть откроем с чистого листа,
нам станет внятно самое простое:
реальней нашей жизни – Пустота,
и огорчаться этим вряд ли стоит.

Любая жизнь, любое существо
из нашего кошмарного уютца
ушли в ничто, пришли из ничего...
Уйти в ничто – словно домой вернуться.

И наше откровенье только в том,
что наша жизнь – лишь знаки препинанья,
что Пустота – наш изначальный дом,
и, значит, сущность нашего сознанья.

Все наши беспокойства – решето.
Страх адовых кругов и смерти – лишний.
Мы – самое реальное Ничто.
Но эта Пустота – и есть Всевышний.

ШЕСТВИЕ

Ф. Шмиделю

Кто встречает рассветы в пути – и по трепету веток,
и по щёлканью рыб на ещё незаметной реке,
и по крику зайчихи, когда её волк-однолеток
неумело дерёт, и по следу слезы на щеке,
и по тёмному шёпоту густо заросшего лога,

и по звёздной холодной росе, и по шороху вод, –
может ведать: каким Откровением дышит дорога,
и догадку таить, что любая дорога – Исход...

И евреи пошли – и качнулась луна, и застыла –
шли евреи вдоль кладбищ и пастбищ по зову Творца,
и глаза египтян, скрытно каждому целясь в затылок,
освещали дорогу, вобравшую тяжесть свинца.
Перед ними копытили землю бараны и кони,
шли евреи, как стадо, и шли перед ними стада.
Шли вперед по холмам и буграм, как по Божьей
ладони,
шли, и знали – откуда идут, и не знали – куда.
Шли евреи... Не шли, а летели всем скопом к Синаю
по камням и пескам, по пространствам голодных
пустынь.

Шли евреи вослед Адоною и шли к Адоною,
и вбирали глаза жар песчаный, небесную синь,
желтизну окоема, дрожащие блики светила
и короткие тени верблюжьих мозолистых ног.
Под ногами дымилась пустыня, и за ночь остыла,
и опять поутру поджигал их дорогу Восток.
И от жара сутулые скалы слоились, как тесто,
И от холода ночи тянулись, как тянется год.
Шли евреи вперед, будто вовсе не трогались с места,
разбивали ночлег и упрямо стремились вперед.
И терпение Божье, и гневные Божии вспышки
усмирить этих вечных скитальцев уже не могли,
словно родина – только движенье, а смерть –
передышка,
а привал – это контуры обетованной земли.
И луна по стадам распадалась на жёлтые клочья,
и таинственный свет восставал по обочьям дорог.
И пред ними столп облачный – днём,
и столп огненный – ночью
плыл и плыл, словно перст путеводный,
и это был – Бог.
Это пасха была –
всем Божественным праздникам праздник!
Веселись, Адонай, и от рабства народ уводи!..
Позади оставался десяток египетских казней,
десять тысяч еврейских толпились, как смерчь,
впереди...

Мы летим в никуда, и до цели осталось немного,
и проросшие крылья успели уже поседеть.
Если веру Господь и вбивал в нас, то веру в дорогу:
в безоглядную каторгу – ныне, и присно, и впредь...

Игорь Ильин

НЕСКОЛЬКО ИСТОРИЙ ИЗ ЖИЗНИ НАШЕГО КОЛДУНА*

Иллюстрации Тани Соколовой

ИСТОРИЯ ДОХОДЧИВАЯ ИЛИ ПРЕДИСЛОВИЕ К ПОХОЖДЕНИЯМ В ГОСТИ

– ...И все бы хорошо, – пригорюнилась старшая жена утопленника¹, предваряя продолжение сказки, – но нашему мужу, на ту пору ещё утопленнику, довольно быстро открылось наше отсутствие, и этим открытием он был очень недоволен. И тогда, невзирая на свое состояние, он и сам побрел в гости. И уже на ночь глядя как-то незаметно дошел.

– Как? Один? Каким путем?

– Каким путем? – повела плечом старшая жена.

– А путь ему поведали следы.

– Когда я говорю «каким путем», я имею в виду «каким чудом»! – объяснил я.

– Как «каким» – неожиданным! – в свою очередь объяснила старшая жена. – Ну, не ждали его, а он взял – да и пришел. Может, грустно ему стало, а может – проголодался.

– Но ведь это же опасно – ходить по бушам одному! Тем более... э-э-э... в таком состоянии.

– В те дни, когда марула роняет плоды?!

И тут я понял, что если когда-нибудь захочу передать её историю другим людям, то без предисловия не обойтись. Возможно, это не самое короткое предисловие, что когда-либо попадалось вам на глаза, но что поделать? – без него, боюсь, вам ни за что не понять, каким чудом здешние «утопленники» ходят в гости к местным колдунам...

* Продолжение. См. ОЖ 2012-2013, 2015-2016. *Прим. ред.*

¹ Под утопленником (см. предыдущие истории И.Ильина в альманахе 2015-2016 гг.) подразумевается любитель/жертва напитка *масамбала*. О свойствах этого напитка, который готовят из перебродивших нарубленных фруктов и тростника, догадаться нетрудно. – *Прим. ред.*

* * *

Того, кто ходит по гостям через лесные чащи, подчас находят (по костям). Но *не* находят чаще. И тот, кто в дальний путь спешит среди седых

саванн, кого-нибудь да насмешит², но поседеет сам. А уж кого настигла ночь среди бушей и равнин, махнуть с тем был бы не прочь лишь дохлый *бабуин*³.

Когда в сиянии луны, как облака, плывут слоны, а вслед, не разбирая троп, несётся стадо антилоп – тот, кто не

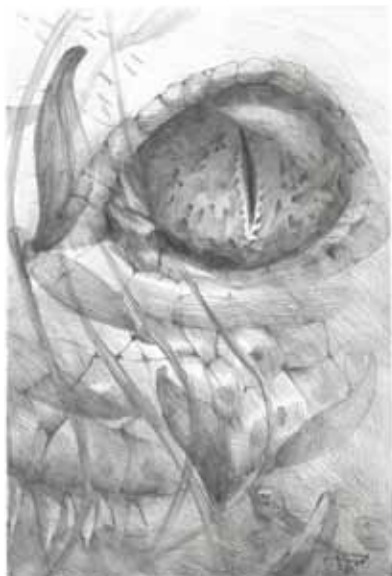
глух, заслышав топот, галопом скачет по болотам, ища от буйных антилоп пристанища среди болот. Но вот найдет ли...

В болотах – топь, и, по уму, не стоит топтать никому, и потому тут благодать, застой и далеко видеть. Шурша, колышется камыш, едва волнуется трава, и лишь пугливая, как мышь, скребется м-м-мысль: мол, есть молва, б-б-будто болото вам не «ква», – а «кряк» и

² Возьмем гиен. Их смех известен, но, скажем, не всегда уместен. И, скажем, в полночь не у всех он вызовет ответный смех. (*Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, примечания принадлежат автору.*)

³ Природа бабуину культуры не дала: он ходит по равнинам в чем мама родила. Заметен в поле чистом его нечистый вид – назвать его нудистом? Не позволяет стыд. Когда он с баобаба взирает сверху вниз, то в обмороке бабы: как миссис, так и мисс. Его стыдить пытались: мол, так негоже, сэр, но тут же наткнулись на языковой барьер. В ответ он корчит рожи, паяц и лицемер, являя молодежи неправильный пример. Его отмыть бы с мылом, дать трость да макинтош – глядь: бывший бабуином стал с джентльменом схож.

мрак, и хворь, и боль, и баловать тут не изволь! Тут только с виду тишь да гладь, а что под гладью – только глядь! В болоте – гниль, в болоте – тлен, и лень берет в дремотный плен; в болоте – муть, в болоте – ил, в болоте – рыщет крокодил. Чтоб крокодилу угодить, не надо далеко ходить: ему кто б на зуб угодил, тот сразу бы и угодил...

Еще в болоте – бегемот (когда не врут – он тут живет). А может быть, – гиппопотам (когда не врут – он тоже там). А впрочем, кто их разберет?! Но в гости он тебя не ждет! Неутомимый, как там-там, он тут как тут, а это вам – не «там как там»: увы, – совсем наоборот! И вот, кто только что был там, тот за тобою по пятам, во весь опор, р-р-разинув

рот⁴ – да так, что оторопь берёт! Тебя бросает в дрожь и в пот поболе, чем от антилоп, и – будто нет иных забот! – до колик подведет живот – тут не такой храбрец, как ты, в избытке чувств шмыгнет в кусты!

Но это не конец тревог. В кустах бытует носорог. Он неопрятен, непригляден, подслеповат и травояден. Он толстокож, недалековиден – и что ж? Ужели безобиден?!

Отнюдь! Он грозен, сколь и грузен, и грязен так, что, не таясь, топтаться может в кукурузе или месить любую грязь. Кто чуял поступь за плечами, ужом петляя среди луж, потом в печали отмечали, что он недюжинно уклюж. В кустах с ним лучше не встречаться – сдавать назад он не привык, недаром не пойдет бодаться с ним ни один бодливый бык!⁵ Остановить его, увы, гуртом⁶ способны только львы...

4 Верней: не «рот», а просто пасть, но в ней, как в пропасти, пропасть... ТАКАЯ пасть наводит грусть. И пусть.

5 И даром, между прочим, тоже, ведь как бы ни был ты рогат, здоровье всё равно дороже – так духи предков говорят...

6 N.B. Львиный гурт зовётся «прайд», но это роли не играет. Поскольку грива есть у многих таких, как лев, четвероногих, понять, что пред тобою лев, тебе поможет «львиный зев». Не все вокруг тебя друзья, и потому зевать нельзя, кому-то ты не столько друг, как пища посланная вдруг. Из тех, кто хочет тебя съесть, кто ЗЕВ раскрыл – тот лев и есть!

А кто не лев, тому – налево (или направо) – хоть куда б, но ближе к небу, вверх по древу: на пальму или баобаб. На пальме ты – тарзан тарзаном, у носорога – здесь изъян: ему на пальму путь заказан, в отличие от обезьян. На пальму он никак не влезет и, если носом не дорос, пусть роет землю, сколько влезет, а ты ему – покажешь нос!

“Кто ты, куда, откуда, как?” – тебя не спросят у макак. Ты, как-никак, для них – родня настолько, что к исходу дня, презрев былой переполох, и сам займешься ловлей блох (что, впрочем, в общем да и в целом, есть важным в перспективе делом: макаки, как и люди, чтут общественно-полезный труд⁷!)

7 В трудах общественно-полезных немало сменится эпох – потомки обезьян облезлых изыщут средство против блох!

Блоха! Она в литературе оставила заметный след, но на блохе (при всей фактуре) ведь клином не сошелся свет... Есть у меня среди знакомых знакомый с миром насекомых. «Что надо им от нас, искомым? – в виду имея насекомых, однажды я спросил его. – Те жажнут крови отчего? Вот отчего мой каждый вечер убийством комара отмечен, но всякий раз уже с утра я вновь встречаю комара? Зачем в саду, где абрикосы, безжалостные жалят осы, и, вспоминая абрикос, жалеешь сам себя до слёз? Зачем где груши и черешни, гудят шмели и выются шершни? Зачем в реке сидят пиявки, готовые вцепиться в плавки, на берегу дежурят слепни, неистребимые, как сплетни, и потирает лапки овод, к тебе испытывая голод? В шкафу одёжном исподволь давно хозяйничает моль, что, надышавшись нафталина, надёжно и неумолимо твои перебирает вещи! В лесах клещи берут нас в клещи – и даже страшно мне в лесу: что я из лесу принесу? Я и в постели не готов всю ночь во сне кормить клопов! А кроме них ведь есть микробы! Тобой полакомиться чтобы, те, куда хочешь, заползут: они с тобой разделят ложе и вызовут то сыпь на коже, то прыщ, а то – неодолимый зуд! Тебе не охнуть и не пикнуть: они малы ведь неспроста – а для того, чтобы проникнуть даже в интимные места! Но мы для них не токмо жажды питья источник дармовой, объект для жалости, но также – основа базы кормовой. Весною, через «не хочу», ты начал поливать бахчу; взойдут ростки, и, хоть кричи – над нею тучи саранчи. Посеешь зелень смаку для, а всходами смакует тля, тебя лишая урожая ж и веры в то, что урожай: посеял, значит, собираешь, не сеял – так не собирай! О тля и тлен! В словах проклятья тлятворный дух незваных бед: воистину «слова, вы – братья», как некогда сказал поэт! Ответь же на вопрос несправедливый: их мир такой... разнообразный, но кто из них, твоих знакомых, опасней прочих насекомых?»

...Прихлопнув тапком таракана, что на столе плясал

Здесь, изменив своим привычкам, начнешь прислушиваться к птичкам, поймёшь, насколько добрый знак в ночи *молчание макак*... Но если сверху грозный рык, ты сам собою наземь – «брык». За этим рыком – *леопард*! И, если он вошел в азарт⁸, спасения, пожалуй, нет...

Зато спустя десяток лет, узрев на дереве скелет, педант воскликнет: «Что за бред! Какая дикость! Нонсенс! Фу! Скелет обязан быть в шкафу⁹!»

Напрасный труд с педантом спорить: педант – и в Африке! – педант, в каких кругах его пристроить не знал и сам великий Дант. Не опускаясь до педанта и не пускаясь в долгий спор, оставь педанта... м-м-м... леопардам – у тех короткий разговор. А сам, потупив взор при этом, будто тебе и дела нет (люблю встречать я, дескать, летом на свежем воздухе рассвет) слегка застенчивой и зыбкой (из-за предутренней росы) одаришь ты его улыбкой неопишуемой красоты. В улыбке будет шарм каприза, игра теней и лунный свет – её завидев, Мона Лиза лица утратила бы цвет; в ней будет и обет молчанья-с, и неуместный, как склероз: «А мы случайно не встречались?» – повиснет в воздухе вопрос. Улыбку ты ему подаришь, а в ней зловещи, как заря, слова почудятся: «Товарищ! Ты... тута... не гулял бы зря!»

О правилах дорожного движения. Их нет, зато они просты: дорогу – льву и носорогу, болото – это канкан, себе плеснул он полстакана, потом – еще один стакан. Глаза его налились мукой, скорбь отразилась на лице: «Мой друг! Мы ходим все под мухой» ...Под «мухой» разумел цеце.

8 Поскольку встреча с леопардом внезапна, как в лесу гроза, заранее неоднократно проверь: уплачено ли за отопленье, за парковку, квартиру, воду и т.п., и приравняет ли страховка такую встречу к ДТП! Тот, кто в саванне иностранец, запомнит пусть, что леопард: во-первых, не вегетарианец, а, во-вторых, не бюрократ. Сезон охоты леопарда открыт с апреля и по март – и весь сезон не покидает его охотничий азарт. Туманным утром, ночью ль тёмной, под шум дождя, в грозу ли, в град у леопарда день приёмный – он твоему приходу рад: без выходных, без воскресенья на протяжении стольких лет! Одна надежда на спасенье: придешь – а у него обед.

9 Английский шкаф – мечта скелета, обитель сказочных чудес: сугробы в середине лета, за шубами – бушует лес. А в старых добрых дебрях шкафа среди невиданных зверей не видно разве что жирафа, но тот большой – ему видней. Быть может, он стоял над схваткой или не влез в английский шкаф – осталось до конца загадкой: на чьей же стороне жираф?! А где слоняются слоны под час бобра с ослом войны? И, если лев – то где же гну? Вы поняли, куда я гну? Вам, может быть, и хоть бы хны, но львам нельзя гнушаться гны: она в цепочке пищевой как раз меж ними и травой. Лишать ее законных трав – есть злостное поправнье прав! А каково, представьте, льву: живя в шкафу, жевать траву?

бегемоту, слону – большое уваженье, а сам – сворачивай в кусты (надеждой тешась, как бы там бы не встретить нам бы *чёрной мамбы*).

Она – то ль поздно, то ли рано, то ли не с той ноги встает?! – весь день с утра не толерантна, а также ночи напролет. Она-то жалит не со зла: ужалила – и уползла, но, если уж ужалит – амба, на то она – не уж, а *мамба*. Уж лучше бы ужалил уж! Уж¹⁰ лучше сходу сесть на кактус, причем не раз, а раз-другой, но это безопасней как-то-с, нежели мамбу пнуть ногой¹¹. С её нервозностью и ядом¹² – никто не хочет жить с ней рядом!¹³

Черна, как траурная лента, как шланг, длинна и, как тесьма, она тонка и *турбулентна*. Да и обидчива весьма.

Обидеть *мамбу* может каждый (коль он застал её врасплох), но поступивший так однажды вам не расскажет в чем подвох (он мало что кому расскажет, поскольку будет очень плох, настолько плох, что очень даже вот-вот издаст последний вздох).

Кто с *мамбой* обошелся худо, пусть на себя пеняет тот, поскольку только в виде блюда попеременно попадет на завтрак, на обед, на ужин, на полдник и на *five o'clock*¹⁴! Но впредь обидчику урок!

Едва он будет обнаружен, окажется, он многим нужен! Презрев вопросы гигиены, к нему направятся *гиены*; как древний миф, *нетороплиф*, подсядет на полянку *гриф*; окрасом – сер, оскалом – ал, не преминет зайти *шакал*. Он телом хил, но нравом лих; всегда подтянут и поджар, к обеду он – как на пожар; без кулинарных процедур ест всё: *ab ovo*¹⁵ – и до кур, не рассуждая, что ж первично (что неприлично, но логично: что курица, а что яйцо – в желудке на одно лицо). На падаль – падок, и так далее. Чуть что – он сник и хвост поджал. Он – сын шакала, внук шакала, и пра-пра-прадедом – шакал (но это – лишние детали для тех, за кем пришел шакал).

Кто бы ни вышел здесь в дорогу, тех ждет

10 Во избежание разночтения редактор подал мне совет (со всем к читателю почтеньем) напомнить: запятой здесь нет!!!

11 Пинать уж лучше дикобраза, а можно – медоеда пнуть: те с одного отучат раза пинать вообще кого-нибудь.

12 Притом она вполне съедобна (хотя питон куда вкусней) – рецепт расскажет вам подробно любой ценитель местных змей.

13 Что детям знать, на мамбу глядя: не надо, дети, с ней играть! Пусть с ней играют злые дяди!!!

И это всё, что нужно знать!

14 Five o'clock (англ.) – файв-о-клок.

15 ab ovo(лат) – «от яйца».

тревожная пора: кругом – напасти, их тут много – и на ночь ужас, и с утра¹⁶.

Здесь в гости ходят все с опаской. Не без прикрас – о том и сказ...

Вы спросите: «А как же сказка?» А сказка – в следующий раз...

ИСТОРИЯ ПОРОСЁНКА (КОТОРАЯ МНОГОЕ ОБЪЯСНЯЕТ) ИЛИ ВЗГЛЯД НА УТРО С ВЫСОТЫ ПОРОСЯЧЬЕГО ПОЛЁТА

– Сегодня я расскажу вам сказку... – сделав страшные глаза, повела свою повесть старшая жена утопленника, когда все жаждущие послушать и покушать расселись с плошками просяной каши¹⁷ вокруг костра.

– Страшную-престрашную? – испуганным шепотом уточнил детский голос из вечерних сумерек.

– Страшнее не придумаешь, – раздумчиво, словно перебирая все известные ей страшные истории, кивнула *страшная* жена.

– С превращениями? – с надеждой на лучшее уточнил все тот же голос.

– Это уж как получится, – не стала скрывать правды старшая жена, с тревогой поглядывая на черную-пречерную тучу, находящую из-за леса. – Говорят, когда-то давно – так давно, что он и сам об этом не помнит – поросенок был очень и очень большим.

– Как слон? – в один голос спросили дети.

– Почти как слон, – не стала упираться рассказчица. – А еще у него был хобот...

– Как у слона? – мгновенно догадались дети.

– Почти, – рассудила женщина, как будто сама меряла. И для пушей весомости добавила, – почти.

– А хобот ему откусил крокодил?! – опережая все сказочные события, наперебой слышались голоса.

– *Shili nawa*^{1A} (очень хорошо) – то ли похвалив детей за догадливость, то ли осудив за поспешность, вздохнула рассказчица. – *Shili nawa!* Но если бы это было так, то и рассказывать было бы нечего. Посудите сами...

Дети посудили-посудили и рассудили так.

– Жил-был поросёнок. Большой-большой. Как

16 А между ними промежуток – смешно сказать! – но тоже жуток...

17 Oshifima (кв.) – густая каша из толченого проса, которую можно есть руками, макая в мясную подливу, буде таковая есть. (Здесь и далее, за исключением особо указанных случаев, примечания принадлежат автору).

слон! И еще был у него хобот. Почти-почти как у слона! Но хобот ему взял да откусил крокодил. И не стало у поросёнка хобота...

– *Ne-e-e-e*, – задумчиво протянул кто-то очень и очень рассудительный, во всяком случае рассудительнее прочих. – *Shili nai*. Как-то нехорошо получается. И чужой хобот откусывать нехорошо, да и свой совать куда ни попадя – тоже не дело. А еще: совсем-совсем непонятно, отчего это поросёнок теперь такой маленький-маленький, как... поросёнок, а не такой большой-большой – почти-почти, как слон?!

Над лесом полыхнуло и зарокотало, все вздрогнули и зажмурились, а поросёнок от ужаса хрюкнул.

– *Shili-shili monjila* (очень-очень путно) – выслушав поросёнка, закивали все вокруг.

И то верно: в раскатах грядущей грозы над деревьями древнего леса вполне может почудиться рёв древнего, как и холмы, на которых выросли древние деревья, животного и, может быть, даже трупный... э-э-э... трубный глас дальнего и – не побоимся сказать! – **ВЕЛИКОГО** предка самого поросёнка, глас, жалким отголоском которого и был тонкий поросячий визг.

– *Indeni kegumbo*, – в тишине между раскатами, глухо, будто из-под воды, слышался голос рассказчицы, – *Indeni kegumbo! Odiva-diva!*

Дважды по два раза повторять не пришлось: прихватив плошки, все бросились в большую хижину, а женщина, собрав угли в тяжелую, изнутри облепленную глиной корзину, поспешила следом. Ходить за огнём было её завидным правом и нелёгким (судя по весу корзины) долгом, но она была старшей женой в краале, а значит – и хранительницей очага, а потому доверить огонь кому-либо, хотя бы и другим женам, у нее и в мыслях не было. Да и огонь, должно быть, давно привык к её рукам – это понимали даже те, кто, будучи в известном родстве с главой рода, были бы не прочь (случись вдруг что) занять её место.

Внезапно стало свежо и зябко: словно далеко за лесом, у реки, о которой дети знали лишь понаслышке от старших братьев и взрослых мужчин, неведомый огромный зверь, распугав крокодилов и вдоволь налкавшись воды, тяжело вздохнул и побрёл в сторону деревни, отфыркиваясь по дороге и обдавая верхушки деревьев холодным молочным дыханием.

Нынче взрослых мужчин в деревне не было, а без них детям было очень даже не по-детски страшно. Причина же, по которой малышня деревни оказалась на попечении одних только женщин была проста: с наступлением поры «красных листьев» мужчины всего племени гнали скот за реку, где на заливных лугах пологого берега еще буйствовала трава.

С возвращением дождей в деревню возвра-

шались и мужчины. С возвращением мужчин в деревню приходил праздник. Костёр горел веселее и грел дольше; каша, сдобренная подливой, в которой попадались даже кусочки мяса, была намного сытнее, а страхи, что таились в ночном лесу, боялись даже подступиться к костру, у которого сидели мужчины. А мужчины сидели у костра, пили просяное пиво и тоже рассказывали сказки.

От них дети и прознали о грозном, как гроза; зелёном, как болото; скрытном, что твой хамелеон в тени листвы; и быстром, как ящерица в погоне за мухой, *Onghadu*¹⁸, крокодиле, который подстерегал любого, кто только-только хотел напиться из его реки. Они так и воображали его себе: то ли большой-большой ящерицей *oshikoko*, то ли очень-очень большим хамелеоном *efimbi*. Таким они и рисовали его прутиком на глине, а на вопрос: «Где же зубы?», ничуть не смущаясь, рисовали зубы отдельно. В совокупности это выглядело так, будто у крокодила вставные челюсти, выставленные по случаю напоказ. Выходило, надо признать, не совсем похоже, и даже совсем не похоже, но зато и совсем-совсем не страшно. Да, кстати, и сказки, что приносили с собой мужчины, были не очень-то и страшными. И даже совсем не страшными, не страшными и на один крокодилий зуб! И можно было слушать их до самого утра...

Но сейчас, когда до утра еще ой как далеко, а дождь, просачиваясь сквозь крышу, по кап-кап-капельке капает уже на пол, то тут, то там прыская колкими, как акация, и холодными, как предрассветная рань – бр-р-р! – бр-р-р! – брызгами; а снаружи, неслышимый в топоте дождя, может незаметно подобраться к хижине и сам, не к ночи будь помянут, зубастый-презубастый (с двумя рядами вставных зубов) крокодил, любая сказка – пусть и о таком милом и теплокровном существе, как поросёнок, *oshingulu*¹⁹, грозила отобрать сон даже у самых бесстрашных и сонливых.

– Так вот, – молвила сквозь нарастающую дробь дождя старшая жена, – сегодня я расскажу вам сказку, как вы уже догадались, страшную-престрашную, и будет она о том, как пор-...

В это мгновение где-то над хижинкой полыхнуло и тут же жажнуло – да так, что все вздрогнули и зажмурились, а кто-то даже заткнул уши, кто-то пригнулся, кто-то присел, а кто-то и наземь упал.

– ...осёнок, – не моргнув глазом, продолжила выдавшая виды и слыхавшая слухи старшая жена, – в те далёкие времена, о которых и сам, поди, ничего не помнит, очень и очень любил...

18 Onghadu (кваньяма) – крокодил. В сказках почему-то встречается только в единственном числе.

19 Oshingulu (кваньяма.; мн. ч. «eengulu») – поросёнок.

Но что любил поросёнок, *oshingulu* в те давние времена, о которых и сам ничего не помнил (зато хорошо помнила старшая жена утопленника!), почти никто из тех, кто сгрудился в хижине у костра в ту ночь, так и не узнал. Над ухом рявкнуло так, что тем, кто уже лежал, встать больше не захотелось, а тем, кто сидел, захотелось лечь и ничего лишнего не слышать. Так и произошло – за тяжелой завесой дождя сгнули привычные звуки: и треск цикад, и голоса леса, и вечный гомон подворья, и слова людей.

* * *

По дождливому стечению обстоятельств осенней поры история, которую начала рассказывать старшая жена, была ведома многим. Ибо, как ведомо многим, ничто так не помогает скоротать дождь, как неспешная беседа у костра или дремотный рассказ о событиях, сколь затейливых столь и поучительных. Но из каких бы источников ни проистекала та или иная история, надо понимать, что все они, эти источники, столь же бесхитростно чисты и не замутнены потоками грязных измышлений, сколь и всё, о чём вы узнаете ниже. Однако начать эту историю придется издали и задолго до поросёнка с его хоботом и неприятностями.

Да не покажется это невероятным, но собрались как-то звери по одному неотложному поводу. Повод был таков: пьянствовать. Вообще-то пьянствовать они собирались каждый год, причем не в том смысле, что каждый год у них возникали такие намерения, а в том, что каждый год эти намерения успешно осуществлялись. Кто стоял у истоков пьянства, доподлинно неизвестно (хотя некоторые подозрения падали на макак), а вот место встречи с пьянством оставалось неизменным и было точно известно всем.

Среди множества что называется «просто сказочных», да и не просто сказочных растений²⁰, коими славятся здешние места, растет себе такое коварное дерево *omuongo*²¹ (более известное, как *marula*, менее – как *Sclerocarya birrea*, а более или менее – как «пьяное дерево»). Под сенью оно и собирались пьянствовать звери. Неопишное же коварство дерева *omuongo* крылось в его плодах. Зелёные плоды, честно признать, были отравой отравой. Зато зрелые за лето наливались таким знойным соком, что принимались бродить, как попало: одни – едва коснувшись земли, другие – еще на ветвях, а третьи – и вовсе на лету. Да что тут тень наводить, когда и дикобразу было ясно, что плод *marula* – тот еще фрукт!

Этот-то фрукт и вызывал известное брожение в умах и желудках у тех, кто падал на сладкое. А падкими

20 См. Ethnobotany of Kwanyama.

21 Плоды *omuongo* называются *eengongo*.

были поголовно все – от мала до велика. И только самые великие и стойкие могли устоять, устоять на ногах, отведав всю низость коварства спелых плодов. Стойкими, с оговорками, считались слоны, носороги и куду^{2В}.

Относительную стойкость проявлял и жираф. Хотя его и относило то туда, то сюда от вожденного древа, он всякий раз возвращался и продолжал начатое дело, пока не обмякал, задумчиво опершись подбородком на надежную ветвь где-то высоко в кроне. Так и

засыпал, вызывая недовольство тех, кто путался у него под ногами, подбирая падалицу. Спал он, впрочем, недолго и нужно было следить, чтобы вовремя ускользнуть прежде, чем он начнет брыкаться, стряхивая минутное наваждение.

Первыми на сказочное дерево налетали, скорее всего, птицы. А вот едва ли не последним налетал носорог. Он вечно прибегал впопыхах, будто боялся, что обойдутся без него, и, *по слабости зрения*, с разгону бился лбом о ствол, вызывая сильное *древотрясение* с обильным плодопадом. Признавая за ним эту его маленькую слабость, все загодя раздавались по сторонам, и, переждав плодопад, осторожно прокрадывались обратно.

Надо ли говорить, что, даже припозднившись, носорог получал свою носорожьей долей. Слоновьей доля, благодаря росту и хоботу, доставалась слону. И потому даже маленький слоненок спал столь сладко, что, подкладывая под голову мягкого страуса,

приобнимал того за шею, дабы пернатый не удрал. Но какова же была доля нашего поросёнка? А доля у него была, прямо скажем, свинская – оттого, что все прочие поступали с ним как-то по-свински. Верхушку обносили макаки, слоны и жирафы. Потом прибегал трезвый носорог, с которым, пока он трезв, шутки были плохи. Сурикату^{3С} и бородавочнику хватало и того, что падало с неба. Поросёнок же вечно оставался с носом – вернее, носился со своим хоботом, поскольку ему всегда не хватало чуть-чуть: то ли дотянуться выше слона, то ли подобрать то, что упало, шустрой сторожких сурикатов. В общем, куда ни кинь – не хватало чуть-чуть. То есть, как бы и хватало, но только «почти».

Из-за этого «почти» было не то, чтобы очень обидно, а очень и очень даже обидно. А чем обиднее обида, тем пуще она ищет выход.

* * *

В поисках выхода для великой своей обиды – ибо нельзя же допустить, будто кого-то великого могла точить мелкая обида! – великий предок поросёнка долго думал. Думал-думал и додумался:

СРЕДИ ВЕЛИКИХ
ОН
ДОЛЖЕН
ВСТАТЬ
ПЕРВЫМ!

С этой мыслью он не то, что уснуть не мог, а даже вовсе не ложился и еще засветло сел под деревом – ждать. Мало-помалу то, что было «засветло», покраснело докрасна, а там – и смерклось дотемна, и

незаметно на поросёнка наступила ночь. И тут уж, как бы ни был он велик, а с наступлением ночи ощутил себя таким маленьким и потерянным, всеми забытым и покинутым, и таким никому-никому не нужным, что впору было то ли повить на луну, то ли напиться до поросёньего визга.

Вить на луну поросенок не умел, оставалось напиться, но и тут выходила заминка: дожди на ту пору уже иссякли, овраги опустели, и высохла даже грязь в низинах и долинах, отдав свою влагу деревьям, травам и облакам. Деревья налились плодами, травы поднялись, а облака уплыли прочь.

Зато уж безоблачная ночь выдалась на загляденье. Небесные светлячки, переливаясь, как роса поутру, мерцали так ярко, что, казалось, освещали самые глухие тропы в самых что ни на есть, беспросветных уголках леса. По ясному небу то и дело пролетали горящие стрелы, устремляясь туда, где за мутневшими в дальней дали тёмными скалами скрылось остывающее вечернее солнце. Когда же выглянула луна, огромная, словно глаз испуганной антилопы гну, сделалось окончательно ясно: ясно, что если и бывают такие ночи, что слывут «волшебными», то эта одна из них.

Лишь одна непроглядная туча смущала взор, устремлённый в прозрачное небо. Эта туча висела прямо над головой, и всю ночь в ней происходило какое-то брожение. И, что вполне ожидаемо, несколько плодов смачно шмякнулось неподалёку, а один – тот и вовсе угодил поросёнку по лбу, как бы подталкивая к определенным открытиям. Так ему открылось, что первыми на заветные плоды налетают не звонкие ранние птички, как можно было подумать, а безмолвные ночные существа – *elindilindi*²².

На голову они не падали (что тоже могло бы заставить задуматься), но дальше этого открытия великий предок не пошел. А обратил он к ним свой трубный глас с великою, опять же, просьбой: пока все спят, в тиши поднять его повыше на вершину, дабы и самому обойтись по-свински с теми, кто так же обходился с ним. Ничего не сказали в ответ ему скрытные жители ночи, а, ни слова не говоря, взвились в подлунную высь и (отказавшись от сладкого!) подались куда далее прочь – так, словно их ветром сдуло.

И с горечью вспомнилось Великому предку, как его Великий предок поведал, что однажды вот так же, задрвав голову, сидел он под заветным деревом, когда увидел в небе стаю ширококрылых нездешних птиц с гибкими, как змея, шеями, и растопыренными, как у лягушки, лапками, но не зелеными, как листва весной, а желтыми, как листья перед засухой. И так же обратился к ним с маленькой (относительно своего величия) просьбой, но те лишь загоготали в ответ. А вожак, описав плавный круг, бросил с высоты (недосягаемой,

как оказалось, для засохшего комка грязи): он-де птица высокого полёта, а зовут его *Ohokui*²³, и не дело ему, такому хорошему, опускаться до какого-то грязного животного, и оттого, дескать, не друг он поросёнку.

Обидными были эти слова, обидными потому, что когда-то его предок (то есть предок предка поросёнка) предок обращал свою просьбу к птице куда более высокого полёта. Звали ту птицу *Ohua*, а парила она так высоко, что снизу и не разглядеть: то ли это мошка малая вьется у самого носа, то ли и впрямь – могучий и гордый *Ohua* кружит в необозримой синеве. Так вот, *Ohua* упрашивать себя не заставил, а в мгновение ока до поросёнка снизошел, можно сказать даже – камнем упал с небес! Но куда он унёс предка предка поросёнка – так и осталось тайной.

Поэтому и завещал тогда великий предок великого предка нашего поросёнка всем потомкам своим: никогда ни о чём не просить птицу *Ohua*, а лапчатой птице *Ohokui* передать, что и поросёнок отныне её знать не знает, и потому – не друг эта птица ему.

Озирая небесные дали, где затерялись, как ветром сдутые, *elindilindi*, великий предок подумал: надо бы ему самому передать своим потомкам, что и крылатых жителей ночи просить, как это ни печально, не о чем...

А в наступившей после их отлёта тишине могло показаться, будто волшебная ночь так и пройдет незаметно, не явив никому волшебства, как и любая другая, вполне себе обычная ночь. Но так могло лишь показаться. А показаться потому, что в сказках никогда и ничего сразу не делается. А не делается потому, что ночь впереди длинная, и надо, чтобы хватило слов дожидаться, пока дремота смежит веки самым терпеливым слушателям.

Вот почему иногда волшебство происходит не ночью, а тогда, когда уже брезжит рассвет.

* * *

Когда поросёнку показалось, что уповать уж больше не на кого и осталось лишь биться головой о ствол, в гуще ветвей послышались голоса. То есть, очевидно, хотя не очень-то и видно, поначалу только показалось, что они послышались; но, попрядав ушами, поросёнок убедился, что голоса не только послышались, но и донеслись. Он прислушался. Такими крикливыми, визгливыми и противными голосами могли говорить между собой только макаки. И как тут было не вспомнить, что именно за макаками длинным хвостом тянулась череда таких бедовых историй, что и поверить

23 *Ohokui*(кв.) и т.д. – перевода названий птиц в этой истории нам найти не удалось. Посему эти названия здесь употребляются как имена собственные. Так их и следует воспринимать.

22 *Elindilindi* (кв.) – местный вид летучих мышей.

трудно, а среди них и та, будто ни кто иной, как они, макаки, и проторили тропинку к пьянству, по которой уже пошли другие звери.

Вот и нынче, пока честные звери спали: кто – в чёрной норе, кто – в желтой траве, кто – в тихом дупле, кто – в густых кустах, а кто – и попросту где придется, самые хитрые уж были тут как тут. И тут-то, уже в предрассветную пору, поросёнок – как бы это красно выразиться? – под сенью пьянящей осенней листвы и осенило. Как верно его осенило, доподлинно не известно. Очень может быть, его даже не осенило. Может быть, ясное осеннее солнце уже раскинуло свои лучи по краю леса, заодно озарив и поросёнка. А может быть, хватило и одного лучика, который пощекотал поросёнка за ушком и тем ускорил ход его мыслей. А ход его мыслей между тем был сколь извилист, столь и путан, но, конечно, был таков.

* * *

...Хорошо тому, кто птица! Птица падать не боится – есть у птицы два крыла, чтобы та летать могла.

Крыльев нет у носорога, но ему везде дорога. Даже там, где нет дорог, путь проложит носорог. Там, где удаль носорожья – не бывает бездорожья! Там и треск, и хруст, и топот, и куда глаза глядят, убегают антилопы, люди, зебры, леопард... убегают все подряд потому, что жить хотят.

Леопард летать не может – потому, что крыльев нет, но с его когтями тоже он всегда найдет обед. Сверху видит, как на блюде, желтых глаз голодный взгляд: леопарды (как и люди) очень любят поросят.

Да и кто же их не любит – любит, например, питон: повстречает, приголубит и в объятья примет он. Хочешь в луже искупаться, глядь – а в ней уже питон: тут же лезет обниматься (только это – моветон). Но зато питон упитан, и красив он, и силен: днём ли, ночью крепко спит он, потому, что он – питон.

А возьмем, хотя бы, кобру (впрочем, лучше бы не брать) – вот у кобры даже рёбра можно все пересчитать. Кобра пялится недобро и, шипя, стоит без ног – не имейте дела с коброй, если вы не носорог! Кобра лазит по деревьям – непонятно даже, как... у зверья к ней нет доверья, в том числе – и у макак.

А макакам – не до скуки, ведь не зря гласит молва: если уж свободны руки, то пустая голова! Палку взять и бросить камень – это может не любой, а лишь тот, кто сам с руками и, конечно, головой.

Среди бушей, будто парус, промелькнувший вдалеке, ходит-бродит птица – страус; странен он, когда в тоске, то ль в унынье прозябая, то ль от зноя изнывая, то ль забот иных не зная, прячет голову в песке. Вот такая птица – страус. Оставаясь таковой, тем не менее, он – казус (видно, что-то с головой).

А еще есть львы ... Увы...

* * *

Приблизительно на этом повороте в ходе своих мыслей (хотя, может быть и на любом другом) поросёнок спохватился, сдал назад и сказал себе “тпру-у-у” ..., то есть “хрю-у-у”. Макаки перестали жевать и хотели было первыми бросить в него камень. Но камня под рукой не оказалось, а разбрасываться волшебными плодами макаки и сами не захотели. Тем временем чудодейственные плоды уже начали действовать чудным образом: сверху похихикали, переговорили, кто-то куда-то побежал, откуда ни возьмись появились крепкие лианы или украденные у сонных людей бесхозные сырмятные ремни, и под общий визг и хохот поросёнок был поднят и водружен на самую древнюю и толстую ветвь волшебного дерева²⁴

Там его и застала залетевшая на шум в надежде пожитья бесшумная ночная птица *Exuvi*, но, завидев среди ветвей целого поросёнка, выпучила глаза, покрутила головой, замахала на него крыльями и пропала так же бесшумно, как и появилась. Правда, с тех пор вот так, выпученными глазами, она и

глядит на мир. А от её головокружений у любого, знакомого с ней не понаслышке, от собственного *недоумения* идёт кругом голова.

Шла голова кругом и у поросёнка. Но не от того, что он пытался покрутить ею, подобно пучеглазой отныне птице *Exuvi*, а от высоты своего положения и чудной силе воздействия волшебных плодов. Хотелось то ли петь, то ли танцевать, то ли всё вместе и сразу. А сил противодействовать этой волшебной силе с каждым съеденным плодом становилось всё меньше.

24 Схожая версия этой истории бытует и у народностей Мозамбика (см. *Contos de Mozambique*) Отличается она тем, что в ней для подъема на вершину поросёнок обходится без посредничества макак, а сам мастерит воздушного змея. С нашей точки зрения, эта версия менее правдоподобна. В пользу же нашей версии говорит, в частности, тот факт, что в португальском языке домкрат называется “*macaco*”, что для нас является исчерпывающим доказательством подъемной силы именно макак.

Давно известно, что на тело, помещенное в гущу ветвей дерева *marula*, действуют несколько сил. В этой истории важны две: сила брожения и сила тяжести. Возможно, ввиду силы внутреннего брожения, поросёнку приспичило и самому побродить по дереву. А может быть, хватило силы тяжести самого поросёнка, удвоенной поглощенными плодами, но вдруг раздалось громкое “хрясь”, а мгновение спустя - “грюк” и “хрюк”. Последние два звука слились в один: г-х-х-р-р-хрюк! Что было дальше, можно и не говорить.

* * *

...Дождь к тому часу совсем уж иссяк. И в сказке можно было бы поставить долгое-долгое-долгое многоточие: кап...кап...кап...

Но в серых предрассветных сумерках слуха рассказчицы коснулся тихий-тихий шепот, и, оглядевшись, в глубине хижины она увидела всё ещё открытые любопытные детские глазки.

– *Мете*, – спросила маленькая девочка, которая до рассвета, кажется, так и не сомкнула глаз. – *Мете*, а что же было дальше?

– А дальше, – немного удивилась рассказчица, – рассказывать-то особо и нечего. Последнее, что увидел поросёнок с высоты, была большая семья слонов. Во главе со своей бабушкой слоны неспешно шли к заветному дереву, а по пути зачем-то валили другие деревья. Поросёнок очень удивился, но присматриваться и размышлять не стал, потому что и без этого понял, как действовать, если поблизости нет макак. А слоны, между тем, корчевали отнюдь не все деревья подряд, а только колючую акацию. И вот почему. Акацию с её ядовитой листвой слоны не любят. А любят они траву. Но под акацией трава не растёт. Трава растёт там, где акации нет. Умные слоны поняли это давным-давно. Вот только поросёнку рассказать о том не успели.

Поросёнок же понял всё по-своему и с тех пор стал подкапываться под заветное дерево. За это его и невзлюбили все остальные звери: и жираф, и носорог, и бородавочник, и даже макаки. Так и вышло, что любой, кто замечал поросёнка за подкопом, так и норовил его обидеть и тут же прогнать. В бегах поросёнок становился всё меньше и меньше, да и хобот ему теперь только мешал. Так что, очень может быть, он и сам отринул его, как ящерица хвост, в годину большой опасности, с визгом улепетывая от какого-нибудь носорога. И уже сильно измельчавший, и отощавший, и без хобота, он и приблизился к человеку.

25 Деревья акации начинают испускать яд не сразу, а когда с них обрывают листву. Поэтому жирафы, которые все же приспособились ее жевать, объедают только верхние листочки и тут же переходят к другому дереву.

* * *

– ...На том, пожалуй, и закончим эту историю, хотя бы потому, что кому-то уже очень давно пора спать, – сказала *Мете*, приворачивая девочку к себе и согревая её своим теплом.

* * *

– ...Не один дождь пройдет, и не раз еще сменят деревья листву, пока ты вырастешь; но когда-нибудь ты обязательно вырастешь – и вырастешь рассказчицей, что и передаст эту и другие истории будущим людям, – подумала она, отчего-то вспоминая себя. Но вслух ничего не сказала.

...Кап...кап...кап...

(Endnotes)

1А В данном тексте курсивом выделены написанные латиницей слова на языке Кваньяма – одном из региональных языков Анголы и Намибии. – *Прим. ред.*

2В Куду – вид африканских антилоп. *Прим. ред.*

3С Сурикат – вид млекопитающих из семейства мангустовых. *Прим. ред.*

ИСТОРИЯ СЛЕДУЮЩАЯ. ВЗГЛЯД НА УТРО С ВЫСОТЫ ПЕТУШИНОГО ПОЛЕТА ИЛИ О ЧЕМ МОЛЧАЛ ПЕТУХ

... С первыми петухами собрался было подать голос и местный петух. Собственно, ради этой утренней радости он и встрепенулся ни свет ни заря.

Раскинув крылья, что придавало ему даже некое отдаленное сходство с орлом, он вспорхнул на частокол, что уже заметно возвышалось над разными курами, *распетушил* хвост, что подымало его в куриных глазах на высоту, недоступную уже никакому орлу, слегка прокашлялся, вытянул шею, но...

Вместо *ВОЛЬНОГО* и *КУРАЖИСТОГО* петушиного “куры-куры, ку-ку” из горла у него – можно сказать, курам на смех! – вырвался какой-то *недо-ВОЛЬНЫЙ* и просто-таки *обескураживающий* орлиный клекот.

Но курам было не до смеха. Они разом вздрогнули, залопотали крыльями и бросились врассыпную. Ибо одно дело – игриво бегать по двору от петуха, как и положено по закону естественного отбора, и совсем другое – от орла, который занимается отбором противоестественным.

В тягучей тишине, что твой петушиный гребень, наливался рассвет. Красками рассвета наливался

петушиный гребень. А петух все не мог собраться с духом. И вот отчего.

В наступающем свете дня не было нужды тарачить очи, как филин, или воспарять в необозримую высь, как тот же орел, чтобы внизу, у самой ограды, разглядеть нечто большое, темное и *бревнообразное*. И при всей своей *бревнообразности*... кх-кх – ещё и подающее признаки жизни! Такого сочетания признаков петух не любил. Так завещал ему дух его предков. А за этой нелюбовью стояла одна дивная давняя история.

* * *

А было так. Приключился как-то с одним* из его предков такой вот обидный сон: словно он понимает слова людей. Да не какое-то там «цып-цып» да «кыш-кыш», а самый что ни на есть темный смысл людского “бу-бу-бу” и “шу-шу-шу”. И вот снится ему, будто в некую голодную пору, наслушавшись *надо-и-не-надо-вьедливого* куриного «куда-куда», пошел он узнать, что думают себе люди. И что же слышит он? А слышит он, что *куры есть куры*.

Куры несут.

Куры несут яйца.

Куры несут ЛЮДЯМ яйца!

А взять петуха?!

Что он несет?!

Да-да, вы только послушайте,

Что он несет!!

А что, если взять петуха да и...

Слушать далее, что с ним сделают, если его возьмут, не было мочи. И петух подался прочь, подальше от людей с их тайной злобой, корыстью и коварством. Закат пылал, как петушиный гребень. Петушиный гребень багровел, как закат.

Когда бы среди петушиных предков числился страус, петух просто окунул бы голову в песок, глядишь – и поостыл. Но он был не из тех, кто прячет голову в песок. И даже не из тех, кто вообще что-либо прячет. Он был из тех, кто смело достает. Но что тут было доставать, когда раскаленная полуденным зноем земля пусть и не горела под ногами, однако все еще нещадно припекала, как та змеей шипящая зола, когда в ней запекают *ошикопу*²⁶. Зато вот от вечерней воды уже веяло влажной прохладой, и потому петух сгоряча устремился туда, откуда пахло питьем.

Покуда, петляя под пологом пуши, петух перебежал к питью, подле питья, помимо прочего, по песку поползли подозрительно плотные тени. Потом послышалось “плюх-плюх-плюх” – и тени плавно пропали в воде.

Наступала ночь. И на ночь глядя, приходилось

26 Oshikopa (кв.) – «сладкий картофель». – *Прим. авт.*

признать: ничего в той ночи не видать, и ничего до утра не предвидится. Пришла пора подумать о ночлеге. Но это только говорится «думать», а думать-то было и нечего. Не стал мудрить и петух. У первой же кучи, что теплом своим чем-то напомнила ему навозную, он привычно загрёб лапой, раскапывая местечко поудобнее, и... а вот тут-то впору было б и задуматься: в ямке томились яйца...

Как они туда попали? Кто их снёс? Но об этом ли нужно было думать, когда глупые люди думали, будто он, петух – петух! – не способен додуматься принести им, людям, яиц?

Когда наутро нога первого человека ступила в курятник, глаза его чуть не выскочили *из*. На видном месте гордо восседал петух. Опознав человека, он как бы нехотя привстал, и взору человека открылось то, чего тот уж никак увидеть не ожидал.

Человек выскочил туда, куда позвали его глаза. Но выскочил ненадолго. И вернулся уже с другими людьми. С ними произошло то же. В тот день шум и гам людного сборища впервые заглушил то, что когда-либо происходило в курятнике.

– Виданное ли дело, – шумели одни, – что бы петух приносил яйца!

– Какое там «виданное», – перекрикивая первых, галдели другие, – если оно даже неслыханное!

– Да и петушиное ли это дело?! – петушились третьи.

– Уж, не к дождю ли это? – как бы ненароком вопрошали четвертые.

В пылу противоречий послали даже за колдуном за две деревни от курятника. Подгоняемый напутствиями, посланец обернулся быстро, и уже за полдень все противоречия были забыты. По словам колдуна, правы были как первые, так и вторые, так и третьи. И лишь относительно дождя колдун не очень-то был уверен. То есть был. Но в обратном.

– Не дождетесь, – поглядев на небо, заметил он.

Что до самих примет, которые столь же невиданны, сколь и неслыханны, то он предположил: они говорят не столько о смене погоды, сколько о перемене мест.

После полудня не проползло еще и четверти тени, как все увидели, что и колдун тоже прав.

Вначале, кто куда, бросились куры. Потом рассыпался курятник. А вслед за курятником врасыпную бросились все.

Дивиться невиданной спешке, с которой всё живое покинуло родную деревню, может лишь тот, кто сам никогда не бегал от крокодила.²⁷

Единственным, кто не стал убежать, был

27 По данным британских учёных, что знаются на крокодилах, последний способен развивать скорость до 14 км/ч на короткой дистанции. – *Прим. авт.*

опять-таки петух. Будучи какой-никакой, но птицей, то есть существом, предрасположенным к полёту, он воспользовался тем, что умел делать лучше крокодила. Захлопав крыльями, как та пальма на ветру перед дождем, он взвился ввысь перед самым носом *оголотелого* у себя в болоте хищника и одним махом (или двумя) *очудился* на ограде. Как будто она могла оградить его от дальнейших поползновений.

Быть может, так бы оно и случилось, когда бы крокодил, кроме поползновений, не выказал еще одну свою, равно губительную склонность: склонность к *попрыгновениям*.

Сторонние наблюдатели (их можно так назвать потому, что с той стороны, куда они успели добежать, все было видно как на блюде) на пальцах потом показывали, *на сколько* петух разминул с верной гибелью. Для показа хватало одного мизинца. Словом, петуха и впрямь спасло чудо, хотя частокол оно и не спасло.

А вот наглядно оттопыренный, чудомерно-показательный мизинец заставлял задуматься. Он очень заставлял задуматься. Заставлял задуматься о том, как даже самое, казалось бы, малое чудо может, оказывается, привести к очень и очень большим последствиям. Последствия же были таковы.

В тех краях, где водятся крокодилы, люди не понаслышке знают, что крокодилы умеют не только *водиться*, но и *сушиться*. Поэтому лучше с ними не водиться. Ни в воде, ни на суше.

А петух с той поры стал очень плохо спать. Сны ему, даже если и снятся, всегда коротки и тревожны. Но это и не важно, потому что он их не помнит. И хотя на *заре* он уже на ногах, на чужое не *зарится*. А когда пьет – даже когда пьет из лужи! – от пережитого некогда ужаса всегда закрывает глаза.

С ним пытались поговорить. И не однажды. Но дети, которым это было интересно, с возрастом убеждались, что говорить с ним особо не о чем. Поскольку, кроме «цып-цып» и «кыш», он, кажется, ничего не понимает. Но, может быть, это и к лучшему. Для всех.

ИСТОРИЯ ОТХОДЧИВАЯ, ИЛИ СЛЕДУЮЩАЯ ЗА ПРЕДЫДУЩЕЙ

Дремучей ночью колдовской ничто не спит вокруг, пока во тьме горит костер, сжимаясь в тесный круг. Вокруг костра – глаза друзей, а за – в чертогах ночи, среди деревьев и теней мерцают злые очи. В нечаянном отблеске луны их мимолетен взгляд – они, как осень, холодны и за огнем следят. Взлетают искры над костром и гаснут среди звёзд. Здесь дым, как дом, тебе знаком, здесь дым – родной до слёз. А в тихих

сказках у костра, известных наизусть печаль полей, лесов тоска и палых листьев грусть. В далекой дали, в облаках, не твой ли бродит дух, пока ты дремлешь, и пока не прокричит петух?

* * *

Мы совсем забыли о том, что будущий бывший утопленник, изнемогая от жажды как таковой и жажды знаний (а знать он хотел, куда подевались его беглые жены), преодолел не малый, а долгий и опасный путь, который в иную пору года и в другие дни мог стать основой куда более короткой истории, чем та, что разыгралась на колдовском подворье. Впрочем, история, как всем известно, совсем не о том, что было бы и чего не было, а как раз наоборот. История – она как бы о том, что было, а если в чем-то и привирает, то уж не в том, что было бы, а только в том, что было.

История же, что приключилась наутро с будущим бывшим утопленником, честно говоря, была такова.

Вкусив того самого зелья, от пагубного пристрастия к которому собирались – втайне от него самого – вылечить утопленника ценой целой коровы, все напелись песен и дружно спали. Не спал только сам утопленник. То есть он-то вроде и спал, но как-то очень чутко: то и дело просыпался, вздрагивал, от кого-то отмахивался и кого-то призывал. Попутно он то дрыгал ногами, словно пытался убежать, то шарил по земле, словно подыскивал камень, которым хотел в кого-то запустить, то куда-то полз, то внезапно замирал – словом, наутро он уже настолько обессилел и окоченел, что петух, взлетевший на покосившийся от ночных передрыг осиротевший шест, никак не мог взять в толк, что в таком случае должны делать петухи и на всякий случай промолчал.

Что привиделось петуху – неизвестно, но можно предположить, что от увиденного к нему, пусть и ненадолго, вернулась память предков, и он вообразил, будто перед ним поверженное тело древнейшего его врага, крокодила, и решил отомстить за пережитый некогда ужас. Никому ничего не сказав, он слетел с шеста и со всей петушиной прыти клюнул утопленника в нежную часть тела, а потом, отвернувшись, еще и нагреб земли, словно собирался тут же его и похоронить, однако передумал и хотел было клюнуть ещё раз, но тут услышал грозное «кыш» и, от неожиданности сделав дело, в котором ему было стыдно признаться, уже не помня себя – снова вспорхнул на шест.

А «кыш» ему сказала не кто иная, как старшая жена утопленника, поспешая на выручку к последнему; она даже успела склониться над телом, когда утопленник внезапно вскинулся и ...

* * *

Тревожной ночью утопленник просыпался неоднократно. Он только боялся открыть глаза: под вечер – ужас, наутро – неожиданность, а между ними промежуток, как ни гляди, но тоже жуток. Чтобы проснуться как-нибудь, себя ты просишь ущипнуть. Тебя тотчас же щиплют, и щиплют ощутимо. Но, расплющив веки, ты видишь пред собою пакостного петуха, что, склонив голову, косится на тебя одним глазом, и понимаешь, что уж кого-кого, а его не стал бы просить клевать себя в ту часть родного тела, куда он клюнул. И тут ты совсем нечаянно отчаянно подбиваешь глаз склонившийся над тобою старшей супруге. Однако если с ней все ясно, то почему глаз оказывается подбитым также и у тебя? Это осталось загадкой... гадкой-гадкой.

Так или иначе, но с каким-то *одноглазым* ощущением происходящего ты хочешь не хочешь, а приглашаешь местного колдуна в гости. Колдун приглашение принимает, скромно сокращая число будущих гостей до двух. Но почему среди этих двоих непременно должен быть пес?!

– Неужто помирились? – вспоминая былые их распри, спросили друг друга взглядом присутствующие жены. – Но где же в таком случае *спасительно-отвратительное со-снадобье*? – переспросили они, хлопая ресницами.

– А я сразу поняла *со-сна*, что *со-сна-добью* нужен срок, – намекнула старшая, не моргнув глазом (напомним, что этим утром она чувствовала легкое *недоморгание*).

По причине того же *недоморгания* проследить за *соглазием* жен не смог и утопленник. Его больше занимали собственные мысли. У него их, собственно, накопилось несколько: что здесь делает любимая корова? Что здесь делают его жены? Что здесь делает он сам? И что вообще здесь делается?

– Сглаз, – с грустью подтвердил колдун, разглядывая скособоченное выражение лица своего гостя, внезапно вышедшего попрощаться.

И нехотя вывел *незаслуженную* корову.

– И что же делать? – перехватывая корову, встрепенулся утопленник.

– По зубам увидим, – зачем-то изучая коровьи зубы, ответил колдун.

– Не забудьте рассказать, что увидели, если вдруг ненароком окажетесь в наших местах, – стараясь не показаться навязчивым, попросил утопленник, выводя корову за ограду.

– Судя по зубам, окажусь, – поделился наблюдением колдун, обходя корову с другой стороны

– Вот и хорошо, – кивнул утопленник, попутно присматривая погонную хвостину.

– Вы только... берегите себя, – побеспокоился

колдун, трепля корову за холку.

– Да и вы тоже, – нашелся утопленник, проскальзывая меж коровой и колдуном.

– Жаль, конечно, что вы так спешите, – огорчился колдун, – но и мы, как только будем готовы... так сразу и поспешим к вам, – заверил он на прощанье.

Так на неопределенный срок расстались эти двое, можно сказать, еще вчера незнакомых, но уже очень и очень *обходительных* человека.

* * *

К сожалению, наедине со своими мыслями и женами столь же приятных в обхождении качеств утопленник не выказал. Напротив, погонную хвостину он использовал как доказательство *противного*. Из-за этого, как подметила старшая жена, припоминая извилистую дорогу домой, и вспоминать о ней *противно*.

Зато уж, как говорится, ни одно животное не пострадало.

* * *

... Впрочем, воротясь восвояси, утопленник быстро отошел. Он, вообще, был отходчивым. А быстрота его отходчивости определялась объемом все той же *масамбалы*, помноженным на ее же магическую силу и кратным количеству попутно поглощаемой еды. Так что... дома он довольно-таки быстро отошел и во сне еще довольно чмокал губами, даже не подозревая о том, что на том конце его вчерашнего пути будущие (или пригрозившие стать таковыми) гости тоже *поглощены* тем же напитком, но не *поглощают* его, а ... но об этом лучше не знать, по крайней мере – пока...

Юлиана Полякова

НО ЧТО ЗАПРЕТЫ ДЛЯ ПОЭТОВ?

* * *

И длинный перечень запретов...
Но что запреты для поэтов?
Всего лишь поиск новых слов,
Всего лишь повод для страданий,
Предлог для новых рифмований,
Всего лишь взгляд поверх голов.
Но я как видно, не поэт –
Саднит запрет.

* * *

И ласточки. Зачем-то детство снится,
И теснота зеленого двора,
И темная от влаги черепица
И хор сверчков до самого утра.
И ужас – серый голеный птенец
На старой растопыренной ладони.
Пять лет – начало мира и конец –
Дальнейшее – уже на этом фоне.

* * *

И снова пасмурно до слез.
Темнеют тучи дождевые.
Остатки листьев ветер снес –
И мертвые, и чуть живые.
Фонтан до лета отключен,
Пустой бетон во чреве сада.
И так покорно клонит в сон,
Как будто бы и я дриада.

* * *

И вдруг вспоминаешь не то, что нужна,
А то, что кому-то и что-то должна.
И что обещаешь нелепый пустяк
Тебе не позволит уйти просто так.
И вновь принимаешься осень глотать,
У липы медовые пряди считать...

* * *

Собачью голову прижму:
Мой пес пришел во сне.
Зачем-то я нужна ему –
Со всем, что есть во мне,
Со всей невыносимой тоской,
Не перелитой в стих.
И он идет ко мне, такой,
И ищет ласк моих.

* * *

Мне проще домыслить котурны на вас:
С которыми тянешься ввысь,
И чувствуешь, как уж бывало не раз,
Что крылья твои напряглись.
Мне нужно, чтоб рядом была высота,
Да нет – не кумир, не герой,
Не детский восторг до открытого рта,
А сила взлететь над собой.
И как нелегко объяснить и понять:
Порой эту силу дает,
Не слово, не голос, не жест и не стать,
А лишь головы поворот.

* * *

Луна залетит клюквой театральной
И кровь привычно выдадут за сок.
Комедии не будет идеальное
Под Пака похотливый голосок.
Все склеено.
Все было так, как стало,
Легло волшебной сказки покрывало
Прикрыв собой и текст, и перевод.
Все склеено.
Как было, так и стало,
Хоть зритель и мечтал – наоборот.

Вадим Жук

ЖАЛЕЮ ВАС, ХОРОШИЕ, ЖАЛЕЮ

* * *

С прежним живу на земле интересом,
Столько вопросов – что голых на пляже:
Было ли что у Наташи с Дантесом
Или напрасно все эти лепажи?
Населены ли высокие звёзды?
Можно ли снег настоять на спирту?
У воробьёв есть какие-то гнёзда,
Или они как-то так – на лету?
Или вот люди, обычные люди,
Я до сих пор до конца не просёк:
Мы – в смысле люди – мы были и будем
Или немного побыли и всё?

1.1.2018

* * *

Как будто кем-то сожжены
Все петербургские мосты,
Как будто мы окружены
Безмолвным слоем пустоты.
Как будто в этой пустоте
Я заблудился и пропал,
Как будто ангел улетел
С Александрийского столпа.
Как будто правят щит и меч
На всё готовую толпой,
По каждой площади – картечь,
И в каждой дворницкой – топор.
И зарастает серым льдом,
И желтой ряской неживой,
Твой петроградский бедный дом,
Твой одинокий, угловой.

4.1.2018

* * *

Если полюшко – не минное,
Если Олюшка – невинная,
Если долюшка – былинная
Если тятенька – с наградами,
Если кладбище – с оградами.
Если озеро – с наядами.

А у вас томат без частичка,
А у вас пиджак без хлястика,
Ерундистика из пластика.
Вот и полюшко взрывается,
Вот и Олюшка спивается,
Вот и волюшка кончается.

5. 1. 2018

* * *

Вот и выдали с разводами бумажку,
Будет вроде компенсация за Сашку.
И деньжищи то, конечно, огромные,
Компенсируют за мальчика военные.
Тут, я думаю, Степан Сергеич, пьяница,
За деньгами обязательно потянется.
– Я отец или мне это только кажется?
Да и чёрт с ним, пусть совсем от водки смажется.
И Наталье отщипнуть немного надо бы,
Всё ж она ему давала, всё же радовала.
Таня с Валею, что в «Пятёрочке» кассирами:
– За Чечню-то было меньше, чем за Сирию.
Это Азия и это тоже Азия.
И почти в два раза меньше – безобразие!
А потом мы соберёмся в кафетерии,
На Ульяновых в пяти шагах от мэрии.
С Валентиною да с тою же Татьяною,
И на всех положим, страшные и пьяные.
По соседству с подгулявшими казаками,
Чтоб не выть осиротевшими собаками.

8. 1. 2018

* * *

Лети, лети снежок-стишок,
На землю небо проецируй,
Лети, пушок! Любовный шок
В нас пробуждай и провоцируй.
Ну а весной, когда земля сама,
робея, снимет кружевное платье,
Шепнуть : «Какая долгая зима!
Какими будут долгими объятья».

11. 1. 2018

* * *

*Разве мама любила такого?
В. Ходасевич . "Перед зеркалом."*

С головою измазанной мелом,
Со страдальческим старческим телом,
С барабанною дрожью в руках
Сходством хоть бы и сантиметровым
Схож ты с гибким, залетным, сосновым?
С раздающим себя Казановой?
С этим смуглым – в балтийских песках?
Разве голос твой жёлтый и тусклый,
Проходящий походкою узкой
Коридорами прожитых лет,
Станет снова рапирным и звонким,
Догоняющим лезвием тонким
И девичьих ушей перепонки,
И противника грубый колет?
Ты, прошедший незримые тюрьмы,
Изменён до последнего дюйма,
Ты, живущий, конец торопа,
Нелюбовью и мудростью скован...
Только мама любила такого,
Ей тогда неизвестно какого,
Но такого любила. Тебя.

16.1.2018

* * *

Ту би, твою, мой друг, ор нот ту би...
Вот говорил рождённый в Галилее,
Что человека следует любить,
А я, как деревенская, жалею.
Не факт, что всем живётся тяжелей,
Чем мне, кому жалелки адресую.
Однако, всех ошую пожалел
И пожалею всех, кто одесную.
И этих, что с фужером божоле,
И этих с грязной банкой майонезной.
Тебя-то кто в последний раз жалел,
Чего ты надрываешься, болезный?
Опять у глаз платочек забелел,
Болею, доктор, нот ту би, болею.
Скажу – Господь жалел и нам велел.
Жалею вас, хорошие, жалею.

22. 1. 2018

* * *

Человек и собака смотрят в окно.
С той стороны дует.
Человек думает, что знает, о чём думает собака, но
Она ни о чем не думает.
Она чувствует идущий от окна холодок,

Помнит, что в другие дни рамы бывают открыты,
Тогда солнце греет ей гладкий бок.
А сегодня зябко. Стёкла давно не мыты.
Человек трёт стекло с этой стороны рукавом,
С той проходит силуэт трамвая.
Лучше быть живой собакой, чем мёртвым львом.
Собака терпеливая и живая.
Тайком она нюхает на вешалке женское пальто,
Единственное, что выглядит в доме опрятно.
Человек смотрит в окно и верит, что
Машина с красным крестом,
Которая её увезла, когда-нибудь вернётся обратно.

25. 1. 2018

* * *

Вытянуться вдоль твоего долгого тела,
А ты голову мне на плечо.
Ты – с долинами, реками и речками,
зверями, растениями,
Холмами груди, озёрами шёк.
Согрей меня тёплым боком,
Касайся прохладным севером, обними
Западом, дыши на меня югом, прижмись востоком,
Руку в ладони возьми.
Жаркие пески, голубые вены,
Обугленные края.
Моя. Моя драгоценная,
Родина моя.

1.1. 2018

* * *

А сам процесс любви? Ужимки и прыжки
И все эти роденовские штуки?
Все эти кнопки, рычажки,
Лопатки, губы, ноги, руки?
Ужель так страшно виноват Адам
С любительницей яблочного джема,
Что был приговорён к таким трудам,
К таким шарадам и таким проблемам?
Не потому ли многие безгрешны!
А мы и не к таким привыкшие садам,
К семидесяти разве что годам
Становимся свободны и успешны?

17. 1. 2018

Михаил Якобсон

КАРЗУБЫЙ¹

Лагерная повесть

Заявив, что хочет бежать, Карзубый затруднил Амбала и его друзей. Массовый побег им бы помог, но больной Карзубый был обузой. И было неловко сказать ему об этом прямо. Отказав Карзубому, они бы признали, что действительно хотели вылезти на трупах своих бригадников. Всех звали, а даже одному помочь не могут, волки, сказали бы про них ээки.

Инвалид и Полковник привыкли, что важные решения принимал Амбал. Амбал же думал, что Карзубый все равно отстанет от них в лесу. До тайника было около тридцати километров. Карзубому столько не протянуть.

Впереди шел Полковник. Он родился на севере и лучше других ориентировался в тайге. За Полковником — Инвалид, потом Амбал и последним Карзубый. Трое первых несли на плечах автоматы убитых солдат. Карзубый шел налегке. Шли быстро, иногда даже переходя на бег. Амбал велел идти как можно быстрее и, подмигнув при этом, мотнул головой в сторону Карзубого. Полковник понял, что того нужно заматать: авось скоро отстанет.

Но Карзубый не отставал. Взволнованный тем, что ушел из лагеря на свободу, он первые несколько километров вообще не чувствовал усталости. Боли прекратились. И на какой-то момент ему даже показалось, что он здоров.

До болезни Карзубый работал в погрузке, и только когда он ослаб, его списали в дорожную бригаду. Грузчики в лесу нагружали баланы (бревна) на лесовозы. Среди лесоповальных работ эта могла бы считаться средней по трудности. Однако обстоятельства сделали ее исключительной. Стараясь лучше использовать имеющиеся лесовозы (их всегда не хватало), администрация предоставляла за быструю погрузку некоторые привилегии, в том числе дополнительную еду. И грузчики старались. Темп работы был настолько взвинчен, что выдержать

его могли только очень сильные и проворные люди. В особо напряженные дни грузчики раздевались до рубашек в двадцатиградусные морозы.

Карзубый был одним из лучших грузалей. Он любил вспоминать, как однажды проработал на погрузке тридцать шесть часов подряд — три двенадцатичасовые смены. Вернувшись в зону, все свалились как мертвые. Лишь Карзубому, возбужденному чаем (грузчикам разрешалось то, что другим запрещалось) и радостью от совершённого, не спалось. Он пошел тогда по другим баракам поболтать, а заодно и показать себя.

А сейчас Карзубый спешил за Амбалом. И когда усталость и боль навалились на него, он, привыкший быть выносливей других, думал, что сумеет перетерпеть боль и перебороть усталость. Они сами так долго не продержатся, успокаивал он себя.

И тем действительно было трудно. Полковник несколько раз намеревался сбавить темп, но снова прибавлял его, когда видел, что Карзубый все еще идет за ними. После двадцати километров он начал ворчать про себя, что лучше убить Карзубого, чем так гнать. Инвалид думал только, как бы продержаться за Полковником, и от усталости не замечал ничего, кроме его спины. Амбал выглядел более или менее свежо. Но спешка стала раздражать и его.

Необходимости бежать уже не было. Начался мелкий дождь, обещавший перейти в грозу. Значит, от погони они благополучно ушли. Под дождем собаки потеряют их след. Кроме того, все равно надо было решать, что делать с Карзубым. Спрятанные вещи находились всего в нескольких километрах. И Амбалу не хотелось оттягивать неизбежное объяснение до прихода к тайнику. Он готовился остановиться и прямо сказать Карзубому, что они не смогут ему помочь и что Карзубый должен отделиться и идти один. Однако сказать не пришлось.

Перед заключенными как из-под земли появились два вооруженных солдата. Руки ээков

¹ Продолжение. Начало см. в альманахе «Образы жизни» за 2015 – 2016 гг.

рванулись к автоматам. Но Полковник и Инвалид были убиты, не успев коснуться курка. Лишь Амбал успел. Со злости он продолжал стрелять в упавших на землю солдат, пока не расстрелял весь рожок.

— Вот комсюки² (комсомольцы), быстро рюхнулись³, — выругался Карзубый, думая, что менты уже расставили посты в связи с их побегом.

Но он ошибался. Встреча в лесу была случайной. Убитые солдаты служили обычными охранниками в лагере, ближайшем к тому, из которого бежали дорожники. Они ничего не знали о произошедшем побеге и перед встречей с беглецами направлялись в соседний поселок купить водки.

Водку завозили на север редко. Пили в основном самогон. Поэтому, когда в каком-нибудь магазине появлялась водка, туда устремлялись покупатели из всех окрестных поселков. Солдатам было сложнее, чем гражданским. Им приходилось договариваться со своими товарищами, чтобы те их подменили. Охрана эзков считалась военным постом. И офицеры нещадно, вплоть до суда, карали за самовольное оставление этого поста.

Бежавшие за водкой солдаты были бы рады остаться незамеченными. И, вернее всего, они бы спрятались и от заключенных. Но, желая скорей вернуться на свой пост, чтоб офицеры не успели заметить их отсутствия, они неслись что было сил и увидели беглецов только тогда, когда столкнулись с ними лицом к лицу.

Перестрелка с солдатами полностью разрушила планы побега. Амбал был подавлен. Взамен Полковника с документами и шмотьем (только он знал, где находился тайник) — циррозный Карзубый. Вместо побега втихую — лобовое столкновение с оперативными солдатами (Амбал, как и Карзубый, подумал, что солдат послали их ловить). Вместо большого отрыва от преследователей — возможное преследование по пятам. На таком расстоянии и кошка с насморком со следа не собьется. А от тренированной собаки одно спасение — проливной дождь часа на два. И Амбал с надеждой смотрел на небо и с ненавистью — на Карзубого, которого он считал причиной всех бед. Не увязался бы этот гниющий козел за ними, они бы не мчались, как сумасшедшие, и успели бы вовремя заметить солдат.

А Карзубый согнулся от болей. Стараясь скрыть их от Амбала, он присел на корточки возле солдат будто бы с целью обыскать убитых. Ему повезло. Он нашел

пятнадцать рублей денег и три плитки шоколада.

Находка привела Амбала в себя.

— Бежим, — сказал он. — Менты, наверно, уже на выстрелы сюда спешат. Мы ведь такую канонаду устроили, что и глухой услышит.

Переодеваться в солдатскую одежду не имело смысла. В ней ни в один город не сунешься. Патруль обязательно документы спросит. Конечно, в лесу в ней удобней. Но терять время ради удобства не стоило. И, взяв по автомату и запасному рожку, они побежали.

Амбал бежал впереди, равномерно хлюпя сапогами по намокающей земле. Карзубый старался не отставать. Но с каждым шагом ему становилось все тяжелее и тяжелее. Из гордости он молчал. Но Амбал уходил вперед. И Карзубый позвал его. Сначала тихо, стесняясь своей слабости, затем громче, боясь, что Амбал уйдет. Но Амбал не оборачивался. Так же равномерно хлюпали его сапоги.

Он хочет бросить меня, подумал Карзубый.

Он знал, что, если беглецы не ладят друг с другом, им надо разойтись. В побеге все нервное. Лучше быть одному, чем с тем, кого ты раздражаешь или кто раздражает тебя. Однако Карзубый пошел в побег без всякого плана, рассчитывая, что Амбал поможет ему. Останься он один, он бы не знал, что делать.

Амбал, рассуждал Карзубый, боится связываться с ним, думая, что он будет обузой. Надо показать, что Карзубый силен. Он сейчас догонит Амбала. И тот поймет, что Карзубый может быть полезен.

Его сердце разрывалось. Воздуха не хватало. Дождь душил его. Он всхлипывал при каждом вздохе. Но его ноги задвигались быстрее. Амбал уже был ближе. И когда он поравнялся с Амбалом, то выдохнул со свистом: «Давай быстрее!»

Однако Амбал остановился. От погони они ушли. Дождь хлестал, как из ведра. Ни одна псина ничего не учует. А от Карзубого ему все равно не отделаться — он скорее хвост откинёт, чем отстанет. К тому же Амбал точно не знал, куда они бежали. Он хорошо ориентировался в тайге только по небу, а оно было закрыто тучами. Можно было судить и по сучкам. Говорили, что больше сучков росло с южной стороны. Но он не особенно доверял этой примете. Амбал подошел к дереву и медленно уселся на корни (они были суше земли) спиной к стволу.

Карзубый несколько минут доказывал, что им надо бежать. Потом опустился на землю, прямо где стоял, и потерял сознание.

Когда он очнулся, дождь перестал. Он полез в

2 Комсюки — комсомольцы. (Прим. авт.). Слова, поясняемые здесь и далее, относятся к уголовному арго.

3 Рюхнуть — понять, догадаться. (Прим. ред.)

карман — шоколада не было. Не было также и денег. Амбал стоял, готовый уходить. Он даже не взглянул на Карзубого.

Амбал украл, со злобой подумал Карзубый. Они сами никуда не могли деться. Вот шакал позорный. Ведь это он, Карзубый, нашел деньги и шоколад и поделился с Амбалом.

Карзубый схватил автомат — он был разряжен.

— А ты попробуй стрельни, — засмеялся Амбал. — Может, и получится. Прихлопнешь меня. Шоколад заберешь. Пятнадцать дубов твоих будут. Чего молчишь? Я тебя посонником прикончить мог, но пожалел. Думаю, дам бедолаге еще пару деньков пожить. А ты вон какой свирепый. Чуть что — и за автомат.

Карзубый молчал. Надо было раньше уходить от Амбала, а не соревноваться с ним в беге. Нашел друга, волк. На свободу дураку захотелось. Он попытался встать. Резкая боль ударила его. Голова кружилась. Амбал увидел, как побледнел Карзубый. И ему пришло в голову, что Карзубый мог бы ему помочь.

— Ты слышишь шум? — спросил Амбал. — Это вертолеты. Они ментов из спецвзвода на посты расставляют. Без документов и вольного шмотя из тайги не выйдешь. У нас их нет. У Полковника был тайник. Я не знаю, где он. Нам осталось одно: отсидеться в лесу, пока они назад в город не смотаются. Карзубый, я не дипломат. Я привык прямо говорить. Помоги мне отсюда выбраться. Я понимаю, что не должен тебя просить. Я же тебя грабанул — за деньги и шоколад кинул — и я же тебя о помощи прошу. Но смотри: ты до сорока доскрипел, а мне и до тридцати не дотянуть. Даже если я отсюда выберусь, меня через год-другой по новой заловят. И от вышки мне не уйти. Помоги мне хоть годишко человеком пожить. И я тебя как брата родного вспоминать буду.

— Ты что, бредишь, волк? Как я тебе помочь могу?

— Солдаты, которые на постах стоят, да и офицеры ихние — городские. Они к таежной жизни не привычные. По болотам стоять никому не нравится. Здесь самый преданный чекист все тома Кырлы Мырлы⁴ сожжет, чтобы хоть на минуту дымом мошку отогнать. Если им идею подать, что в лесу караулить некого, то они с радостью ей поверят. Тебе все равно ловить нечего. Все равно помирать. Что в тайге, что в лагере. В лагере еще лучше: дольше протянешь. Вернись туда. Скажи им, что ты меня прикончил. А если тело искать пойдет, скажи, что ты меня в болоте

пристрелил. И тело в трясину засосало. Вон здесь как раз болото и начинается. Видишь, где сушина лежит. Туда они в жизнь не пойдут.

Карзубый усмехнулся. Вот шакал подлый. Последний кусок у него отнял, а теперь на его труп вылезти хочет. Дать бы ему в морду, козлу. А вообще-то, чего не пообещать? Обещать все можно. Он, небось, на радостях, шоколад отдаст, да и патронов подкинет.

— Ну что тебе сказать, Амбал. Падла ты, конечно. Но в одном ты прав. Долго мне в лесу не протянуть. А если вернусь, то месяц-другой, может, и проживу. Мне все одно: сказать, что я тебя убил, или нет.

— Так скажешь?

— Сказать все можно.

— Чего ты загадками говоришь? Скажешь или нет?

— Я бы сказал, но обидно мне, что ты обокрал меня. Ведь я с тобой по-честному все поделил.

— Да бери назад. Я и не притронулся к нему.

— И патронов дай, чтобы меня солдаты живым не взяли. Они ведь, волки, за своих ногами забьют.

Из трех групп лагерной администрации — офицеров, надзирателей и солдат — в лагере заключенные больше всего опасались офицеров. Они отвечали как за работу, так и за дисциплину зэков. Затем шли надзиратели. Они наказывали только за дисциплинарные нарушения. Работа заключенных их не касалась. Меньше всего зэки страдали от солдат. Те отвечали в основном за охрану. И потому порой не обращали внимания на мелкие нарушения режима заключенными и не вмешивались в их работу.

В побеге все было наоборот. Ответственные за поимку беглеца солдаты становились его первыми врагами. Поймав бежавшего зэка, они нередко убивали его, иногда с издевательствами. Лагерные офицеры обычно не ловили бежавших. И, если беглец сдавался им, они старались сохранить его для следствия и суда.

Зная отношение солдат и офицеров к побегушникам, Амбал не увидел противоречия между намерением Карзубого отстреливаться от солдат и его обещанием вернуться в лагерь.

— Бери, — сказал он Карзубому, протягивая рожок, и добавил, — всю жизнь, сколько осталось, буду помнить тебя.

Он хотел уйти, но боялся повернуться спиной к Карзубому. Кто знает, что ему в голову придет. Может, пальнет по обиде. Сейчас у него патроны есть. Карзубый понял, почему Амбал медлил.

— Ну, удачи тебе, Амбал, — сказал он и, не оборачиваясь, пошел в лес.

4 Кырла Мырла – Карл Маркс. (Прим. авт.)

— Помоги, Карзубый, — крикнул ему еще раз вдогонку Амбал.

Оставшись один, Амбал первое время думал, что Карзубый действительно поможет ему. Чего Карзубому стоит сказать, что он убил его? Пока суд да дело, он и умрет. А Амбал уже начал присматривать место, где он надеялся дожидаться скорого ухода солдат.

Но вдруг противоположная мысль пронзила его. Что, если Карзубый, вместо того, чтобы помочь Амбалу ускользнуть от ментов, поможет ментам поймать его? Ну конечно, так оно и будет, решил Амбал. С чего Карзубый спасать его должен? За то, что Амбал бросил его одного в лесу? Карзубый за это отомстить захочет. Хотя бы с помощью ментов. Сейчас ему начхать, что зэки о нем скажут. Ведь и так, и так ему крышка.

Амбал досадовал на себя, что он не убил Карзубого. В лагере того считали своего рода живой реликвией. Он просидел четвертак без выхода. И у Амбала не поднялась на него рука. Козел, ругал себя Амбал. Пожалел его. Распустил перед ним сопли, как паршивый комсомолец в мавзолее. А Амбала жалеть будут? Да если его поймают, то менты его собаками затравят. Сапогами на ребра будут прыгать.

Амбал боялся, что Карзубый приведет ментов на эту полянку. И он решил запутать свой след. Он нашел ручей, приблизился к нему на расстояние прыжка, но не прыгнул, а пошел в сторону от него. Через пять-шесть километров он остановился и, строго идя назад по своему следу, вернулся к ручью. Только теперь он прыгнул в воду.

Собаки, думал Амбал, дойдут до того места, где он повернул, и потеряют след. Опасаясь, что менты поймут его хитрость и поведут собак вдоль ручья, пока они снова не почуют след там, где Амбал выйдет из воды, он посчитал необходимым запутать след еще больше. Он прошел по ручью шесть-семь километров и наткнулся на другой ручей, в который впадал первый. Пройдя несколько километров по новому ручью, Амбал нашел дерево, до сучьев которого он мог легко дотянуться из воды. Он влез на дерево и, перейдя по сучьям на другую его сторону, спрыгнул на землю в семи-восьми метрах от ручья.

Лишь теперь он почувствовал себя в относительной безопасности. Надо быть слишком упорным преследователем, чтобы найти его след. А солдаты тоже люди. Им надоест по тайге мотаться. Чтобы не искать Амбала, они уговорят себя, что он утонул в болоте.

Амбал нашел заросший подсадом пригорок, с которого он видел дорогу в деревню. Обычно на таких

дорогах стояли посты. Здесь, в подсаде, он и обоснуется. Амбал верил, что у него хватит сил дожидаться ухода солдат. Даже если ему придется торчать тут до зимы. В лесу есть еда. Птицы, грибы, ягоды, лягушки, змеи. А может, ему посчастливится поймать собаку или кошку. Они иногда забегают в лес из деревни. Люди же на него не наткнутся, думал Амбал, никто в тайгу и носа не покажет. Слухи о вооруженном побеге обычно запугивали всех.

* * *

А Карзубый не знал, что ему делать. В город не пробраться. Ментовских постов, как телеграфных столбов, по всем дорогам понатыкано. Ждать, пока менты в город смотаются, у него сил не хватит — он раньше хвост откинёт. Осталось ему либо в лагерь возвращаться, либо покончить с собой.

Карзубый порой думал о самоубийстве. Но всегда или обстоятельства, или надежда на будущее быстро отвлекали его от этой мысли. Он хорошо помнил один случай. После ареста родителей ему как сыну врага народа дали пять лет. Он хотел убить себя. Покамерники, другие малолетки (Карзубому было пятнадцать), спросили, почему он такой кислый. Он ответил, что ему дали ужасный срок — трешник. Мальчишки рассмеялись.

— Да у тебя детское наказание — три года на параше просидеть можно.

Оказалось, что в этой камере самый маленький срок был пять лет. Против воли Карзубый улыбнулся. А он-то думал, что ему хуже всех.

Но сейчас он был один в лесу. Надежды на будущее у него не было. И мысль о том, чтобы застрелиться, неотступно сверлила его голову. Карзубый посмотрел в черную дырку дула. Одно движение пальца, и все кончится. Он слегка надавил курок. Но тут же отвел автомат. Куда спешить? Ему удалось прокрутиться в лагерях двадцать пять лет. Зэки шутили, что по вольным масштабам Карзубому не меньше ста пятидесяти. Так зачем же такому старому смерть самому искать? Пусть она его ищет. И решил Карзубый возвращаться в лагерь.

Он вспомнил надзирателя, жившего у самого края поселка рядом с лесом. К нему в дом будет легко пробраться незаметно от остальных. Надзиратели, как и лагерные офицеры, обычно не убивали сдавшихся им беглецов. А этот надзиратель был вроде неплохим мужиком. Шустряк с хлебом у него сгорел, а он его на кичу⁵ не поволок.

Было утро следующего после побега дня.

5 На кичу – в изолятор. (Прим. авт.)

Карзубый думал пойти к надзирателю после ужина. Поевши, люди добрей делаются. Где голодный отнимет, сытый поделится. Голодный убьет, а сытый братом назовет.

* * *

В лагере ходило много историй о том, как беглецы убивали своих бывших начальников за прежние обиды. Согласно некоторым из этих рассказов, зэки не щадили и членов семьи. Женщин насиловали и потом убивали. Детям расшибали голову о стену с криком «Бей ментовское отродье!». И, хотя в действительности сбежавшие заключенные исключительно редко сводили счеты с администрацией (убить ненавистного начальника было много легче в зоне, чем в побеге), историям о нападении беглецов на начальство верили как зэки, так и сами начальники. И когда дверь в доме надзирателя открылась и на пороге показался Карзубый с автоматом на плече, надзиратель и его жена замерли от ужаса. Увидев страх на лицах хозяев, Карзубый спустил автомат на пол и оттолкнул подальше от себя ногой.

— Возьмите автомат, — сказал он. — Я сдаться пришел. Только накормите перед изолятором.

Первой опомнилась женщина. Она засуетилась, обрадовавшись, что Карзубый их не убил.

— Сюда садитесь. Я вам сейчас картошечки с мясом дам. Мы уже поели. Так вы без нас кушайте.

И она наложила полную тарелку разваливающейся картошки, сунула в нее большую ложку сливочного масла и положила сбоку кусок вареного мяса.

Карзубый ел. Ел быстро. Ел не ртом, а всем телом, вздрагивая и всхлипывая от удовольствия. Ел и не мог ни на секунду оторваться.

Все, кто был связан с лагерем, видели, что зэки голодали. Уволившиеся из лагерной системы начальники говорили, что нежелание видеть голодных людей было одной из причин их ухода. Но большинство оставались работать в лагере и привыкали к тому, что заключенные жадно заглатывали кашу, засасывали пайку хлеба, что некоторые, не выдержав постоянного голода, шли на помойку. «Лагерь есть лагерь», — говорили начальники, имея в виду, что порядок установлен не ими, и они не силах ничего изменить.

Надзиратель и его жена тоже привыкли не обращать внимания на голод заключенных. Но сейчас они видели не безымянную массу голодных зэков, а одного живого человека в их доме, с жадностью проглатывающего их обычную еду. И им стало неудобно, что он был так голоден.

А Карзубый ел. В первый раз в его сознательной жизни ему перепала такая вкусная еда. И теперь наверняка в последний. Гуляй, бродяга. И лишь когда Карзубый все кончил, он почувствовал неловкость хозяев и слегка смутился. Ишь, кашалот позорный. Распустил кишку. Он осторожно подобрал ложкой крошки пюре, чинно отодвинул тарелку и сказал, как будто был гостем:

— Вот уж благодарю. Давно я так вкусно не ел.

Пересиливая неутоленный голод (мог бы есть весь день), Карзубый добавил, что он наелся. Хозяевам стало легче, когда Карзубый взял себя в руки. Надзиратель посмотрел на часы.

— Минут через пятнадцать офицерское собрание кончится. Они из зоны домой пойдут. Вот мы и тронемся на вахту. Надо к офицерам попасть, а не к солдатам. Те злые сейчас.

Он хотел сказать, что солдаты разозлились из-за убийства конвоя и наверняка убьют Карзубого, если захватят его. Но, желая избежать неприятных разговоров при жене, промолчал. «Карзубому так и так крышка, — рассуждал про себя надзиратель. — В убийстве конвоя его все равно обвинят. Только если он докажет, что он присоединился к побегу уже после того, как солдаты были убиты, его, возможно, и то вряд ли, не разменяют». И, хотя он не верил, что Карзубому удастся убедить суд в своей непричастности к убийству солдат, надзиратель решил намекнуть ему на такую возможность.

— Ну те, другие, бежали и готовились к побегу, а тебя-то что понесло?

Карзубый понял надзирателя и был тронут его стараниями помочь ему. Он хотел закончить разговор легко и непринужденно. Пошутить что-нибудь.

— Знаете, как французы говорят, — бойко начал он, — во всем женщины виноваты. Они везде воду мутят. Даже в мужском лагере. Вот и пришло мне в голову, что меня за всю жизнь ни одна женщина не поцеловала. Ну, я и подумал, что, если не бежать, то...

В этот момент Карзубому стало ясно, что он действительно умрет, так и не испытав женского поцелуя. Что это правда. Правда окончательная и бесповоротная. Нет, он не сможет закончить эту фразу в шутливом тоне. Она прозвучала бы как жалоба на судьбу.

В доме снова возникла неловкость. Опять не так, подумал Карзубый, они ему жратву дали, а он им тоску нагоняет. Он поднялся.

— Идти, наверно, пора.

— Да, пора, — ответил надзиратель, хотя пятнадцати минут, которые они собирались прождать в

доме до конца собрания офицеров, еще не прошло.

Вдруг женщина подошла к Карзубому, обняла его за голову и трижды поцеловала в углы рта и щеки. Потом перекрестила. Мужчины вышли. Спереди — Карзубый. Сзади, как конвоир, с карзубовским автоматом в руке — надзиратель.

Проходя по поселку, Карзубый с любопытством глядел по сторонам. Он редко видел дома вольных так близко. По сравнению с бараками они казались уютными. И за каждой стеной были женщины. Одна попалась навстречу. В ярком платке, с ярко накрашенными губами она так выделялась на фоне серой земли, бледно-серого неба и темно-серых домов. И, взглянув на ее губы, Карзубый вдруг сообразил, что его только что поцеловала женщина. А он и не понял, что это был поцелуй. Он воспринял его как простое прощание, как мужское пожатье рук. От неожиданности открытия он остановился.

— Ты что? — спросил его надзиратель.

Карзубому хотелось сказать, что случилось нечто важное в его жизни, что осуществилась его мечта, когда он уже не надеялся на ее осуществление, что его, наконец, поцеловала женщина. Но он вспомнил, что надзиратель был мужем этой женщины, и решил промолчать.

— Так. Ничего, — буркнул он.

Молча повернулся и пошел вперед.

Они быстро подошли к зоне. И когда надзиратель подумал, что опасность встречи с конвойными солдатами уже миновала, дверь вахты резко раскрылась. Выскочивший оттуда солдат бегом направился к Карзубому.

— Змей ползучий, — кричал он на бегу, — Петьку заманил, паскуда, и убил его. (Петькой звали солдата, принесшего Карзубому хлеб).

Солдат вытащил из кармана рожок и вогнал его в автомат.

— Готовься к смерти, ирод. Вон с ними лежать будешь.

Только сейчас заметил Карзубый валявшиеся у обочины тела Полковника и Инвалида. Над ними тучами кружили большие таежные мухи.

Выставлять убитых беглецов около вахты стало традицией. Солдаты говорили, что кладут их трупы для обозрения, дабы запугать заключенных. Смотрите, такой конец ждет всех, кто бежит. Но следовать этой традиции было непросто. Беглецов чаще всего убивали в лесу. И солдатам приходилось тащить их тела на себе по узким лесным тропинкам. Иногда много километров.

Желая избежать перетаскивания, солдаты шли

на хитрость. Окружив беглеца в лесу, они убеждали его сдаться, обещая сохранить ему жизнь. Если он соглашался, то его приводили к зоне и только здесь пристреливали.

Убийство беглецов в лесу казалось лагерникам нормой. Такой порядок. Беглецам — бежать, стрелкам — стрелять. Убийство же сдавшихся, совершенное у вахты, пугало («нас тоже так могут») и возмущало эсков. Но их раздражение обрушивалось не на вероломство солдат (враг на то и враг, чтобы обманывать), а на доверчивость заключенных («Что они, не знали, с кем дело имели, волки?»). Если же солдаты выполняли обещание и не убивали сдавшегося беглеца, то его не ругали. «Выкрутился, — одобрительно говорили эски, — ему считается».

Карзубый хорошо знал неписанный кодекс чести побегушника. Согласно этому кодексу, приближающаяся к нему смерть считается еще более нелепой и позорной, чем смерть сдавшихся беглецов. Тех хоть под ружьем к зоне привели, скажут эски, а Карзубый сам приполз. И если бы он подумал о возможной реакции заключенных на то, что происходило с ним сейчас у вахты, то, наверно, взвыл бы от стыда и каким-нибудь отчаянным поступком, вроде нападения на солдата, постарался бы загладить свой позор. Но в этот момент Карзубый не думал о заключенных с их правилами. Он думал о женщине, только что поцеловавшей его. Он умрет сейчас, но умрет так, что она его запомнит. Надзиратель расскажет ей, как умирал Карзубый. Только бы солдат дал ему возможность показать, на что он, Карзубый, способен. Если бы он его не убил, а только ранил вначале. Тогда Карзубый приложит руку к ране, потом к сердцу, чтобы кровь отпечаталась на куртке. Усмехнется и скажет:

— Промазал, начальник. Сердце здесь. Сюда и стреляй.

И, когда солдат уже приготовился для выстрела, впереди Карзубого встал надзиратель.

— Стой, — крикнул он, — его нельзя стрелять. Он сдался.

— Да ты что? Он же Петьку убил. Его не стрелять, его по кускам резать мало.

— Это суду решать.

— Да иди, волк, со своим судом. А то и тебя с ним прихвачу. Тебе что — жить надоело?

— За меня и тебя разменяют. Я не эск.

— Уйди. По-хорошему прошу. Не вымогай. К жене иди, а то ей гроб заказывать придется.

— Стреляй, дурень. И на твоей могиле напишут: «Идиоты долго не живут».

Солдат вскинул автомат и выстрелил поверх

головы надзирателя.

— Последний раз говорю: уйди!

Надзиратель побледнел. Лицо солдата выражало решимость во что бы то ни стало довести свое дело до конца.

— Брось, начальник, — прозвучал сзади голос Карзубого, — мне все равно помирать, а тебе жить надо. У тебя жена есть. Дай этому козлу потешиться. А то ему в деревне на побывке и похвастаться перед девками нечем будет.

И надзиратель уже думал уступить солдату. Но в это время с вахты раздался властный голос.

— Рядовой Рублевский! Смирно!

Солдат вздрогнул и вытянулся.

— Кругом!

На ступеньках вахты стоял недавно приехавший в этот лагерь оперуполномоченный.

— Рядовой, идите во взвод, сдайте оружие и доложите взводному о выстреле.

Солдат молча повернулся и хотел идти.

— Отставить, — резко сказал опер.

Солдат повернулся опять к оперу.

— Вы слышали приказ, рядовой?

— Так точно, товарищ лейтенант.

— Идите.

— Есть, товарищ лейтенант.

Оперуполномоченный подождал, пока солдат отошел. Затем сказал надзирателю:

— Отведите заключенного в изолятор и зайдите ко мне.

* * *

Возвращаясь от опера домой, надзиратель продолжал думать о сцене около вахты. Из всего, что случилось там, больше всего задело надзирателя поведение солдата. Солдат показал ему разницу между ним, надзирателем, и офицером. Надзирателя он был готов убить, а оперу не решился и слова поперек сказать. «Так мы и живем, — ругался надзиратель, — кому сапогом в морду, а кому мордой в сапоги».

Ему захотелось уйти из лагерной системы. Он думал, что если овладеет каким-то ремеслом, например, токаря или механика, то почувствует себя более независимым от других людей. Конечно, коль он уйдет, стаж и армейская пенсия пропадут. Но зато он себя человеком почувствует. Да и жене лучше будет. Она вон как Карзубого пожалела. А он ее в этих подлых лагерях держит.

— У меня разговор к тебе, — сказал надзиратель, войдя в дом. — Я знаю, что тебе тяжело

здесь жить. Смотреть, как люди друг друга с голода едят. Из-за моей лени мы здесь застряли. Но сейчас решил я в город переехать. Ни механика выучусь. Заработаю как-нибудь.

Она сидела на стуле и пристально смотрела на него.

— Чего ты? — спросил он.

— Ну что сказать вам, Павел Лукич. Видно, кончилось наше счастье. Пожили мы с вами — и за то спасибо.

Она поднялась и гордо вскинула голову.

— Чего? — вскричал он. — Ты чего, дура, мелешь? Чего кончилось?

— Как «чего»? Снова вас в город потянуло. Женщины там. Я не упрекаю вас за это. Не думайте. Только после нашей любви не смогу я других женщин терпеть, как раньше терпела. Вы уж не обессудьте, Павел Лукич. Я Вас всегда хорошо вспоминать буду.

— Голодной куме одно на уме, — безнадежно махнул рукой надзиратель.

Ему было обидно, что жена так ложно истолковала его намерения. Но потом он успокоился. А ведь до пенсии немного осталось. Разумней в лагере доработать.

* * *

Выслушав доклад надзирателя о возвращении беглеца, опер распорядился послать собаководов по следу Карзубого от дома надзирателя. Где-то Карзубый расстался с Амбалом, рассуждал опер. Собаки доведут до этого места и, может быть, возьмут Амбалов след. Затем он сообщит в Управление, что Карзубый вернулся и что группа преследования вышла по его следу в поисках Амбала. Ему сказали, что начальник спецвойск, оцепивших лес, вскоре вылетит к оперу для допроса Карзубого. Опер не верил, что Карзубый будет давать показания об Амбале. «Допроса не получится, — думал опер, — а вот из простого разговора, возможно, что-нибудь и удастся выудить».

Нормы калорий, жиров, белков и углеводов, необходимые эку для работы в лесу, рассчитывались в Москве. Продукты, согласно этим расчетам, посылали из теплых краев. Они много раз переходили из рук в руки. Люди, которые распоряжались этими продуктами (грузчики, шоферы, матросы барж, кладовщики и их начальники), пополняли ими свой скромный бюджет. И когда продукты попадали в эковский котел, то вряд ли там оставалась и половина того количества калорий, белков и углеводов, которое, по расчетам московских медиков, следовало отпустить

заклученному. Жиров же оставалось и того меньше. Многие люди в этой стране пережили хотя бы один голодный год. Помня, что жиры быстрее всего утоляли голод, они продолжали считать их самыми ценными продуктами и брали в первую очередь.

Заклученные привыкли к обезжиренной пище. И когда они съедали немного сала, масла, комбиджиров, маргарина или подсолнечного масла, их обычно рвало. Все знали, чем кончались редкие лагерные пиры, но только немногим хватало сил воздержаться от них при случае.

В изоляторе желудок Карзубого мстил хозяину за ложку сливочного масла, которую положила ему в картошку жена надзирателя. Его тело, сотрясаемое приступами рвоты, бессильно повисло над парашей.

И, посмотрев в волчок камеры Карзубого, опер подумал, что он, наверно, не сможет поговорить с ним до прибытия начальства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СЛЕДСТВИЕ

Ночью таежная тишина лагерного поселка обычно нарушалась лаем сторожевых собак, редкими выкриками часовых и ревом лесовозов (лес вывозили круглосуточно). В эту ночь людей потревожил необычный звук — стук мотора вертолета. «Начальство прилетело», — подумал опер и пошел к взводу, куда садились редкие вертолеты из Управления.

Там он встретил майора — начальника спецвойск, присланных для поимки убежавших заклученных.

— Я надеялся на хорошую весть, — пошутил майор, пожимая оперу руку, — что, пока я летел, Амбал тоже вернулся. Но по вашему лицу я вижу, что это не так. А вы спрашивали Карзубого об Амбале?

— Нет, он болел. Говорить не мог.

— А как он сейчас?

— Я думаю, что на несколько вопросов он сможет ответить.

Когда офицеры вошли в камеру, им в лицо ударил спертый запах рвоты. Майору стало дурно. И опер понял, что спрашивать придется ему самому.

— Карзубый, мы понимаем, что ты болен. И тебе не до нас, — начал он. — Ответь только на один вопрос. Где Амбал?

Карзубый вздрогнул и приподнялся на локтях. Опер хотел, чтобы он дал показания об Амбале и тем самым помог ментам поймать его.

В лагерях между операми и зэками шла непрекращающаяся борьба. Первые стремились узнать обо всех происшествиях и нарушениях режима

в зоне и наказать виновных. Вторые старались их скрыть. Заклученные видели, как ловко могли оперы на основании, казалось бы, совершенно невинных сведений о каком-либо зэке составить обвинительный материал против него. Чтобы не дать им этих сведений, они выработали правило, запрещавшее давать оперу какую бы то ни было информацию о другом заклученном.

Карзубый с первых дней тюремной жизни усвоил, что никаких показаний ментам давать нельзя, и никогда не сомневался в этом. Как-то раз, еще в тюрьме для малолеток, Карзубый резко оборвал опера, пытавшегося завязать с ним отношения. После этого случая его ни разу не спрашивали о других заклученных. Вероятно, пометили в деле, из какого теста Карзубый сделан, думал он с удовлетворением.

И потому вопрос ментов об Амбале обидел его. Что они, волки, забыли с кем дело имеют? И он уже собирался грубо напомнить им, кто такой Карзубый. Сказать что-нибудь вроде:

— А вы его в говне поищите (заклученные оправлялись в выгребные ямы). Он там сидит и через трубку дышит.

Но, взглянув на офицеров, Карзубый изменил свое решение.

Они стояли перед ним — ладные, красивые, здоровые. По его представлениям, они могли брать от жизни все. Выйти из лагеря, купить такой еды, какой им вздумается, и столько, чтобы уже больше не хотелось есть. А то и поехать на юг, где тепло, море и женщины загорают на пляже. А Карзубому так ни разу и не пришлось вволю нажраться. И он никогда не видел ни моря, ни загорающих женщин.

Да и Амбал тоже, наверно, всю жизнь ел выброшенное, носил выношенное и, кроме как о потрепанной бывшей зэчке, и мечтать-то не осмеливался. И вот теперь, когда он вырвался, чтоб хоть такую оторву живой понюхать, они ему: «Нельзя!». Вертолеты на него. Солдат целый полк прислали.

Ему вспомнились слова Амбала: «Скажи им, что ты убил меня. Они быстрее в город укатят. Дай хоть годишко человеком пожить». И прохрипел Карзубый, разрывая слипшийся от блевотины рот:

— Я убил его.

Опер не поверил, что Карзубый говорит правду.

— Тело показать можешь? — быстро спросил он.

— Там болото было. Засосало его.

— А как же ты сам из болота выбрался?

— Мы не в самом болоте. Мы на валежине стояли.

— Зачем вы забрались туда?

— Думали через болото перебраться, чтобы след запутать.

— За что ты его убил?

— Он у меня шоколад украл.

— А шоколад откуда?

— У солдат убитых взяли.

— Он прямо на валежине и украл?

— Нет, украл раньше. А там я только рюхнулся.

Перед болотом жрать захотелось.

Опер не мог запутать его. Офицеры вышли.

— Карзубый очень любезен, — улыбнулся майор. — За нас всю работу сделал. Подельника пришел и сам пришел.

— А я что-то сомневаюсь в его показаниях, — возразил опер.

— Почему?

— Слишком уж он старательно отвечал на все вопросы. Как будто убедить нас хотел, что он действительно Амбала убил. А мог бы послать куда подальше.

— Может быть, вы и правы, лейтенант. Я просто устал. А усталый бунтует против всего, что требует действий. Вот мне, наверно, и не терпится это дело скорее закончить. Я пойду во взвод, посплю немножко. Разбудите меня, когда вернется группа преследования. А вдруг они Амбала поймают, — снова улыбнулся майор.

* * *

К утру небо затянулось тучами. И вскоре пошел дождь. Собаководы вернулись после обеда. Солдаты были усталые, промокшие, голодные. Но, не переодеваясь и не заходя в столовую, они отправились докладывать офицерам.

След Карзубого привел их на полянку возле большого болота. Там собаки взяли след Амбала. Но через десять-одиннадцать километров потеряли его. Солдаты заподозрили, что Амбал вернулся по своему следу до того места, где близко подходил к ручью, и там прыгнул в воду.

Разделившись на две группы, солдаты повели собак вверх и вниз по этому ручью, думая, что они найдут след там, где Амбал вышел из воды. Скоро одна группа наткнулась на другой ручей, в который впадал первый. Солдаты разделились еще раз. Они прошли в обе стороны по второму ручью не менее пятнадцати километров. Но следа так и не нашли.

Одному из них пришло и голову, что, возможно, Амбал влез прямо из ручья на дерево. Однако

проверить это предположение не удалось. Пошел дождь. Дальнейшие поиски стали бесполезны.

Офицеры задали солдатам несколько вопросов и отпустили их.

— Ну, вот видите, — сказал опер, показывая на карту. — С этой полянки ведут два следа. Один след Карзубого, а другой — Амбала. Карзубый пошел сдаваться, а Амбал спрятался.

— Насчет Карзубого — ясно. А откуда вы знаете, что Амбал ушел с полянки? — спросил майор.

— Это первое, что приходит в голову. Солдаты поняли всю ситуацию именно так.

— Но это не обязательно так. След Амбала мог вести не с полянки, а на полянку. То есть солдаты могли вести по его следу так же, как и по следу Карзубого, не по движению беглеца, а навстречу ему.

— А как это вяжется с остальными данными?

— Все подходит. После смерти Полковника и Инвалида Карзубый и Амбал могли расстаться и договориться встретиться на нашей полянке (карта у них могла быть). Карзубый пришел туда раньше Амбала, еще во время первого дождя. Поэтому у нас нет следа Карзубого, ведущего на полянку. Он смыт. Амбал же, пока шел дождь, успел дойти только до того места, где солдаты потеряли его след. Оттуда до полянки он шел уже после дождя. И потому часть его следа сохранилась. Встретившись с Амбалом, Карзубый мог повздорить с ним и убить его. Вам понятно мое объяснение?

— Вроде понятно. Только вот, уж вы простите меня, оно мне не кажется убедительным. Слишком оно сложное.

— Что ж, спросим Карзубого. У нас есть две версии побега. По Вашей — оба имеющиеся следа ведут с полянки. Значит, те, которые вели на полянку, смыты дождем. То есть беглецы пришли туда до или во время дождя. По моей — Амбал пришел позже.

... — Карзубый, — спросил майор, когда они вошли в камеру, — у нас к тебе еще один вопрос. На то место, где ты убил Амбала, вы пришли вместе или по одному?

Карзубый видел, что офицеры хотели запутать его. Он старался связать этот вопрос со своими ранними показаниями и не мог. Чтобы не попасть впросак, он решил молчать.

— Карзубый, — повторил майор, — ты слышишь меня? Вы с Амбалом пришли туда, где ты убил его, вместе или раздельно?

Карзубый неподвижно лежал на спине, не глядя на офицеров.

— Карзубый, если ты не ответишь... — майор

повысил голос. Он хотел произнести привычную угрозу «ты навредишь себе», но удержался.

Карзубый понял, что майор угрожал ему. Его губы расплылись в насмешливую улыбку.

— А ты, начальник, покажи, какой ты страшный. Сними штаны, пяться на меня раком и кричи «забодая» («козлы» или «бодливые козлы» было одно из названий педерастов).

Допроса не получалось. Офицеры вышли.

— Что вы теперь думаете о показаниях Карзубого? — спросил опер.

— Как вам сказать? Лично я не вижу оснований сомневаться в их правдивости.

— Ну а что, вы думаете, начальство решит?

— Я думаю, они будут рады снять солдат. Наше Управление вечно без денег — в бюджет не укладывается. Содержать сотни людей в лесу накладно.

— А если Амбал жив, и его поймают? Как они оправдают снятие постов?

— Ну что здесь сказать? Наверно, как и я, скажут, что у них не было веских причин не верить Карзубому.

— А я ему не верю, майор. Мне кажется, что он обманывает: дорогу Амбалу расчищает. Амбал же вооружен и голоден. Он может многое натворить, если, сняв посты, мы оставим поселки беззащитными. Вы извините меня, что я действую против вас, но я напишу о своих сомнениях в Управление.

— Это ваше право, конечно. Но только вы вряд ли что измените. Посты снимут в любом случае. Вы можете лишь помешать начальству оправдаться, если действительно окажется, что Амбал жив, и он натворит что-нибудь громкое сразу же после снятия постов. Коль ваше мнение будет в деле, им тяжелей будет объяснить, почему они поверили Карзубому. А подводить начальство не стоит. Знаете, у всех есть свое правило, которому надо следовать, чтобы не было недоразумений. У заключенных это правило «не доноси». У нас — «не подводи».

Майор сказал, что ему надо подготовить к завтрашнему утру доклад о побеге. Он распрощался, не дожидаясь ужина, улетел.

Опер не знал, следовать ли ему совету майора или нет.

«Может быть, — рассуждал опер, — майор боится, что, если он сообщит начальству свои резоны оставить солдат в лесу, начальство примет его точку зрения и заставит майора поторчать еще какое-то время в тайге». Его собственная версия побега казалась оперу более правдоподобной, чем версия майора. Опер думал, что начальство обратит внимание на простоту и

убедительность его доводов. Да и на него самого.

Случай с Амбалом дает оперу возможность показать себя. Второй такой может и не представиться.

«Но, с другой стороны, — спрашивал себя опер, — а что, если майор прав и начальство снимет посты, невзирая на мои возражения?»

В этом случае, если его собственная догадка, что Амбал жив, окажется верной, начальство на него только обозлится. Он, как сказал майор, подведет их. И тогда ему уже не продвинуться.

И опер решил пойти на компромисс. Он сначала попробует убедить Карзубого изменить показания. И лишь если Карзубый скажет, что Амбал жив, можно будет послать свои соображения относительно побега.

В его распоряжении было по крайней мере дня три. Раньше, думал он, начальство не соберется решать вопрос о постах. А за это время опер надеялся обработать Карзубого. Прежде всего надо будет его подкормить. С Карзубым сытым ему будет легче иметь дело, чем с голодным. И он послал за дневальным изолятора, который, согласно его планам, должен был дать Карзубому еду и обставить передачу так, чтобы у того не возникло подозрений, что еда поставляется ему оперативным отделом.

* * *

В повальном⁶ лагере больше всего ценились две привилегии: не работать на повале и не быть голодным. Зэки, занимавшие некоторые ключевые должности, имели обе. По общему мнению, на эти должности могли назначить лишь тех, кто оказывал важные услуги оперативному отделу. Их называли явными сотрудниками опера в отличие от секретных (тайных доносчиков). Должность дневальный изолятора была одной из таких должностей.

Как и другие явные сотрудники опера, дневальный изолятора сосредотачивал в своих руках значительную материальную власть. Он мог положить в печку какой-нибудь камеры лишнее полено (зимой в изоляторе замерзала вода), черпануть погуще баланды при раздаче пищи (норма питания в изоляторе была в три раза меньше общелагерной) и, наконец, сунуть в кормушку⁷ табаку (в изоляторе запрещалось курить).

И дневальный иногда помогал попавшим в изолятор зэкам. Как правило, его подопечными были сильные и решительные заключенные, которым помогали и другие держатели подобных должностей.

6 Повальный — здесь: лесоповальный. (Прим. ред.)

7 Кормушка — окошко в двери камеры для выдачи пищи. (Прим. ред.)

Они делали это, втайне надеясь, что когда-нибудь во время очередной заварухи в зоне влиятельный зэк вспомнит эту помощь и спасет их от мести лагерников.

Карзубый до болезни был одним из наиболее авторитетных заключенных. И поэтому он не удивился, когда в дверь его камеры тихонько постучали три раза (что значило «внимание!»), и затем в щели между полом и дверью зашуршала бумажка:

«Карзубый, тебе передача от бригадников. Пусть соседи отвлекут надзирателя во время ужина».

Общение между соседними камерами происходило либо перестукиванием, либо через кружку. Вторым способом пользовались гораздо чаще из-за его исключительной простоты. Говорящий прикладывал кружку отверстием ко рту и дном к стенке. Слушающий в соседней камере приставлял ее отверстием к стене и дном к уху. Начало разговора значило стук три раза. Конец — два.

Получив записку, Карзубый немедленно взял кружку.

— Привет, хлопцы. Я Карзубый. Кто на кружке?

— Привет, Карзубый. Это Красюк.

— Красюк, устройте хипишь⁸ при раздаче баланды. Мне подогрев⁹ из зоны.

— Добро.

(За хипишь полагалось поделиться с ним).

Когда во время ужина кормушка в камеру Карзубого открылась, в соседней камере забарабанили в дверь.

— Начальник, иди сюда. Здесь человек помирает.

— Чего орешь? Помрет — так похороним, — ответил надзиратель, смешливый молодой парень из Белоруссии.

— Да ты гляди. У него уже пена изо рта пошла.

— А дыма из задницы еще нет?

— Тебе, шакалу, шутки шутить, а у него уже глаза закатываются.

И хоть обидно было Красюку, что мент не верил (а вдруг и вправду кто помирать будет, так и не помогут, волки), но обида тонула в радостном ощущении успеха задуманного предприятия. Посадили мента на вилы — не сорвется. Около нашей кормушки, как приделанный, торчит. Карзубый за это время не то что пачку махры, а и бабу по частям спрятать может.

— А вы его за уши подергайте, — отвечает надзиратель, — так глаза опять на место вылезут. Только не перепутайте: левое ухо для правого глаза, а правое — для левого.

8 Хипишь — здесь: шум, беспорядок. (Прим. ред.)

9 Подогрев — передача. (Прим. ред.)

Конечно, думал он, говорить с зэками удовольствия мало. Им обругать, как «милый мой» сказать. Они без «шакал противный» не завтракают и без «козел позорный» не ужинают. Но у него с ними здорово получается. Они и духом не ведают, что он всю их игру заранее знает. Если что у опера не выйдет, вины надзирателя в том нет.

А Карзубый в это время получал подогрев. Три пайки хлеба, пакетик с сахаром (бригадники, видно, весь день не ели — для него берегли: ведь хлеб и сахар лишь по утрам давали), махорка, газета на закрутки, спички. Все предусмотрели. Эх, хорошие хлопцы. У Карзубого защищало в горле. Других так не грели, только его. И он отвернулся, скрывая от дневального мокроту в глазах. А тот шепчет:

— Карзубый, я знаю, что ты обо мне думаешь. Ты думаешь, что волк я, сексот, что со мной и срать рядом сесть стыдно. А я помогаю людям. Втихаря. Тем, кому помогать стоит. Но они молчат, чтобы меня не подвести. И ты никому не говори. А то снимут меня. И другого волка поставят, который, кроме как себе, никому помочь не захочет. Ты меня слушай. Тебя незаконно на изоляторном режиме держат. Ты следственный. Тебе следственный режим полагается. Пусть тебя кормят, как всех в зоне. Пусть радио тебе дадут, книги. Ты своего требуй. У этих шакалов все из глотки вырывать надо.

Карзубый еще не ел, а у него уже сил прибавилось. Ты смотри как его помнят. А тут еще баланда густая, почти каша. Толстый кусок хлеба со сладким кипятком. Хорошо! А теперь закурить. Жаль, что нельзя развалиться и дымить в открытую. Мент увидит — махорку заберет. Надо ее в щели между досок рассыпать, а газету и спички к крышке параша изнутри прилепить. Так, может, и не найдут. Но чего он прячется! Ведь он же следственный, а не изоляторный. Ему курить можно. Правильно шнырь¹⁰ сказал. Он требовать должен. И забарабанил Карзубый в дверь.

— Начальник, меня на следственный режим перевести надо. Кормите меня каждый день, курить разрешайте.

А начальник в ответ:

— Ладно, сиди. Завтра разберемся — кто следственный, кто какой. Сиди тихо. А то и следственных в изолятор сажают.

Пусть разбираются. А он своего не упустит. Ох, волк, забыл. Красюка с покамерниками отблагодарить надо. Сахара он им, конечно, не даст. И без сахара хороши будут. А вот махорочки да кусок хлеба он им

10 Шнырь — дневальный. (Прим. авт.)

подкинет.

Стук, стук, стук.

— Хлопцы, подогрев.

Как они обрадовались!

— Ты один человек, Карзубый.

Сейчас он им «коня» заделает. Старый тюремный способ из камеры в камеру через окно подогрев передавать.

И надо всего лишь палку и бечевку. Бечевку одним концом к концу палки привязать, а другим к узелку с передачей. Затем просунуть палку с узелком сквозь решетку и, держа ее, как удочку, раскатать узел. Когда в соседней камере увидят, как мимо ихней решетки узел вверх взлетел, они свою палку через решетку быстро вытолкнут и бечевка на ихнюю палку упадет. Теперь потяни за бечевку — и узел в руках.

Сколько Карзубый «коней» за свою жизнь переделал! Палку он из метлы смастерит, а бечевку из куртки — ее на нитки распустить легко. А на сверток другой кусок куртки пойдет. «Конь» уже в окне. Вот-вот они его поймают. И вдруг:

— Ты что у окна делаешь?

Это надзиратель. Влип Карзубый. Как последний осел. Сейчас мент войдет в камеру, увидит «коня». Не видать Карзубому следственного режима, как красных роз на Черном море. А, может, еще отбрехаться можно.

— Да тошнит меня, начальник. Снова рвать тянет. Так я вот воздухом свежим подышать к окну подошел.

— Ты не очень там торчи, а то начальство увидит, сразу рвота пройдет, и изжога начнется.

— Да я сейчас, начальник. Мне уже лучше становится.

Не вошел в камеру. Вот чучело. Такого мента и пацан вокруг пальца обведет, а скажет, что по Москве прокатил. В жизни всегда так: если не повезет, то к проститутке пойдешь — она родной сестрой окажется, зато если уж повезет, то лягушку подберешь — она в принцессу обратится.

Сверток поймали. Стучат.

— Карзубый, век не забудем.

Может, кто из них действительно на какой пересылке про Карзубого расскажет. Как Карзубого в зоне уважали, как ему бригадники передачку заделали и как Карзубый с другими поделился. Скажет он так, наверно:

— Спасибо Карзубому, просидел я тогда в изоляторе, как король на именинах — махорка в щелях рассыпана была и пайка на окне аж до вечера оставалась.

Утром Карзубому сказали, что его перевели на следственный режим. И дневальный принес ему завтрак: хлеб, суп, кашу и пятнадцать грамм сахара. Суп был густой, каши много. Когда надзиратель на минутку отошел, дневальный успел шепнуть Карзубому, что повара, узнав, кому предназначался завтрак, дали гуще супа и положили больше каши.

— Все тебя помнят, Карзубый. Приветты передают. Меня так помнить не будут.

И от завтрака, и от его слов стало Карзубому хорошо. Раз он следственный, то поставили ему радио, книгу дали. Потом, по его просьбе, журнальчики принесли. Чудеса прямо. Все, что ни попросит, тут как тут.

Женщины в журнале красивые. Особенно одна студенточка. Она коленку так отставила, что глаз оторвать нельзя. Эх, освободиться бы Карзубому! Хотя бы раз в жизни освободиться.

Он вспомнил женщину, поцеловавшую его. Нет, если его сейчас освободят, он к ней даже и не зайдет. У нее муж есть. Но письмо он ей написал бы. Что, мол, помнит ее и не забудет.

Он бы на юг поехал. Там какую-нибудь деваху бы подцепил. Сели бы они ночью на берегу моря, и он рассказал бы ей про себя. Нет, не про себя. Хвалиться неудобно. А о своей жизни, но так, чтобы она поняла, с кем дело имеет.

Какой он храбрый. Раз на него двое с ножом кинулись. А он встал им навстречу, рубашку на груди разорвал, грудь голую подставил и сказал: «Ну, бейте, гады. Только не промажьте. А промажете, я бить буду». Один, который впереди был, ударил; Карзубый даже не шелохнулся. Тот в сердце метил. Но сверху бил, и нож в ребро попал. Вот рубец у него прямо на соске. Вырвал Карзубый нож и на них. А они бежать. В окно. Раму на себе, волки, вынесли, жизнь свою подлую спасая. А вообще он редко нож в руки брал. Больше на силу и быстроту своих рук полагался.

А какой он ловкий. Как-то в побеге наткнулся он на ментов. Они его к бурелому прижали — в полкилометра полоса поваленных деревьев. Все там перепутано: сучки, вершины, комли. Птица, казалось, не пролетит. А Карзубый пошел. Пули над его головой свистят. А он — со ствола на ствол, с вершинки на вершинку. Они гнутся под ним, качаются. Но ноги будто сами его несли. Не промахнулись ни разу, не поскользнулись. Менты за ним было. Но куда им — кишка не та. Пересек он бурелом на одном дыхании. А когда назад посмотрел, то и не поверил, что ему удалось это сделать.

Боль в печени вернула его в камеру. Нет, поздно

ему мечтать. И если бы освободился, то все равно до юга не успел бы добраться. Отплясал свое Карзубый, отпрыгался.

А вот если бы снова жить начать. Певцом он бы мог стать. Говорят, голос у него был — баритон. Он все лагерные песни помнил и пел хорошо. И был бы большой зал. И Карзубый в черном костюме с белой манишкой. Поет. И люди встают, хлопают — еще просят.

Снова боль.

Мать хотела, чтобы он доктором был. Нашел бы Карзубый лекарство — людей от рака лечить. И вот идет он по палатам. Сам в белом халате, и все вокруг чистое, белое. А в палатах детишки и женщины, которых он вылечил, улыбаются Карзубому, спасибо ему говорят.

Эх, избрал бы какой волк это лекарство и дал бы его Карзубому.

А то бы еще банк грабануть. Один раз — и на всю жизнь. Вот он с напарниками в банке. Деньги пачками на полках лежат. Менты подоспели — стреляют. Карзубый с деньгами через окно — и в машину. Около моста он на ходу под откос выпрыгнул, а машина с моста слетела в речку. Все думают, что Карзубый утонул, а он кустами по берегу к поезду пробрался. Напарников убили. Но нет худа без добра: деньги делить не надо.

А хорошо тоже домой с работы приходиться. Куртка через плечо. И навстречу ему сынишка бежит, ножками шустро перебирает, «Папка!» — кричит. И жена у калитки стоит, Карзубого ждет.

Так весь день Карзубый мечтал и ел. А рано утром следующего дня, еще до подъема, его и других эзков, уснувших благодаря освежающему утреннему ветерку, разбудило радио.

Радиозузел находился за зоной. В самой зоне — в бараках и на столбах — висели только радиорепродукторы. Заключение не могли ни включить, не выключить радио, ни отрегулировать громкость передач. Все управление находилось в радиозуэле, в котором хозяйничали радисты-солдаты.

Обычно лагерное радио работало два раза в день по пятнадцать — двадцать минут. Утром с подъемом, как дополнительный сигнал, что надо вставать, и вечером, после работы, для ознакомления эзков с последними известиями. Но сейчас эта рутина была нарушена.

По радио ласковым голосом пела женщина о ссоре с мужчиной. О том, как он сидит, понурившись, и молча курит. Она видит, как ему тяжело. И ей хочется помириться с ним, приласкать его, сказать ему, что,

несмотря на ссору, им еще удастся быть счастливыми друг с другом. Солдаты только вчера купили эту пластинку. Они сами по году и больше не видели женщин. И их взволновал голос певицы и описанная в песне сцена домашней жизни. За неразрешенную передачу солдат могли наказать. Но желание разделить свое волнение от песни с другими мужчинами, так же, как и они, мечтающими о женщине, подавило страх перед возможным наказанием. И они пустили пластинку по лагерному радио.

В бараках было светло от незаходящего летом северного солнца. Заключение, приподнявшись на локтях, как замороженные, уставились в репродуктор, откуда их ласкал женский голос. Кто-то ударил кулаком по стене и заорал: «Шакалы позорные, подлюги противные». На него прикрикнули: «Молчи, волк. Чего расчувствовался».

Карзубый был один. Ему не надо было сдерживать себя перед другими. И когда женщина в песне назвала мужчину: «Мой родной», он заплакал. Сначала он оплакивал неосуществленную мечту о женщине, затем и всю свою загубленную жизнь. Он поднялся и начал ходить по камере, тихо напевая лагерные песни, в которых описываются страдания заключенных (как их расстреливает конвой, морят голодом в изоляторах, заживо хоронят в шахтах, морозят в лесу).

В это время в надзирательскую изолятора позвонил опер,

— Ну, как там Карзубый? — спросил он.

— Недавно плакал, А теперь из угла в угол мотается и что-то воет — поет, наверное.

— Уже поет! Я сейчас там буду.

Продолжение следует.

КАТЬКА

Катькой звали кошку, которая прожила у меня около тринадцати лет. За это время она успела пожить на двух континентах, в пяти странах, в восьми городах, в пятнадцати общежитиях и отелях, а также родить не менее пятидесяти котят.

Несмотря на такую насыщенную личную жизнь, Катька сумела получить политическую известность. Ее объявили первой кошкой, прорвавшей железный занавес. Железным занавесом называли политические и культурные барьеры, отделявшие СССР и другие социалистические страны от капиталистических. Выезд за железный занавес полагали важным событием, достойным внимания прессы. В марте 1971 года Катька выехала из СССР в Израиль. Ее фотография появилась на обложке израильского журнала.

Всё началось в дождливый московский вечер ранней весной 1967 года, когда я, возвращаясь домой, услышал писк котенка. Обычно, будучи занятым, я не обращал внимания на уличных кошек. Но на этот раз время у меня было. Я посадил котенка к себе на плечо, думая, что, если котенок домашний, то он спрыгнет и побежит домой. Но тот взял инициативу в свои лапы: трогательно лизнул меня в шею, замурлыкал и стал запускать коготки в пальто, как бы выказывая желание остаться со мной.

То, что я взял его домой, не было ни неожиданностью, ни неизбежностью. Я всегда любил кошек, но много лет жил без них и не планировал ими обзаводиться. Встреча с котенком изменила мои планы. Дома обнаружилось, что котенок – женского пола. Это предполагало периодическое появление потомства. Жизнь с котятами меня не прельщала, однако альтернативы не было. Мои знакомые в Москве кошек не стерилизовали. Подобная мера даже не обсуждалась.

Через несколько месяцев у Катьки началась течка. Кошка стояла у двери в моей комнате и орала сдавленным голосом, призывая кота. В нашей квартире жили двадцать восемь человек. Некоторые из них были известны своей неприхотливостью. Но Катька орала так громко, что даже самые неприхотливые из моих соседей просили выпустить ее на улицу.

А я боялся, что вне дома Катька погибнет. Стояли суровые декабрьские морозы, когда даже опытным бездомным кошкам было тяжело найти еду. Ну а домашним, оказавшимся на улице без подобающей тренировки, выжить там, как мне казалось, было почти невозможно.

Я попросил знакомых одолжить мне их кота, надеясь, что встреча с ним успокоит Катьку. Увы, пока я разыскивал кота, течка у Катьки кончилась, и коты ей больше не были нужны. Она отвергла все

попытки одолженного кота сблизиться с ней. В моей пятнадцатиметровой комнате стояли два стула, стол, шкаф и кровать. Убегая от кота, Катька прыгала со стула на стол, со стола на шкаф и со шкафа вниз на кровать. И это происходило даже ночью, когда я лежал в кровати, пытаюсь уснуть. После нескольких бессонных ночей я вернул кота его хозяевам и извинился за унижение, которое тот претерпел от Катьки.

Когда у Катьки началась следующая течка, я, подавив страхи за ее жизнь, вынес кошку на улицу. Но уже через пару дней пошел ее разыскивать. Катьки нигде не было. Меня мучила мысль, что ради собственного спокойствия я обрек бедную кошку на верную гибель. К счастью, я ошибся. Катька нашлась. Я шел по улице, когда услышал настойчивое мяуканье. Это была Катька, и она оказалась на том же месте, где я ее оставил.

Мне самому столь логичная идея – искать Катьку искать там, где мы расстались – в голову не пришла. Я разыскивал ее в наиболее известных местах обитания бездомных кошек: по чердакам, подвалам и подворотням. Если верить Эсхилу, что "мудр тот, кто знает не многое, а нужное", то Катька оказалась мудрой. Она знала нужное. Я таким знанием не обладал.

В последующие три года мы с Катькой следовали установленным правилам. В нужное время я отпускал кошку в определенном месте и через несколько дней находил ее там же. Затем наступал спокойный период до рождения котят и следующей течки.

Эта привычная жизнь резко изменилась в феврале 1971 года, когда я получил разрешение на выезд из СССР.

Самые серьезные организационные трудности возникли в связи отъездом Катьки. По закону, кошки перед вывозом за границу должны были провести двадцать дней в карантине. Мне на все сборы дали десять дней. Я попросил заведующую ветеринарной лечебницы выдать мне справку, что Катька провела в карантине требуемый срок. За эту услугу я предложил ей 25 долларов, то есть четверть капитала, разрешенного к вывозу из СССР. Заведующая согласилась. Я вздохнул с облегчением: Катька останется со мной.

Моя возня с Катькой в предотъездные дни на фоне прощания с родными и друзьями казалась соседям неуместной. "Наш-то, – сказала одна соседка, – кошку с собой берет, а мать оставляет." Она говорила нарочито сурово, в третьем лице, как бы приглашая не только меня, но и других высказаться по этому поводу. Но соседи молчали. Добавить было нечего. Суровая соседка высказала то, что они думали.

Мне хотелось объяснить, что мать ехать со мной отказалась и письменно подтвердила согласие на мой отъезд. СССР дал ей немало. Она родилась в многодетной семье с неграмотными родителями и стала доктором наук. Вопрос об ее отъезде не стоял. Можно было привести и другие доводы, объяснявшие

мои планы, однако я решил промолчать.

Причины моего отъезда были эгоистические. Я боялся, что в СССР не смогу удовлетворить профессиональные стремления из-за моего негативного отношения к существовавшему там порядку. Я верил, что смогу преуспеть на Западе.

Мой выезд из СССР был едва приемлемым выходом из совершенно неприемлемого положения. А вот с Катькой, после получения разрешения на ее выезд, никаких колебаний и сомнений не возникло. Все было чисто и ясно. Попрощавшись с матерью, родными и друзьями, я засунул Катьку за пазуху – в полном смысле слова – и поехал в аэропорт.

В последующие девять лет (до ее смерти) Катька была идеальным спутником. Она не требовала много внимания, оставляла мне время для карьеры, ее еда обходилась дешево, а ее обучение правилам жизни в новых городах и странах было незатруднительным. Катька училась легко.

Я был в первой большой группе эмигрантов из СССР, прибывших в Израиль. Демонстрируя всем важность этого события, нас встречала в аэропорту премьер-министр Израиля Голда Меир. Направляясь к месту встречи, я посадил Катьку в сумку с молнией, оставив небольшое отверстие для ее мордочки, и поставил сумку на лавку. Вернувшись, я обнаружил, что сумка была пуста. Кошки в ней не было. Она, вероятно, мордочкой расширила отверстие в сумке и вырвалась из нее.

Аэропорт был полон людей. Я боялся, что в толпе мы не найдем друг друга. Но я оказался неправ. Катька ждала меня под лавкой, на которой я оставил ее в сумке. Она как бы напомнила мне, что надо делать в таких случаях: "Ищи меня в том месте или близко к тому месту, где оставил." И когда я присел, чтобы собраться с мыслями, кошка вылезла из-под лавки и выпрыгнула мне на колени.

Следующий эпизод придал мне еще больше уверенности, что мы не потеряем друг друга. Это произошло в мой первый рабочий день в Израиле. В суматохе переезда из одного общежития в другое я плохо ознакомился с правилами проживания. Одно из правил запрещало содержать там животных. Я обратил на него внимание только за полчаса до начала работы. Искать другое жилье уже не было времени. Оставлять Катьку в комнате было нельзя. Обслуга, следившая за порядком, выпроводила бы ее на улицу.

Здание общежития находилось в центре залитой асфальтом стоянки для машин. Только в дальнем углу этой площадки стояло дерево. Я влез на него, посадил на верхний сук Катьку, привязал рядом с ней консервную банку с водой и пошел на работу. Я старался работать изо всех сил, надеясь, что на моего бригадира произведут впечатление как мое усердие, так и Катькина история, и он отпустит меня на пару часов раньше. Мой расчёт оказался верным. Меня отпусти-

ли. Когда я подбежал к дереву, Катька замыкала, подавая мне сигнал, что она здесь. Согласно нашим правилам, она ждала меня там, где я ее оставил, хотя выбранное мною место было не слишком удачным: к обеду оно оказалось на самом солнцепеке. Но Катька верила, что я ее не подведу.

В России и Израиле пристраивать Катькиных котят было легко. Их охотно разбирали: люди находили Катьку и ее котят красивыми. В США, где я жил с 1974 года, ситуация была иной. Когда появились очередные котята, я по привычке предложил одного из них знакомому американцу. Он отказался, но посоветовал поместить объявление в газете и запросить за котят деньги. Я дал в газете объявление "хорошие котята в хорошие руки," попросил звонить, но о деньгах не упомянул.

Звонков не было. Мой знакомый, узнав об этом, рассмеялся. По его словам, многие в США не верят, что бесплатное может иметь подлинную ценность. В следующем объявлении я запросил по три доллара за котенка. Позвонил один человек. Он заинтересовался моим акцентом, но котят не взял. Мне посоветовали запросить за каждого котенка по двадцать долларов. В 1974 году это были немалые деньги. На новое объявление откликнулись больше десяти человек, и котят разобрали быстро. Катька продолжала приносить котят каждые 4 месяца, зарабатывая, как говорится, "детямкам на молочишко."

Последние роды у Катьки были трудными. Ее спасли. Котят спасти не удалось. Ветеринар посоветовал стерилизовать кошку. Он считал, что она вряд ли переживет еще одни роды.

Два года после стерилизации стали самыми спокойными в Катькиной жизни. Большую часть времени она спала или наблюдала за птичками. Иногда я прогуливался с ней вечерами, после работы. Кошка вела себя как воспитанная собака. Правда, она отказывалась идти по той стороне тротуара, которая граничила с проезжей частью улицы. Катька всю жизнь боялась машин.

Спокойный период кончился внезапно. Катька почти перестала есть. Теперь она проводила много времени в ванной комнате, прижимаясь там животом к прохладному кафельному полу. Ветеринар определил у нее обширную опухоль в животе и прописал лекарства. Процедура приема лекарств была болезненной. Катька смотрела на меня отчаявшимися глазами, как бы спрашивая: "За что ты меня мучаешь?", но ни разу меня не цапнула и не укусила.

Лекарства не помогли. В последние часы Катька несколько раз крикнула не своим голосом, вероятно от нестерпимой боли...

Она была у меня на руках, когда ее не стало.

Саша Немировский

ТАК, ЧЕМ ДАЛЕЕ БОГ, ТЕМ Я ТИШЕ МОЛЮСЬ

ШВЕЙЦАРСКАЯ ОТКРЫТКА

Циферблаты озер,
Как текущее время Дали.
Секундная стрелка соборного шпиля
под вечностью гор.
Корабли.
Их снастей перебор
У причала
Переходит в тумана простор,
Разрезаемый замком, где плечами
Две башни,
И над левой вдали –
«Маттерхорн»
Сквозь альпийские кряжи.

Разговор
На немецком прохожих спотыкается в русский.
Туристы с востока, на швейцарском курорте.
Как будто опять девятнадцатый век.
Только блузка
По моде. Открытые ножки и на отвороте
Сапожек чуть стёрто.
Да солнце замедлило бег.

Водопады из рек
Сходят в озеро возле отеля
Здание в стиле прошедшей эпохи.
Бухта. Плёт.
Ледники набегают волной по прозрачной воде.
Силуэт Вильям Теля –
Памятник у новостройки.
Белый лебедь скользит и балетною пачкою хвост.
Па-де-де.

И конечно симфония просится
В нотную запись. Подыграть этой птице-царевне.
Мелодию снега и тему крыла.

В вышине гнутся горы колосьями.
Дует время сквозь шербатые гребни.
А про всё остальное история соврала.

(220117)

НА СМЕРТЬ ПОЭТА

*«Когда человек умирает,
изменяются его портреты.»*
(Ахматова)

С.Зевелеву

Когда уходит поэт,
По другому звучат его строчки
В них слышится мелодия точки
Даже если её там нет.

Не важно что это: глупость, отказ здоровья,
Петля ли, рука с пистолетом?
Слова, оттененные кровью,
Падают, не промахиваясь при этом.

Нам, оставшимся, теперь грустить
Строфами утыканными по перышки.
Надеяться, что успел простить.
Читать и перечитывать, чего уж там ещё?

(031116)

ХУДОЖНИК

П.Тайберу

Одинокий домик парит в голубом небе
В окружении облаков.
Я постучу негромко. Мне откроет гном.
Набекрень
Надета треугольная шапка, а с боков
Топорщатся крылья,

Заполняя дверной проём.
Он протянет руку
И пожмет мою с избытком силы,
Не на шутку,
И мы улыбнемся вдвоём.

Прямо с крыльца я войду в комнату
И окажусь в чертогах замка,
Где три музы в масках,
Исполненные
Величия, снизойдя к моему приветствию,
Кивнут музыканту,
Стоящему на подиуме.
И тот, в соответствии
С этикетом,
Заиграет еще не сочиненную мелодию.
Дудочка, пальцы, рот.
И станет понятно, что законы физики
Подчинены сюжету,
А не наоборот.

Сюрпризы
Не прекращаются. Красный рыцарь
На белом коне пересекает двор –
Цоканье подков, кланье доспеха,
Сверканье шпор.
Лица
Зевак разглядывают моё – «кто приехал?»
Разговор,
Споткнувшись, продолжается о своём.

В углу под башней стоит маэстро
И пишет точным мазком кисти
Фонтан, водоём.
Руки – продолжение глаз.
Место,
Где я застыл, заполняется листьями,
Падающими с дерева, где пароход на ветках
На раз
Нашел постоянный причал.

Дым из трубы, я вдыхаю его вместе с ветром,
Гнушим деревья, хлопающим по плечам
Моей же курткой.
Там, наверху загораются празднично
Окна над порталом.
А тут шуршит ветер, крутит
Занавески, мусор, тряпье,
Выгоняя меня. И жутко
Вернутся в мой мир из этого сказочного.
Но рыцарь опускает забрало
И наставляет копье. (051116)

ВЕСНА

Политкорректно с соседкой
О здоровье, про трафик в час пик,
Про то, что садовник шумит по субботам так рано.
Про редкий
Грибной
Поливающий дождик, что в миг,
Превращается в ливень и рьяно,
Срывает все планы
На день выходной.
И про то, что старик,
Слава Богу, здоров. Значит, можно мечтать
Оторваться на пляж –
То ли Мексика, то ли Гавайи.
Лишь бы как-то отсюда, туда, где пейзаж
Не привязан к часам, как к оправе,
Очки, чтобы их каждый взгляд замечать.

Я прикроюсь рукой
От палящего солнца, сменившего тучи,
И в худой
Моей тени на мокрой еще мостовой,
Укроется ящерка. Я ей представляюсь как случай
Из темной засады, стремглав, ухватить себе муху.
Так на завтрак рванется душа.

Что соседка? С собой хороша,
Улыбаясь прохладе, продолжает своё ни о чем
И травинку мотает на руку,
Обнаженным от сбившейся майки плечом
Обнимая весну.
Ей еще предстоит на блесну
Зацепить кавалера,
Чтобы было за что, многолетье спустя, превратиться в
старуху.

Наверное,
Я не прав. Призывающий взгляд есть надежда на лето.
Укрывает, как мать,
У дитя обнажившийся бок –
Когда колыбельная спета,
Можно только молчать.
Улыбнувшись, ухожу, тороплюсь.
Так, чем далее Бог,
Тем я тише молюсь,
Чтоб не спутать ответа.

(160417)

Александр Ратнер

И СОЛНЦА ЗОЛОТОЙ ПАУК ПЛЕТЕТ ЗАКАТА ПАУТИНУ

* * *

Сколько нужно отваги
(Кто бы думать посмел?),
Чтобы взять лист бумаги
Белый-белый, как мел,

И летящей рукою,
Чтобы душу спасать,
Там строку за строкою
Вслед за Богом писать.

Безо всяких прелюдий
Класть стихи на листы.
Пусть подумают люди,
Будто автор их ты.

Даже станет неловко
От подобных чудес,
Но однажды диктовка
Оборвется с небес.

И все той же рукою,
Вдохновенный чудак,
О таком и такое
Ты напишешь и так

Виртуозно и мудро,
Что Господь с высоты
Сам уверует, будто
Автор все-таки ты.

* * *

Ты ладонями голыми,
Исполненными огня,
Стиснула мою голову,
Будто лепишь меня

Из одушевленной глины.
И вот на лице всерьез
Возникли глаза-маслины,
Уши, с горбинкой нос...

Рождался мой облик, глупый
От счастья, и, впредь глупая,

Скорей мне вылепи губы,
Чтоб целовать тебя.

* * *

Натянут предвечерья лук,
В колчане стрел – наполовину,
И солнца золотой паук
Плетет заката паутину,

Краснея от потуг своих,
Из окон сочиняет фрески,
Едва лишь проникает в них,
И поджигает занавески.

Горит закат, багрово-рыж,
Одновременно в ста державах,
И всплески солнца льются с крыш
По виду медных, хоть и ржавых...

Закат недолго ворожит
И, тлея, вдаль уходит фронтом,
Как будто угли ворошит
Усталый Бог за горизонтом.

* * *

Мечтаю через все заборы
Рвануть к вокзалу напрямик,
Чтоб там ворваться в поезд скорый
И в отправленья светлый миг,

Подобно фокуснику, бодро
Достать бутылку коньяка
И куры жареные бёдра,
Распластанные в табака.

Бутылка – что анфас, что в профиль,
В ней предстоящий дремлет пир.
А я разжалую картофель
Варёный, сняв с него мундир.

В окне дубы, сходя за пьяных,
Качнутся, празднуя январь.
Разлитый поровну, в стаканах
Коньяк застынет, как янтарь.

И под него, покуда едем
В зимой просеянной крупе,
Начну стихи читать соседям
В закрытом намертво купе.
Один из них, даря ухмылку,
А заодно и перегар,

Поставит мне в ответ бутылку
И скажет: "Это – гонорар!"

И будет ветер-безобразник
Лепить снаружи письма,мена,
И продолжаться будет праздник
По обе стороны окна,

Пока не поперхнусь строками
И встану, но не устою,
И вознесусь, взмахнув руками,
На полку верхнюю свою.

* * *

Изумительно-злые грёзы
На осеннем царят пиру.
Что есть дождь, как не наши слёзы,
Испарившиеся в жару?!

Золочёные молний пики
От прицельных слепят побед.
Что есть гром, как не наши крики
От ниспосланных Богом бед?!

Осень входит в глаза и в поры,
Украшает и топит глушь.
Кто есть мы, как не экспортеры
Небу криков и слез, и душ?!

Семен Абрамович

ИЗ ЦИКЛА «УРОКИ ГЕОГРАФИИ»

РАЙСКИЕ САДЫ

Израиль. Райские сады.
В тени деревьев ослик дремлет,
И наливаются плоды,
И каждый сущий богу внемлет.

И верится, что это рай:
Цветы, оливы плодоносят –
Земли благословенный край,
Где пенье птиц и неба просинь.

Глоток вина, глоток воды,
Сторожка, старая давилня...
Покой – награда за труды
В краю, ниспосланном всеильным.

МЕРТВОЕ МОРЕ – ПУСТЫНЯ НЕГЕВ

На Мертвом море тишина.
Соленое болото.
Окаменевшая жена,
Перечившая Лоту.

С Арада ветер, словно фен,
Барханов терракота.
Осознаешь: мирское – тлен.
И надо чтить субботу.

Часами Ирод здесь сидел
И созерцал пустыню...
Царь, учинивший беспредел,
Отстроивший святыню.

Пустыня Негев по весне
Цветет так быстротечно.
Виднее даль, судьба ясней,
И ощущаешь вечность.

ДОМ КАФКИ В ПРАГЕ

Градчаны, Карлов мост,
Высокий берег Влтавы.
Маршрут предельно прост:
Все время вверх и вправо.

Предстанет пред тобой
Собор Святого Вита
С затейливой резьбой
И росписью по плитам.

Когда пройдешь собор,
Еще немного прямо:
Фонарь, булыжный двор
И Праги панорама.

Квартал еврейских слез.
Дома впритык, как лавки,
Как сонм «Метаморфоз»;
Тут жил когда-то Кафка.

Дом номер двадцать три –
Унылое жилище,
Ни звука изнутри,
Лишь ветер в окнах свищет.

Тянулся здесь «Процесс»,
И громоздился «Замок»,
И фобий мелкий бес
Являлся, словно амок.

Он прожил сорок лет
В сомнениях и страхах.
Для Кафки Прага – свет,
Бессмертие. И плаха.

ИСКУССТВО ТАВРОМАХИИ

Песок и кровь, страстей накал,
Мулета, танец, взмах клинка...
И, пожимая смерти руку,
Платили жизнью за науку –
Отрезать ухо у быка.

НОСТАЛЬГИЯ

Переулок, дом старинный,
Палисадник, тихий двор,
Споры, увлечение Грином –
Это с детством разговор.

Наша память – только слепок
Навсегда ушедших лет:
Забросает горстью щепок,
Заметет, размочит след.

Память – горькая растрата,
Тяжкий крест до склона дней.
Что теперь мирская слава,
Коль нисходим в мир теней.

Суета на свете этом –
Цепь утрат. Тоска, тоска...
Одиночество с рассветом
Вдруг покажет свой оскал,

И сожмет вокруг горла длани
Неотвязная хандра,
И обузданы желанья.
И стакан налит с утра.

Как, судьба, поступишь с нами
в век смятенья и невзгод?
Наплывут воспоминанья,
И привидится уход.

Переулок, дом старинный,
В каждой комнате семья,
На углу подвальчик винный.
Это родина моя.

Екатерина Короткова

ПАННОЧКА

1

Если бы она была такая же барышня, как все остальные, и по вечерам вела дневник, она записывала бы этим вечером в своей светелке при ярком свете свечи, мелким, бисерным, аккуратным почерком:

"Сегодня утром маменьке захотелось к чаю варенья из райских яблочек, – взволнованно и быстро строчила бы она. – Но банка с тем вареньем стояла на высокой полке, да притом еще была задвинута вглубь. Маменька тянулась-тянулась, да так и не дотянулась. Тогда тетя Христина взобралась на табурет и достала-таки банку. Но у табуретки была сломана ножка. Дядя Данила прибил ее гвоздиком третьего дня, да, видать, некрепко, и ножка надломилась, как раз, когда тетя Христина стояла на ней уже с банкою в руках. Тетушка упала и выронила банку.

– У, руки-крюки! – крикнула она дяде Даниле и поползла за банкой, бурча себе под нос: – Вот уж воистину старая дура. Не зря люди говорят: заставь дурака Богу молиться...

– Да, умна, умна, сестрица, – подхватил дядя Данила, – и шишку на башке набила, и чай без варенья будете пить.

– Врешь, Данилка! – оборвала его тетя Христина, – там совсем немного на пол пролилось, и краешек от банки отбился. Не слушай его, дурака, сестрица, – обратилась она к маменьке, – будешь ты сейчас чаек с вареньем пить.

Но маменька смотрела с ужасом на разбитую банку и говорила: "Христя, голубка, какой там чаек – в банке той осколков несть числа. Ее выбросить надо".

– Нет, Олесенька, нет, – уговаривала маму тетюшка с большим жаром. – Там же только краешек отбился. Вот я ложечку сейчас возьму, да помаленьку те осколочки повыбираю. Вон они все наверху, видать, как блестят, раз, два, три и всё... да, вон еще четвертый... ага, и пятый есть.

Маменька крикнула: "Не надо! Не хочу!" Однако тетенька не стала ее слушать, покопалась

ложкою в банке, потом наложила полную чашку варенья, налила холодного совсем уж чаю, ибо устала и не имела сил его разогреть, и сказала ласково и нежно: "Пей, сестрица".

Маменька смотрела с ужасом на обе чашки и тихим, сдавленным каким-то голосом прошептала: "Ни за что! Умру, не стану пить".

И тут тетенька упала перед ней на колени".

Если бы она была такая же барышня, как все остальные, она описала бы всю эту сцену с начала и до конца, пересказывая подробно реплики, передавая интонации. Переписала бы мелким почерком в своем заветном дневнике, сидя в светелке у яркой свечки.

Но не было у этой панночки светелки, не было яркой восковой свечи. И спала она в темной каморке на сундуке, рядом с которым на полу пристроилась единственная их служанка, Домаха. И каморка освещалась не свечой, а лишь тусклым мерцанием лунного света, пробивавшегося сквозь щели ставень. И дневника у нее сроду не было, не умела эта панночка писать. Дед начал было учить ее в детстве буквам – все-таки дворянская дочь – да вскоре бросил. Во всей их огромной семье хорошо знал грамоте только папенька, ибо имел вкус к наукам.

Но молодая девушка, неграмотная, босоногая панночка была ничуть не менее впечатлительна, чем те, кто списывают целые томы дневников.

Лунные полосы медленно передвигались по некрашеному полу, Домаха богатырски всхрапывала – так, что миски дребезжали на столе, а она всё переживала заново, снова с невыносимой яркостью видела расширенные, полные паники глаза матери, отступавшей всё дальше от тетки, которая настойчиво ползла к ней на коленях, крича: "Выпей, серденько, ну поверь мне, ничего не будет, Христом Богом клянусь". Панночка видела, как по лицу отца, всегда такому славному и доброму, блуждала странная глуповатая улыбка, а иногда он вдруг хихикал: "Боже мой!"

А потом дядя Данила крикнул: "Вишь старается

золовка извести невестку, аж на колени бухнулась!" – и захохотал.

Тут тетя Христина вскочила с колени и, схватив кочергу, кинулась убивать дядю Данилу. Отец, очнувшийся от своего дурного оцепенения, бросился их разнимать. Мать, забившись в угол, дрожала, как собачка под дождем, и никого к себе не подпускала, даже дочку. "Оставьте меня, оставьте", – бормотала она.

Это ещё слава Богу, что дома почти не было народу. Дед отправился в церковь. Дядю Никифора понесло за каким-то делом аж в Борзну. Дядя Серафим накануне простудился на рыбалке и сейчас лечился – приняв малость горячительного и прикрыв голову брилем¹, спал, раскинувшись на солнцепеке во весь свой немалый рост.

Тетки, верней, жены дядюшек, копались на огороде. И первой мыслью Марины было бежать туда и хоть немного отвлечься в работе.

Но выйдя из дому и издали услышав их пронзительные голоса, дружно поносившие Домаху, – единственного, кроме дяди Серафима, человека, хоть что-то делавшего в доме, – Марина потихоньку двинулась в другую сторону, и босые ноги сами понесли ее по узенькой зеленой мягкой тропке, пробивавшейся среди высоких белых и желтых цветов.

Голоса теток не совсем еще затихли, а вот уже конец имения, кордон. Прозрачный мелкий ручеек шуршит по камешкам, куст ракиты стоит возле самой воды, а под кустом, – поношенные старые туфельки. Сколько дождей их вымочило, и сколько раз коробились они, высыхая под горячими лучами солнца. Панночка потопталась на камешках в ручейке, весело и звонко отмывавшая ей ножки, и обулась. Целые ли туфельки или дырявые, пересохшие или сырые, – не гоже дворянской дочке ходить босиком за пределами своего поместья.

Она пошла вдоль веселого говорливого ручейка, и ей все время казалось, что она выскочила из темного подвала на ясный божий свет. Птицы заливались так отчаянно, словно целью себе поставили своим щелканьем, щебетом, посвистом выразить всю прелесть, всю несравненную радость этого чудного майского дня. Золотые шмели и пчелы с гуденьем сновали между цветами. Бабочки неторопливо и важно перелетали с цветка на травинку, с травинки на цветок. Вот одна – ах, какая же она красавица – большая с красным кружевом на темно-коричневых крыльях. А

1 Бриль (брыль) – разновидность соломенной шляпы, распространенная на Украине и в Белоруссии. *Здесь и далее – примечания редакции.*

вон та еще и того краше – на бархатной черной мантии ярко-синий узор. И земляника, крупная, розоватая земляника целыми пучками выглядывает из травы.

Девушка замечала все это приметливыми женскими глазами, но ей и в голову не приходило пожелать себе такой наряд. А ведь как она была бы, вероятно, хороша в черном бархате и синем атласе – высокая, тоненькая, со сверкающими черными глазами и распущенными черными волосами: Марина не любила косы и возле дома, в стороне от местных сел, никогда их почти не носила.

Тропинка резко подходила к краю леса и, заслушавшись весенних шумов, панночка остановилась, внезапно совсем близко от себя услышав людскую речь.

Из лесу вышло человек десять парубков и дивчат и тоже замерли удивленно на месте.

"Высочанские, – подумала панна Марина. – Служба кончилась, скоро дедушка домой придет".

И ей сразу представился кислый запах теменького зальца и дурашливый голос дяди Данилы, рассказывающего деду, как эта "скаженная" чуть не угробила его кочергой. И глухой, тяжелый голос тети Христины: "Вы же знаете, батько, мне на всех моих невесток начихать, хоть бы их черт унес в дырявом мешке и уронил над болотом, но Олеся, тато, вы же знаете, как я ее люблю". "Ну, пошутил я, дура стоеросовая, пошутил", – бубнит Данило. " – "Кто же так шутит, йолоп², ирод, сукин сын".

Высочанские и в самом деле шли из церкви, но домой не торопились, балагурили, шутили, а две девушки плели венки. Были, очевидно, среди них и шаповаловские.

"Казаки", – сразу же отметила Марина. Казаки отличались от крипаков³ не одной только одеждой. Вся стать, вся манера у них другая. Совсем особая порода людей.

Рядом с нарядными дивчатами в новеньких вышитых передничках и сорочках, в прехорошеньких сафьяновых сапожках, ей особенно было стыдно и за вылинявшее, неглаженое, не по сезону темное, коричневое платье, и за туфельки, извлеченные из-под ракитового куста.

Но молодежь не торопилась расставаться со случайно встреченной соседкой. "Гуляете? Або по ягоды? Так ещё не поспели". Невысокая, вся кругленькая, как репка, дивчина словоохотливо стала ей объяснять, где можно найти так много земляники, что, хоть целый день ходи, всей ни за что не съесть.

2 Йолоп – олух (укр.)

3 Крипак (укр.) – крепостной.

А вообще-то они больше разговаривали между собой, вспоминая какие-то свои дела, смеялись лишь им одним известным шуткам.

Умом Марина понимала, что надо поскорее отделиться от этой нарядной толпы, где она стоит, как цыганка. Головой понимала, но ноги не шли. Какая-то веселая пленительная легкость захватила всех, стоявших на тропе у лесной опушки. Намеки, понятные только одним, и для других имели свою прелесть. Все переговаривались вперекрест, словно бросая друг другу мяч. И Марина – она больше молчала, слушая других – то и дело поворачивала голову, как бы следуя за полетом этого мяча, а вернее, нескольких мячей. Она не так уж много понимала, голова у нее кружилась, но ей все это нравилось и не хотелось уходить.

В непрестанном мелькании лиц сразу выделилось одно, постоянно притягивающее ее взгляд. Смуглое, недоброе и умное лицо невысокого, но плотного молодого казака, показавшегося ей знакомым. "Ну чистый турок", – думала она, нет-нет да и поглядывая в его неулыбчивые очи, и каждый раз чувствуя, что он заметил ее взгляд. Где ж она его видела, этого турка – лицо не то чтобы приятное, но какое-то притягивающее, значительное, сильное.

А еще она заметила двоих. Небольшого роста белокурую девушку, рядом с которой стоял высокий стройный парубок с красивым и милым лицом. Он, казалось, весь светился, белолицый с каштановыми волосами, отливавшими на солнце золотом; и глаза его, хотя и карие, были не темны, а светлы и лучисты. Он очень добрый, подумала она, и тотчас же возникла мысль, как счастлива его подружка. Ну конечно, не сестра, а подружка. Это было видно по всему – и по тому, как они стояли, и как говорили, и как смотрели друг на друга.

Девушка была очень нарядно одета: в синей бархатной жакетке, шитой серебром, с кружевными рукавчиками, легкими и пышными, словно речная пена. Она показалась Марине замечательно красивой – главным образом, наверно, потому, что была на Марину совсем не похожа – маленькая, голубоглазая, беленькая.

Марина вновь взглянула в притягивающее, как магнит, лицо смуглого казака и неожиданно сказала: "Я вас знаю. Вы – Яков Мацук. Вы с отцом к нам зимой приезжали".

Парубок кивнул.

Как ей помнился этот позорный приезд. Мелкопоместные дворяне Шапорцы, живущие гораздо хуже многих мужиков (не говоря уж о казаках), эта огромная безалаберная орда, обитающая в темном

и тесном домишке, имела вдобавок черты, крайне притягательные для их сопатриотов, ибо хохол от природы насмешлив и при любом удобном случае готов свою насмешливость проявить.

Чертами этими, столь лакомыми для соседей, были мнительность, застенчивость и нервная полохливость⁴.

Их домик – чтоб не сказать конурка – стоял на отшибе, и стоило впечатлительным Шапорцам слышать звук колокольчика и увидеть приближающуюся к их обиталищу телегу или бричку, они тотчас – в шапках и без шапок, в тулупах, без тулупов, босиком – выскакивали всей гурьбой на крыльцо и взором, полным ужаса, глядели на приближающийся экипаж, затем мгновенно исчезали в доме, и выманить кого-нибудь оттуда приезшему бывало не так просто.

Малороссы, как и россияне, считают весьма забавным наградить какой-нибудь предмет или явление его антонимом, то есть, попросту говоря, любят шутить от противного, отчего жители местных сел и посвятили робким Шапорцам нижеследующее четверостишие:

*Шапорець, Шапорець,
Козина головка,
Не боїться ні людей,
Ні сірого вовка.⁵*

...Марина помнила, что был сильный мороз, и на крыльцо, увы, выскочили все. И ее милый и добрый отец, так много знавший и рассказывавший ей в детстве чудесные сказки. И острая на язык, упрямая, самолюбивая тетя Христина. Никто, никто, кроме самой Марины и ее матери, не совладал с собой.

Ей было стыдно.

А потом долго раздавался неторопливый, но настойчивый стук кнутовища в дверь; отец и дядюшки кивали друг другу: иди, мол, открой, но никто не шел, и ей снова было стыдно.

Впрочем, она к этому давно привыкла.

А потом спокойный, добротный и богато одетый Мацук вел разговор с мужчинами ее семейства, и как же они все кричали, волновались, заикались.

А младший Мацук, Яков, сидел на лавочке в сторонке, тоже красиво и тепло одетый, и не участвовал в деловом разговоре и не усмехнулся ни разу, только изредка поводил в сторону спорщиков спокойным

4 Полохливость – пугливость.

5 В переводе с украинского означает: «Шапорец, Шапорец, козья головка, не боится ни людей, ни серого волка».

хмурым глазом.

...Белокурую девушку звали Килина. Марина подумала, что это имя ей идет, как и все ей шло – звонкий, хрустальный какой-то смех и кудрявые пепельные косы, обвивавшиеся вокруг головы. Марина часто оборачивалась, ища ее взгляд, и взгляды их встречались, но ничего, как ни старалась наша панночка, не прочитала она в голубых больших глазах – ни презрения, ни жалости, ни привета. А взглянув на парубка, стоявшего рядом с Килиной, – его звали Тимош – каждый раз встречала взгляд его лучистых глаз и снова думала: он добрый.

Она многих уже запомнила по именам, и шутки многие ей стали понятны, она и сама уже иногда отвечала на них, и ей совсем уж не хотелось уходить, а всё стоять, участвуя в этой странной беспечной игре, где ничего всерьез не говорится, где веселый твой расшалившийся взгляд перебегает от лица к лицу, как мячик; и вдруг – удар: внимательный, тяжелый, хмурый взгляд темных глаз, глядящих с хмурого лица, притягивающего своею тяжелою силою, и другие лица, и светящее среди них белое, с лучистыми карими глазами, и ничего не выражающий взор синих глаз.

Потом все как-то разошлись: кто в Шаповаловку, кто назад в Высокое, а Марина к дому. Было ей идти совсем не далеко, и она пошла не тропкой, а напрямик среди цветов и высокой травы, слегка пьяная от радости и возбуждения, от первой встречи со сверстниками, от пленительной игры в невидимый мяч. И брела в траве, стараясь не помять цветы, отводя их бережно руками, и вдруг в спину ей ударил хрустальный четкий голосок: "Шапорець, Шапорець, козина головка, не боїться ні людей, ні сірого вовка".

...Тонкие полосы лунного света исчезли с половиц, куда-то спряталась луна, и в камерке стало темно и душно. "Отчего ей захотелось обидеть меня? – подумала она с испугом. – Ей, такой нарядной, красивой, счастливой? Что ей за дело до дикарки, до жалкой замарашки? Чем я ей помешала? За что?"

В темной, душной камерке проклятого дома, особенно в дурные ночные минуты, приходили в девичью голову и такие слова; стало жутко, захотелось закричать. Но тут внезапно снова прокатился невидимый мяч, голова упала на подушку, губы улыбнулись – уже во сне – сон пришел мгновенный, молодой, счастливый.

Была бы она барышней, как все остальные, она писала бы, ликуя, в своем дневнике о блистательной сегодняшней победе и о глупой маленькой блондиночке, так неприлично обнаружившей свою ревность. Будь она истинной барышней, имевшей умных и

умелых воспитательниц, она, может быть, попыталась бы сделать самое трудное – что-то прочесть в своем сердце. Впрочем, умные воспитатели не советуют с этим спешить, предоставив дело времени, а отнюдь не случаю.

Но, увы, Бог не послал Марине бережных, разумных воспитателей: где же взять их в доме, где никто не уважает ни себя, ни своих близких.

Единственное, что послал ей Бог, это женское чутье, которое ей твердило, что, как ни странно, к ней равнодушны многие из тех парубков, которые встретились ей возле леса.

Эта знаменательная встреча на опушке, длившаяся, может, полчаса, а может, и все три – чего не заметил никто из участников, хоть было там не меньше дюжины молодых людей и девиц – сыграла немалую роль в жизни моих юных прабабушек и прадедушек.

2

Конец мая, начало июня – нет прелестнее времени во всем году, таких огромных дней и бесконечных светлых вечеров, такой веселой мягкой теплоты, таких пушистых, легких, не загустевших еще темной зеленью веток. Это время радостного, доверчивого ожидания лета, это самое его начало, еще не скоро разгар.

И таким же милым, доверчивым, легким бывает начало влюбленности, и не начало даже, а предчувствие ее, пора, предшествующая началу. И лица кажутся красивыми, и люди добрыми, и шутки их смешными. Еще не наступило то, что знают все влюбленные, когда в толпе сразу бросается в глаза один лишь человек, и сердце бухнет вдруг оглушительно: "Он!" или "Она!" С мужчинами это тоже бывает, я совершенно точно знаю.

Куда бы ни отправилась панна Марина, выскочив из своей конурки на яркий июньский свет, тотчас ей встречался какой-нибудь парубок и приветливо желал ей доброго утра или доброго дня, а за ним вскоре еще один, и еще, и глаза у них светились счастливым оживлением, и оживление передавалось ей. А там встретится дивчина из новых знакомых – кругленькая веселая Одарка или тихоня Марфа – и остановятся подружки на минутку поболтать, а тем временем пройдет мимо дивчат Яков и так блеснет своими темными очами, что аж дух займется. И, конечно уж, не обойдется без того, чтобы рано или поздно – а скорее рано, раньше всех других – не встретился Марине Тимофей, не взглянул мягкими карими глазами, вселяя этим взглядом в душу

тишину, уверенность, покой. Кстати, уверенность на малороссийском языке обозначается чудесным словом "пєвність"⁶.

Как ни далеки были от шаповаловских и высочанских дел обитатели шапорцовской конурки, мало-помалу после Троицы и до них доползли кое-какие новости, и, коль скоро касались новости эти члена их семьи, вызвали они бурные споры за обедом, и говорилось при этом много такого, что представлялось Марине обидным, невразумительным, а временами явным враньем.

– Губа не дура, язык не лопата, – веско произносил дядя Данило, обсасывая незаурядных размеров кость. – Породниться с девицей доброго дворянского рода, да к тому же и красавицей, а о приданом я уж не говорю.

– О приданом ты не говоришь, мой друг, резонно, – едко возражала нетактичная Христина. – Если приданого нет, зачем же о нем говорить?

– Зато дивчина красива, – оборвал ссору дед. Он не любил говорить о неприятном. – От воздыхателей отбою нет, так и вьются под забором. Кинешь палку в Серка, попадешь в Грицька.

Тетки, жены дядюшек, слушавшие с постными лицами о Марининых успехах, оживились.

– А хорошо ли это, – пропела тонким голосочком тетка Софья, – когда за девицей бегают целая свора кобелей... то бишь, простите, Бога ради, казаков?

– Поклонники не позор для девицы, если она ведет себя достойно, – неожиданно вступилась за девушку мать, почти никогда не участвовавшая в семейных спорах. – А Марина держится со всеми ровно и не выделяет никого.

– Так за всех разом, что ли, и замуж пойдет? – прошипела тетка Евфимия. – Ты уж, племянница, не таись, скажи, выделила ты там какого?

Марина густо покраснела и, опустив глаза, сказала:

– Не разговаривайте со мной так, тетя, я не стану вам отвечать.

– Ну чего привязались к девушке, – поддержал племянницу Данило. – Аж до слез довели. Ну, бабы... Будто бы тут и слепому не ясно. Два есть главных жениха, солидных: Яков Мацук и Тимофей Головань. Они и лучше всех и намерения серьезные имеют.

– За Мацука надо идти, – промолвил дядя Серафим. – Жених богатый и хозяин отменный. Старые люди уважают его.

– А мне Тимофей больше по сердцу, –

мечтательно сказала мать Марины. – У них вся семья – хорошие, добрые люди. И сам он добрый парубок и красивый такой. Лицо светлое, аж светится.

– С лица воды не пить, – стоял на своем Серафим. Он, единственный хозяйственный во всей семье, уважал хозяйственного Якова.

– Нет, вы не правы, братец, – настаивала Олеся, Маринина мать, – Тимофей – хороший человек, это и по лицу, и по повадке видно. Говорю вам, светится он весь, а Мацук этот – у-у!

– А я стою за Мацука, – вмешался Данило, которого нет-нет да и осеняла неожиданная мысль. – С таким поместьем женится на дворянке и дворянство может получить. Церкву⁷ построит или еще чего.

– Что-то не слыхала я, чтобы кто-нибудь из наших Шапорцов строил церкву, – вздохнула тета Христина.

– Цур тобі⁸, поганый у тебя язык, сестрица. Вечно что-нибудь да скажет и всегда не то.

– Ну, будет, будет, – сказал дед, зевая и крестя рот. – Поели, поговорили, пора и на боковую. Что ж, дела, слава Богу, неплохи. Один жених побогаче, другой очень уж красивый. И, к слову сказать, тоже не из бедных.

– По сравнению с нашим именем, считай, богачи, – подтвердил Данило с важностью.

– Данилко, не скачи поперед батька в пекло. Оба женихи достойны. Пусть выбирает дитя. Только бы не сглазил кто.

Видно, слишком благостно для шапорцовской кухни закончился этот обед. Тетя Софья, уже стоя в дверях, произнесла с печальным вздохом: "Ох, не такое уж простое это дело – разобраться, какого выбрать из двух жениха. Наша панна Христина уж на что мудра, одного всего имела, а покудова он ездил за родительским благословением, так запуталась, что до сих пор в девках сидит", – и, произнеся эти слова, торопливо шмыгнула в сени, опасаясь, как бы скорая на расправу Христина не запустила в нее ситом или, не дай Бог, медной ступкой. Впрочем, Софью Бог на этот раз помиловал.

Марине давно уже хотелось узнать диковинную историю про Христинину помолвку, которая распалась без скандалов и измен, словно сама собой, таинственно и тихо.

Когда семейство вышло в сад и стало разбредаться кто куда, а Домаха поволокла для тети Христины в малинник ее любимый зеленый пуховик, Марина, уже прихватившая свое рядно, быстро

7 Церкву (укр.) – здесь: церковь

8 Цур тобі (укр.) – чур тебя (заклинание).

6 Произносится «пєвність».

сказала: "Тетушка, я с вами".

То ли тема расстроенной помолвки еще висела в воздухе, то ли тетю Евфимию, жену Серафима, раздражал счастливый и сияющий Маринин вид, только Евфимия, она же Химка, не побереглась и елейным голосом сказала: "Побольше пользуйся беседой тети Христины, Марисенька, и усваивай все ее наставления. Ты у нас теперь, можно сказать, невеста; надо знать, как с женихами обходиться, если их, допустим, избыток или, наоборот, недостаток. Тетушка твоя Христина в этих делах большая мастерица. Даже если женихов не много и не мало, а всего один-единственный, она сумеет с ним так ловко распорядиться, что он прямо перед самой свадьбой словно некий глас услышит: "Полы режь и тикай!" И бежит раб Божий и не оглядывается аж до Полтавы или до самого Санкт-Петербурга".

В этом месте речи тетя Христина приблизилась к невестке с таким видом, словно собиралась что-то очень важное ей сообщить. А затем внезапным и резким движением правой ноги дала обидчице необычайной силы пинка в зад, или, выражаясь помалороссийски, "стусана". Действие совершенно поразительное уже хотя бы потому, что тетя Христина стояла не позади тети Химки, а рядом. Тетя Химка рухнула на траву и покатила к старой груше, а тетя Христия с удрученным видом произнесла торжественно и веско:

– Горе тебе, Химко, и так всякое быдло обзывает наше сословие голоштаным, но хотя бы в переносном смысле, так что постарайся уж, невестушка, впредь без панталонов не ходить.

В малиннике она долго вздыхала, поправляя зеленый пуховик: то ей бугорки какие-то мешали, то что-то кололо "в загравок".

Марина притаилась, сидя на рядне, и молча ожидала, когда закончатся все эти эволюции.

Но вот тетка устроилась наконец и сказала:

– Поспать после обеда мне, видно, нынче не удастся, судя по твоим любопытным глазенкам. Ведь тебе, я вижу, серденько, неймется узнать, что там за таинственная была у меня история с женихом и несостоявшейся свадьбой.

– А ничего такого уж загадочного в этой истории нет, – продолжала она грустно и серьезно. – История эта, племянница, совсем простая. Был у меня воздыхатель, служил он в Борзне, в уездной управе. Он был совсем юный, и я молода. Нравилась мы друг другу до безумия, и так хорошо нам всегда вместе было, что, казалось, оба готовы никогда не расставаться. Он попросил моей руки у родителей и согласие, конечно,

получил, ибо был достойный и порядочный юноша да к тому же, не в укор тебе будь сказано, доброго дворянского рода.

Взял он небольшой отпуск в управе, всего на неделю, чтобы съездить в отчий дом и рассказать там обо мне своим родителям, а вслед за тем намеревались мы объявить помолвку. Надобно тебе сказать, хотя ты, может быть, и не поверишь, что в те времена я была барышней чрезвычайно милостивой. Притом, однако, строгих правил, по сторонам не глядела, ждала прилежно своего жениха.

Но между тем с самых первых дней его отсутствия начала я в себе замечать не то чтобы перемену к нему, – он мне мил был по-прежнему, – а вот почувствовала я, что его не люблю. Нет в моем сердце той самой любви, о которой рассказывают, что она сильнее любых препон и может длиться всю жизнь.

Я тебе еще попроще объясню: раньше мне без него было скучно и полчаса, и даже пять минут, а тут день идет за днем, прошла уже неделя, а не скучаю я. И до того это меня смутило, до того обескуражило, что, когда возвратился из поездки мой суженый, я ему прямо все так и сказала: не люблю тебя, и свадьбе не бывать.

Он сперва вздумал ревновать – кто, мол, меня у него за неделю отбил? – и попрекнул легкомыслием, но я продолжала ему всё своё твердить, и поверил он мне наконец и стал просить меня, чтобы я к нему вернулась и оставила бы все свои фантазии, и убеждал меня, что, раз нам так хорошо вместе, значит, нам и всегда так будет хорошо, и не нужны нам никакие препоны и великая любовь.

Он ходил ко мне, долго ходил и плакал, и на коленях стоял, и я плакала, совсем ведь девочкой молоденькой была, и он мне сильно нравился, но решения своего жестокого так и не отменила. Вот и вся история.

– А он женился, тетенька, потом?

– Женился, рассказывают, года через три. Он от нас в Полтаву перебрался, так что я с тех пор не видела его.

Марина глядела на тетку большими задумчивыми глазами; казалось, множество мыслей и сомнений одолевают ее в этот миг.

– Тетушка, а испытали вы когда-нибудь ту самую великую любовь?

– Нет, не пришлось, душа моя. Не встретился мне такой человек.

– Так вы, наверное, жалели, и не раз, о вашем женихе?

– Как тебе, милая, сказать. Вспоминала я его

действительно не раз. Думаю, если бы встретила его потом когда-нибудь, я бы за него вышла. Но о том, что на пороге жизни я отказалась выйти замуж без любви, об этом я никогда не сожалела.

Марина тяжело вздохнула. Сорвала веточку зеленой малины и вертела в руке.

– Вот так-то, душенька моя. Ничего запутанного в моей истории нет. Проще простого. Только людям непонятна эта простота.

Господи, думала Марина, лежа вечером в темной каморке, – дневников, как мы уж знаем, она не писала. Господи, как же мало на свете людей, которым дана такая прямота и сила духа. А ведь тетя Христина отнюдь не была примером. Слыла она чудаковатой, не отличалась выдержанностью и вела себя порой в высшей степени предосудительно, чтобы не сказать дико. Так, может, и история ее с женихом – очередная дикость, о которой думать не стоит? Но не думать об этой истории Марина не могла, а думая о ней, дивилась своей необычной тетушке и восхищалась ее чистой непреклонной душой.

Если бы у меня был один-единственный, да такой милый, так плакал и просил меня. Да ведь у меня и так один, спохватилась она. Что это мне вдруг причудилось, будто бы не один, а двое.

Каждое утро возле своего "поместья" – уж как он ухитрялся всегда там оказаться – встречала она Тимофея, омывала взгляд в светлом милом взгляде его карих глаз, и в душе у нее воцарялось становящееся все более привычным и необходимым чувство радости и покоя. И мать Тимоша глядит на нее добрым, приветливым взором. И родители Марины с каким-то родственным теплом говорят о Голованях, решительно отражая наскоки теток, которых хлебом не корми – дай только вспомнить коварно брошенную Тимофеем Килину.

Как она подурнела, бедняжка. Какими сухими и ненавидящими стали ее глаза, еще недавно чарующие, как майское небо. Но ведь она никогда не была невестой Тимофея. Был грех перед сердцем, но не перед людьми. Да и велик ли грех – понравилась, разонравилась, как тот борзненский чиновник когда-то во время оно. Успокоился и женился через три года. Значит, и у него не было этой великой любви. Да и нужна ли она, великая любовь? Приносит ли она людям счастье? Может, счастливой те, кто друг другу просто милы? С кем радостно, спокойно, с кем чувствуешь эту надежность, пэвнисть?

Спать пора, спать пора, странные мысли вертятся в голове, разве можно сравнивать Тимофея, сильного, умного, красивого и надежного, с тем

несчастливым молодым чиновником, что плакал когда-то на коленях перед тетушкой Христиной.

3

Тетя Химка вернулась из лавки с умилением во взоре и такою миной, будто вдоволь наелась сметаны. Щеки ее пылали, что, впрочем, было неудивительно, ибо день выдался на редкость жаркий. Правда, даже для такого жаркого дня были они слишком уж малиновы.

– Небось насплетничалась вволюшку о всяких мерзостях, – буркнула тетя Христина.

Сестрица Евфимия, она же Химка, с примерной кротостью на это ничего не сказала и оживленно принялась демонстрировать приобретенные в лавке тесьму и шнуры, чем привлекла внимание всей женской половины дома, кроме Христины, равнодушной к рукоделию, и Домахи, кормившей свинью.

День был ясен, сух и очень жарок и к вечеру не разразился дождем, а постепенно и приятно остудился. Заморенные духотою тесного, непроветриваемого дома, все обитатели его поспешно вышли и уселись на ступеньках крыльца, которые Домаха покрывала рядом.

– Прогуляемся, племянница, – ласково предложила Марине Химка, и они медленно двинулись по дорожке не столь уж малого запущенного сада.

– Как удачно получилось, что мы можем поговорить без помех, – сказала тетя Химка и неожиданно для себя закашлялась сухим долгим кашлем.

– Вам что-то в горло попало, тетечка?

– Ничего не попало. Першит и все... кхе, кхе, черт... Ну с чего это вдруг нападает на человека? – Тетя Евфимия обрела наконец голос. – Так вот, – сразу принялась она за дело, вероятно, опасаясь, как бы вновь не вмешался черт. – Я сегодня, идучи из лавки, узнала одну вещь, которую непременно надо и тебе узнать как можно скорее.

– Что за вещь такая, тетечка, не томите?

– Ишь, развеселилась не ко времени. Плохая вещь, и нечего тут улыбаться. Посмешищем ты сделалась у всех. Стыд-совесть потеряла, лезешь к молодому человеку, держишь себя с ним, как с женихом, а у него совсем другая на уме.

Тетя Евфимия, начавшая свою речь так умильно, теперь рубила сплеча, как фельдфебель, фельдфебельским же хриповатым баском.

Марина с сомнением покосилась на тетку. Никогда она в любимицах у Евфимии не была, и навряд ли тетя Химка так переживает за ее доброе имя, что чуть не давится от кашля.

– Это кому же я позволила с собой вольности,

тетя? – гордо вскинула она головку.

– Тимофею своему, красавцу, – огрызнулась Химка. – А он и рад, что дурочку нашел, кхе, кхе, кхе, руки распустил, чего ж не позабавиться, коли девица позволяет, а ты, между прочим, дворянская дочь.

– Вы заблуждаетесь, тетя, – холодно сказала Марина, – пан Головань очень почтительно со мной держится.

А внутри заныло жалобно и противно. Было, было в последнее время, и чем дальше, тем чаще – руки сами сталкиваются, сами ищут друг друга, то к плечу прикоснутся, то к рукаву, а один раз он ее даже тронул за косы. И ей совестно, она старается отстраниться, но ведь, если сказать честно, это нравится ей.

– А, покраснела! – возликовала тетка и сразу перестала хрипеть. – Почтительно он с ней держится, ишь, какая цаца. Что ты плетешь, твои же подружки над тобой смеются – у него невеста есть, а ты путаешься у него под ногами. Не до тебя ему, ты понимаешь, не до тебя!

– О чем вы говорите, тетя, какая у него невеста? Килина... да ведь он давно уж разлюбил ее.

– Ты у подружек у своих узнай про любовь, кого он любит, а кого никогда не любил. Тетке веры нету – к подружкам молодым сходи, может, они тебе растолкуют.

– К кому вы меня посылаете? Кто все это говорил? Дурочка какая-то с длинным языком.

Химка взглянула на нее с торжеством.

– Нет, не дурочка, совсем даже не дурочка.

– Да кто же?

– Марфа!

У Марины подкосились ноги. Марфуша Лебединец, пожалуй, в самом деле стала первой подружкой этой девушки, выросшей среди странных и немолодых людей. И не в том даже дело, что подружка; подружки тоже разные бывают: всякие шпильки, колкости между собою говорят, и насплетничать могут одна о другой, и женихов даже отбивают. Но ведь Марфуша не такая! Она и понравилась Марине тем, что непохожа на других. Она серьезная, она справедливая. Чего ради стала бы она наговаривать чужой противной тетке Химке всякие гадости про свою подругу.

– Ишь, понеслась, – с удовлетворением сказала тетя Химка, глядя вслед Марине, которая, поспешно накинув платок, скорым шагом направлялась к калитке.

...Марфуша была худенькая, с веснущатым бледным лицом, добрыми, слегка навывкате голубыми глазами, огромным выпуклым лбом и белыми, как лен, волосами. Гора белья, которое ей предстояло раскатать, напомнила Марине те сказки, где героине, чтобы

добиться счастья – выйти за царевича и избавиться от недоброжелательной нечисти, надо переделать множество неисполнимых дел.

– До ночи будешь работать?

Марфуша кивнула. Они помолчали. Потом Марфуша подняла по подружку свои выпуклые добрые глаза, улыбнулась слабой улыбкой и сказала:

– Сидай.

И опять подруги молчали, чего не бывало раньше, и Марина с каким-то чуть ли не страхом заметила что-то новое в лице Марфуши. Не скверное, не лживое, не злое – совсем нет. Просто новое.

– Марфуша, – решила она наконец. – Это правда, что сегодня ты... разговаривала с моей... родственницей обо мне и о... Тимофее? – Она все время запинаясь.

– Правда, – коротко ответила Марфуша.

– И ты сказала обо мне все эти... унижительные вещи?

Марфуша старательно катала длинное вышитое полотенце. Потом ответила, не поднимая головы:

– Надо знать правду. Если правду не знать, ты все время будешь унижаться.

– Но откуда ты взяла, что это правда? Он ведь ходит за мной целые дни и совсем не видится с Килиной.

– А это неважно, – сказала Марфуша, приподняв белесые бровки. – Видит он ее или не видит, всё равно она в его жизни главная. Кроме нее, ему никто не нужен.

– Откуда ты знаешь? Объясни мне, я прошу тебя. Я же твоя подруга.

– Мало ли что подруга. Я ничего плохого не сделала. Просто я сказала тебе правду.

– Правду, правду, хорошо, – все сильней волновалась Марина. – Но почему ты так уверена, что это правда?

– Потому что я точно знаю, – твердо произнесла Марфуша и посмотрела Марине прямо в глаза долгим взглядом выпуклых бледных глаз.

Марина чувствовала, что надо встать и уйти, но не могла пошевелиться.

– Зачем ты тетке моей сказала, а не прямо мне? – спросила она, чувствуя себя неуклюжей, глупой, тяжелой.

– Разговор у нас с ней такой получился. Но тебе я всё сказала прямо. Из-за того, что ты моя подруга, я не могу неправду говорить. Это была бы нечестность.

Марина встала наконец.

– До свиданья.

– До свиданья, – сказала Марфуша.

И опять Марина увидела в ее лице то, что, может быть, было и раньше, но она этого как-то не замечала. Что-то плохое? Нет, нет, не плохое. А какое же? Трудно сказать.

– Не провожай меня, – сказала она тоненько, – у тебя столько работы.

На улице уже темнело. "Зачем я ей сказала, что у нее много работы? – подумала она с досадой. – Пожалела бедненькую, да еще таким писклявым голоском, будто мне ее ужасно жалко. Нет у меня гордости, совсем нет, вот и Тимофей меня не уважает. У Килины есть гордость и у Марфуши, конечно, есть, только я не такая, как все".

В конце улицы появился Тимофей, и даже в сумерки было видно, как засветились радостью его глаза. Марина торопливо свернула в закоулок между дворами.

Как мучительно длинен был этот вечер. Как долго ужинали. Как медленно говорили. Марина все смотрела на старинные напольные часы – стрелки совсем не двигались. Потом она себя заставляла долго, долго не смотреть на стрелки и, когда уже совсем не оставалось сил, быстро взглядывала на часы и видела, что прошла одна минута.

Все сердились на Марину в этот вечер за то, что пробродила неизвестно где до темноты, что не отвечает на вопросы, а если отвечает, то невпопад; и даже маменька, всегда кроткая и ни во что не вмешивающаяся, сказала: "Ну, голубушка, мы тебя вконец избаловали".

Но Марине было всё равно. Она ждала, когда всё это кончится, все разойдутся, и она останется наконец в темной каморке наедине со своими мыслями, совсем наедине, ибо Домаха спит так крепко, что ее можно не считать.

И дождалась она этой несчастной ночи, и начались терзания, такие невыносимые. Странно: их немного смягчало воспоминание о взгляде Тимофея, встреченного в сумерки, когда шла она от Марфуши. Смягчало самую малость, но, откровенно говоря, и настолько не должно было смягчать. Много ли значит игривый взгляд, брошенный молодым человеком на легкомысленную девушку, лишённую уважения к себе!

Господи! Как много в один вечер она потеряла. Потеряла мечты о счастье, потеряла любовь. Потеряла милого, красивого, близкого, с которым хотелось всем поделиться, обо всем ему рассказать. Потеряла надежду вырваться из этого чумного дома. Даже подружку потеряла она – добрую, умную, всё понимающую. Не жалеет ее больше подружка, не желает она больше ее

знать. Из всех Марининых терзаний, может быть, не самым горьким, но самым жгучим, самым пекущим было то, что она осознала себя не такой, как все остальные. Вот разные девушки – красивая нарядная Килина и некрасивая бедная Марфуша, но все они входят в одно сообщество – достойных девушек, и все они, богатые и бедные, красивые и некрасивые, выйдут когда-нибудь замуж, все, кроме нее, потому что она не такая, как остальные.

В щели ставен пробрался рассвет, и Марине вдруг невыносимо стало тут – в темной комнате, с темными мыслями. Она тихонько оделась, тихонько вышла из каморки, спустилась с крыльца.

В саду было светловато, прохладно. Марина даже хотела вернуться за платком, но лишь плотнее закуталась в кофту. Ноги стыли от росы, мокрые ветки цепляли ее на ходу. Было холодно, красиво, звонко, и вдруг очень захотелось есть.

"Что я за дурочка такая? – думала она, торопясь к огороду. – Тут жизнь, можно сказать, кончается, а мне абы поест".

Под забором на пеньке, насквозь мокрый от росы, сидел Тимош и грыз морковку.

– Здравствуй, серденько, – сказал он. – Ты за что на меня рассердилась?

– Откуда ты взялся?

– Я всю ночь тут сижу. Как увидел, что ты злишься на меня и унырнула в какой-то овраг, так сразу сюда. Только крикнул матери в окошко, чтоб не ждала.

– Ты простудишься, ты заболеешь.

– И умру. Туда мне и дорога. Зачем мне жить на свете, если звездочка моя меня не любит. Словно кошка какая-то, шаст в сторону, только бы не видеть моей мерзкой рожи. Чем я провинился, серденько, скажи?

– Ты не любишь меня. Ты просто забавляешься мной, потому что я держусь не строго.

– Дуже цікаво⁹. А кого, позволите полюбопытствовать, я люблю?

– Сам знаешь кого, Килину.

– Так, понятно. Хоть узнал, кого люблю. А почему я к ней сватов не засылаю, ты, может, тоже знаешь?

– Ты боишься подступиться к ней. Она очень строго себя держит.

– Килина?

Тут Тимофей расхохотался и так долго и весело хохотал, что Марина, которую уже достаточно давно стали покидать терзания и тревоги, сердито топнула

9 Дуже цікаво (укр.) – очень интересно.

ногой и сказала: "Не смей гоготать, это неуважение и к ней, и к себе самому, и ко мне, между прочим, тоже".

– Прости, серденько. Но если бы ты, недотрога, знала, до чего вы в этом с ней не похожи.

– Я ничего не хочу знать. Я морковки хочу.

Они сидели на пеньке вдвоем, закутанные его мокрой свиткой, и он кормил ее, как кролика, морковкой, и она, как кролик, ела прямо из рук.

Уже договорились в ближайшие дни засылать сватов, Тимофей изобразил в лицах, кто как будет выглядеть на свадьбе, и лишь один вопрос остался без ответа.

– Какая гадюка тебе все это наговорила? Так и не скажешь? Ладно, спасибо вам, пани гадюка. Я без вас еще недели две бы не решался. Очень уж ты, сердце мое, неприступная. Глядишь на тебя и никак не поймешь: то ли любишь ты меня, то ли тебе просто весело.

4

Сказать, что на Украине любят новости, было бы верно, но не совсем точно. Необходимое уточнение таково: на Украине новости, бесспорно, любят, но превыше всего там любят новости *сообщать*.

Помню, в деревне на Полтавщине умер человек по фамилии Сова. К концу рабочего дня об этом знали абсолютно все, за исключением старика-хозяина, у которого мы снимали флигелек. Он задержался где-то по делу и позже всех возвращался домой. Хозяйка, словно часовой, несла у частокола караульную службу в ожидании, когда покажется ее неинформированный дед. Наконец его фигура возникла из-за угла. Старуха так и подпрыгнула.

– Сэмэн! – закричала она торопливо, озабоченно оглядываясь, не притаились ли где конкуренты.
– Сэмэн! Сова нэмае!

– А дэ ж вин? – довольно хладнокровно осведомился дед и поправил картуз.

– Дэ? – ликуя, вскричала хозяйка, продолжая прыгать, чтобы колья не помешали ей разглядеть реакцию супруга. – Дэ? – иронически повторила она. И торжествующе крикнула: – Вмэр!

* * *

Среди новостей, которые тем давним летом волновали, радовали, огорчали и удивляли жителей Высокого, Шаповаловки и прилегающих деревень, была одна, которую, несомненно, можно было отнести к разряду хороших. Особенно обрадовала она Марину, ее родителей, тетю Христину, а сказать по чести, была приятной почти для всех Шапорцов. К унижению, говорят, можно привыкнуть, но даже часто

унижающийся человек испытывает удовольствие, если ожидаемое унижение его минует.

Марина оказалась не бесприданницей. Когда взъерошенные и торопливые старшие Шапорцы и спокойные, неспешные старшие Головани уселись, чтобы выяснить наконец вопрос о приданом панны Марины, обнаружилось, во-первых, что означенная панна является единственной наследницей имения, в настоящее время пребывающего во владении многочисленной семьи, старшему из которой было 89 лет, а, возможно, 98, самой же младшей, не считая Марины, сорок семь.

Имение включало в себя дом, сад, земельные угодья, находящиеся в разных степенях запущенности. Особенно запущенным было поле, по традиции именуемое пшеничным, которое никто не возделывал вот уже тридцать лет. Имение не было заложено. На нем не числилось долгов. Все налоги платились исправно, и документы были в полном порядке.

– Такие расхристанные, а гляди ж ты, – изумленно произнес шурин старшего Мацука Шерембей, заглянувший к своякам в гости.

– Такие расхристанные как раз сплошь и рядом боятся опоздать хоть на день с выплатой долга или положить самую пустяковую бумаженцию не на место, – сказал его племянник Яков. – Я это уже не раз замечал.

– А откуда они всё же деньги брали на налоги, если ничего не делают, только лаются между собой? – спросил дядюшка, столь же татарковатый, как племянник.

– Кто лается, кто работает, – рассудительно ответил Яков. – Это только нам со стороны кажется, будто они все на одно лицо, потому что все время орут. Вовсе и не все. Серафим, к примеру, хороший рыбак, и пасека у него отличная – двадцать ульев. И даже те, кто орут, случается, приносят пользу. Старые тетки ихние на огороде, как сороки, верещат, а огород содержат в порядке.

– Ты, я вижу, внимательно приглядывался к их хозяйству, – не без насмешки сказал отец. – Может, тоже намерение посвататься имел, а Тимош тебе перебежал дорогу?

Яков молча взглянул на отца, и в его азиатских глазах на миг вспыхнуло что-то такое, отчего старику стало вдруг не по себе и даже страшновато. Это было тем более странно, что никакого разговора о подобном сватовстве у них сроду не случалось, даже в шутку. Это было не очень разговорчивое семейство. Хотя и не чуждалось шуток.

– Ну что ты уставился на меня, как на сатану?

– преодолевая неловкость, сказал отец.

– Ой, было бы о чем толковать, – насмешливо пропела мать Якова, которую в селе все называли Шерембеиха, хотя она уже тридцать лет носила фамилию Мацук. – Пасека у них там есть и огород – подумаешь, приданое. Да за Якова любая пойдет; такую можем найти – и с приданным настоящим, и с лесом, и с озером, а не с какими-то там ульями, и красавицу.

– Где ж ты видела такое совершенство? – заинтересовался брат.

– Килина Людкевич. Очень хорошая невеста.

– У них не озеро, а пруд, – медленно произнес Шерембей. – И характер у дивчины невозможный. Не зря же от нее Тимош сбежал.

– Тимош сбежал потому, что влюбился в Марину, – неожиданно подала голосок Олена, пятнадцатилетняя сестрица Якова.

– Такэ малэ, а то же что-то разумеет про любовь. Сиди уж тихо, – буркнул отец и добавил: – Повезло девке.

– А может, это Тимошу повезло, – еле слышно не сказал даже, а выдохнул Яков.

И так же тихо, почти беззвучно откликнулась мать:

– Что же ты ее не домогался, сыночек? Может, нашему бы дому повезло. Привел бы в нашу избушку царевну.

Ее лицо стало темно-багровым. В сузившихся щелочках глаз дымилась ярость.

– Вы бы съели ее тут, – сказал Яков.

Мать схватила со стола стопку тарелок, с размаху бросила на пол и выскочила из горницы.

Яков медленно встал.

– Куда? – спросил отец.

– В контору.

– Да, пора уже, – согласился отец. – За сегодня там разберешься?

– Конечно. До свиданья, дядюшка.

– Будь здоров, племянник.

Олена нерешительно поднялась и двинулась к груди осколков. Яков резко сказал:

– Не тронь эту дрянь. Еще пальцы порежешь. Я хлопца сейчас пришлю.

– Серьезное у вас семейство, – сказал дядюшка Шерембей.

Никто не возразил ему.

5

Есть украинская сказка про сову, которая искала своих совят. Ее знают многие и давно знают,

ее рассказывают в семьях бабушки, родители, деды. Мне ее рассказала бабушка. И я ее рассказала сыну. А моей бабушке рассказывала эту сказку ее мать, моя прабабушка Марина. Мать Марины, Олесья, не рассказывала дочке сказок, и девочка узнала ее от отца, он рассказывал ее слегка нараспев, тонким тенорком, чтобы жалостнее выходило. Так она и запомнилась ей.

...Потеряла сова своих совят. Летает и всех спрашивает: "Не видели ли вы моих деток?" – "А какие у тебя детки, как они выглядят с виду?" – "Прекрасные детки, – сова отвечает, – ушастенькие, глазастенькие, носастенькие, самые красивые на свете". – "Нет, таких мы не видали".

И опять сова летает и снова допытывается: "Люди добрые, не видели вы моих деток?" И опять ее просят описать подробно, какие из себя ее дети, и опять она твердит, что ее дети – самые лучшие на свете, самые красивые, ушастенькие, глазастенькие... "Нет, таких не видали".

А потом кто-то сказал: "Тут птенцы какие-то в траву упали, только они никак на твоих не похожи, уж такие страшные, такие безобразные, совсем уроды".

Полетела сова взглянуть на безобразных птенчиков, а они и в самом деле настоящие уроды: с большими глазами, с мохнатыми ушами и здоровенными клювами. Увидела сова этих уродцев и так обрадовалась: "Деточки мои. Нашлись мои детки. До чего же хорошенькие, до чего красивые, ушастенькие, глазастенькие, носастенькие, самые лучшие на свете".

* * *

Жарко, ветрено. Через обожженную солнцем степь течет, струится узкая, бесконечная, серая дорога. Высушенная солнцем и размельченная ветром дорожная пыль удивительно мягка и глубока – в ней утопают ноги. Эта тонкая, пушистая, летучая пыль неожиданно горяча – она вполне чувствительно обжигает ступни даже тем, кто привык ходить босиком.

В это время года по дороге почти никто не ходит. Вот и сейчас видна одна-единственная женская фигура, тонкая и высокая, закутанная в какой-то балахон. Женщина движется с запада на восток по горячей мягкой дороге. Вот она поднимается на невысокий холмик, спускается с него, становясь на несколько минут невидимой, идет дальше, дальше, теперь она уже так далеко, что нельзя разглядеть, что она высокая и тонкая, – просто женщина и всё, уходит и уходит вдаль. А потом уже не разглядишь, что идет женщина, – просто человек, но, конечно, не свинья и не корова.

Правда, свиньи и коровы редко совершают в одиночку столь длинный путь на пустынных степных дорогах. В здешних местах, пожалуй, почти никогда и не встретишь одиноко бредущую живность, разве только ведьма изредка со скуки обернется лошадьё или кем ей там будет угодно, чтобы развлечься, разогнать степную тоску.

Женщина тем временем ушла так далеко, что не похожа уже была ни на какое живое создание, а на значок какой-то, странную, неведомую букву.

Так долго она идет, а никого не встретила до сих пор. Правда, вот сейчас, совсем недавно, на дороге появилась темная точка, которая то ли стоит на месте, то ли движется – интересно, к ней навстречу или от нее? Точка движется вверх, ибо дорога полого подымается здесь от какой-то впадинки, рядом с которой видны несколько лесистых балок, неожиданно прочертивших тут степь.

Женщина шагает по мягкой пыли, чувствуя некоторую усталость, правда, небольшую, ибо жару она переносит легко и двигаться ей легко, она же совсем молодая, еще девушка, притом счастливая невеста – наша Марина и сама вызвалась сходить вместо дяди Серафима на бахчу, и ей нравится идти, идти, немножко думать, немножко не думать.

Черная точка, как выяснилось, не стояла на месте. Она двигалась – к Марине. Поскольку они идут друг другу навстречу, черная точка приобретает очертания быстрее. Она тоже становится похожа на удлинённую букву. Еще немного времени и уже ясно, что это человек, и довольно скоро можно разглядеть, что это мужчина среднего роста. Марина всматривается в него, кто такой – знакомый, незнакомый. То ли знакомый, то ли незнакомый, пока не поймешь. Молодой, не очень высокий. И вдруг сладкая, сокрушительная, обессиливающая радость, словно приступ лихорадки, хватает ее, и все дрожит внутри, и даже зубы лихорадочно постукивают, и она боится, что не сможет ни слова сказать.

Что с ней, сглазили ее, опоили? Разве была ее раньше лихорадка, когда она встречала его? Била, била, не брешь себе, дивчина. Била, но ведь не так. И сердце вздрагивало, и дыхание перехватывало. Было, было это, но всё же не так.

– Здравствуйте, пан Яков, – говорит она.

– Здравствуйте, панна Марина.

Она ждет, чтоб он ее позддравил, что-нибудь сказал о теперь совсем уж близкой свадьбе. Он молчит. Почему они оба так долго молчат?

– Как живешь, Яков? – спрашивает она. Зубы у нее не стучат, зато губы с трудом шевелятся.

– Хорошо живу. Спасибо, – отвечает он.

Как странно все. Он не двигается с места, стоит и глядит ей в лицо. И она стоит, будто так и надо, и всматривается в виденное столько раз лицо. Что с ним? Он похудел. Он страшно похудел. Его же узнать невозможно. Лицо так осунулось, что нос кажется большим, и глаза тоже большие и какие-то новые – грустные, большие, темные глаза. Как его жаль. Как болит от этой жалости сердце. И горло – жалость сжимает его как рукой.

– Как ты похудел. Ты болен, Яков? Господи, что с тобой, почему ты так похудел?

– Ты спросила, как я живу, – говорит Яков. – Я не живу. Вот уже целый месяц не живу.

– Целый месяц?

– Да. С того самого дня, как объявили твою помолвку, – он наконец отводит взгляд. – Дай я тебя провожу. Поговорим немного. Это мы хоть можем?

– Можем.

Потупив головы, как обреченные, они бредут в ту сторону, откуда он пришел. На руке у него плетеная корзинка, прикрытая полотном. Жалость бьется в горле, сжимает сердце. Боже, Боже, как же это так.

– Ушастенький, глазастенький, – шепчет про себя Марина.

Он вдруг резко останавливается:

– Дивчина, что ты натворила? До свадьбы восемь дней.

– Я, я натворила, – жалобно говорит она. – Ты большой, ты умный, сильный и ты никогда не замечал... – Она вдруг замолкает. Да ведь она Тимофея любит. Любит и всегда любила. Что должен был он замечать?

– Яков, прости меня, – говорит она. – Ты не виноват, совсем, совсем не виноват... – Они ступают тихо по мягкой дороге, тихие, усталые, в серой пыли. – Ты ничего не мог. Но скажи: что же это с нами такое?

– Пыль остывает, – говорит он, – была горячая, как зола, а теперь гляди: еле теплая стала.

– Ты это что – про нас с тобой? Ты думаешь, всё пройдет, остынет?

Приподняв бровь, он быстро с любопытством покосился на нее:

– Тимош вирши сочиняет? Я и не знал.

– При чем тут... – начала было она и неожиданно рассмеялась. – Ой, Яков, ну такое в голову придет... Так все время ходишь и к нему ревнуешь?

– Так все время хожу и ревную.

Они спустились с пригорка и вошли в зеленую балочку, такую красивую после пыльной дороги, в пышных пахучих кустах. Не говоря ни слова, сели на

ствол сломанной березы.

Марина подняла глаза, удивляясь, что он молчит. Он глядел на нее пристально, с какой-то робкой жадной нежностью. В таких случаях говорят: наглядеться не мог. И она глядела в чудные темные глаза, на изломанные резко брови, на похудевшее, из-за нее похудевшее и от этого особенно милое, как всегда, притягивающее своей значительностью лицо.

– Милый, любимый, что мы с тобой натворили. Как могли не заметить.

– Всё я замечал, – сказал он. – Тогда у Фроси на вечерницах¹⁰ ты так смотрела на меня. Не понимаю, как Тимош мог не увидеть.

– На тебя тогда все так смотрели.

– Так, да не так. Я бы заметил, если бы ты на кого другого глядела такими глазами. Да и не один же раз. Ты ведь всегда меня сразу чувствовала, еще издали.

– Так чего же ты?

– Чего, чего? Ты его сразу выбрала из нас двоих.

И правильно выбрала. С ним тебе будет хорошо. И родители его хотят, чтобы ты к ним шла.

– А твой?

Он покачал головой. Ах, какое было у него в тот миг лицо, такое недоброе, такое несчастное. Она провела по его лбу пальцем, и глаза его стали мягкими, морщинки разгладились.

– Зиронька моя ясная, – сказал он с такой нежностью, будто она была малым ребенком. – Милая моя, хорошая, самая лучшая.

– Ушастенький, глазастенький, – она попробовала улыбнуться и вдруг заплакала.

– Не плачь, мое серденько, я всегда с тобой буду, я всегда тебя буду любить, на ком бы я ни женился, я буду любить тебя до последней минутки.

– Ты на Килине женишься?

Он неохотно ответил:

– Хотят посватать. Но я не скоро женюсь.

И опять они сидели тихо, глядя в лица друг друга, осторожно прикасаясь пальцами к бровям, щекам, глазам.

– Я бы мог тебя отсюда увезти далеко-далеко, но ты сразу выбрала его, и я понял: правильно сделала.

– Но ты же знал, что я тебя люблю?

– Я живой человек. Ревновал, сомневался. Но уж конечно, я тебя лучше понимал, чем ты сама себя разумела.

– И ты не мог ничего сделать, не стал сражаться за меня?

– Трудно было сражаться, почти невозможно.

Все козыри достались Тимошу. Ты же сама не замечала, серденько, что, как только я пытался повоевать за тебя, ты меня тут же отталкивала.

– Я не любила тебя, Яшенька? Я не понимаю. Я только теперь тебя полюбила?

– Не спрашивай, моя хорошая, моя умница. Всё ты понимаешь не хуже меня.

– А если я захочу убежать от них от всех с тобой?

Он посмотрел на нее пристально, долго. Не всякая женщина видела хоть однажды такой взгляд. Взгляд мужчины, готового всё сломать в своей жизни, но затененный тоской неверия.

– Если ты захочешь, я уведу тебя даже в день свадьбы. Только, боюсь я, этого не будет.

6

Шерембеиха не ожидала сына к вечеру. Поездки длинные, да и от дома далеко. Скорей всего, Яков где-то заночует. Но, когда ранним полутемным утречком завертелось колесо их большого, сложного, налаженного хозяйства, захлопало дверями и калитками, застучало железьяками, зацокало копытцами, зашаркало подошвами босых ног, она быстро собралась и заступила на свое место, низенькая, плотная, поворотистая, всё успевающая на всех своих постах, и нашла-таки время, как и всегда находила, нет-нет да и бросить на дорогу взгляд блестящих, узких, цепких глаз – где он, сыночек, идет уж?

Он появился в поле ее зрения примерно как ожидалось, – не раньше, не позже, – быстро шел по бровке холма, и словно длинная раскаленная иголка прошила сердце матери: он был совсем другой! Всё в нем переменялось, она увидела это в первое же мгновенье, какая-то легкая веселая сила несла его.

"Ой, лихо, – подумала Шерембеиха, смятенно глядя на похорошевшее лицо сына. – Ой, не уберегла".

Яков действительно не верил, что Марина бросит жениха и согласится на побег. Он не верил, провожая ее к дому ее родственника Ивана Шапорца, не верил, глядя ей тоскливым взглядом вслед, когда она шла от калитки к хате. Потом с головой окунулся в дела, с кем-то договаривался, кому-то отказывал, потом уснул, еще и голову не успел опустить на душистое сено, высокой подушкой покрывшее воз, а Панько, работник, почти в тот же миг уснул на козлах, и не видели они, ни тот, ни другой, какие роскошные звезды сверкали над их головами.

Яков спал крепко и, наверно, долго бы еще проспал, как вдруг внутри его толкнуло радостное слово "любит" (многие гораздо чаще знают, как

10 Вечорниці (укр.) – посиделки.

проснешься неожиданно и раньше времени оттого, что сердце твое вдруг толкнут печальные слова: "Плохо. Всё плохо").

Звезды уже не сверкали, они были бледные и тихие, словно сонные малые дети. Похолодало перед утром. Яков лежа облокотился на руку и глядел, как плывут мимо силуэты каких-то сосен, большая, показавшаяся незнакомой, поляна. Он не шевелился, он не торопился никуда, только, привстав, сдвинул Панька, чтоб не сверзился с воза, и опять лежал, смотрел на звезды, исчезающие одна за одной, на темные, всё больше различимые деревья.

Прекрасное чувство покоя и душевной полноты осеняло его. Медленно тащился воз, светлело. Яков впитывал в себя все, что плыло мимо, вдыхал холодноватый предраассветный воздух.

Всё хорошо, всё так, как надо, думал он и лежал, наслаждаясь холодноватым бледным утром, запахом сена, покоем, зная, что в одну прекрасную минуту он ринется, словно пловец в высокую волну, в сложные, почти невыполнимые дела и сделает всё, всё, что надо, и не пропустит ту минуту. Волна, минута приближалась, он не торопил ее и не боялся, он отдыхал.

К тому времени, когда он встретил матушку, он успел уже кое-что сделать, порядочно успел сделать, съездил к разным людям, а точнее сказать, слетал верхом, с кем-то успел поговорить, с кем-то условился о встрече, где-то навел справки.

Сейчас, счастливый, голодный, он шел по бровке холмика к дому и поклонился матери – как всегда, не сидевшей без дела.

– С добрым утром, мамо! – окликнул он ее ласково и весело и так непривычно.

Шерембеиха в ответ молча поколыхала не парадным, – домашним, – но высоким, как всегда, очипком¹¹ и подумала: "Не допущу".

7

В тот же день, примерно около полудня и примерно к этому часу ожидаемая, вернулась в отчий дом панна Марина. Она сидела на облучке большой телеги рядом с дядюшкой Иваном Шапорцом, а телега была гружена арбузами, дынями и отчасти тыквой. Ничего необычного для обитателей Шапорцовой конурки ни в личности возницы, ни в поклаже экипажа не содержалось – все и так знали, что племянницу привезет Иван, а на телегу нагрузят именно арбузы и дыни.

Тем не менее всё семейство, как ошпаренное, выскочило на крыльцо, издали гулко поприветствовало кузена, а затем уж, чисто по привычке, скрылось в недрах дома, где и застыло в недоумении. Уж казалось бы, кого-кого, но Ивана и Марину можно было впустить в дом без дальнейших дискуссий.

Самой рассудительной оказалась Христина.

– Совсем уж от безделья очумели, – проворчала она, несколько смущенная, ибо очумела вместе с остальными. И, чтобы скрыть смущение, добавила сердито: – Так и быть, схожу открою ворота, а вы хоть рожи свои заспанные умойте.

Опробовали две-три дыни с Иваном, потолковали о жаре, отсутствии дождя, ценах на коноплю и сглазе.

Марина сидела тихая, неприметная – и при дядюшке, и по его отбытии. День был как день, ничем не примечательный, и перемена в Марине не была примечена никем, ибо каждый член семейства жил бурной внутренней жизнью, Марине же весьма легко было стать неприметной – просто у нее не сияли глаза, и лицо не выражало оживления.

Первым, кто заметил это, оказался Тимош, завернувший поближе к вечеру. Этот быстро во всем разобрался – и что Марина невеселая и вроде чем-то озадачена, и что ей крайне нежелательны сейчас жениховские выражения нежной приязни. Он не мог понять, в чем дело, но всё, что он увидел, огорчило и встревожило его.

– Перегрелась! – весело воскликнул он, скрывая боль и смуту. – Такие деликатные создания не для того сотворены, чтобы шаркать двадцать верст босиком по пыльной дороге. Да еще завернувшись с головой в старую свитку дяди Серафима.

– Так это ж я от солнца, – слабо улыбнулась Марина. – Ведь дядюшка Серафим себе специально пошил свитку из самой легкой материи, чтобы ходить по болотам в летнюю жару.

– Одно дело с утра по болотам, – живо возразил Тимош, – другое – в степь, да еще в самое пекло. Ты, я думаю, там ни души не повстречала, где еще такой чудак найдется, чтобы в самую жару степным шляхом идти.

Улыбка тут же погасла на лице Марины, печальными, тревожными стали глаза.

Тимош, стараясь не показывать испуга, исподволь вглядывался в ее лицо, нес такую чушь, что оторопь брала, и рассмешил-таки свою невесту вторично, рассказывая, как лишенный свитки дядя Серафим, которому срочно надо было сходить на гумно, отправился туда в белой шляпе с вуалью и

¹¹ Очипок (укр.) – головной убор замужних украинских крестьянок, шапочка-чепец.

кружевным зонтиком в руках.

Так и длилась эта встреча обрученных в веселых и шуточных разговорах, и весь вечер, то оживляясь, то вновь огорчаясь, Марина непрестанно думала, что надо сказать жениху одну-единственную фразу: "Нам нужно поговорить".

Сперва сказать, а вслед за тем с ним объясниться, как сделала когда-то, не терзаясь сомнениями, тетя Христина. Но не могла Марина делать людям больно и так и не решилась начать этот ужасный разговор. Надо ли, подумала она, оправдываясь перед собою, так уж спешить и сваливать на Тимоша такую боль. Отложу все это на день, на два, за это время появится Яков, и тогда поговорим.

Вечер прошел мирно, никто так-таки ничего и не заметил, только Христина, топая на свой чердак, он же мансарда, он же горище, покачивала головой; на мансарде же, облачившись наконец в капот и растянувшись на своем бугристом канаве, хмуро подумала: "Всё вроде так, да не так, а как, сам черт не разберет".

Тут в дверь раздался тихий стук и вошла вся в сером, с пепельным бледным лицом и серыми глазами тихая, как мышь, Олеся – когда-то первая красавица (как утверждают некоторые, теперь совсем уж пожилые, господа) не только уезда, но и всей Черниговской губернии.

– Садись, сестрица, мышка серая, да здесь и прилечь можно, – гостеприимно постучала Христина по буграм канаве. – Укладывайся; на моем роскошном ложе можно черт-те сколько народу уложить.

Но Олеся никогда не лежала в бодрствующем состоянии. Слабо отмахнувшись от нечистого, всуе помянутого золовкой, она присела в ногах постели и глуховатым шелестящим голосом спросила:

– Что-то мне сегодня показалось... Ты ничего не заметила, сестра?

– А ты что заметила? – быстро спросила Христина.

Олеся, не желавшая или не решавшаяся говорить первой, но понуждаемая к тому настойчивой золовкой, не без иронии произнесла:

– Я думаю, золовушка, тебе бы говорить было сподручней. Я, в отличие от тебя, свидетельницей тех давних сцен не была. Но мне показалось, что нынешний вечер мог быть похожим на те, когда небезызвестный кавалер стоял на коленях. Правда, Мариночка наша характером не в тетку, еще не сказала ему твердого нет.

Христя так и подскочила на постели.

– Вот! Тихая, тихая, а разом всё сообразила. А

я, дура старая, сижу и думаю: что-то то, да не то, хотя – как ты совершенно справедливо, душа моя, изволила заметить – вечер нынешний весьма напоминает те, памятные для меня.

– Что же это может быть? – задумчиво промолвила Олеся. – Испугалась перед самой свадьбой? Разлюбила или думает, что разлюбила? Ну, говори, ты же всё знаешь про эти дела.

– Что могу я знать, – удрученно сказала Христина. – Я же не царица Савская, а просто старая индюшка. Многие девушки робеют перед свадьбой. Но я-то не робела. Я понять этого не могу, как можно оробеть. Тем более такой красавец, такой лихой казак, как Тимофей. Он и добрый, он и умный, а сдержанный какой – смешил весь вечер нашу Несмеяну.

– Вот и он заметил, – печально прошелестела Олеся. – А все-таки это не робость. Нет; она, моя дочурка, всё время отталкивала его.

– Вот уж ни за что не стала бы, – с жаром сказала Христина.

– То есть как не стала, ты же отвергла своего.

– Э, – сказала Христина. – Парень парню рознь. Тимофея я бы не отвергла.

– А разве тот был нехорош? – улыбнулась Олеся.

Христина тоже засмеялась.

– Ну чего пристала – хорош, не хорош. Память моя старческая, давно это было. А Тимофея я нынче вечером видела, на это моей памяти хватает.

Они обе уже улыбались, и волнение уже отпустило их.

– Право слово, всполошились мы, как куры, – говорила Христина. – Правильно ты сказала: свадьба на носу, а она девочка чувствительная, робкая. Выросла среди таких идиотов, попробуй тут не робей. Оробела, вот и все. А мы уже нагородили Бог знает чего.

– Да, пожалуй, – не совсем уверенно согласилась Олеся. – Вялая она, скорей, чем робкая.

– Ну не мудри, не мудри, – прервала ее Христина. – Оробела, вот и кажется вялой. Вялый – робкий, это всё один черт.

Олеся уже устала отмахиваться от нечистой силы. Да и бесплодный разговор их ее утомил. Но была в тихой Олесе твердая струнка.

– Я пойду, – произнесла она, вставая. – Доброй тебе ночи, сестра. – И, остановившись у самой двери, зевая, проговорила: – Вялый и робкий – это совсем разные вещи. Вялый и равнодушный – это вот похоже одно на одно.

– Пошла вон! – взъярилась Христя. – Хуже нет людей, чем вы, тихони; упрямые вы, как ослы. Ну

зачем уже в дверях такое говорить и лишать человека сна? А ведь набожная женщина, христианка, должна о ближнем думать.

– Прости, сестра, – склонила голову Олеся. – Я, наверно, не подумавши сказала. Спокойной тебе ночи. Прости.

– Бог простит, – проговорила, поворачиваясь к стенке, Христина.

Тут на лестнице раздались неуклюжие тяжелые шаги, дверь распахнулась. На пороге стояла вся взъерошенная, с перьями в волосах, в одной сорочке Домаха.

– Барышня, – едва успела вымолвить она.

– Что с ней? Что?

Христина мигом вскочила с кровати.

– Что? Да говори, мерзавка! Убьешь ты нас.

– Барышня, в саду у дальнего забора.

– Что? Что, негодяйка, скажи хоть – жива?

– Живы.

– С кем она?

– Одни. Лежат на траве и уж очень горько плачут.

– Да как ты из сада услышала-то? Тебя из пушки не пробудить.

– Они меня в комнате пробудили. Вдруг вскрикнули так громко, а потом заплакали тихонько и пошли, а я следом. Уж так они там вскрикивают, уж так плачут. А ночь холодная такая. Как бы не захворали.

Одному Богу известно, как не пробудилось всё шапорцовское племя и не выскочило заодно уж на крыльцо, когда дом заскрипел и заохал от такого множества шагов, открываемых дверей, переговоров. Но Шапорцы так привыкли к тому, что по их скрипучему жилищу вечно кто-то ходит по ночам, с кем-то переругивается, чего-то ищет, что ночное это происшествие прошло почти что незаметно.

И вот уж всё устроилось, как надобно. Пан Павло, отец Марины, спит на лавке на кухне, Домаха там же заваривает липовый чай. Марина греется на родительском ложе под не новым, но роскошным и теплым сиреневым пуховым одеялом.

Мать и тетушка подсовывают ей рюмочки и склянки с разными целебными каплями. А на краю сиреневого одеяла сидит, как будто так и надо, длинноухий песик Черныш и смотрит на Олесю и Христину с гордым видом. Об его изгнании не может быть и речи, ибо, когда несчастная панночка горько плакала, упав на землю, рядом с нею не было ни единой родственной души, кроме Черныша, который сочувственно и деликатно слизывал с ее щек слезы.

– Выпей, деточка, успокойся, дытына, вот

согреешься, уснешь и всё будет хорошо.

И Олесе, и Христине хочется узнать, что случилось, какая беда свалилась на бедное их дитя, но узнать они ничего не могут, ибо, будто кто-то заколдовал их, беспрестанно задают единственный вопрос: "Кто тебя, наша птичка, обидел?", на каковой каждый раз получают правдивый ответ: "Никто".

Марина не в силах сейчас говорить даже с ними, с самыми близкими и родными, о том великом и горьком, что вдруг подняло ее среди ночи и заставило так страшно, так отчаянно закричать, а потом рыдать, прижимаясь к земле, и знать, что, сколько слез ты не прольешь, всех никогда не выплачешь, так велико это горе.

– А что, нахальную скотину не пора согнать с одеяла? – осведомляется тетя Христина.

– Нет, – решительно отвечает Марина.

– Будь по-твоему, моя ласточка, спи.

(Продолжение следует)

Новая книга Екатерины Коротковой

«Мужские слезы смуты» вышла в 2017 году в издательстве «Мархотин. Сделано – сказано».

Из авторского предисловия

Наши соотечественники времен Смуты – какими они были? Едва ли изменились до неузнаваемости всего лишь за четыре сотни лет.(...) Стенька Разин ни разу не вскрикнул под пыткой.(...) Но выдерживали и другие, даже женщины; во время стрелецкого бунта одна из них умерла от мучений, не выдав ни единым словом царевну Марфу. Наверяд ли предки легче нас переносили боль, они переносили ее терпеливее. Но в то же время были очень чувствительны, легко плакали. В нашей истории есть удивительные примеры, когда люди плакали не от обиды и боли, а от причин благородного свойства.(...) Народ не был согбенным, согнул его впоследствии Петр I. И согнувшись, мы утратили бесценное, живое ощущение чести. Сравнивая две эпохи, пожалуй, можно сказать, что честь тогда ценилась выше жизни.

Желающие приобрести книгу Е. Коротковой могут обратиться в редакцию нашего альманаха obrazyzhizni@yahoo.com

Александр Милитарев

ПЕРЕВОДЫ

МИГЕЛЬ ЭРНАНДЕС

Сонет из цикла «Негасимая молния» (1934-1935)

Когда коррида проревет к финалу,
и вена, вздувшись, лопнет как струна,
узнает бык: у смерти вкус вина,
которым жизнь, жалея, обделяла.

Фонтан сердец забьет из раны алой,
пучину сердца осушив до дна,
и накренится над песком сосна,
и глыба камня рухнет с пьедестала.

Ты, кровь моя, живучая как бык,
с утра наполнив кубок неизменный
тончайшего старинного литья,

саднящим вкусом стали под язык
сочишься влагой горькою и пенной
из сердца, где скопилась смерть моя.

ЭМИЛИ ДИКИНСОН

111
Со мною бабочка мила,
дружна пчела со мной,
и вечно я окружена
лесною малышкой.
При мне ликует ветерок,
ручей от счастья пьян!
Зачем же в ясный летний день
мне застит взгляд туман?

1859

255
Смерть — это быстро. Говорят,
не больно: меркнет свет
и силы тают, вот и все —
и человека нет.
День носим темные тона,
на шляпках креп у дам.
А там уж солнышко в окне
забыть поможет нам

таинственное существо,
что так любило нас,
и, не уставши, на покой
ушло в урочный час.

1861

449
Я умерла за красоту,
и после похорон
сосед нашелся у меня —
погиб за правду он.
Спросил он тихо: ты за что?
— За красоту, сосед.
— А ты за что?
— За правду я.
— Мы братья, — он в ответ.
Мы встретили по-братски ночь
в беседе из могил,
пока не тронул губы мох
и, как нас звали, скрыл.

1862

759
В бою, как бес, он в пекло лез —
казалось, что ему
плевать на будущую жизнь
и эта ни к чему.

Страшимся смерти мы, а он
считал, что жизнь страшна,
и смерть бежала от него,
как черт от ладана.

Как гонит хлопья вкось пурга,
косила смерть войска.
Один он выжил — оттого,
что сам ее искал.

1863

891
Мне каждый лист секрет свой слал,
в набат бил куст любой —
дозор природы не давал
побыть с самой собой.
Сбегу в пещеры — голос стен
настигнет беглеца.
Весь мир — зияющий разлом,
чтоб мне не спрятаться.

1864

1099

Мне тесен кокон, тускл цвет,
 мне нужен воздух, свет,
 зародыш крылышек моих
 покров мой ветхий рвет.
 Мощь хрупких бабочкиных крыл —
 порыв к полету сам:
 от тяготенья луговин
 взлет легкий к небесам.
 Я этот код должна взломать —
 прочесть, понять намек,
 чтоб хоть к исходу размотать
 божественный клубок.

1866

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР*Сонеты*

73

Во мне ты видишь год в такую пору,
 когда не слышно птиц, и листопад,
 и веток голых брошенные хоры
 без нежных певчих на ветру дрожат.
 Во мне ты видишь время дня такое,
 когда уж солнцу лить свой свет невмочь,
 и мир печатью вечного покоя
 отметит *alter ego* смерти — ночь.
 Во мне огня ты видишь затуханье,
 последний отблеск тлеющих углей
 и юностью согретое дыханье
 от губ, которым скоро гнить в земле.

Но видишь: тем любовь твоя сильней,
 чем ближе время расставанья с ней.

144

Две страсти, две любви есть у меня —
 мучение мое и утешенье:
 он — светлый ангел, воплощенье дня,
 она — злой демон, ночи воплощенье.
 Чтоб в гроб она меня скорей свела,
 переманить его к себе ей надо,
 а ей немется сделать духа зла
 из ангела, врата разверзнув ада.
 Свершилось ли, пока не знаю я,
 паденья непотребное деянье —

ведь за моей спиной они — друзья,
 и, о, как манит адское зиянье!

Я не узнаю, одолел ли бес,
 пока и ангел ей не надоест.

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

Семейный солдат (резервист на линии огня)

Бобылю отвечать за шкуру свою,
 в бою он бодр и лих.
 А семейному что за кайф в бою?
 В ответе он за троих:
 за себя да за нее,
 да за «этого» — вот и считай.
 Ему бы скорей отстрелять свое
 и домой — допивать свой чай.

Бобыль за бруствер тянет шею —
 его любопытство жжет,
 а семейный лежит на дне траншеи,
 лежит и команды ждет.
 На хрен ему и на хрен ей
 рикошетом или прямой?
 Ему бы свое отстрелять скорей
 и к чаю поспеть домой.
 Бобыль промажет — рукой махнет:
 ладно, другой раз,
 а семейный не ищет новых хлопот —
 у семейного верный глаз.
 Ему, ведь, в деревню к себе да к ней,
 да к «этому» — морем, хоть как.
 Ему бы свое отстрелять скорей —
 он выпить чай не дурак.

Бобыль навоюется за день
 и пошел храпеть на весь свет.
 А семейному ночь сидеть не лень —
 к ночам доверия нет.
 Башку рукой подперев, сидит,
 чтоб первым засечь врага,
 и в оба слушает и глядит,
 поскольку жизнь дорога.

Бобыль — он шкурой не так дорожит,
 из-под пуль он вынесет вас,
 а семейный — он вас посторожит
 и санитарам сдаст.

Запомнит, что передать жене
и адрес ваш — все точь-в-точь,
а если шанс есть, и вам, и мне
будет вену сжимать всю ночь,

Он же себе отдает отчет,
что трое меня и вас,
и знает он, кто нас дома ждет,
и что два — это три минус раз.
А значит, ради нее
и того, кто из трех главней,
надо нам отстрелять свое
и к чаю домой скорей.

Да, втроем надо чай нам пить!
И несколько раз на дню
я думаю: может семейный плыть,
но не вправе пойти ко дну.
От Адама и Евы закон такой —
есть «этот», он и она.
С бобылем мне бы в бой, чтоб семейный, живой,
после боя вынес меня.

Мандалей

Возле пагоды в Молмейне, на закатной стороне
ждет бирманская девчонка и тоскует обо мне.
Слышу — ветер в пальмах шепчет и колокола гудят:
«В Мандалей, солдат британский,
в Мандалей вернись, солдат!».
В Мандалей вернись, солдат,
где вдоль бухты лодки мчат
и до самого Рангуна их уключины стучат.
Разве ты забыл, солдат:
рыбки над водой летят
и восходы от Китая будто молнии блестят?

В цвет песка на ней юбчонка и шапчонка в цвет волны,
и звалась она Супьялет — в королеву той страны.
В первый раз — в руке сигара — удивила тем меня,
что христосовалась с Буддой, ногу идола обняв.
В храме глиняный стоял
главный бог их, черт их драл,
да ей стало не до Будды, как ее я целовал
на дороге в Мандалей...

А когда в туман над рисом солнце медленно легло,
у воды она под банджо пела мне «кула-ло-ло».

И глядели мы, обнявшись, прислонясь щекой к щеке,
на слонов, бредущих с грузом, и на лодки вдалеке.
Бухтой шли слонов ряды,
в грязи чавкали следы —
так там тихо, что молчишь ты, будто в рот набрал воды
на дороге в Мандалей...

Поросло бьельем все это — вечно прошлое милей,
но автобусы не ходят через Сити в Мандалей.
Вспомнил в Лондоне я: был там
меж служивых старых слух:
«Кто услышал зов Востока, ко всему на свете глух».
И плывут издалика
пряный запах чеснока,
колокольный звон на храмах, солнце, пальмы, облака
по дороге в Мандалей...

Я сносил подошв полсотни на булыжных мостовых,
а за чертов смог плачу я ломотой в костях моих.
В Челси я гулял и Стрэндом с сотней баб, на вкус любой,
про любовь они толкуют, да какая там любовь...
Лица грубы, а какой
дух от тела — боже мой!
У меня была и чище, и нежней в стране другой
по дороге в Мандалей...

За Суэц хочу — к востоку, мне б доплыть до той страны,
где дожить свой век мечтаю, где добро и зло равны,
где без заповедей можно жить, всю жажду утолив,
возле пагоды Малмейна, лежа глядя на залив,
в Мандалее, в бухте той,
где судов качался строй
с дней, когда мы в Ирравадди флот ввели
британский свой.
Стайки рыбок над волной
в Мандалее, в бухте той,
где восход встает с Китая и горит перед тобой...

Марина Золотаревская, Алла Ходос

ПЕРЕВОДЫ

КРИСТИНА РОССЕТТИ

Uphill

Восхождение

- Когда же кончится подъем?
- Лишь в гору путь ведет.
- В пути весь день мы проведем?
- Покуда ночь падет.

- А где же кров я обрету?
- На грани темноты.
- Как тот приют во тьме найду?
- Его не минешь ты.

- А те, что были впереди?
- Они внутри теперь.
- Мне звать придется, чтоб войти?
- Откроют сразу дверь.

- Там наконец я отдохну?
- О да, итог таков.
- А всех проводят там ко сну?
- Придешь – и одр готов.

Перевод Марины Золотаревской

ЛЕОНАРД КОЭН

Dance Me to the End of Love

Танцуя, льнешь к моей душе,
как скрипка – горяча.
Утишь моё смятение,
спасения ища.
Как ветвь оливы – подыми.
Моей голубкой будь.
До смерти затанцуй меня
и смерть со мной забудь.

Дай уловить движений ритм,
и пусть продлится он.
Давно свидетели ушли,
и дремлет Вавилон.

О, будь моим поводырем!
Убежищем мне будь!
До смерти затанцуй меня
и смерть со мной забудь.

И к нашей свадьбе приведи,
танцуя вновь и вновь.
Мы оба – выше, чем любовь
и ниже, чем любовь.
С упрямой нежностью веди –
пред нами долгий путь.
До смерти затанцуй меня
и смерть со мной забудь.

Веди туда, где спит дитя.
Оно рожденья ждет.
Веди туда, где поцелуй
ткань полога прожжет.
Ты этот полог подыми –
он весь до дыр затерт.
До смерти затанцуй меня,
ведь смерть уже не в счёт.

Так ты, танцуя, льнешь ко мне,
как скрипка – горяча.
Веди же сквозь смятение,
спасенье нам ища.
Меня, как ветвь, к себе склони.
Моей голубкой будь.
До смерти затанцуй меня
и смерть со мной забудь.

Перевод Аллы Ходос

ЛЕОНАРД КОЭН

You Want It Darker

Одно стихотворение в двух переводах

* * *

Если Ты затеял игру, я выхожу из игры.
Думал меня исцелить — лучше я сам помру.
Тебе — слава мира, стыд да пребудет со мною.
Ты хотел, чтобы было темней —
Пламя станет золою.

Мы шепчем имя Твое — да святится оно вовек.
Ты был, как и мы, распят.
Ты — Человек.
Жгли миллионы свечей, чтобы Ты нам помог.
Но Ты захотел, чтобы было темней.
Ты — Бог.

Вот он я пред Тобою.
Я готов, мой Господь!

Ты — Любовь в этой песне. Но песня все та же:
Колыбельная нашим страданиям.
Слова инструктажа
Начертав на скрижалях, Ты остался ли с нами?
Ты хотел, чтобы было темней —
Мы гасим пламя.

Заранее осужденных конвойные на мушку берут.
Я тоже с демонами боролся. О, это напрасный труд!
Приходили — почти ручные. Откуда мне было знать,
Что есть у меня разрешенье
калечить и убивать.

Вот он я пред тобою.
Я готов, мой Господь!

Мы шепчем имя Твое — да святится оно вовек.
Ты был, как и мы, распят; Ты — Человек.
Жгли миллионы свечей, чтобы Ты нам помог.
Но Ты захотел, чтобы было темней.
Ты — Бог.

Коль Ты затеял игру, выйти дозволю из игры.
Хотел меня исцелить — да я уж и сам помру.
Тебе — слава мира; стыд да пребудет со мною.
Ты хотел, чтобы было темней.
Пламя стало золою.

Вот он я пред тобою.
Я готов, мой Господь!

Перевод Аллы Ходос

* * *

Если Ты карты сдавал, я играть погожу.
Если Ты всех врачевал, то я хромым ухожу.
Пристала слава Тебе — от стыда мне спасенья нет.
Ты хочешь добавить тьмы, —
Мы гасим свет.

Твое имя восславят навек — да святится оно стократ.
Когда Ты был человек, Ты унижен был и распят.
Без счета жжем свечи мы —
кто бы помощь прислал в ответ!
Ты хочешь добавить тьмы —
Мы гасим свет..

Вот он я, вот он я —
Господи, я готов!

Вписали в сюжет любовь, ведь самый рассказ не нов;
Издравле он тешил боль, озадачивал мудрецов;
Со скрижалей не соскрести, не отринуть
правдивых слов.
Ты хочешь добавить тьмы —
Свет гасим мы.

Построены эскизы в ряд; стража их на прицел берет;
Я с бесами бился сам, но это был мелкий сброд;
Я не знал, когда "не убий" понимают наоборот.
Ты хочешь добавить тьмы —
Свет гасим мы.

Вот он я, вот он я —
Господи, я готов!

Твое имя восславят навек — да святится оно стократ.
Когда Ты был человек, Ты унижен был и распят.
Без счета жжем свечи мы — кто бы помощь прислал в ответ!
Ты хочешь добавить тьмы —
Мы гасим свет.

Если Ты карты сдавал, я играть погожу.
Если Ты всех врачевал, то я хромым ухожу.
Пристала слава Тебе — от стыда мне спасенья нет.
Ты хочешь добавить тьмы, —
Мы гасим свет.

Вот он я, вот он я —
Господи, я готов!

Перевод Марины Золотаревской

Александр Трегуб

МИРАЖ В СТЕПИ

Неожиданное путешествие в Астану

Едем мы друзья
В дальние края,
Станем новоселами и ты, и я!

*Из популярной советской
песни эпохи освоения целины*

ВВЕДЕНИЕ

Весной 2017 года моего сына послали в длительную командировку в город Астана, столицу Казахстана. Родители 30+-летнего ребенка забеспокоились: Астана находится очень далеко от Калифорнии, известна своими немыслимыми холодами (считается самой холодной столицей мира!), является столицей авторитарного государства, а жители Астаны питаются исключительно бешбармаком и кумысом, каковая пища вызывает тяжелые последствия для желудка американских граждан, не привычных к подобной еде.

По-видимому, опасения были также и у отдела кадров на работе сына: перед поездкой с ним провели подробное собеседование, в ходе которого были перечислены все возможные опасности, ему угрожающие. Отдел кадров, правда, делал упор на происки соответствующих местных служб. Наиболее распространенной уловкой считалось подстроенное соответствующими органами знакомство наивных граждан Запада с местными красотками, состоящими у органов на довольствии.

Как образцовый родитель я сразу понял, что мой отцовский долг повелевает мне немедленно ехать в Астану, чтобы помочь сыну акклиматизироваться в незнакомой стране, где опасности подстерегают посетителей на каждом шагу – а главное, предохранить неопытного молодого человека от женских посягательств. Я не без оснований считал, что с кадровыми красотками в чине не выше майора я все еще могу справиться. Кроме того, оказалось, что сын забыл взять с собой небольшой тюк необходимых теплых вещей, приготовленных заботливой мамой, и в любой момент мог простудиться или замерзнуть прямо на улицах Астаны. Поэтому был срочно взят отпуск на работе, приобретены авиабилеты, и, с запасом теплой одежды, достаточной для покорения Эвереста относительно небольшой экспедицией, я был отправлен в Казахстан.

Большинство людей в Америке о Казахстане узнали только после просмотра популярной

сатирической комедии "Борат: изучение американской культуры на благо славного народа Казахстана" Саша Барона Коэна. Несмотря на явную издевку создателя псевдо-документального фильма над суверенным государством, «Борат» благотворно воздействовал на популяризацию Казахстана: широкие массы в Америке и на Западе, наконец, узнали о существовании такой страны. Даже официальный Казахстан после изначальной резко негативной реакции фильм формально не запретил, – хотя прокат его так и не разрешил.

Но и для меня, бывшего гражданина СССР, получившего – хотя и ограниченные, в рамках программы средней школы – сведения по истории и экономике республики, поездка в Казахстан оказалась очень познавательной. Казахстан – девятая страна в мире по площади, а среди стран, не имеющих доступа к открытому морю, – самая большая по территории. Это – экономический гигант номер один в Средней Азии, главным образом, благодаря прибылям от добычи нефти и редких минералов, включая уран. Кроме того в Казахстане расположен знаменитый космодром Байконур, сдаваемый в аренду России за \$115 миллионов в год. Правительство могло бы позволить каждому гражданину своей страны жить в достатке, просто распределив часть этих прибылей среди населения, как это делают в Саудовской Аравии или Дубае; но вместо этого Казахстан вкладывает огромные деньги в возведение "миражей в степи".

АСТАНА – МИРАЖ В СТЕПИ

Новая столица Узбекистана Астана предстает перед глазами изумленных туристов как некий фантастический мираж. Город построен по левую сторону реки Ишим в месте, совершенно не приспособленном для нормальной человеческой жизни, в открытой степи, продуваемой всеми ветрами, с зимней температурой, достигающей 40 градусов по Цельсию. Исторически люди селились на правом берегу реки Ишим; в 19 веке

Россия установила там укрепленный военный пункт, названный Акмола (Белая Могила). В 1961 году город был переименован в Целиноград, в память о знаменитой (провалившейся) хрущевской кампании по освоению целины. Наконец, в 1998 году столица Казахстана была перенесена из Алма-Аты (Алматы) в Целиноград, пустынная левая часть реки Ишим застроена, и город по обе части реки был переименован в Астану. Астана на казахском значит – просто и ясно – столица, что, безусловно, является гораздо более приемлемым именем для казахской столицы, чем Белая Могила или даже Целиноград. Но историческая путаница с именами сохранилась в названиях аэропорта и авиационных маршрутов. Согласно своему маршруту, авиакомпанией "Дельта" я прилетал в город Астана, аэропорт TSE (код Целинограда), а вылетать должен был уже из аэропорта города Акмола. Справочная служба компании "Дельта" не была способна дать какое-либо разумное объяснение этому разночтению и подтвердить, что я прилетаю и улетаю из одного и того же города и аэропорта, и только глубокое изучение истории названий города вселило в меня некоторую уверенность, что я не стал жертвой козней ФСБ или ее казахского партнера.

Хотя без происков местных служб безопасности все же не обошлось. После того как я приземлился в Астане-Акмоле-Целинограде бдительным казахским таможенникам мое поведение почему-то показалось подозрительным, и они определили его специальным пограничным термином "мандраж". Также подозрительным показалось отсутствие багажа. Переговоры велись вслух – откуда американцу понимать русский! Подозрения удалось развеять, когда на нормальном русском я ответил, что у меня нет ни мандража, ни багажа. Стражи тут же извинились и указали выход в зал ожидания. Хотя я всегда предполагал наличие у себя скрытого поэтического таланта, но до этого эпизода никогда не задумывался о его практической мощи и эффективности.

Все мое последующее общение с жителями Астаны было не менее приятным и эффективным. По дороге из аэропорта в гостиницу мы с водителем Убера подробно обсудили историю происхождения человечества, согласились, что имя первого человека на Земле, Адам, имеет как казахские, так и иудейские этимологические корни, и пришли к заключению, что обе нации являются родоначальниками современной цивилизации.

Современный Казахстан, – хотя мой опыт ограничен посещением только столицы, Астаны, – больше напоминает старый добрый Советский Союз, чем, например, Киев (единственный другой город бывшего СССР, который я посетил в постсоветское

время). Даже тот русский, на котором говорят в Астане, больше похож на язык общения 80-ых годов, чем язык, на котором сейчас говорят киевляне.

Телекомпания CNN признала Астану самой диковинной столицей мира. Необычная футуристическая архитектура Астаны как будто скопирована со страниц научно-фантастической повести. Город был спроектирован архитекторами и дизайнерами с высокой международной профессиональной репутацией – огромные разноцветные высотные здания и башни

Воскресное апрельское утро в центре Астаны: холодно и пустынно.

формы поражают воображении – но четкий архитектурный план отсутствует. Ультрасовременные постройки 21 века контрастируют с высотными жилыми домами образца Москвы 50-ых; неофутуристическое здание Хан Шатыр – значительно увеличенная (самый большой шатер в

Картина Джорджо де Кирико "Тревожные Музы". Фантастический городской пейзаж картины чем-то напоминает Астану. Пейзажи де Кирико подавляют зрителя, подчеркивают ничтожество, незащитность и одиночество человека.

мире!) копия шатра исторического хана Абылая – мирно сосуществует с уменьшенной копией Бранденбургских ворот, образцом стиля берлинского

классицизма.

Немыслимое и неупорядоченное сосредоточение разных архитектурных стилей производит одновременно гнетущее и комическое впечатление. Как написано в полезном пособии американского консульства для американских посетителей, "Астана – это место, где Лас Вегас встречает Диснейленд".

ЛИДЕР НАЦИИ

Казахстан провозгласил свою независимость в 1991 году, немедленно после распада СССР. Источники в Музее национальной истории даже утверждают (необоснованно), что Казахстан был первой республикой, вышедшей из СССР, и, таким образом, послужил главной причиной его распада. Последний коммунистический лидер Казахстана советского периода, Нурсултан Назарбаев (сменивший всем нам памятного по портретам на первомайских демонстрациях члена Политбюро товарища Кунаева), был избран первым Президентом Казахстана в том же 1991 году. С тех пор его неизменно переизбирают президентом. Его официальный титул – "Первый Президент и Лидер Нации", и, совершенно неясно, кто и при каких обстоятельствах может его сменить на посту Лидера.

В Астане пока еще нет отдельных скульптурных памятников Лидеру Нации, но имеются огромные портреты в Национальном музее, барельеф в полный рост на Монументе казахскому народу и отпечаток ладони Лидера в золоте на первом этаже башни Байтерек, – причем этот отпечаток неожиданно превратился в популярное место для фотографирования: туристы сравнивают размеры своих ладоней с ладонью лидера. После президентских дебатов на выборах США в 2016 и "интригующих" историй о размере ладони кандидата Трамп популярность фото с отпечатком ладони президента Казахстана должна была бы резко возрасти, но, к сожалению, башня сейчас закрыта на ремонт.

Казахстан – авторитарное государство: демократические институты не имеют реальной власти и находятся на службе у Лидера Нации. Несмотря на отсутствие внутренней демократии, президент Казахстана проводит разумную международную политику: поддерживает инвестиции западного капитала в экономику, не противился ядерному разоружению страны, что помогает ему избежать критики, а тем более санкций со стороны Запада.

Не совсем понятно, как жители Астаны относятся к своим политикам: мои относительно молодые гиды всегда убедительно и, возможно, искренне поддерживали официальную правительственную

точку зрения; люди постарше – таксисты или другие случайные собеседники – были настроены более критически. Я так и не понял, удалась ли окончательная "промывка мозгов" молодого поколения казахов, или же сообразительная молодежь проявляла разумную осторожность в беседах с зарубежными туристами.

Поясню: незнакомым мне горожанам я обычно представлялся жителем Киева – визитеры из ближнего зарубежья должны были больше располагать к свободному общению, чем туристы из Америки. И хотя первые два дня мне с подозрением говорили, что я не выгляжу, как киевский турист, но уже на третий день мне удалось поднатореть в беглых беседах на русском, поменять выражение лица и более-менее убедительно войти в образ киевлянина. Я даже со знанием дела обсуждал состояние украинской экономики и политики со своими собеседниками.

Вне зависимости от степени скептицизма по отношению к своим политикам, все местные жители с большой гордостью говорили об исторических традициях и достижениях казахского народа. Не думаю, что фильм "Борат" пользовался бы популярностью в Казахстане, даже если бы его прокат и не был запрещен.

Интересная особенность в поведении людей, с которыми я общался: их взгляды находятся на промежуточной ступени между признанием постсоветских свобод – слова, вероисповедания, экономики, путешествий – и допущением ограничений, типичных для тоталитарных режимов. Никто в здравом уме не осмелится критиковать президента, все критики внутри страны уже давно сидят в тюрьме или уничтожены, но существуют маленькие оппозиционные партии.

Газета "Казахстанская правда" по духу, языку и даже формату – точная копия газеты "Правда" в добрые старые времена: на первой странице приводятся важные высказывания Лидера Нации, которые обсуждаются уважаемыми людьми на последующих 2-3 страницах; на последней странице – новости культуры и спорта. Государство поощряет открытие бизнесов – особенно в области технологий – но основные бизнесы, основанные на разработке и торговле природными ресурсами, конечно же, находятся в руках правительства или людей, с ним тесно связанных. Религия не только разрешена, но активно поддерживается государством: например, в Астане государство построило две огромные мечети и православный собор, в правительстве имеется пост министра по делам религий. Но отношения между властями и последователями мусульманской религии все-таки не совсем безоблачные: недавно президент осудил запретил отращивание бород молодыми людьми и закрытые черные одеяния для женщин. Причина

понятна – власти опасаются развития религиозного экстремизма и усиления влияния ДАЕШ.

О РЕЛИГИИ В АСТАНЕ

Мусульманство, введённое арабами, стало основной религией в Казахстане в 9 веке. В советское время религия не поощрялась, и мне было интересно наблюдать, как отношение к религии изменилось за последние 25 лет.

Правительство и президент Казахстана подчеркивают толерантное отношение к любым религиям: помимо наиболее распространенной религии – ислама, в Казахстане представлены: христианство, иудаизм, буддизм и другие религии.

Скульптура "служителей культа" в музее национальной истории: имам, священник, раввин и буддист. Все веры равны, но самый высокий все-таки имам.

Мусульманские мечети открыты для всех посетителей, туристов встречают приветливо и даже разрешают фотографировать внутри. В двух огромных мечетях Астаны, Хазрет Султан и Нур Астана, во время намаза (совершаемого 5 раз в день), можно видеть большое число верующих, как внутри мечети – одетых в форменные белые халаты и шапки, – так и снаружи, сидящих у стен мечети на принесенных ковриках. Мечеть Хазрет Султан – самая большая суннитская мечеть во всей Средней Азии и вторая по величине среди всех среднеазиатских мечетей после шиитской мечети Рухи в Туркменистане.

Суннизм – официальная религия в Казахстане, и религиозные руководства в мечети Нур Астана предписывают совершать намаз согласно суннитским традициям. В то же время, когда я попытался выяснить, какому виду ислама следует мой молодой экскурсовод, она ответила, что для нее и ее семьи главное – это поклонение Аллаху, единому Богу, а в такие детали, как суннизм или шиизм, она не вникает. У меня создалось впечатление, что для многих людей в Казахстане религия – это больше осознание исторической культуры своей

Гигантская мечеть Хазрет Султан, построенная правительством.

нации, а не фанатичный религиозный культ.

Мы с сыном также посетили новую синагогу в Астане, построенную богатым казахским евреем, которую он посвятил своей матери Рахили. Нам сказали, что это – самая большая синагога в Средней Азии. Не знаю, насколько это точно – но, действительно, ее размер более, чем достаточен, чтобы вместить всех ее регулярных немногочисленных посетителей (числом чуть поболее минимального количества, необходимого для собрания миньяна¹).

САМЫЕ БОЛЬШИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Создается впечатление, что в Астане очень популярно "соревнование" на титул "Самого Большого Чего Бы То Ни Было в Средней Азии" или даже в Мире. Мы уже упоминали, что Астана является Самой Холодной Столицей в Мире, справедливо гордится Самым Большим в Мире Шатром и Самыми Большими в Средней Азии Суннитской Мечетью и Синагогой. Кроме того, в Астане находятся Самые Большие в Средней Азии Крытый Ледовый Каток и Крытый

1 Миньян – группа из, как минимум, 10 евреев, необходимая для проведения организованной молитвы. Разумеется, существуют различные толкования того, как организовать группу из 10 евреев. Например, можно считать мужчин и женщин в сумме, а можно только мужчин; более того, можно считать не всех мужчин, а только взрослых мужчин – и, как следствие этой поправки, существуют разночтения, с какого возраста еврейского мужчину можно считать взрослым; наконец, очень важно договориться о том, можно ли самого раввина включать в заветное число 10, или же раввин, или раввины, проводящий/проводящие молитву, из подсчетов исключаются. Дискуссия о подходах к подсчету миньяна – это хороший, хотя и не единственный, пример многочисленных тем, живо обсуждавшихся в Астанской синагоге.

Велодром, Самый Большой в Мире Крытый Футбольный Стадион, Самый Удаленный от ближайшего океана Океанариум, – и, как следствие, Самая Удалённая от родных океанских вод одинокая ошалевшая Акула. Я видел дворец в стиле барокко, в котором размещается обычный тренировочный зал; странной архитектуры здание, похожее на летающую тарелку, – постоянное помещение цирка и Самая Большая в Мире Приземлившаяся Летающая Тарелка.

В Астане построили несколько огромных торговых комплексов – такого размаха и такой роскоши в Америке я не видел. Цены на товары, как минимум, не меньше, чем в Америке, но торговля идёт довольно бойко.

Университет имени Президента Назарбаева в Астане, разумеется, Самое Престижное Учебное Заведение в Казахстане и во всей Средней Азии.

Университет имени Президента Назарбаева – самый лучший университет в Средней Азии.

Преподавание в университете ведется на английском, профессора – ведущие специалисты в своей области – приглашаются из разных стран, включая Америку и Западную Европу. По-видимому, им платят хорошую зарплату, потому что выдержать ветреную и холодную астанскую зиму очень непросто – даже несмотря на то, что обогрев квартир в Астане доводится до такой степени, что приходится зимой открывать форточку; ожидающие автобус пассажиры греются в закрытых павильонах с подогревом и Wi-Fi; а автомобили снабжены датчиками, автоматически включающими мотор машины в гараже или на парковке, когда температура падает ниже определенного уровня.

Но в стеклянных павильонах университета, при температуре снаружи – до 40 градусов по Цельсию, гордо стоят ряды тропических пальм. Безусловно, эти пальмы являются Самыми Морозостойкими Пальмами не только в Средней Азии, но и во всем мире. Как мог бы сказать Поэт, "В холодных степях казахстанской земли – /там гордые пальмы зачем-то росли".

ИНТЕНСИВНАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Оперный театр в Астане по архитектуре немного напоминает Большой – но гораздо больше, а по вызывающей роскоши несколько похож на Кремлевский дворец съездов, но гораздо богаче. Правда, из уважения к старшему брату, число лошадей на фронтоне на две меньше, чем в знаменитой квадриге на фронтоне Большого.

В большинстве столиц мира театры оперы и балета объединены и размещаются в одном и том же здании; но в Астане Театр оперы и Театр балета функционируют в двух отдельных дворцах, причем здание Театра балета, открытое совсем недавно, в 2017 году, по размаху и роскоши не уступает зданию оперного театра.

К списку культурных достопримечательностей следует добавить и старый, еще советского времени, драматический театр им. Горького в правобережной части города. Театральная жизнь в Астане очень насыщена, и за время моего короткого визита мы посетили все три театра, – а также гастроли Русского цирка Юрия Никулина в "Летающей тарелке". Театр им. Горького представлял пьесу "Анна Каренина", поставленную авангардистским режиссером из Прибалтики. Единственное, что связывало эту пьесу с романом Льва Толстого – некоторая, хотя и неполная, корреляция с именами героев. Идея романа была эффективно упрощена и сведена к ясному и доступному для понимания масс рефрену:

"Анна – сука". Многие зрители старой закалки покидали театр, не дожидаясь окончания пьесы, но мы досидели до конца, поскольку в образовательную программу для своего сына я включил такой необходимый и важный элемент театральной культуры, как посещение театрального буфета. Буфет ожиданий не оправдал, но посещение пивного бара в здании бывшего монастыря в 10 минутах ходьбы от театра превзошло все ожидания.

В Театре балета мы смотрели балет "Кармен" на музыку Бизе-Щедрина, в новой и совершенно революционной интерпретации. В балете полностью отсутствовали мужские роли; частично уцелел только Тореадор, представленный странной деревянной конструкцией, увенчанной сомбреро. Но зато Кармен было целых пять, каждая из которых отображала определенные черты эмоционального характера героини и идентифицировалась балетными пачками семи разных цветов.

В финале Розовая Кармен разделилась на Розовую и Серую, доведя, таким образом, общее количество Кармен до шести!

Заключительная сцена балета "Кармен" с шестью Кармен.

На балете мы встретились с казахской сотрудницей сына и ее британским мужем, и сразу по окончании представления нас повезли в настоящий, отличный – для местных, а не для туристов, – ресторан в правобережной Астане, где мы отведали блюда тра-

Грандиозное здание театра Оперы

диционной казахской пищи. Приобщение моего сына к исторической русской театральной культуре, хотя и короткое по времени, осуществлялось стремительными темпами.

ИНТЕНСИВНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ

Оказалось, мой сын очень хорошо освоился в незнакомой стране, вдали от привычной американской цивилизации. Круг его новых друзей был широк и разнообразен. В компании европейских и американских экспатриантов мы подробно обсуждали местные новости и перемывали косточки отсутствующим членам общества во время регулярных ранних воскресных обедов с шампанским в гостинице «Мариотт». Компания включала человек 20, среди них: приятную супружескую пару вашингтонских бюрократов, Бориса и Гульмиру, переехавших в 90-ые годы в Америку из нашего род-

ного города Киева; британского частного консультанта по нефтяным и газовым вопросам, пережившего уже два покушения на свою жизнь в Казахстане; двух симпатичных предпенсионного возраста учительниц из Канады; немолодого, но очень энергичного человека по имени Карл из Западной Европы, кочующего по разным странам мира и подкармливающегося различными правительственными грантами; молодого человека из Ближнего Востока без казахской визы, проживающего в Астане нелегально; а также нескольких молодых местных женщин, присоединившихся к компании по неизвестной мне причине – наверное, чтобы улучшить свой английский.

В популярном среди местной молодежи заведении для курения кальяна у нас была деловая встреча с молодым амбициозным казахским сотрудником сына, где мы обсуждали потенциальные перспективы его карьеры в Америке.

Нас пригласили в гости в дом американского атташе в Казахстане, где мы душевно пообщались на смеси английского и русского с дипломатом и его русской женой Оксаной; в заключение визита радушный хозяин предложил моему сыну временно заменить его на посту американского атташе во время своего предстоящего 2-месячного отпуска. Мы тепло распрощались с атташе в нашей гостинице, куда он нас доставил на своем джипе с дипломатическим номером, по дороге вызывая нарушение несколько основополагающих правил дорожного движения в Казахстане.

Карл, большой любитель редко исполняемой музыки в стиле "голубого" джаза, пригласил нас посетить музыкальный клуб-кафе и послушать "голубые" джазовые песни в исполнении местной звезды эстрады. Карл недавно расстался со своей второй астанской подругой и явно был заинтересован в новом знакомстве. Карл заказал себе местное пиво, мы с сыном – уникальный облепиховый чай, и мы все прекрасно провели время, наслаждаясь музыкой и светской беседой. В конце концерта Карл внезапно исчез в компании эстрадно-джазовой звезды, оставив нас допивать облепиховый чай и платить за его пиво.

Для меня, привыкшего к размеренному образу жизни в нашем скромном деловом городе Сан-Хосе, приобщение к интенсивной социальной жизни в Астане было подобно погружению в некое ирреальное пространство 4-ого измерения. Ничего подобного в реальной жизни я не испытывал. Единственное литературное сравнение, которое я бы мог предложить для описания социальной жизни в Астане – это атмосфера института НИИЧАВО из романа братьев Стругацких "Понедельник начинается в субботу".

ЗАГОРОДНЫЕ ЭКСКУРСИИ: БУРАБАЙ И АЛЖИР

Много неожиданных и интересных мест можно увидеть в Астане, но даже включая многочасовую экскурсию по музею Национальной истории и посещение персонального музея Президента Назарбаева, нескольких дней хватает на все. Поэтому для энергичных и целеустремленных гостей Астаны предлагаются три стандартные однодневные загородные экскурсии, из которых в апреле возможны были только две. К сожалению, даже 2 или 3 экскурсии не могут заполнить свободное время посетителей, намеренных провести в Астане больше, чем 1-2 недели. В этом случае им предлагается проехаться на ночном поезде в бывшую столицу Казахстана Алматы – город с интересной историей и традициями – в отличие от фантазмагорической Астаны, возникшей в одночасье посреди широкой степи. Совершенно отчаявшиеся посетители, застрявшие в Астане на месяц или больше, посещают Караганду, бывшую столицу Карлага (сталинских лагерей) и центр угольной промышленности; Караганда рекламируется как хорошо сохранившийся образец типичного советского города. За неполные две недели своего пребывания я полностью осмотрел город и совершил две загородные экскурсии; к концу второй недели, чувствуя себя одиноким путником, затерянным в могучих футуристических постройках новой столицы и одновременно ими подавленным, я уже был готов поехать на день-другой развеяться в Караганде, традиционном советском городе. И если до этого дело, все-таки, не дошло, то только благодаря неожиданному открытию в Астане нескольких приличных мест для дегустации интересных казахских вин.

ДЕГУСТАЦИЯ МЕСТНЫХ ВИН КОМПАНИИ "АРБА" В АСТАНЕ

Моя первая загородная экскурсия в район Бурабай, что на казахском означает "место, богатое

верблюдами" и не совсем точно переводится на русский как "Боровое", в 250 километрах от Астаны, была организована кружком добровольцев при американском консульстве и состояла из американских и западноевропейских экспатриантов. Казахская девушка-экскурсовод пыталась по дороге что-то рассказывать экскурсантам, но у нее это плохо получалось, поскольку она не очень свободно владела английским, а большинство публики в автобусе не говорили ни на русском, ни на казахском. Но мне повезло: я сидел рядом с водителем и получил от него массу полезной информации. Иногда я даже пытался переводить для группы, но это не очень хорошо получалось – моего английского тоже не хватало на адекватный перевод цветистой речи нашего водителя. Боровое – очень красивое, уютное и богатое место, застроенное отелями и частными домами, от простых дач до дворцов. Его часто называют казахской Швейцарией. Более того, где-то в этом районе находится засекреченная дача Президента Назарбаева, но никто не знает точно, где именно – за исключением нашего водителя, который показал мне дорогу к даче Назарбаева и популярно объяснил, что место можно легко опознать, потому что на каждом дереве сидит замаскированный КГБ-шник. Естественно, я этого переводить не стал, поскольку в моей компании в Силиконовой Долине меня приучили никогда не разглашать секретную информацию. Водитель также указал на интересной формы скалу посередине одного из живописных озер и объяснил, что скалу называют "Крокодил Гена".

Скала «Крокодил Гена»

И действительно, сходство было просто поразительное! Как раз это замечание водителя я наивно попытался перевести на английский, но никто – даже мой сын – не понял, кто такой этот Gena the Crocodile, почему в озере водятся крокодилы, и какое отношение они имеют к этой скале.

Кульминацией экскурсии в Боровое явилась демонстрация охоты с беркутами. Беркутиная охота для казахов была и развлечением, и настоящим промыслом, но древнее кочевое искусство стало забываться, и только в последнее время энтузиасты начали возрождать традиционную охоту с ловчими птицами.

Беркутиная охота

С беркутами охотятся на зайцев, лисиц, и даже волков, причем на волков охота ведется тренировочной парой беркута и охотничьей собаки. Наши охотники привезли с собой двух огромных (по размаху крыльев, беркут занимает 5-ое место во всем птичьем мире) зловеще выглядывших птиц, самца и самку. Самка была серебряным призером чемпионата Казахстана и доказала свое мастерство, успешно поймав несчастного кролика, тоже привезенного для демонстрации. Самец был безнадежен: мышей (то бишь, кроликов) не ловил, но это и не удивительно: самки гораздо лучшие охотницы, чем самцы.

Вторая поездка, посещение мемориала АЛЖИР, недалеко от Астаны, оказалась очень эмоциональной и поучительной. АЛЖИР означает "Акмолинский Лагерь Жен Изменников Родины"; он был основан по строго секретному распоряжению ЦК ВКПб от мая 1937 года для жен и детей (старше 15 лет) "изменников Родины и врагов народа". Женщин завозили на

Народная певица Лидия Русланова, узница лагеря Алжир

совершенно пустое место (недалеко от крошечного поселка) посреди невыносимо холодной степи, открытой всем ветрам. Заключение вынуждены были

сами себе строить бараки – находчивые женщины-инженеры изобрели «кирпичи» для строительства:

Мемориал АЛЖИР. Арка Скорби

глина, усиленная тростником из озера рядом с лагерем. Женщин заставляли работать: шить военную форму, трудиться на ферме... Лагерь просуществовал до 1946 года. В 2007 году правительство

Казахстана построило на месте лагеря мемориал. Конечно, это было политическое решение – вновь созданная страна старалась подчеркнуть свою независимость от могучего северного соседа; много места в музее занимают экспозиции, посвященные истории отделения Казахстана от России... Но, в целом, создание Мемориала, на мой взгляд, – самое благое дело, совершенное правительством Назарбаева за все время его существования. Скупые экспозиции музея: копии решения ЦК партии о создании лагеря, статистика заключенных по национальности (настоящий Интернационал, больше всего русских и – конечно же – еврейских женщин), письма детей "с воли" матерям (детей младше 15 лет помещали в детские дома),

Для узниц Алжира, тяжелее всего было разлучение с семьей и детьми. Экспонат музея: письмо ребенка, из детского дома маме в лагерь Алжир.

“Здравствуй дорогая мамочка, почему ты мало пишешь письма. Мамочка ты не знаешь где папа. Мамочка я учусь

во 2-ом классе. Мамочка я очень долго болела стригущим лишаем. Мамочка, я давно здорова. Мамочка ты писала у тебя нет бумаги. Мамочка я тебе пришлю. Мамочка я за тобой очень скучаю. Больше писать нечего. Мамочка, это наш корпус.”

списки заключенных, среди которых мы легко узнаем имена знаменитых актрис, ученых, жен известных политических деятелей... (В чем нельзя отказать Сталину и его приспешникам, так это в умении выявлять и уничтожать самых талантливых людей). Все это производит очень тяжелое впечатление, но абсолютно необходимо для нас как напоминание о черных страницах в истории 20 века.

ЗАВЕРШЕНИЕ ПОЕЗДКИ

Последний день моего пребывания в Астане выдался особенно напряженным. Это был выходной, и мы оба – мой сын и я – постарались спланировать его наиболее эффективным способом, чтобы, заполнив пробелы в программе, посетить те культурные мероприятия, которыми мы пока не были охвачены. Окончательная программа включала следующие пункты:

1) катание на коньках в Самой Большой Ледовой Арене в Средней Азии; 2) езда на казахских лошадях, знаменитых своей выносливостью; 3) посещение традиционной казахской свадьбы; 4) дегустация казахских вин зарождающейся винной индустрии Казахстана; 5) посещение Театра оперы; 6) дегустация немецкой пищи в новом, только что открывшемся ресторане в Астане.

К сожалению, не все было выполнено. Оказалось, что пунктов по обучению верховой езде в Астане не существует – хотя все, без исключения, казахские сотрудники моего сына утверждали, что понять казахскую культуру совершенно невозможно, не проскакав на казахской лошади. Со свадьбой тоже вышла накладка: местная сотрудница моего сына, кандидат сельскохозяйственных наук Казахской Академии, действительно пригласила американских гостей на свадьбу, но, как оказалось, не свою, а своей подруги из Алматы, тоже кандидата сельскохозяйственных наук Казахской Академии, впрочем, даже и не на свадьбу подруги, а на свадьбу племянницы подруги, которая (племянница) об этом приглашении даже не подозревала и, к сожалению, не смогла найти свободных мест на свадебной церемонии. Поэтому свадьба была срочно заменена утренней беседой с двумя кандидатами сельскохозяйственных наук за чашкой кофе в ближайшем торговом центре, – прошедшей очень

хорошо. На этой встрече мой сын получил приглашение посетить Алматы, которым он в дальнейшем с удовольствием воспользовался: он был отлично встречен семьей алматинской подруги. Но зато все остальные пункты программы были успешно воплощены в жизнь, и день окончился поздним ужином в недавно открытом немецком ресторане, куда мы, в приятной компании двух сотрудников моего сына из Болгарии, временно работающих в Астане, переместились сразу после окончания международного конкурса пианистов в Театре оперы.

В 4 часа утра следующего дня Убер отвез меня в аэропорт Астаны/Целинограда/Акмолы. Таможенники встретили меня как старого и проверенного знакомого; на значительно улучшенном русском я ответил на несколько формальных вопросов – и без всякой задержки прошел в терминал на посадку в самолет Аэрофлота, рейс Астана-Шереметьево-Сан-Франциско.

Так окончился мой неожиданный, непредусмотренный и, в какой-то мере, феерический визит в город и страну, которые я никогда не собирался посещать. Жизненный урок этого визита: никогда не отказываться от представившихся возможностей, особенно, если речь идет о посещении самых больших в Средней Азии стадионов, торговых центров, шатров, мечетей, синагог и океанариумов.

Редактор: Инна Трегуб
Сан Хосе –Астана – Сан Хосе

Инна Голубовская

ДОЧКИ-МАТЕРИ

Разведенные войной и воссоединённые Победой

История моей мамы Татьяны Кузьминичны Ковалевой (Гришиной)

История моей мамы – типичная история русской женщины ее поколения. На долю этого поколения выпало слишком много невзгод: Первая мировая война в 1914 г., Февральская и Октябрьская революции в 1917 г., раскулачивание крестьянства и уничтожение его как класса в 1929 г., жестокий красный террор в 1937 г. и Вторая мировая война, начавшаяся в Европе в 1939 г. и втянувшая в себя Россию в 1941 г. Я излагаю здесь только то, что сохранилось в моей памяти из рассказов моей мамы и её подруг, испытавших на себе все тяготы этого трудного времени.

СИРОТСТВО И ОБРЕТЕНИЕ ПРИЕМНЫХ РОДИТЕЛЕЙ

Танюша родилась 25 января 1912 г. В раннем детстве она лишилась обоих родителей. Они были крестьяне и проживали с двумя маленькими дочерьми в деревне Хвостовой Вологодской губернии. Отца звали Кузьма, а мать – Анфиса. (Ни фамилий, ни отчеств своих родителей моя мама не помнила, а может, ей никто их и не сообщил). Погибли они совсем молодыми, когда старшей дочери Тане было три года, а её младшей сестренке Софии не исполнилось и двух лет. По словам мамы, произошло это ранней весной, когда лёд на реке, через которую переправлялись её родители, уже был не крепок и раскололся под лошадьё, и сядоки вместе с телегой оказались в студеной воде. Каким-то чудом они выбрались на берег и добрались до дома, но двухстороннее крупозное воспаление легких быстро свело обоих в могилу. Обоих осиротевших девочек удочерили жители деревни. Старшую, трехлетнюю Таню, взяла бездетная пара – Афанасий и Серафимы Ковалевы. Младшую, Сонечку, приняла семья деревенского священника, также бездетная. Эту семью и свою младшую сестру мама совершенно потеряла из виду. По рассказам жителей, семья священника исчезла из деревни после большевистской кампании террора против православной церкви. О судьбе сестренки и её приёмных родителей никто ничего не знал. Семья просто сгинула с

лица земли.

Приемные родители мамы Афанасий и Серафима Ковалевы при удочерении сохранили маме отчество по имени её родного отца, Кузьмы, а фамилию дали свою. Так и жила она с именем Татьяны Кузьминичны Ковалевой. Родители были работящей парой, трудились с утра до вечера, и хозяйство их было крепким и кормило всю семью. Отец, Афанасий Иванович, был уважаемым в деревне человеком и до революции какое-то время даже занимал должность церковного старосты. Девочку воспитывали в труде и усердии, и, когда пришло время, определили её в церковно-приходскую школу. Однако проучилась она недолго, всего три года. К тому времени революция полностью расстроила жизнь деревни, отцу стало нечем платить за обучение, и пришлось забрать дочь из школы. Так и осталась Танюша на всю жизнь полуграмотной. Она читала по слогам и писала хотя и не очень грамотные, но интересные письма. Книжки же любила до самозабвения всю свою жизнь. Благодаря маминей тяге к чтению я в раннем школьном возрасте узнала и навсегда полюбила классиков русской литературы. На вечерних посиделках в нашем доме мамини подруги по очереди читали вслух при керосиновой лампе романы Толстого и Достоевского, рассказы Чехова... Женщины плакали вместе над военными сценами, над эпизодом с пленением Пьера Безухова или над историей несостоявшегося побега Наташи Ростовой из родительского дома. А мы с братом, затаив дыхание, слушали эти чтения и с нетерпением ждали их на следующий день.

ПОБЕГ ОТ РАСКУЛАЧИВАНИЯ

Вернемся к детству мамы. Танюша была смышленной девочкой, помощницей своих родителей во всех крестьянских работах, и все горело у нее в руках. Семья жила в трудах, все делали сами и не голодали. Но грянул 1929 год. Начались гонения на крестьянство и уничтожение его как класса; в первую очередь это коснулось крепких хозяйств. Однажды поздно вечером, ког-

да полностью стемнело, к Афанасию пришел его хороший друг, служивший в сельском совете, и сказал, что из районного центра пришла очередная разнарядка на раскулачивание и их хозяйство находится в чёрном списке. Дата акции – утро следующего дня. Ковалевы оказались не первой семьей, подлежащей выселению: в деревне уже шли чистки и раскулачивания. Однако их семья не была такой уж богатой; они, конечно, сводили концы с концами, но никак не предполагали, что могут попасть в список «кулаков». Афанасий Иванович, человек решительный, не стал долго раздумывать; быстро собрав самые необходимые вещи – те, что можно было унести с собой, оставшись при этом незамеченными – семья в ту же ночь исчезла из деревни и укрылась в Петербурге.

На первое время в Петербурге их приютили в доме Николая Крестовского, служителя Введенского собора.¹

В этом доме хорошо знали всех членов маминной семьи: родная сестра Серафимы Михайловны – Дуняша (как ее называли в доме) – долгое время, ещё до революции, вела здесь хозяйство и нянчила внучку хозяина Ксению, возрастом на пять лет моложе моей мамы. И обе семьи общались; иногда родители мамы, приезжая в Петербург, приходили сюда с деревенскими дарами, обязательно посещая Введенский храм и отстаивая воскресную службу. Бывало также, что

¹ Собор Введения во Храм Пресвятой Богородицы (Введенский Собор) в Санкт-Петербурге, построенный по проекту архитектора К. А. Тона, освящённый 21 ноября 1842 г., был расположен на Загородном проспекте напротив Царскосельского (ныне Витебского) вокзала и являлся полковым храмом Семеновского полка лейб-гвардии. 8 марта 1932 г. собор был закрыт по распоряжению Ленгорисполкома, а в 1933 г. разрушен, несмотря на статус памятника архитектуры. В 2003 г. на месте храма был установлен памятный знак (автор А. Г. Демо). – Прим. авт.

Мария Николаевна с Дуняшей и маленькой Ксаной приезжали летом на недельку погостить в деревню на Вологде, погреться на солнышке, покупаться в речке и пособирать грибы-ягоды или просто побродить по лесу.

К Дуняше Крестовские относились как к родному человеку и охотно поддержали попавшую в беду семью её сестры. Мама – в то время семнадцатилетняя девушка – стала помогать Дуняше по хозяйству, пока не освоилась. А вскоре Афанасий Иванович нашел место сторожа на Бадаевских складах; немного позднее его перевели в пожарную команду.

Там он и работал до своей гибели от голода и холода в январе 1942 года во время Ленинградской блокады. (Он упал во весь рост на ледяном наросте у проруби, пытаясь отнести к саночкам наполненные водой ведра, и отбил почки. Врачи не смогли его спасти, не было лекарств, а главное – не было у него сил противостоять болезни.) Серафима Михайловна пережила мужа только на несколько месяцев и умерла от голода в блокадном Ленинграде в марте того же года.

СВОЯ СЕМЬЯ

Вернемся к Татьяне. Она со временем устроилась рабочей по производству обуви на фабрику «Красный Треугольник». Жила в фабричном общежитии; будучи активной девушкой, вступила в ДОСААФ, популярное в то время среди молодежи общество; принимала участие и в других молодежных организациях. А в 1937 г. вышла замуж за моего папу Гришина Никиту Ивановича и переехала к мужу в деревню Антропшино Павловского (ныне Гатчинского) района Ленинградской области, расположенного в десяти километрах от Павловска, знаменитого пригорода Петербурга.

Татьяна Кузьминича Гришина (Ковалева) (1912-1989)
Никита Иванович Гришин (1911-1943)

Гришиным принадлежал большой, построенный их собственными руками двухэтажный дом, в

котором размещались со своими семьями трое братьев и их родители. Старший брат Василий Иванович, вдовец, с сыновьями Сережей и Володей жил на верхнем этаже. Там же, наверху, обитали и престарелые родители, которые ушли из жизни еще до начала войны. Средний брат Михаил с женой и дочкой Лидией, и младший, Никита, со своей женой размещались на нижнем этаже; у каждой из семей был отдельный вход на свою половину. Семьи братьев жили дружно, без ссор, и старались помогать друг другу. У Никиты вскоре родилась дочь Инна (1939 г.). Жить бы всем поживать и добра наживать, но это – в сказках, а в реальности – две войны одна за другой.

Финская война началась в 1939 г.; папа рассказывал маме, как плохо были обмундированы и вооружены русские солдаты по сравнению с финнами, и сколько раз он смотрел в глаза смерти, и как много россиян полегло от финских снайперов. Однако с этой войны все три брата вернулись живыми и здоровыми.

За две недели до Второй мировой войны в семье Никиты родился сын Николай (7 июня 1941 г.). А 22 июня 1941 г. Гитлер, напав на Россию, втянул страну во Вторую мировую войну. По призыву военкоматов «все на фронт» три брата ушли на войну. Вернулся домой (в 1945 г.) только старший, Василий Иванович, но возвратился он человеком с искалеченной душой, вконец спившимся алкоголиком. А Михаил и Никита сложили головы в жестоких боях 1941-1943 гг. на Ленинградском фронте, отстаивая Ленинград.

В феврале 1943 г. шли жестокие бои за Красный Бор, и 63-я Гвардейская стрелковая дивизия, в которой служил Гришин Никита Иванович, принимала самое активное участие в этих битвах. Здесь мой отец и погиб 13 февраля 1943 г. во время Красноборской наступательной операции против совместных действий 250-й испанской дивизии и 212-й и 215-й немецких дивизий. Похоронен папа в братской могиле в Красном Бору на проспекте Карла Маркса, между 5-й и 6-й дорогами.

ВОЙНА, ОККУПАЦИЯ, БЕЗДОМНОСТЬ

С началом войны началось «хождение по мукам» – по другому не назовешь – для всего российского народа.

В семьях братьев Гришиных все мужчины ушли на фронт, а жены младших братьев – Фрося и Татьяна – остались каждая с двумя детьми на руках. К этому времени у Михаила и Фроси было двое дочерей: Лида, пяти лет, и Галя, полутора лет; у Никиты и Татьяны – дочь Инна, двух с половиной лет, и сын Николай, двух недель от роду. Сережа, старший сын Василия

Ивановича, ушел на фронт, прибавив себе возраст, а младший, Владимир, остался в Антропшино с тетей Шурой (Александрой Ивановной) – сестрой братьев Гришиных. На помощь Татьяне приехали из Ленинграда ее родители, держали семейный совет и порешили, что девочку возьмут к себе, а позднее, осенью, когда мама соберет урожай овощей и картофеля, они перевезут все и всех в Ленинград и будут переживать невзгоды военного времени вместе до возвращения мужчин.

Планам этим не суждено было сбыться.

Военные события развивались стремительно. Немецкие войска быстро вышли к Ладожскому озеру на участке Шлиссельбург–Липка, а их союзники, финские военные части, заняли Карельский перешеек и тем отрезали сухопутное сообщение Ленинграда с Большой землей. Началась блокада Ленинграда, которая продолжалась с 8 сентября 1941 г. по 27 января 1944 г. Около 2 млн. 887 тыс. человек оказались в кольце блокады, и среди них – мамы родители с внучкой. К сентябрю 1941 г. немцами были оккупированы Павловск и Пушкин с их царскими дворцами и садами и все ближайшие окрестности. Линия фронта проходила по Пушкину, Пулковским высотам и Красному Бору; дальше немцы не могли пройти, российские солдаты держали крепкую оборону – конечно же, ценой огромных человеческих жертв.

Итак, родители Татьяны и ее дочка двух с половиной лет оказались в блокадном Ленинграде и разделили трагическую судьбу многих блокадников. События развивались в следующей последовательности. В дом на улице Плеханова, где жила семья, попала бомба. Дом был полностью разрушен, но все трое чудом уцелели и были переселены в коммунальную же квартиру в переулке Джамбула (ныне переулок Ильича), ближе к Витебскому вокзалу. Случилось это в сентябре. С приходом зимы особенно обострились проблемы с продовольствием и вообще с условиями жизни: водопровод и канализация в домах вышли из строя, все водозаборные колонки на улицах замерзли, и приходилось ходить за водой на Неву. Сил у людей становилось все меньше, вот тогда-то Афанасий Иванович и разбился на льду. Серафима Михайловна помутилась умом; ее обманывали при оттаивании карточек, крали карточки за целый месяц, и они с внучкой умирали от голода. В начале марта 1942 г. бабушка ушла из жизни, и девочка осталась одна. О судьбе ребенка позаботились сердобольные соседи по коммуналке: отнесли девочку в Ленинградский интернат №77. Там ее выносили и эвакуировали вместе с интернатом в Костромскую область по «Дороге Жизни» на Ладожском озере, единственной ниточке, соединявшей осажденный город с Большой

Землей. В Костроме девочка и оставалась до Победы и возвращения в семью 25 июля 1945 г.

ОККУПАЦИЯ И СТРАНСТВИЯ

В деревне Антропшино, где осталась Татьяна с грудным младенцем на руках, происходило следующее. К августу немцы оккупировали деревню и разместили в ней свои фортификации и командный состав. Все приглянувшиеся им дома были отобраны у жителей, а их обитатели выброшены на улицу. Такая судьба постигла и семью Гришиных. В одночасье женщины оказались и бездомными, и отрезанными от хозяйственных построек, а главное – от всех запасов провизии на зиму (урожай овощей и картофеля уже находился в погребах).

Татьяну с сыном приютили в своем крохотном домике на окраине, недалеко от церкви, ее близкие подруги – сестры Вера и Оля Материны. Эти три женщины, не расставаясь, прошли все мытарства войны вместе; думаю, что и выжили-то они благодаря этому непредугаданному союзу.

Мама (справа) и ее подруга Вера Александровна
в их 40-летие 1952 год

Дом Гришиных сгорел из-за неумелого обращения немцев с русскими печами и никогда уже не был отстроен; никто не вернулся сюда домой.

К зиме положение ухудшилось: кормиться было нечем, не было дров, люди стыли от холода, и помощи ждать было неоткуда; надо было на что-то решиться. Сначала они по очереди ходили в удаленные деревни обменивать разные вещи на продукты и так перебивались некоторое время. Эти отлучки были очень опасны. Женщину могли задержать в немецкой комендатуре (во всех оккупированных деревнях таковые существовали), могли ограбить, отобрав последнее, и просто могла достать шальная пуля.

Решили: пан или пропал; будем путешествовать всем табором вместе с детьми. Что случится, то

случится, но хотя бы будем знать друг о друге.

К санкам приделали козырьки от ветра, утеплили их подушками, малышей завернули в ватные одеяла, и отправились наши пилигримы в неизведанное и страшное...

Их было шестеро: Татьяна с сыном Колей, Ольга, и Вера с шестилетней дочерью Надей и трехлетним сыном Витей. Всякое случалось в их жизни номад. В одном из временных пристанищ у Татьяны выкрали часть документов и все семейные фотографии. Исчезли все запечатленные моменты из довоенной жизни семьи. Показать своим детям после войны лицо их отца маме удалось лишь благодаря случайно найденному единственному фото – для документа, использованного при мобилизации на фронт. Наши беженцы переезжали с места на место; чаще всего их использовали на временных, подённых работах, тем они и кормились. Иногда их нанимали на более длительные сроки в несколько месяцев. В основном же они страдали не от немецких властей, а от местных наемных полицеев – вот эти изверги со своими наветами, доносами, вымогательствами и просто жестокостью и были главной грозой и злом беженцев.

Среди нанимателей встречались и порядочные люди. Особенно нашим кочевникам повезло у одного хозяина: ему понадобилась портниха. Татьяна не была профессиональной швеёй, но шила хорошо, у нее был природный дар к этому мастерству. Она взялась помочь человеку. За два года войны люди пообносились, и не было возможности купить новые вещи или хотя бы новые ткани. Стали часто перелицовывать старые вещи. Эта работа требовала сноровки и терпения, особенно когда дело касалось верхней одежды. Нужно было распороть вещь, вычистить ножом всю пыль, скопившуюся в старых швах, ткань отчистить щеткой, отпарить горячим утюгом и дать высохнуть. Только после этого можно было приступать к пошиву. Татьяна любила мастерить; кроме того, это была работа в доме, где она могла присматривать за сыном, а не в полях, где им приходилось работать от восхода до заката, а весной и летом брать с собой детей, устраивая им укрытие в кустах.

Танюша хорошо справилась с первым заданием, и хозяин дал ей другие заказы; а когда и эти были добросовестно выполнены, он достал из своего заветного тайника новый отрез ткани и спросил, может ли она сшить новые платья для его жены и дочери. Татьяна сшила красивые платья обеим женщинам; все были счастливы, и больше всех – сама мастерица. Хозяева с большим уважением стали к ней относиться, да и ребенку порой перепал лишний кусок хлеба или стакан молока, что было немаловажно по тем временам.

Танины подруги тоже были искусницами. Оля хорошо вязала – и крючком, и на спицах. В деревнях многие вяжут, но немногие могут сотворить новые, необыкновенные рисунки вязки. И долгими зимними вечерами, когда в доме собирались женщины – и хозяйки, и дружившие с ними соседки – Оля обучала их своему мастерству. О детях ее сестры, Надюше и Вите, а также и о маленьком Николке и говорить нечего: она их обвязывала с ног до головы, как только появлялась возможность раздобыть шерсть.

Вера, мать Нади и Виктора, была и вовсе кудесница. Из тонкой мягкой бумаги она могла вырезать необыкновенной красоты занавеси или скатерть причудливых кружевных узоров. В больших городах это мастерство, возможно, было не очень востребовано, но в деревнях и селах по всей Руси-матушке белая кипень воздушных изделий была очень желанна и почитаема, особенно перед престольными церковными праздниками. Как было хорошо и весело украсить свои окна новыми ослепительно белыми занавесями или накрыть новой скатертью праздничный стол!

Когда каждодневные тяготы жизни немного отступали, приходили воспоминания о дочери, родителях, муже; стало нестерпимо жить в полном неведении о судьбах близких. Подруги поделились своими печальями с некоторыми сочувствующими им местными женщинами. И те поведали им, что примерно в пяти верстах от них живет ведунья, которая умеет видеть прошлое и предсказывать будущее. Татьяна с подругами решились и пошли пытаться судьбу. Их приняла, не отказала, женщина лет за пятьдесят, чисто одетая, с приятным лицом и мягким голосом. Говорила с каждой отдельно. Маме она сказала: «Ты беспокоишься о дочери. О ней не волнуйся, она жива, вы встретитесь и будете вместе. Твоих приемных родителей уже нет среди живых. Никиту не жди, он погиб от пули. О сыне не беспокойся: вы, хотя и с мытарствами, выживете и вернетесь домой». На прощанье добавила: «Меня не бойся, я имею дело с белой магией».

Мама поверила этой женщине. Во первых, провидица подчеркнула, что родители Татьяны – приемные; во-вторых, мужа ее она назвала по имени. Всех этих сведений у нее быть не могло. Мама вышла от нее успокоенная душой, хотя и услышала страшные вести о родителях и муже: мне она рассказывала, что на нее снизошло какое-то бесчувствие ко всему и как бы примирение с тем «что быть должно, то быть должно». Нельзя исключить, что женщина обладала неординарными способностями к внушению, которое не может не действовать на такие надломленные невзгодами души. Однако не все существующие феномены поддаются изучению и объяснению. Вполне

вероятно, что мама встретила с особой, обладающей способностями к настоящему ясновидению.

ПЕРЕМЕЩЕНИЯ-СКИТАНИЯ

Все складывалось терпимо у наших женщин до поры до времени, но в делах военных произошли изменения. И из комендатуры пришел приказ всем беженцам: на следующее утро явиться к определенному часу к комендатуре с вещами. Когда все прибыли, им приказали покинуть деревню. Кого-то погрузили на подводы и увезли в другое поселение; те, кто мог передвигаться, шли пешком. Оказалось, что выселение беженцев вызвано повышением партизанской активности в прежнем районе их обитания. Отныне такие переселения стали политикой оккупационных властей. Любые срывы в военных кампаниях или войне с партизанами сопровождалась выселением людей в более отдаленные и глухие районы.

При одной из таких перетасовок народа все попали под бешенный обстрел артиллерии. Татьяну ударило сильной взрывной волной и отбросило на несколько метров. Очнувшись, она обнаружила себя лежащей на русской печи. Кругом стояла абсолютная тишина. Оказывается её нашли подруги в бессознательном состоянии и перенесли в дом, где их разместили. Придя в себя, она не могла услышать ни единого звука. Татьяна потеряла слух, и у нее было сильное сотрясение мозга. Встала она только через две недели, и через гражданские службы для беженцев её направили на консультацию к доктору. Им оказался военный врач-немец, который её осмотрел, выдал лекарство, сказал, как его принимать, выписал рецепт на будущее и все инструкции записал на бумаге. Объяснил через подругу, сопровождавшую Татьяну, что через месяц-два та начнет слышать, но полностью слух не вернется, потому что затронут слуховой нерв. Так Татьяна стала инвалидом. В быту она могла расслышать обращенную к ней речь, если собеседник громко кричал. На работу же с таким слухом ей невозможно было устроиться.

Самой последней точкой, куда их забросила судьбина, стал город Вильно (ныне Вильнюс) в Литве. Здесь они работали на окрестных хуторах, и условия здесь оказались самыми жесткими. Местное население ненавидело беженцев из России, нещадно эксплуатировало их и относилось к ним намного хуже, чем к бывшим местным батракам. К счастью, уже шёл 1944 год; наши женщины знали, что с Ленинграда блокада уже снята, и решили, что пора возвращаться домой. Они стали продвигаться ближе к родным местам, и к началу осени до дома им уже было рукой подать.

ЛЕСОПОВАЛ

Однако рок не оставлял их. И новая беда приключилась с ними уже на освобожденной от немцев территории. Трех беззащитных женщин советские власти насильно, против их воли и желания, завербовали на лесоповал где-то в районе Карелии и первым делом отобрали у них паспорта.

Посадили их на подводки, привезли на лесовырубку. Жили в бараках; там были собраны одни женщины – разных возрастов и разного происхождения, в основном с детьми. Матерям никаких льгот не предоставлялось; детей им приходилось оставлять на попечение подростков из числа завербованных, а их самих гнали в леса на лесоповал. В бараках было холодно, кругом сквозняки. Кормили всех какой-то баландой.

Это не была тюрьма, но порядки здесь царили жесткие, территория охранялась, хотя и без колючей проволоки и собак. При очень высоких нормах выработки несчастные женщины, снабженные только двуручными пилами и топорами, должны были валить лес, обрубать сучья, и готовые бревна собирать в кучи – труд поистине рабский.

Все было чудовищно плохо, и особенно страдали дети. От холода и недоброкачественной пищи их преследовали болезни. Через три месяца у детей появились все признаки рахита, пошли фурункулы, расстройства кишечника – и никакой врачебной помощи. Матери поняли, что еще месяц-полтора жизни в такой кабале, и они потеряют своих детей. Три наши героини, поразмыслив, решили, что они с детьми должны бежать, пусть даже без паспортов (отобранные паспорта начальство держало в сейфе), иначе всех ждет гибель.

Кажется, с побегом они подгадали к какому-то советскому празднику, когда и начальники, и охрана либо уехали с участка, либо были мертвецки пьяны. В общем, не знаю как, но побег удался, и они вернулись в Антропшино.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЖИЗНЬ

В начале – кажется, в феврале – 1945 года возвратилась Татьяна с сыном в родные места.

Ни мужа – опоры в жизни, ни дома, где жить... Вдобавок инвалидность по слуху, исключая всякую возможность трудоустройства на фабрику или завод. Мало того, паспорт остался в конторе на лесозаготовках, и нет никакой возможности его вернуть, не обнаружив себя. А на руках ребенок трех с половиной лет...

Одна надежда – на помощь родных мужа,

оставшихся в живых. Она разыскала Александру Ивановну, старшую сестру Никиты, поведала ей все свои горести, печали и проблемы и попросила помочь.

А. И. Киселева (урожденная Гришина) до войны тоже жила в Антропшино в доме мужа; как и ее братья, он погиб на Ленинградском фронте. Никита, уходя на фронт, просил сестру помочь его семье в случае, если он не вернется. И она свято выполнила обещание, данное любимому брату. Она взяла Татьяну с сыном под свою опеку и поддерживала ее, пока со временем та не встала на ноги.

После снятия блокады с Ленинграда и освобождения Ленинградской области от немецких войск мирная жизнь медленно начала налаживаться. Александра Ивановна, назначенная председателем Покровского сельского совета, была на работе с утра до вечера без выходных. Чтобы находиться поближе к месту работы, она снимала в деревне Покровской дом, где и приютила маму с сыном. С паспортом она посоветовала маме повременить до лучших времен. Татьяна вела хозяйство в ее доме, ухаживала за огородом, чтобы были свои овощи, ягоды и картофель, и прекрасно справлялась со всем. В доме, куда часто приезжали высокие гости из района или области, всегда было чисто, тепло; обед всегда бывал готов ко времени. Мама потихоньку оправлялась от выпавших на ее долю невзгод военного времени. Коля тоже постепенно набирал силы и превратился в резвого мальчика. Так они вместе дожили до радостного с грустью Дня Победы – 9 Мая 1945 г.

А 25 июля 1945 г. я возвратилась в Ленинград со своим детским приютом, и меня тетя Шура также приняла в свой дом.

Александра Ивановна Киселева (Гришина) и Ольга Михайловна Федорова (Киселева) 1960-е годы. Тетя Шура с дочерью Ольгой и внуком Мишей

Самым радостным событием тех дней было возвращение с войны Сергея, сына Василия Ивановича,

моего двоюродного брата, который ушел на фронт семнадцатилетним мальчишкой, а вернулся зрелым мужчиной, увешанным наградами. Нас с братом невозможно было оттащить от него – такого красивого собственного героя. Мирная жизнь набирала силу. Осенью мне предстояло пойти в первый класс. Покровская школа была отремонтирована сельсоветом и ждала своих первых учеников после четырехлетнего перерыва.

ДОЧЬ: БЛОКАДА И ЭВАКУАЦИЯ

По ходу написания этих заметок о судьбе моей мамы и ее ближайших подруг я поняла, что не могу не описать все, что сама помню о людях, которые помогли выжить мне – девочке, почти сироте, попавшей под их опеку в это страшное время. Встает вопрос о том, можно ли доверять памяти ребенка, и о том, когда же моя память запечатлела первые образы и действия. И с уверенностью могу сказать, что это произошло в январе месяце 1942 г.; мне было в то время три года.

Одно и то же видение прокручивается перед моим внутренним взором при воспоминании или чтении о блокаде Ленинграда. Я вижу зашторенную плотными занавесками полутемную комнату. У стены с правой стороны от окна стоит кровать, и на ней лежит мужчина, весь в бинтах, покрытый одеялом, на котором лежат круглые резиновые диски со льдом. Я стою на коленях перед иконами. Маленьким красным огоньком мерцает лампадка. Рядом со мной, тоже на коленях – старушка в темном платке, но лица её я не различаю. И мы молимся; она произносит слова молитвы, я за ней повторяю (слов я не разбираю). Я смотрю на неё, а она кивает головой, указывая на иконы. Я же все время поворачиваюсь к ней, чтобы лучше расслышать слова молитвы.

Парадокс состоит в том, что мне никто не мог ничего рассказать о смертельной болезни дедушки. Ни мама, ни мои тети не знали даже нашего нового адреса и тем более не могли навещать нас в то критическое время. Я – тогда трехлетний ребенок – одна была свидетелем этих трагических событий. Остается предположить, что они вызвали эмоциональный шок и потому запечатлелись в детской памяти. Это оказалось самым ранним воспоминанием, сохраненным моей памятью и, видимо, первым пробуждения моего сознания.

ДЕТСКИЙ ПРИЮТ В КОСТРОМ-СКОЙ ОБЛАСТИ 1942-1945 ГГ.

Я буду повествовать о своем пребывании

в Костроме, куда меня эвакуировали с детским интернатом из осажденного Ленинграда весной 1942 г. Это не целостная история, а лишь отдельные обрывки эпизодов, чудом сохраненных памятью. О детском доме я уже помню немного больше, я там провела целых четыре года. Всех детей, около 100 человек, разместили в здании сельской школы, опустевшей во время войны. Бывшие классные комнаты превратили в детские спальни по двадцать человек на каждую. Дети все были примерно одного возраста – от трех до четырех лет. Находилась школа в некотором отдалении от деревни и была окружена прекрасным смешанным лесом. Ко входу вела липовая аллея. Запомнилось, что зимой на прогулках я любила собирать там на снегу черные орешки: маленькие, на хрупких веточках-вилочках с прилистником-парусом, покрытым нежной сеточкой прожилок, чудом сохранившихся до зимы. Иногда резкий порыв ветра срывал с дерева это чудо природы, оно начинало опускаться на землю в медленном кружении, и я, попав под магию верчения, незаметно сама начинала кружиться и уже не могла остановиться, пока не падала в изнеможении на обочине в пушистый снег, забыв обо всем.

Все наши воспитатели и медперсонал приехали с нами из Ленинграда, а нянечки и повара были из местных деревенских женщин, трудолюбивых, отзывчивых и любящих и жалеющих детей. Жить нам было интересно и не голодно. Помню праздники и гармониста дядю Ваню – так мы его называли. Он нас научил песне:

Дядя Ваня хороший и пригожий,
Дядя Ваня всех юношей моложе,
Дядя Ваня – прекрасный наш толстяк,
Без дяди Вани – мы ни на шаг.

И мы ее хором распевали под его аккомпанемент. Мы его очень любили, и, увидев в школе, знали, что скоро будет праздник с концертом и подарками.

Запомнилось мне и то, как нас выводили гулять зимой. Всех одевали долго: валенки, шапки, пальто, шарфы; но критическим элементом гардероба были рейтузы. Их не хватало на всех, поэтому нас выводили гулять в две смены. Когда первая смена возвращалась, рейтузы передавались следующей смене. Зимы были снежные, и после прогулки все становилось мокрым. Все дети, конечно же, хотели попасть в первую смену, когда рейтузы сухие. Наши воспитатели, добрые и мудрые, четко следили за очередностью групп. Каждый ребенок знал, что, если сегодня он второй, то завтра обязательно будет первым и в сухих рейтузах. Поэтому драк и вражды между детьми не было. Здесь уместно вспомнить шуточную песенку, которую мы

любили петь. Эта песенка как раз о нашей ситуации с прогулками.²

Снег летит белее пуха,
Зимний ветер дует,
На окошке сидит муха,
Думает, горюет:
Кабы мне да валенки,
Полушубок маленький,

Кабы теплые штаны,
Проскакала б до весны.

Вспомнилось и другое. В веселый солнечный день начала осени вывели нас на прогулку, шли мы мимо колхозных полей и угодили прямо на уборку урожая капусты. Увидев большую группу детдомовских детей, колхозницы быстро организовали нам угощение. До сих пор при воспоминании об той прогулке я вижу эту белую, крепкую, упругую четвертушку кочана в своих руках. И ощущаю незабываемую радость и хруст сочной капусты на зубах. Сколько было радости и смеха у детей и смахиваемых слезинок у взрослых. И сколько было доброты в лицах и щедрости в руках у колхозниц, отрезавших нам ломти побольше и побелее. Колхозники называли капусту Славой, и только позднее, в школе на уроках ботаники, я поняла, что это такой сорт. Произошло ли это угощение случайно или так запланировали наши умные воспитатели, осталось тайной.

Случались иногда и необычайные происшествия. Однажды группа детей, человек семь, и я среди них, забрела на пустырь, весь заросший высокими растениями, которые буйно цвели какими-то невзрачными серовато-коричневыми цветочками. Но нас привлекли «куколки», которыми изобиловали эти же растения. Такая необычная форма, и такие они глянцево-зелененькие; мы их попробовали на вкус – не горькие, а даже со сладинкой. Значит, можно есть, решили мы, и наелись этих куколок. Оказалось, что мы набрали на белену. Хорошо, что потом у каждого из нас в карманах нашли по несколько «куколок» – мы хотели показать их своим товарищам и подругам. Наш доктор и воспитатели поняли, почему мы такие неуправляемо-сумасшедшие, и знали, как нас лечить. Пустырь после этого был огорожен и белена вырвана.

Был еще случай, когда я в полной мере ощутила человеческую доброту. Одна из нянечек, которую я почему-то очень любила, попросила у воспитателей разрешения взять меня к себе домой на выходной

² Текст песенки приведен таким, каким он сохранился в памяти автора воспоминаний. Возможны небольшие отличия от оригинала. – Прим. ред.

день. Звали ее Евстория Никаноровна (мы звали ее История, по-другому было не выговорить). Вечером, после работы, она одела меня и повела к себе в гости. Идти было довольно далеко, и, увидев, что я устала, она подняла меня, усадила к себе на плечи, и, держа за руки, донесла до своего дома. Это было незабываемое путешествие. Я все видела с высоты человеческого роста, и мне казалось, что мир плывет мимо меня: и деревья, и облака, и круглая яркая луна. Душа моя ликовала.

Входим в дом; русская печь тепло натоплена, и за приоткрытой заслонкой мне виден большой чугунок и чугульки маленькие, и пахнет очень вкусно. Отведали мы и щей, и тушёной картошки; вкус и запах их был незабываем. Больше всего поразили мое воображение длинные косы золотого репчатого лука и связки чеснока, развешанные по всем стенам и вокруг печи в этом дивном доме. Добрая хозяйка объяснила, что так лук и чеснок дольше сохраняются. Когда мы собрались обратно, она вручила мне узелок с тремя большими луковичками и наказала их есть, ибо лук защищает от болезней. Я, вернувшись из гостей, чувствовала себя именинницей. Все дети расспрашивали меня, им все было интересно. Я с гордостью показала им полученный дар и пустила луковички по кругу, откусив от одной из них первая. Никто не отказался от угощения, лук исчез в мгновение ока, все были довольны. Как мало тогда нужно было нам, детям, для счастья...

Непредвиденный случай мог изменить всю мою жизнь, если бы исполнилось намеченное. В военное время многие дети оставались круглыми сиротами, и некоторых детей усыновляли или удочеряли прямо из детского дома. В наш детский дом каждое лето наведывались молодые супружеские пары – на смотрины, как нам объясняли. И вот однажды всех детей выстроили в линейку и появилась молодая пара со сверкающим новизной велосипедом, на который мы смотрели как замороженные. Почти все дети видели велосипед впервые в жизни, и, конечно, каждый хотел быть избранным. Через несколько дней выяснилось, что паре с велосипедом приглянулась я. Это меня до глубины души изумило и потрясло. Я была такая замухрышка, невзрачная, рыжая, вся в веснушках, одетая с чужого плеча – из своей одежды уже выросла. Но почему-то им понравилась именно я, и нам назначили свидание. На этом свидании они меня спросили, хочу ли я, чтобы они забрали меня к себе. Первым делом я, естественно, задала вопрос о велосипеде: будут ли меня на нем катать? Оба засмеялись, мужчина взял меня за руку, посадил на велосипед и провез один круг. После этого, я, конечно, сказала «да», и стала ждать дня, когда меня заберут новые родители.

лицо женщины. Она заулыбалась и сказала: «Как ты выросла, Инночка. Я тебя видела вот такой крошкой», – и развела два указательных пальца на два вершка. Засмеялась, и, глядя мне в глаза, добавила: «Вся в Никиту». Расцеловала меня в обе щеки и дала мне маленькую шоколадку. Сказала мне на прощание: «Не горюй, через два часа кончится моя смена, и я приду домой». В послевоенные годы режим работы был очень строгим: опоздание, а тем более самовольный уход с работы грозили увольнением, а то и тюрьмой.

К маме меня отвезли через три дня, в воскресенье.

ВСТРЕЧА МАМЫ И ДОЧКИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Когда поезд подошел к станции Антропшино, на платформе я увидела одинокую фигурку ничем не примечательной женщины. Худенькая, маленькая, плохо одетая, с изможденным лицом и впалыми щеками. Когда она улыбнулась мне, оказалось, что у нее почти нет зубов. Зато глаза были добрые, голубые, как незабудки и светящиеся, как звездочки. У меня, маленькой, защемило сердечко от жалости. Не такую маму я представляла в своих мечтах. Уже потом я осознала, что это пережитые невзгоды и беды сделали ее непохожей на маму моей мечты. Тогда же просто поняла, что мне нужно привыкать к такой маме, а мое чувство шемящей жалости и сочувствия к ней очень помогли в начале нашей совместной жизни. Когда мы пришли домой (мама в это время жила у моей тети Александры Ивановны) и я увидела моего брата Колю и рыжую кошку, у меня отлегло от сердца, и я приняла всю семью в свою душу. Так началась моя жизнь в семье без отца, но с родными мамой и братом.

И постепенно наша жизнь наладилась. В Антропшинском сельском совете, где в архивах сохранились довоенные записи, восстановили мамин утраченный паспорт и мое свидетельство о рождении. Маму устроили на работу уборщицей в сельский совет в деревне Покровская. Кроме того, ей как вдове погибшего воина Покровский сельсовет выделил в этой же деревне жилье – комнату с двумя окнами на втором этаже большого дома, добротного построенного еще до революции купеческой семьей. Первый этаж этого дома в 1946 г. был превращен в сельский клуб. По выходным дням там устраивали танцы для молодежи, сначала под аккордеон или гармошку, а с 1950-х годов, когда провели электрический свет, – под проигрыватель с усилителем звука. Тогда же там стали устраивать киносеансы.

На втором этаже, куда вела широкая прямая деревянная лестница, располагались медицинский пункт, комната фельдшера и наша комната. В медпункте

работала наша спасительница Раиса Абрамовна Крохина, фельдшер, прошедшая с армией всю войну, очень решительный и знающий медик. Никому не отказывала в помощи. Нередко за ней прибегали ночью, и в любое ненастье – и в дождь, и в слякоть, и мороз, и метель – она брала свой саквояж и шла к больному. Вот что значит военная закалка. Обслуживала она довольно большой округ (помню названия четырех деревень: Покровская, Марьино, Порции, Амбалова); она же лечила всех работников колхоза – и взрослых, и детей; под ее же санитарным наблюдением была и наша школа. Жила она со своим сыном-подросткомевой, который страстно увлекался джазовой музыкой и хорошо играл на трубе. Это увлечение сохранилось у него на всю жизнь. Позднее, уже будучи инженером и отцом семейства, он ездил с маленьким оркестром играть на свадьбах или вечерах танцев в фабричных и сельских клубах.

В доме был обширный чердак с окном, чистый и светлый. До революции там зимой просушивали белье, а кирпичный стояк, куда выходили все печные трубы дома, был приспособлен для копчения окороков на вмурованных крюках. Раза три на моей памяти мама коптила там деликатесные окорока.

Так наша семья обрела наконец свое пристанище. Мама вся светилась от счастья и занялась благоустройством жилища со всей своей неистощимой энергией. Наклеила новые светлые обои, побелила известкой плиту со стояком, вымыла деревянные полы голиком с горячей водой... Откуда-то появилось большое, до потолка зеркало; кто-то отдал нам старую железную кровать с матрасом. Появился стол и стулья. Мама все привела в достойный вид. Кровать застелила чистейшим бельем и закрыла пикейным голубым одеялом, а стол покрыла белейшей скатертью. И мы сели пить чай с вареньем; так и отметили наш первый семейный праздник – его можно было назвать и новосельем. Мирная жизнь под собственным кровом началась.

На работе мама должна была заниматься уборкой, мыть полы, заготавливать дрова, отапливать сельсовет и клуб. Для отопления привозили и сбрасывали кучей целые бревна; маме приходилось перетаскивать их в сарай, чтобы защитить от дождя и снега, а потом пилить и колоть. К началу рабочего дня – девяти часам утра – нужно было протопить печи и закрыть все вьюшки, чтобы создать нормальные условия для служащих.

Работы в сельсоветах сразу после войны было много. Возвращались с фронта военнослужащие, возвращались люди из эвакуации, возвращалась молодежь, угнанная во время войны в Германию

и превращенная там в рабов... Всем нужны были документы, разные справки; сельсоветы решали и вопросы о жилье, трудоустройстве и много, много других проблем. Целыми днями там толпился народ.

За работу, физически очень тяжелую, маме платили мизерную зарплату; она мужественно переносила все, зная, что при отсутствии слуха другой работы не найдет. Преимущества тоже были: маму снабжали дровами, и, кроме того, дети были под ее присмотром. Каждый день она к 6:30 утра уходила из дома. Как сейчас вижу: в темной ватной фуфайке, с топором под мышкой мама выходит из дома; походка очень быстрая и энергичная. Приходила в сельсовет, растапливала круглые печи, вытирала пыль со столов, подметала полы. Пока печи топились, она шла в сарай и колола дрова. В те времена у всех был только один выходной день в неделю. Каждое воскресенье мама мыла полы в комнатах, тщательно убирала коридор и крыльцо, пилила дрова на следующую неделю... Когда в клубе проходили какие-то мероприятия, она подготавливала помещение, чтобы было чисто и тепло. Так протекала ее повседневная жизнь.

Часто после работы к маме приходили ее подруги и молодые женщины, работающие в сельсовете. На этих вечерних посиделках каждая рассказывала свои истории о жизни в военные годы. Без слез не обходилось ни одно такое сборище. А где слезы, там обязательно кто-то предложит снять напряжение. За бутылочкой бежали в шалман, расположенный в соседнем с доме. Отоваривались «маленькой» или поллитровкой; селедка тоже всегда имелась в этом заведении, хотя и не всегда свежая. Распив бутылочку, начинали оживать и потихонечку расслабляться, а тут уж и песни вспомнили и пели самозабвенно. Так и день проходил. Но нередко вместо водочки начинали читать романы. Тут уж нам с братом становилось интересно, и мы сидели и слушали, боясь пропустить хоть слово.

В сентябре 1946 г. мне предстояло пойти в первый класс. Нужно было купить школьную форму, какую-то обувь. Деньги на это мама выкроила, экономя на всем, из пособия, которое получала на нас с Колей как на детей погибшего на войне отца. Отправила она меня в школу как всех: одетую в коричневую форму и с новеньким портфелем. Однако мама поняла, что едва ли сможет сводить концы с концами без дополнительного заработка, и понемногу стала шить на заказ. Это занятие как частное предпринимательство было запрещено законом и грозило тюремным заключением; но в деревнях к подобным нарушениям относились не так серьезно, как в больших городах. Шитье стало хорошим подспорьем для семьи, потому что за работу мама охотно брала продуктами: кто молока принесет, кто

яиц, кто сметаны. Наше питание стало разнообразнее. Стали мы с Колей выправляться, и мама радовалась, глядя, с каким удовольствием мы оба пьем молоко или Коля глотает взбитые яйца (меня никакими силами нельзя было заставить это пить).

Другим подспорьем стал приусадебный участок, как он официально назывался: каждому, проживающему в деревне, полагалось 12 соток земли. Участок этот тянулся полосой от нашего дома до канавы, отделявшей деревню от колхозных полей (это было очень удобно). Ближе к дому мама разбила грядки под овощи, за ними посадила ягоды: грядку земляники, кусты черной и красной смородины, крыжовник, малину. Посадила дерево сливы и яблоню. За маленьким естественным прудиком сажали картошку и капусту; землю для этого обычно распахивал (порой за деньги, но чаще за бутылку столичной) кто-то из соседей – колхозников, работавших на лошадях.

Нашим главным помощником в работах с землей был наш сосед Папа Ежик. Так его звала вся деревня; я забыла его настоящее имя. Это был классический деревенский пьяница. В трезвом виде – душа-человек, очень добрый и отзывчивый; порой он помогал маме то доску прибить, то что-нибудь тяжелое подвезти. Но стоило ему принять стопку водки, хоть кричи караул. Он уже не мог остановиться и напивался, как говорят, в потачку: на ногах не стоял, орал во все горло песни, а если его задирали собутыльники, тут могло дойти и до драки, и до ломания заборов, и до размахивания выломанными из заборов палками... Однако мама как-то умела с ним договариваться, когда он был трезвым. Он вспахивал поле, боронил его, а потом мы начинали сажать картошку под плуг. Он наезжает борозду плугом, а мы втроем – мама, я, девятилетняя, и семилетний Коля – идем с ведрами картошки и кидаем в борозду одну картофелину за другой, стараясь положить глазками вверх. Следующая борозда накрывает посаженную картошку. Потом все повторяется, и так – все шесть соток. Уставали мы очень, но были довольны, что все посажено вовремя.

НЕЖДАННАЯ НАПАСТЬ: ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ОРГАНОВ

Так мирно, в ладу с соседями и собой, мы и жили. Я с удовольствием училась уже в четвертом классе, а Коля заканчивал первый класс. Шел 1949 год, и ничто не предвещало новых потрясений.

И вдруг весной приходит повестка – мама обязана явиться к следователю в такое-то время по адресу: г. Павловск, ул. Красных Зорь.

Мама очень испугалась; никаких грехов

она за собой не ведала, только сразу подумала, что всплыла история ее побега с лесозаготовок в 1945 году. Пошла в сельсовет советоваться с Александрой Ивановной – единственным человеком, которому она могла довериться и сообщить о повестке. Была у нее и маленькая надежда, что А.И. как председатель сельсовета может что-то знать о причинах вызова. Та, конечно же, ничего не знала, в сельсовет никакой информации не поступало. Они поговорили, обсудили версию с лесоповалом, какие-то советы мама получила.

В назначенный день она отправилась в Павловск к следователю. Мне и Коле сказала, что идет в Антропшино навестить Веру и Олю Моторных. Мы попросили взять нас с собой – нам хотелось повидать наших друзей Надюшу и Витю. В следующий раз, отвечала она, а сегодня погода ветреная. На том и ушла. Вернулась домой поздно, когда мы уже спали. Наутро я заметила, что мама чем-то расстроена, но спрашивать ничего не стала.

Похоже, что все это трудное время она обсуждала свою проблему только с Александрой Ивановной. Даже своим близким подругам, которые очень часто нас навещали, мама не обронила ни единого слова о вызове: пуще огня она боялась сплетен, а посудачить в деревне ох как любили.

Так пробежали в нервной напряженности целых два месяца. Иногда мама уходила надолго и всегда возвращалась издерганной и нервной. Она даже стала срывать на нас, наказывать за небольшие проступки. Однажды нам с Колей так попало, особенно мне (я никогда не просила прощения и не плакала от незаслуженных наказаний), что я не выдержала и сказала, глядя ей прямо в глаза:

«Мама, зачем ты меня взяла из детского дома? Меня там любили, и никогда не били». Теперь понимаю, как это было жестоко с моей стороны, но тогда я прежде всего старалась защитить младшего брата. Вот уж кто всегда плакал очень горько, и успокоить его было трудно. Я как старшая неизменно ощущала себя его защитницей; однажды, когда в уличной драке мальчишки разом набросились на Кольку, я без размышлений вступила в драку; кого-то побила, отгоняя разъяренных пацанов от братишки, но и сама ушла с перебитой кистью левой руки (ударил палкой). Так и живу с этой отметиной, кисть полностью не разгибается.

Время текло, и ближе к осени (вероятно, в августе) вечером после работы к маме пришла Александра Ивановна. Они очень долго беседовали, и из этой беседы я наконец узнала, почему все это время мама находится в таком подавленном состоянии. Оказывается ее привлекли к делу о казни наших партизан, совершенной немцами. (Партизаны

скрывались в Сусанинских лесах, производили налеты и покушения на немецкие подразделения в оккупированной территории Ленинградской области, взрывали склады оружия и боеприпасов.)

По словам следователя, свидетели показали, что мама присутствовала при экзекуции через повешение, произведенной в деревне Антропшино в марте 1942 г. Мама все отрицала, объясняя, что как раз в это время она оказалась бездомной и бесприютной, что ее выгнали из дома, где хранились все запасы на зиму, что она, оставшись без крова и еды, с грудным ребенком на руках скиталась по людям... Она говорила, что даже ничего не слышала о казни, так была сосредоточена на одной цели – выжить и сохранить сына.

Сейчас мы знаем, что органы способны на всё; они фабриковали и не такие небылицы. Мало того: известно, что на все экзекуции, учиняемые фашистами, население сгоняли к месту казни насильно – прикладами и штыками винтовок. Здесь же утверждалось, что жители добровольно приходили посмотреть на казнь и еще выражали одобрение действиям врагов. Нонсенс.

Мама с горькими слезами пересказывала возведенную на нее нелепую напраслину, вопрошая Александру Ивановну: «Как же так, я действительно ничего не видела, никогда не была ни на одной казни, а они мне не только не верят, но ещё и настаивают, чтобы я говорила правду и назвала имена людей, которых я там видела». Помню, как на прощание ей тетя Шура сказала: «Таська (так все деревенские звали маму), стой на своем: ты там не была, ничего не видела и не слышала об этом. Как бы на тебя ни кричали, чем бы не грозили, не отступай от своего утверждения. Помни, от этого зависит судьба твоих детей и всей семьи. И никаких слез. Их цель – сломать тебя. Стой твердо на своем!»

На следующий день мама снова засобиравшись, но на этот раз она посмотрела на меня очень серьезно и попросила меня пойти с нею в Павловск к следователю.

Мне было 10 лет, я была мала ростом и слабо развита физически – видимо, последствия ленинградской блокады – однако по эмоциональному развитию опережала многих сверстников. Я поняла, что маме страшно, и мое присутствие ей необходимо для поддержки. Так мы и двинулись вдвоем. От Покровки до Павловска доехали на рейсовом автобусе-газике и вышли на остановке «Рынок». Оттуда уже пешком пошли к назначенному месту. По дороге купили в гастрономе какие-то продукты – помнится, буханку хлеба и докторскую колбасу. Так с авоськой и вошли в деревянный маленький особнячок, с виду ничем не примечательный. Открыв входную дверь, сразу попали в большой холл с деревянными полами, натертыми

красновато-коричневой мастикой. Справа от входа шли четыре кабинета с эмалевыми табличками на дверях. Слева стояла скамья и около нее – маленький стол. Здесь мы и расположились.

Мама подошла к окошку и подала повестку. Ей сказали: «Ждите вызова». Ждали мы долго, час или два. Наконец маму вызвали в кабинет. Когда дверь за ней закрылась, я, немного подождав, подошла к кабинету и на табличке прочла: «Следователь А. К. Шарин». Я вернулась на скамью и стала ждать.

Для меня происходящее стало настоящей экзекуцией, когда следователь начал кричать на маму (напоминаю, что она плохо слышала после контузии). Я не понимала слов, но его громкого, грозного голоса было достаточно, чтобы сердце ушло в пятки. Не зная, как унять дрожь и обуявший меня страх, я стала вспоминать молитвы. Не ведаю откуда, но иногда всплывали слова всей молитвы: «Отче наш, Иже-еси на небеси, Да святится Имя Твое...», иногда же – только отдельные фразы разных молитв, но подряд, друг за другом: «Во имя Отца и Сына И святого Духа, Аминь; И Боже милостив буде мне Грешному; И Пресвятая богородица и Царю небесному утешителю; и Святыи Боже, Святыи Крепкий, Святыи бессмертныи, помилуй нас; и о Царе Давиде и его силе и Царе Соломоне и его кротости...». Так и просидела я на скамье, взывая к милости всевышнего, все три часа, пока мама была у следователя. Когда она вышла, на ней лица не было. Я усадила ее рядом, чтобы она пришла в себя, но мы вскоре выскочили на улицу, на свежий воздух.

Было уже очень темно, никакие автобусы не ходили, и мы пешком пошли домой. Это шестикилометровое путешествие оказалось не из приятных. До меня доносились какие-то звуки переклички разбойного люда (всякие банды тогда орудовали по ночам, нападали на прохожих или грабили на дорогах). И вдруг я услышала: «Вижу, идут двое женщин, кажется, одна малолетка. Ну, с этих взять нечего». Я начала что-то спрашивать у мамы, чтобы только заполнить тишину и не слышать страшных голосов. Наконец мы добрались до дома, и я как подкошенная свалилась в постель. На следующее утро я чувствовала себя как побитая, а моя душа была истерзана страхом. Я поняла, какой же страх должна была испытывать мама.

После этого к следователю мы ходили всегда вместе – еще раза три или четыре. Я подучила побольше молитв. И все то время, что мама находилась за ненавистной мне дверью, я, сидя на скамейке, возносила ко всевышнему все новые и новые молитвы. С ними время пролетало быстрее, смятение моей души умерялось, и я успокаивалась.

В последний наш приезд в Павловск я почувствовала: что-то изменилось. Из-за закрытой двери не доносилось крика. Я прислушалась – тихо. И маму не продержали, как обычно, три часа, а отпустили через час. Когда дверь открылась, чтобы ее выпустить, я услышала конец последней фразы: «И запомни все, что я тебе говорил!». Мама вышла спокойная, а не испуганная, как прежде.

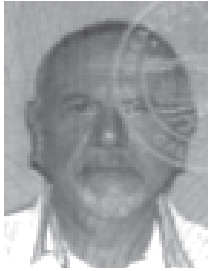
Однако дело еще не было прекращено. Предстояло пройти еще один круг этого большевистского ада – возможно, самый критический. Через месяц мама должна была предстать перед более высокой инстанцией в «Большом Доме», что стоит на Литейном проспекте близ Литейного моста через Неву.

На Литейный проспект мама поехала одна. Я же дома перед образом Николы Чудотворца с зажженной лампадой читала свои молитвы за маму и всех отданных этому ненавистному Красному Молоху, алчущему новых свежих жертв.

Мама вернулась из Ленинграда вечером, и мы все с облегчением вздохнули. Слава Богу, не посадили. Через три недели пришло извещение, что дело прекращено. Теперь можно было продолжать мирную жизнь. За это время треволений я, наконец, полностью вошла в свою семью, осознав, что я – часть ее, и мы трое – единое целое.

9 Мая 2018

Инна Голубовская (Гришина)

Александр Кейлин

ВЕЧНАЯ ТЕМА. НЕСКОЛЬКО СЛУЧАЕВ

Как-то в Воронежской области я оказался за столом с военным летчиком. После пары-тройки рюмок он открыл мне глаза на главную проблему русского народа. Евреи придумали кефир и добились того, что давать его детям стало делом обычным. Поскольку в кефире есть алкоголь все русское население с детства принуждается к пьянству. Вот какое простое, прямо гениальное объяснение!!!

* * *

Во время перестройки в Москве какой-то фонд начал раздавать Библию. Начальник моего отдела объяснил мне, что он начнет ее читать и наконец-то узнает всю правду о жизни, которую долгие годы скрывали от нашего народа.

Через пару недель он подошел ко мне разочарованный и спросил: "А что Библия — это про евреев?" Абсолютный свет невежества. Для сравнения — другой эпизод. После драки участник объяснил ее причину: евреи нашего Христа убили! В ответ на возражение о сроках давности с пафосом воскликнул: "Но я-то узнал только вчера!"

* * *

Весной 1953 года мой дедушка, доцент Рязанского мединститута, был снят с работы и сидел дома, ожидая чего-то очень плохого. Внезапно к нему приехал из Москвы друг, бывший пациент и знаменитый строитель: "Яковка, — так звали дедушку в семье,— все, что происходит — чудовищная ошибка. Пока я жив ты ни в чем не будешь нуждаться."

* * *

Интересно проявилась разница мировоззрений при исполнении вечной инженерной повинности — работе на овощебазе. Волею случая я получил должность бугра (малый начальник). Бригада состояла из немолодых интеллигентов и наша производительность при заполнении мешков картошкой и погрузке их на грузовики сильно уступала производительности бригады, состоящей из молодых ребят. По оплате мы были в хвосте. Как и все в России, не каюсь, мы приписывали несколько мешков в каждом грузовике для плана. Оплата зависела от количества и веса мешков в грузовике и определялась делением веса груза на записанное количество мешков. Примерный вес мешка должен быть 25 или 40 кг. При общей приписке количества примерный вес мешка всегда был 25. Подумав, я стал уменьшать количество мешков в кузове, так, чтобы расчетный вес мешка был 40. Наша производительность выросла, и мы уже не отставали от других. Потом я подумал — не было ли в моем решении чего-то от "еврейского мышления", отличного от мышления остальных?

ТЕКУЩАЯ ПРАВДА ЖИЗНИ

* * *

Еще одна поучительная история. Мой начальник по работе не мог вступить в московский кооператив, поскольку прописку в Москве давали только людям с номенклатурной должностью, — и он согласился на такую должность. Не желая прекращать общую интересную научно-техническую работу, он поставил меня на свое место начальника лаборатории, несмотря на мои возражения. Примерно через пару месяцев он со стыдом объявил, что вынужден меня отстранить. Я легко его успокоил, и тогда он послал меня в знаменитый Физтех на инженерную переподготовку, сохранив мой кандидатский оклад. После приезда в Америку вся моя прошлая инженерная деятельность оказалась объективно не востребованной, а вот учеба в Физтехе, где я получил знания по программированию, дала мне кусок хлеба, да еще с маслом.

Должен сказать большое спасибо государственному антисемитизму от себя лично и от всех других евреев, выработавших в себе нестигаемость против и повышенное трудолюбие. Так закаляет ветер, все время дующий в лицо.

Еще один аспект прошлой жизни — это ежеминутная корректировка «текущей правды жизни».

В начале 60-х годов я встретил бывшего армейского замполита. Он мне жаловался на трудности понимания жизни. «Понимаешь, я раньше выучил наизусть Краткий курс Истории КПСС и знал точный ответ на все вопросы». Как понимать нынешнюю жизнь — не знаю.

При поступлении в аспирантуру в 1968 году для экзамена по Истории КПСС наш секретарь парторганизации решил вопрос текущего момента, заставив выучить ответы на все билеты согласно продиктованным им ответам. Это очень облегчило нам задачу, так как учебник Истории КПСС совершенно не поспевал за быстро меняющимися последними указаниями (последней правдой).

Еще одно наблюдение. Сын наших знакомых служил в американском флоте на огромном корабле. В штате есть священник, сдавший экзамены на проведение «сервиса» по четырем главным американским конфессиям. Он всегда очень занят, так как выполняет функции и священника, и замполита. Это напомнило мне, чем Армия отличается от банды, даже с такими же униформой и вооружением. Армия имеет знамя, на котором написано «Наше дело правое».

Не думаю, что для американского замполита существует вопрос «текущего момента» — Библия, Тора и Коран не переписываются по определению.

Галина Курляндчик

СТАРАЯ ТЕТРАДЬ ДЕДА ШУРЫ И ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ¹

(Печатается в сокращении)

Не каждому из тех, кто родился после Великой Отечественной войны, посчастливилось застать в живых своих дедов. Мне повезло. Одного из них – деда Шуру, отца моей мамы, – я знала.

К деду Шуру больше всего подходило слово «крепкий». Крепкий муж, отец, дед, работник, хозяин, солдат, коммунист. Крепкого сложения, характера, ума, крепкого духа. Словом, крепкий это был мужик, Александр Дмитриевич Сорокин.

Я родилась в его доме, была первой внучкой. Мне он мастерил детскую мебель у себя в сарае, позволял играть своим кортиком, брал с собой на базар за арбузом.

Сейчас у меня в душе буря воспоминаний, эмоций, мыслей. Я держу в руках старую общую в картонном переплете ученическую тетрадь в линейку. Потрепанные края, размытые пятна – свидетели подлинности документа – дневника моего деда.

Где правда? У каждого поколения она своя?

Дед был сыном своего времени, я – дочь своего. То, что для него было смыслом всей жизни, для меня – трагическая история моей страны. История страны неотделима от истории моей семьи.

Мои заметки не являются научно-историческим исследованием, поэтому в них могут быть ошибки и неточности. Это, скорее, мой эмоциональный комментарий. Мне видится тетрадь деда Шуры как сообщение, запечатанное в старой бутылке и найденное в океане времени потомками, предок которых находился, выражаясь современным языком, в экстремальных, кризисных ситуациях. Он хотел оставить «сообщение» на случай своей гибели. Он не погиб, но мы получили от него «письмо» через много лет после его смерти.

Я сохраняю орфографию и пунктуацию деда Шуры, Александра Дмитриевича Сорокина. Его слова выделены курсивом.

СЕМЬЯ

Родился в 1896 году в деревне Дымовщина Рождественской волости, Уржумского Уезда, Вятской губернии, в семье крестьянина бедняка, по национальности Русский.

Отец – Дмитрий Яковлевич, занимался отходничеством, летом работал у подрядчиков, зимой жил дома. Умер в 1912 году.

Мать – Устинья Вохтамоновна, была обременена детьми и работала зимой и летом по хозяйству.

«В ЛЮДЯХ» И «УНИВЕРСИТЕТЫ»

С 8-9 лет я начал пасти скот у себя в деревне и пас 3 или 4 сезона. В 1908 году поступил в церковно-приходскую

¹ Из книги Галины Курляндчик «Летопись моей семьи. Сорокины» М., 2017, 191 стр.

земскую школу, проучился две зимы и дальше учиться немог, т.к. брата взяли в армию, отец был стар, некому было работать и меня отдали в работники в деревню Овечкино где я работал два лета.

Вот и кончилось дедово детство в 8-9 лет! Да и образование было недолгим – два класса церковно-приходской земской школы! А дальше «университеты», как у Максима Горького и миллионов детей и подростков в России 100 лет назад. Могут ли наши внуки, сидя за компьютером, вообразить себе своего прапрадеда, пасущим скот в 8-9 лет, а с 14-15 уже работающим, кормящим семью?

В 1909 и 1910 года работал в деревне Лузянки у дяди Сафронова. Здесь мне все же немного было лучше, чем совершенно у чужих людей. Домой ездил редко и даже в праздники оставался у дяди. Сын

дяди со своей семьей жил в гор. Кургане. В 1910 году внук дяди Алексей летом приезжал в гости но, был настолько беден, что обратно ему не за что было выехать и дядя ему дал деньги и он уехал. В 1910 году меня отдали к подрядчику Сафронову в деревню Локосята. Хозяйство этого подрядчика-кулака было большое работать приходилось много. Зимой часто приходилось ездить на двух лошадях самому в лес, перевозить строительный лес. В это время я сильно простудился и болел крапивной лихорадкой а потом фурункулами, долго они меня мучали но, потом прошло. Во-время болезни выручала меня работница Анюта Золотухина. Мы с ней работали вместе, она мне помогала, а я ей и так у нас и сходило.

И 1911 году выехал на завод Карабаи, работал поденно у подрядчика Сафронова (сын старого Сафронова) и работал у него до ноября месяца вместе с братом Федором. Зимой жил дома а на лето уезжал на заводы и работал у подрядчиков. Так продолжалось до первой империалистической войны. В 1915 году в мае месяце призвался и был зачислен в ратники 2-го разряда.

Ратник 2-го разряда – это не действительная служба; дед состоял в ближайшем запасе, для скорейшего призыва на действительную службу.

В том же 1915 году 28-го августа вместе с товарищем-односельчанином выехал в Кизельский округ на ст. Губаха и устроились к инженеру строителю Икорскому. У которого и работал до февральской революции 1917 года.

Значит, на действительную службу в царскую армию дед Шура не был призван, а работал до Февральской революции на стройке.

После февральской революции инженер закрыл свою контору и мы объединились в артель плотников., в которой я и работал до февраля м-ца 1918 г.

КРАСНАЯ АРМИЯ

В феврале 1918 года поступил в Красную Гвардию и числе других отрядов принимал участие в ликвидации эссеро-меньшевистского заговора в г. Соликамске. По возвращению из г. Соликамска, на ст. Губаха и с выходом декрета об организации добровольческой Красной армии, – записался добровольцем и в числе 28 человек был отправлен в г. Свердловск на формирование 1-го Уральского рабоче крестьянского полка. В этом

полку был зачислен в пешую разведку.

А вот и первое упоминание о разведке. Наверное, смолоду у него хватало смелости на такие рискованные дела.

В Апреле месяце 1918 г. заболел брюшным тифом. После выздоровления принимал участие в розоружении 2-го Уральского раб.крестьянского полка в г. Шадринске, т.к. этот полк оказался ненадежным.

Оказывается, не все рабоче-крестьянские полки были «надежными». Итак, один полк разоружал другой. Как же они это делали? Те, кого разоружали, подчинились приказу и сдали оружие? Или лилась кровь как «надежных», так и «ненадежных» рабочих и крестьян?

Также принимал участие в задержании царского поезда вместе с Николаем Кровавым. Поезд был доставлен в г.Свердловск, где все дворцовые прихлебатели вместе с Николашкой и его семьей были помещены в один из домов и содержались под стражей.

Первый раз читала эти строки, когда в Москве проходила большая фотовыставка последней царской семьи, и люди выстаивали огромные очереди, чтобы попасть туда, попросить прощения у страдальцев. А ведь для миллионов русских людей последний царь был Николаем Кровавым, его имя ассоциируется с Ходынкой, Русско-японской войной, Кровавым воскресеньем, Первой империалистической. Дед не был исключением. Не любил он «Николашку».

А я с благодарностью принимаю в подарок большой фотоальбом «Последний царь», читаю книги о нем, об императрице, рыдаю, узнав о перезахоронении останков царской семьи. Страница российской трагедии. Дед Шура явно понимал, что участвовал в Истории, но того, что История не будет ему благодарна через десятки лет, он предвидеть не мог.

26-го Мая 1918 года в составе полка выехал на фронт против Дутова. Двигались эшалонами и на ст. Оренбург прибыли 26-го Июня. Воевали с казаками дутовцами. Когда встал чехословацкий корпус и занял Саратов, Самару и Казань, находившиеся войска и ведшие борьбу против Дутова, разбились на две группы. Одна группа пошла на Ташкент, а вторая стала пробиваться на Урал, в этой группе, так называемые южно-уральские отряды был и я. Выгрузились из вагонов и пешим порядком пошли на В.Уральск. Не однократно сталкивались с бандами белого казачества и всегда их

били. В В.-Уральске освободили из Тюрьмы рабочих и двинулись на Белорец. Ежедневно вели бои с казаками и чехами и в Сентябре месяце недалеко от г. Кунгурск (Кунгур) соединились с регулярными частями Красной армии.

После соединения нам дали двухнедельный отдых и были переименованы в 30-ю стрелковую дивизию, входили в состав 3-й, а потом 5-й армии. Дивизия участвовала все время в боях на Восточном фронте против Колчака, до полной его ликвидации.

В Ноябре месяце 1919 года я был назначен комиссаром стр.б-на (стрелкового батальона). В этой должности я дошел до г. Иркутска.

Уже комиссар стрелкового батальона. Наверняка, уже член партии большевиков, но о вступлении в партию не пишет. Не придает этому факту своей биографии значения? Вряд ли. Скорее, состоять в партии – для него естественно, как и для тысяч искренних большевиков.

Неоднократно раз с батальоном участвовал в боях против беляков колчаковцев. На ст. (станции) Татарская бурма, батальоном забрали бронепоезд «Дедушка».

Ликвидировав колчаковские банды мы вступили в г. Иркутск где нас рабочий класс встречал, как освободителей. И впоследствии дивизии было присвоено имя 30-я Иркутская имени ВЦИК стрелковая дивизия.

К 1 Мая 1920 года в г. Иркутске я окончил партийно-политические курсы дивизии.

По окончании курсов направлен в ОО ВЧК при 30 с.д. (с.д. – сейчас и далее – «стрелковая дивизия») на работу. Сначала работал в наружке, потом был направлен в полк на секретную работу.

ОО ВЧК (Особые отделы Всероссийской чрезвычайной комиссии) – это и сейчас звучит грозно. Слишком много трагического связано в нашем сегодняшнем сознании с этой организацией, а ведь дед наверняка свято верил в то, что делал добро, выполняя свой долг бойца и коммуниста. 1920 год – либо ты с революцией, либо против нее. Погибали и те, и другие. И те, кто не хотел принимать чью-либо сторону, тоже погибали.

Полк стоял в г. Силингинск (Селенгинск), по реке Силинге (Селенге), по которой часто приходилось ходить на пароходе. В одну истаких (из таких) поездок в г. Улан-Удэ (в то время там была буферная власть) я был задержан, а потом меня посадили на пароход и я уехал.

Опять никаких объяснений: был задержан, а потом посадили на пароход и уехал. Отпустила, что ли, буферная власть?

2-го сентября вся дивизия перебрасывалась на Южный фронт против Врангеля. 29-9-20 г. мы выгрузились на ст. Лозовая и на второй день вступили в бой с бандами «Моруси»(?) а потом и с Врангелевцами. В конце октября месяца 1920 года подошли к Крыму, а в Крым вошли 9-10 Ноября и остановились в г. Феодосия, а потом Карасубозар и немецкие колонии и начали гоняться за батькой Махно и его бандами, Милитополь (Мелитополь), Бердянск, Гришино, Мариуполь.

После Урала и Сибири – Крым, юг России, Украина. И опять знакомые с детства имена врагов молодой Советской власти – Врангель, Махно. История – и мой родной дед...

И еще: в Крым-то «вошли» через гнилой Сиваш по горло в холодной ноябрьской воде. После этого у деда началась открытая форма туберкулеза, который мучил его долгие годы. Мама вспоминает, что деда отправляли в санатории пару раз, а также бабушка лечила домашними средствами. Он был крепкий мужчина, со временем выкарабкался, но умер от рака легких, – так что холодный Сиваш в результате был главной причиной его преждевременной смерти.

Вот так вспоминает Крымский поход ровесник деда Шуры, прошедший такой же путь красноармейца, впоследствии известный советский поэт Николай Тихонов:

ПЕРЕКОП 1922

(...)Тонким кружевом голубым
Туман обвил виноградный сад.
Четвертый год мы ночей не спим,
Нас голод глодал, и огонь, и дым,
Но приказу верен солдат.

"Красным полкам –
за капканом капкан..."
...Захлебнулся штык, приклад пополам,
На шее свищит аркан.

За море, за горы, за звезды спор,
Каждый шаг – наш и не наш,
Волкодавы крылатые бросились с гор,
Живыми мостами мостят Сиваш.

Но мертвые, прежде, чем упасть,
Делают шаг вперед.

Не гранате, не пуле сегодня власть,
И не нам отступать черед.

За нами ведь дети без глаз, без ног,
Дети большой беды,
За нами – города на обломках дорог,
Где ни хлеба, ни огня, ни воды.

За горами же солнце, и отдых, и рай,
Пусть это мираж – все равно!
Когда тысячи крикнули слово: "Отдай!" –
Урагана сильней оно(...)

ЖЕНИТЬБА И ПОЯВЛЕНИЕ ПЕРВЕНЦА

*В Августе месяце 1922 году прибыли в г. Днепронет-
ровск и расположились.*

*В Октябре я женился на дочери машиниста паровоза
Студенниковой Марии Георгиевне, 1903 г. рождения.
Украинка, грамотная, культурная девушка.*

Знаю с маминых слов, что бабушка Маша работала секретарем то ли в военной части, где служил дед Шура, то ли в организации, с которой была связана его часть.

Деду, видимо, приятно писать, что она «дочь машиниста паровоза». Машинист паровоза – это не поденщик, не отходник, а вполне квалифицированный рабочий в те дни. Позднее мой прадед Егор (или Георгий) как опытный железнодорожник и коммунист был назначен на руководящую работу в управлении железной дороги.

А уж дальше еще радостней говорится о бабушке: «грамотная, культурная девушка». У бабушки Маши образование было четыре класса церковно-приходской школы, но, как бы сейчас выразились, она явно была интеллигентной девушкой: любила книги, стихи, театр, разбиралась в «прекрасном», была общительным и открытым человеком. Я думаю, что это она передала всем своим детям любовь к красоте, к чтению. Для вятского деревенского парня – просто счастливый билет! Так оно и было!

*В октябре месяце 1923 года у нас нашелся первенец,
назвали мы его Юрий.*

Колоритное слово «нашелся»! Не говорили сто лет назад в русской деревне «у нас родился»! «Первенец» – тоже замечательно, так как сразу понимаешь, что это только начало семьи, что детям рады и их будет много.

*В эти годы как раз был восстановительный период,
жить было трудно а поэтому моя Марусенька с сыном*

*летом 1924 года уехали в орловскую губ. (губернию) к
бабушке, а в Августе приехала уже с большим сыном.*

СЕМЬЯ РАСТЕТ

*В октябре 1925 года меня перевели в г. Белая Церковь в
ОО ГПУ 100 с.д. где у нас нашлас (нашлась) – славная
умница дочка – Светлана. Она родилась 10-го января
1926 года.*

Город Белая Церковь – под Киевом. Новое назначение, но уже не ВЧК, а ГПУ (Главное Политическое Управление). В Белой Церкви «нашлась» моя мама.

*Летом 1926 года жили в лагерях с. Трушки. В октябре я
был отозван в Харьков ГПУ УССР, где месяц находился
в резерве а потом был назначен в ОО ГПУ 75 с.д. г.
Лубны. В Лубнах был не много потом выехал в Миргород
в 75 артполк (артиллерийский полк), где я получил
награду – маузер и часы, за разработку Петлюровской-
повстанческой группы. 75 человек были арестованы и
все они признались.*

Семья растет, а служба идет. Маузер и часы – это большая награда. 75 человек – это много или мало? Что с ними стало?

В 20-ые еще могли посадить, а в 30-ые? Расстрел?

Пытаюсь найти в Интернете что-нибудь о таких группах. Оказывается, что на Украине «разрабатывали», то есть раскрывали петлюровско-повстанческие группы и в 30, и в 200 с лишним человек!

На Украине в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века был страшный голод. Все эти группы и «разработки» возникли в это время.

Мама вспоминает, что ее и других детей 5-6-летнего возраста посылали собирать колоски по уже убранному полю!

Дед Александр Дмитриевич Сорокин. Подпись на обороте фотографии: *«Дорогой жене Марусеньке. На память в день 13й годовщины органов ЧК-ГПУ, одиннадцатой годовщины моей службы в ЧК-ГПУ. Шура. Январь 1931 год. г. Из'яслови...»*

В декабре 1929 года из Миргорода был переведен в ОО ГПУ 2 к.д. 1(или) к.к. (к.д. - скорее всего, кавалерийская дивизия, а к.к. - кавалерийский корпус) - г.Изясловно-Волынский и обслуживал 9 и 10 к.п. (к.п. - кавалерийский полк?)

В феврале 1933 года по отбору УК ВКП(б) был направлен на работу в политотдел Мечетинской МТС с. Покровское Днепропетровской области.

Днепропетровская «область» – уже не «губерния». Мама поправляет, что название села – Покровка, не Покровское. Оказывается, при МТС были политотделы, на работу в которые направляли по отбору республиканских комитетов ВКП(б), то есть деда Шуру отозвали из армии и отправили в село, на работу в такой политотдел МТС. Мама помнит, что в то время он форму не носил, то есть это была гражданская, а не военная работа.

В это время у нас нашелся сын Вадим. Это был исключительный хлопец.

Третий ребенок в семье. «Нашелся» сын Вадим. Это имя означает «здоровый», да и дед Шура пишет «исключительный хлопец», но... «был»!

ТЯЖЕЛЫЙ УДАР

В 1934 году нас постигло большое несчастье. В феврале умер старший сын Юрий, а в октябре мл. (младший) Вадим. Это был тяжелый удар по нашему семейному счастью.

Мама не раз рассказывала, как их семья потеряла одного за другим двух мальчиков. Первым умер старший 10-летний брат Юра от туберкулезного менингита, а вскоре и младший 10-месячный Вадим – от дизентерии. Осталась одна 6-летняя девочка, моя мама. Врачи сказали: «Берегите девочку». У нее был туберкулез в закрытой форме. Бабушка Маша увезла своего последнего уцелевшего ребенка в Крым, в Феодосию, в детский санаторий. Маму спасли, но она росла слабой девочкой.

И Юра, и моя мама Светлана заразились от отца, моего деда Шуры. Оба ребенка были слабыми от рождения, про Юру всегда говорили, что он «не жилец».

Вадик же был крепкий мальчик, но его не спасли, так как в селе Покровка в то время не было никакой медицинской помощи. Не могу прогнать вопрос: а если бы дед Саша не поехал по отбору в это село, а остался в городе Белая Церковь, может, его дети остались бы живы? Думал ли он когда-нибудь, что пожертвовал своими сыновьями ради построения социализма? Или же, будучи фанатиком, не понимал, что все могло повернуться иначе, если бы он в первую очередь думал о семье, а не о своем долге перед страной и партией? Мне кажется, что он понимал, на что идет и страдал: он был вполне здравомыслящим человеком. Сколько боли кроется за словами «тяжелый удар по нашему семейному счастью»!

30-Е ГОДЫ

После ликвидации политотделов в 1935 году я был назначен начальником РО НКВД Сивашского района Днепропетровской области. Район степной хутора разбросаны по системе Столыпина. Центр района исключительно непривлекательный.

Значит, в 1935 году политотделы ликвидировали, и вот дед уже начальник районного отдела НКВД. Судя по его настроению, видимо, непривлекательным ему кажется не только центр Сивашского района Днепропетровской области.

В Июне месяце 1937 я был отозван в НКВД УССР г.Киев, где работал 6,5 месяцев по следствию.

Напрягаюсь! Кому же неизвестно, чем занималось НКВД в 1937!

Летом в Киев приехала Марусик и родила дочку Талочку.

Как нежно о бабушке – «Марусик»! В Киеве у мамы появилась сестренка. Полное имя – Стэлла, «звезда» по-латыни. Дома всегда называли «Тала», что тоже красиво и необычно. Талочка родилась 20 августа 1937 года.

В декабре месяце я вернулся в с.Сиваиш и работал до июня 1938 года. С работы был снят за отказ выполнить явно преступный приказ.

Вот это поступок! От мамы знаю, что дед отказался арестовывать кого-то, считая это преступлением. Прекрасно знал, чем это ему грозит. Дома был приготовлен чемоданчик на случай ареста. Мама говорит, что бабушка боялась, что он сопьется.

После снятия отправили меня в 5 отд. НКВД Д/петровского обл. управления на должность оперуполномоченного 89 с.п. (стрелкового полка) 30 с.д. (стрелковой дивизии) и выехал в Павлоградские лагеря и все лето один обслуживал дивизию.

Фраза «один обслуживал дивизию», в то время как должность была «оперуполномоченный полка», наверное, означает, что в 1938 году в «органах» явно не хватало сотрудников. Куда они подевались, мы можем легко догадаться...

КОНЕЦ 30-Х. НАКАНУНЕ...

Летом же перевез свою Марусик со Светланочкой и Талочкой. Устроились на зиму в Павлограде.

Опять переезд! Обычная жизнь семьи военного служащего. По маминым словам, им дали квартиру в Павлограде.

В 1939 году перед выходом в лагеря я получил назначение ст. оперуполном ОО НКВД (старший оперуполномоченный Оперативного отдела?) и жили в лагерях с семьями.

И семьи жили в лагерях! Мама вспоминает, что жили в деревянном домике в лесу, в военном городке на берегу реки Вовчи, где летом проводили много времени, а обеды брали в офицерской столовой.

В сентябре месяце дивизия развернулась и пошла на фронт.

«Дивизия развернулась» – это военный термин. В мирное время воинские соединения «свернуть», то есть не в полном составе, а в военное время призывают запасников и других военнообязанных, то есть войска пополняют, или «разворачивают».

Летом нашлась дочка Ладуся.

Каково ему было оставлять жену и уже трех дочек, уходя на фронт! «Ладуся», Лада – исконно русское имя, значит «милая», но это домашний, семейный вариант, а полное имя маминой младшей сестренки – Леокадия. Она родилась 25 августа 1939 года в Павлограде. Семья росла вопреки репрессиям и войнам. Это сейчас мы знаем, что было дальше, а дед Шура и бабушка Маша явно надеялись на светлое будущее для своих детей. Они знали, что «борьба» за это будущее еще не закончилась, но в то, что новая жизнь совсем близко, они верили.

С выездом на фронт получил назначение зам. Нач. ОО НКВД 30 с.д. (стрелковой дивизии). Дивизия в боях против поляков не участвовала, а расположилась в районе города Изяславля. Впоследствии дивизия снова вернулась в Днепропетровск.

Зимой 1940 года дивизия готовилась к выступлению на Финский фронт, но выступить не успела.

Понимал ли дед, что эти две войны, в которых ему не довелось участвовать, только начало ТОЙ войны, которую он пройдет всю, от первого до последнего часа?

БЕССАРАБИЯ

В мае 1940 года я получил назначение нач. ОО НКВД в 175 с.д. (стрелковой дивизии) г. Балту. С дивизией вступил в Бессарабию и расположились в городе Бельцах, а полки получили участки по р.Прут.

Семью в Бессарабию дед привез позже. Поселили их в центре города Бельцы в особняке, который остался от адвоката, уехавшего в Румынию накануне прихода советских войск. Мама была уже большой девочкой и чувствовала себя очень неуютно в чужом доме среди чужих вещей. Здесь, в Бельцах, она пошла в 7 класс, подружилась с местными детьми. Впервые в своей жизни мама была около церкви в день Пасхи, видела своих друзей, участвовавших в Крестном ходе,

слушала службу в церкви. До этого ей было запрещено приближаться к церквям. Видимо, родители решили, что она уже достаточно взрослая и сможет устоять перед «опиумом для народа», как в то время называли религию.

Вели борьбу с сигуранцей (тайная полиция в королевстве Румыния) и к-р (контрреволюционными) организациями фашистского направления.

Жизнь на границе была тревожной. Советскую власть и Советскую армию не все здесь приняли с радостью. Но о главной угрозе никто не подозревал, или...

В начале Июня месяца произвели выселение к-р элемента.

В это время из Бессарабии выселяли не только «контрреволюционный элемент», но и евреев. О выселении евреев я знаю со слов моего ровесника и друга Марка Борисовича Трахтенброта, отец которого Борис Абрамович Трахтенброт (Транхтебройт по рождению), был советским и израильским математиком в области математической логики, теории алгоритмов и кибернетики. Мне посчастливилось и лично знать Бориса Абрамовича, когда мы жили и работали в новосибирском Академгородке. В конце 30-х годов Борис Абрамович учился в школе г. Бельцы, а семью его отца Абрама Трахтенбройта в 1941 году выслали на поселение и принудительные работы в Сибирь. Перемещение в Сибирь спасло семью Трахтенбройтов от Холокоста. Комментарий Марка Трахтенброта: *«Волны репрессий на территориях, присоединенных к СССР по следам пакта Молотова-Риббентропа, не имеют ничего общего с борьбой против фашизма. И в частности, это касается массовой депортации евреев из местечек Бессарабии – таких, как сельскохозяйственное поселение Бричево, в котором жил мой дед со своей семьей»*.

А у деда эта последняя фраза – последняя «мирная» ...

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

22 Июня 1941 года немецкие фашисты вероломно напали на нашу родину и в 3.00 немецкие стервятники над аэродромом стали сбрасывать бомбы и от Черного до Ледовитого морей повели наступление крупными танковыми соединениями и мотомехчастями. Полки дивизии заняли оборону по реке Прут на 140 кил. по

фронту и началась война моторов.

Война... Почему-то дед пишет про начало войны в 3.00, хотя везде и всегда говорится про 4 часа утра. Может быть, в 4 часа по московскому времени, а в Бессарабии могло быть еще 3 часа утра.

От мамы я узнала еще кое-какие подробности. Обстановка на границе была очень напряженная уже за несколько дней до 22 июня. Их семью переселили из дома бывшего адвоката в центре города Бельцы, где они размещались при переезде в Бессарабию, непосредственно в расположение Особого отдела дивизии, где служил дед. Семья жила в здании, в котором были служебные помещения военных. Вещи еще не распаковали. Когда девочки проснулись от гула самолетов и свиста трассирующих пуль, то на веранде они увидели связанного молдаванина. Как мама поняла, его поймали за то, что он подавал сигналы немецким самолетам, указывая куда бомбить. Мама также сказала, что если бы их не перевезли, то ночью 22 июня их бы всех перерезали. Такая была обстановка в Бельцах накануне войны. Меня раньше удивляло, что семью моей мамы, как и другие семьи военнослужащих части, где служил мой дед, удалось эвакуировать в первый же день войны. Теперь мне ясно, что в части, где служил дед, расположенной в непосредственной близости от границы, готовились к войне, несмотря на приказы из ставки и прочие препоны. Семьи из города переселили в часть, эшелоны подготовили тоже наверняка заранее, да и молдаванина быстро поймали, потому что ждали нападения со стороны немцев. Кто-то из военных командиров взял на себя решение о спасении людей, нарушая при этом приказ сверху и рискуя быть расстрелянным за «панические настроения». Поклон ему от меня, от всей моей семьи! Зная характер и убеждения деда, я прекрасно понимаю, что он на своем посту поддерживал решение командира. Но раз была уверенность, что семьи могли перерезать, всех ли их успели перевезти в часть до 22 июня?

ЭВАКУАЦИЯ

В 22.00 22-6-41г. эшалонем отправили семьи и ни у кого из нас мало было уверенности, что наши семьи доберутся благополучно.

Первые часы войны... Уж какая тут уверенность, когда сыплются бомбы с неба...

Перед глазами кадры из фильмов о войне. Измученные люди с детьми и скорбем в тесноте товарных вагонов, толчея и неразбериха вокзалов, бомбежки... А для бабушки, мамы и ее двух маленьких

сестренки это было не в кино, а в жизни.

Эшелон с семьями военнослужащих отправили 22 июня в 10 часов вечера из Бессарабии в Днепропетровск. Радуюсь оперативности людей, ответственных за эвакуацию. Добирались несколько дней или даже недель.

Мамина семья остановилась у бабушки и дедушки. Но пока они добирались до Днепропетровска, город уже начали бомбить, поэтому недели через две все семьи военнослужащих той части, где служил дед Шура, опять собрали в эшелон и отправили в Оренбургскую область.

Мамина семья попала в Ташлинский район.

Бабушку Машу направили на работу в детские ясли, куда она брала с собой Талочку и Ладусю. Ну а мою маму Светлану, уже пятнадцатилетнюю девушку, определили в бригаду для работы в поле.

Видимо, благодаря сухому климату Оренбургской области и работе на свежем воздухе мама моя окрепла и стала забывать о своем туберкулезе. Вся молодежь работала в поле до поздней осени.

Живя и работая в колхозе, семья заработала трудодни, на которые получили много муки и пшена, что помогло семье пережить зиму.

Там они узнали о гибели моего прадеда Егора во время бомбежки в своем рабочем кабинете на вокзале в Днепропетровске. Бомба попала в здание вокзала.

Когда перебрались в Сорочинск, к ним приехала младшая сестра бабушки Маши тетя Валя с двумя маленькими дочками Милой и Таей, а также наладилась связь с дядей Шурой и бабушкой Ниной, которые уже были в Улан-Удэ.

К этому времени их, как и другие эвакуированные семьи военнослужащих из части, в которой воевал мой дед Шура, нашел нарочный, приехавший с фронта и привезший письма и денежные аттестаты, выдававшиеся семьям фронтовиков.

До этого времени не было ни одного письма с фронта от деда Шуры. Он тоже о семье ничего не знал. Что было трудней переносить моей бабушке: тяготы эвакуации или постоянную неизвестность и страх за судьбу мужа, родных? Какое счастье, что они не потеряли друг друга!

Несмотря на панику, неразбериху и опасности военного времени, члены семьи сохранили связь друг с другом. Значит, большинство людей выполняло свой долг. Они водили поезда, пересылали почту, делились, чем могли, с эвакуированными семьями. Люди объединились перед огромной общей бедой.

Уже написав с маминых слов об эвакуации, я попросила ее написать воспоминания об этом. Вот они.

Светлана:

Очень скоро Днепропетровск начали бомбить. Нас, детей, прятали в щели, которые были вырыты на рынке рядом с бабушкиным домом. Жили на 4-м этаже, в квартире были два балкона, выходящие на разные стороны. Мне, как старшей, дед иногда разрешал бегать с ним с балкона на балкон, наблюдая за самолетами и лучами прожекторов, ловящих их. Как мы радовались, когда самолеты попадали в свет прожектора! Ликовали, когда самолет удавалось сбить (такое тоже случалось).

Мама рассказывает: В Бельцах на вокзале их погрузили в эшелон из теплушек. Лада по дороге заболела. У нее было кишечное кровотечение. Привезли в Днепропетровск еле живую.

Её (Ладу) сразу забрали в больницу. А через несколько дней велели забирать, так как город уже начали эвакуировать. Мама не могла узнать своего ребенка и взяла меня с собой, чтобы удостовериться, что нам возвращают нашу девочку.

Воинская часть, в которой отец служил раньше, начала эвакуацию своих семей, и нас тоже взяла с собой. Кое-кто из приехавших с нами из города Бельцы, поехал с нами (дальше). Ехали долго, снова в товарных вагонах. Несколько раз эшелон попал под обстрел немецких самолетов. Были жертвы. В нашем вагоне все уцелели.

На какой-то станции выгрузили, посадили на телеги и повезли дальше. Так мы оказались в Чкаловской (ныне Оренбургской) области, в маленькой деревеньке, у которой не было даже названия. Называлось это место «Колхоз им.Ленина». Районный центр Ташлы был в семи километрах от этого места.

Поселили нас в большую хорошую семью. У хозяйки муж и сын уже ушли на фронт. Она с деревянной ногой. В поле работать она не могла. И вот на весь колхоз пекла хлеб. Какой это был вкусный хлеб! Запах стоял на весь дом. Нам она выделила маленькую чистую комнатку. Жили мы дружно. Я подружилась с девочкой. Папа ее был председателем колхоза. Наташа. У нее была младшая сестра Римма, хромяя от рождения, очень шустрая. Ей было 6 лет, но ее звали по имени-отчеству. Я стала работать в колхозе, а мама устроилась в ясли, так как сестренки были еще совсем маленькие. Так я узнала, что такое сельскохозяйственные работы. Сначала прополка овощей, затем сенокос, затем уборочная — сначала в поле, затем на току. Ставили рекорды. О нас писали в газете. После сенокоса уборка зерновых. Меня определили в девичью бригаду. Бригадиром была дочь нашей хозяйки. Звали ее Рая. Когда началась уборка зерновых, еду вывозили в поле

и там кормили мясными блюдами: щи, борщи, супы. Давали мясо, каши. И я начала поправляться. Окрепла.

Надо было продолжать учебу. Учебный год начался в ноябре. Мама меня отвезла в школу в райцентр. Определила на квартиру к татарке. И мы все (школьницы) жили у бабушки-татарки. По-русски она не говорила ни слова. Меня она определила в светлом углу, кровать застелила белым пикейным покрывалом. И кормила бабка хорошо. И я тогда писала, что никогда не ела таких вкусных блинов. Видимо, мама этой бабушке что-то доплачивала за меня. А другие девочки все спали в проходных комнатах. Многие готовили себе сами (привозили с собой продукты из дома).

На зиму мама боялась оставаться в этой глухой деревне. Там были и волки, и глухомань. И надо (было), чтобы нас нашли наши военные. И мы выехали все вместе с женами и детьми военнослужащих одной части в поселок городского типа Сорочинск возле железной дороги. А так как моя девичья фамилия была Сорокина, то я была Сорокина в Сорочинске. К тому времени всю нашу команду разыскали мужья, (которые были на фронте). Мы стали получать аттестаты через военкоматы. Да и сами стали «богаты». В колхозе заработали трудодни, (на которые выдали) зерно, просо. Нам помололи муки, и было пшено. Это помогло пережить нам самую страшную первую военную зиму. Отцы нашли нас ещё когда мы жили в колхозе.

По дороге в Сорочинск я чуть не погибла. Ехали на телегах высоко груженых зерном, которое везли на элеватор. Под утро мне необходимо было сойти на землю. Я полезла и попала под переднее колесо, но, видимо, быки были уставшими и остановились. Так как много было эвакуированных, то классы были по 40 человек, все переполнены. В это время гремел подвиг Зои Космодемьянской, и мы вступили в комсомол.

Первую зиму мы прожили хорошо, не голодали. Закончила здесь 8 и 9 классы. Я была пионервожатой. Однажды райком комсомола послал в один из районов собирать теплые вещи для фронта. Поезда на нашей станции либо совсем не останавливались, либо дверцы вагонов не открывались. А ехать-то надо. Повисла на подножке вагона и доехала до нужного места. Два дня прожила в этом районе у одной старушки, привезла несколько пар теплых носков для посылок на фронт.

ЛЕТО 41. ПАНИКА

23-6-41 мы выехали на фронт под Скуляны где, как львы дрались роты 59 сп. (стрелкового полка). В ночь на 24-6 убит комиссар т.Кайда, ранен командир полка полковник т.Чугунов. Полк не выдержал, в панике отходил. Выехал восстанавливать положение,

задержал, окопались.

Потери. Паника. Сколько же нужно иметь силы воли, чтобы самому не растеряться, чтобы остановить паникующих людей? Дед мой, конечно, был сильным человеком, но только ли уверенностью и убеждением в своей правоте он действовал?

26-6 – пошли в наступление, загнали противника за реку Прут. Опять создалась паника, орудовали враги, пришлось несколько человек расстрелять и снова восстановить положение.

Вот и ответ. Расстреливали, чтобы остановить панику.

Дед был особистом. Мы знаем, что Особые отделы НКВД выполняли и карательные функции. Ценой жизни одних спасать других? Чего стоит жизнь на войне? Можно ли не погибнуть и остаться человеком? И еще вопросы. Получали ли семьи расстрелянных обычные похорожки? Как они узнавали о судьбе своих пропавших солдат? Или они навечно попали в число «пропавших без вести»?

Вновь назначенный командир полка майор Шамотрин, против которого лично протестовал, не согласился. Это был трус, паникер и к тому же враг. Дважды мы его арестовывали, приказали освободить. Жалею, что не расстрелял его без суда.

28-29-6 – участок Скулянского направления сдали 30 с.д. (стрелковой дивизии) и она быстро начала откатываться. В руководстве сильно было развито танкобоязнь и дивизия в панике откатывалась. Расстреляли командира дивизии, сняли комиссара и нач. Штаба.

Командир дивизии был отцом Майи Марцинкевич, которую мама помнит по эшелону с эвакуированными. Он был поляком по национальности, ему не доверяли. Позже мама узнала, что его обвинили в том, что он специально повел дивизию в руки немцев. Что стало с его семьей и девочкой Майей?

Дали приписной состав бессарабцев. Многие из них не хотели воевать и переходили с оружием в руках на сторону немцев.

Известно, что население территорий, занятых Советской армией в 1939, не поддерживало новую власть, а уж умирать за нее они тем более не хотели. Что несет фашизм, они еще не знали.

Мы на границе дрались до 3 июля 41 г. и благодаря правому нашему флангу где противнику удалось сравнительно легко прорвать фронт и переправится в районе Ямполя, за Днестр.

Нам пришлось выходить за Днестр маршем.

Переправа через Днестр сравнительно у нас прошла беспотер (без потерь), за исключением единиц.

Бессарабия – это Южный фронт. На других фронтах ситуация была еще сложнее, но это мы сейчас знаем, а тогда вряд ли вообще кто-то мог оценить настоящее положение дел, хотя и были регулярные сводки с фронтов, которых с замиранием сердца ждала вся страна.

27 Июля 1941 года закончили переправу через Днестр и заняли линию обороны. Поскольку немцы на левом берегу были раньше нас и нам угрожала опасность окружения, пришлось выходить по направлению на Котовск. Недоходя (не доходя до) Котовска 20-25 км наше соединение оказалось в полуподкове. Один батальон во главе с командиром б-на капитаном Уткиным самовольно ушел с линии обороны. Уткина расстреляли перед строем батальона, этим самым спасли дивизию, не дали возможности противнику окружить нас.

Окружения боялись все, поэтому и отступали. Почему капитан Уткин самовольно увел своих солдат с линии обороны? Хотел уберечь от плена? Испугался и подставил других? Но в окружение дивизия в этот раз не попала. Страшно читать, а каково было там в войсках?! Трагедия войны.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Продолжаем выходить из полукольца. Уходим за Котовск, потом поворачиваем на Ананьев. Последний оказался занят немцами, обходим Ананьев.

Видимо, связи не было ни с командованием фронта, ни между частями, ни с мирным населением. Отступали почти наобум. Поскольку ни командира дивизии, ни начальника штаба, ни комиссара уже не было, кто-то взял на себе ответственность за людей и дальнейшие решения.

Привели немецкого парашютиста грузина. Признался, что он попал в плен к немцам, завербован и переброшен с разведзаданием. Расстреляли.

Дед запомнил этот случай с парашютистом-грузином. Еще бы! Такое тоже бывало.

Переправа через реку Буг была трудная, но потерь было немного. Идем на Николаев, где сутки отбиваем танковые атаки противника. Ночью 15 августа 1941 г. уходим с Николаева и движемся маршем к Днепру.

Числа 25 Августа 1941 года ниже Беритовое . Казачье переправились на Левый берег Днепра. Нас отвели на 40-50 километров от Днепра, где начали приводить себя в порядок и приняли пополнение.

«Нас отвели...» – эта фраза уже говорит о том, что какое-то командование появилось. Небольшая передышка. Новое пополнение, похоже, на сторону немцев с оружием не переходит, ведь войска уже откатились далеко от границы и новых территорий. Это пополнение уже будет защищать свою землю.

29-8-41 г. получили приказ занять оборону в районе Коховка и Малая Коховка, немецкие автоматчики были уже на окраине Коховки. Дрались с немцами до 3 –го сентября. Немец бил со всех орудий и с воздуха. Несли большие потери. Ранили Котаенко, Лейко и др. Всего выбило с нашего коллектива 8 человек.

Вот новое пополнение уже дерется с врагом. Потери...

Немцы выбросили парашютный десант с танками. Наши части оставили Запорожье и Днепропетровск. Мы отходили с боями по направлению на Милитополь (Мелитополь). В Милитополе (Мелитополь) были одни сутки, ушли на Астраханку, где были 3 суток, пополнялись.

В этих местах дед гонялся за батькой Махно еще в гражданскую войну, потом служил и работал в Днепропетровске и в Днепропетровской области. Каково было оставлять все это немцам?

На Правом нашем фланге была 12 армия. Немцы пустили до 500 танков и стал(и) отрезать нас к Азовскому морю.

Немецкие танки. А в 12 армии были танки? Или только остатки стрелковых частей?

Нас придали к 12 армии и с ее остатками стали пробиваться на Темрюк. Полки прорвались, и штаб и мелкие части див. Немцы отресали (отрезали) в Поповке. Мы вели бой 6 часов – до темна а ночью все оставшиеся в живых вышли и к 8.00 достигли Темрюк.

Судя по всему, это и был «котел».

В ОКРУЖЕНИИ

В Поповке нам пришлось подорвать много своих машин из-за отсутствия горючего. Я с командиром дивизии ехал на его машине, на которой проехали не более тысячи метров и машина была выведена из строя из танкового орудия, шофер был тяжело ранен. Шли пешком небольшими группами. Здесь мы потеряли начполиотдела Сергиенко, нач. штаба Кашианского, комиссара Филева (попал в плен) и многих других в том числе и Марию Ивановну Стрижаченко и шофера Панченко.

Дат нет. Судя по последним указанным датам, это сентябрь 1941 года. До этого момента дивизия все-таки воюет, есть техника, горючее. Хоть и отступали, но не были отрезаны от основного фронта. Пытаются с остатками дивизии выйти из окружения небольшими группами.

«Попал в плен» о комиссаре – это совсем не то, что «сдаться с оружием».

Документы и личные вещи все уничтожили. У меня сгорело все, остался в шинеле и гимнастерке.

Уничтожали документы и личные вещи на случай, если не прорвутся, а попадут в плен к немцам.

8 октября 1941 г. в 14.00 немецкие танки в количестве 20 штук охватили с. Темрюк полукольцом. Держать было уже нечем отходили в Донбас и ...

В октябре в окружении боеприпасы кончились тоже...

20 октября прибыли в г.Шахты, а 25.10.41 переправились за Сев. Донец и остановились в районе Насонтово, где и формировались, получали людей но оружия было мало.

Добрались! Вышли из кольца! Дед не пишет, но я знаю, что это он вместе с еще одним офицером вывели остатки своей дивизии из окружения. И не просто вывели, но и вынесли знамя части.

В конце ноября месяца я получил орден «Красного знамени».

Не посадили. Наградили. Наверняка, проверили. Уж сейчас-то мы это понимаем.

В конце ноября м-це мы двинулись на фронт под ст.

Дебальцево. Стояли в с. Чернухино, потом в г. Ирмино, с. Николаевка и снова Ирмино.

Донбасс, Дебальцево – где опять стреляют, опять война... В Донецке и сейчас живет моя подруга детства, которая сообщает, что они не могут ночью спать из-за обстрелов, а я не могу спать из-за постоянной тревоги за нее и ее семью, которые попали в современную трагедию.

СЕВАСТОПОЛЬ. 1942

5 марта 1942 года я сдал дела и выехал в Армию, а потом во фронт и в Москву.

В Москву прибыл 15/III/-42, в тот же день был на приеме у замнаркома т. Абакумова и назначен в ОО НКВД ЧФ (Особый Отдел НКВД Черноморского флота) г. Севастополь.

В Севастополь прибыл 1-го Апреля, получил назначение и поехал в Геленджик, 7-IV-42 принял Учебный отряд ЧФ.

Первое время работать было исключительно тяжело. Не было рабочего помещения, оперативный состав разболтан и исключительно слаб. Пришлось много поработать над воспитанием и авторитетом органа.

9 августа 1942 года немцы начали бомбить город с воздуха, причинив городу много вреда, от некоторых зданий ничего не осталось.

ГРУЗИЯ. ОСЕНЬ 1942

Фронт стал приближаться, нас стали передислоцировать в Грузию. Расположились – Цулукидзе, Кутаиси, Махарадзе и Боржоми.

Кутаиси город более приличный, чем Цулукидзе, Махарадзе и Боржоми. Последний расположен между гор. Курсы расположились на плато (плато). Летом должно быть там хорошо.

Махарадзе ближе к Батуми, и пожалуй будет тоже лучше чем Цулукидзе.

Дед знакомится с Кавказом. Конечно, красота этих дивных мест не могла его не впечатлить.

С 2-го по 5-е Ноября 1942 года был нач. 3 отр. ОО НКВД ЧФ лент час (?) Безой (?) Блиц (?) обследовал работу. Не согласовав своих выводов – уехал и написал сногшибательный акт. Нагородил всякой чепухи и мелочи. Однако неприятности были но, недолго.

Дед Александр Дмитриевич Сорокин на фото крайний слева. Подпись на обороте рукой деда Шуры: «20-ХП-42(...) Груз. ССР. Перед началом собрания партактива. В центре генерал майор. Командир У.А.Ч.Ф. Слева нач. О.Ш. У.А.Ч.Ф. Крылов. Сорокин».

И во время войны кто-то по службе ездил с проверками.

Вот как дед Шура объясняет, почему они получили нелестную оценку своей работы:

Конечно мне следовало бы угостить его вином но, я этого не сделал и это не в моем характере. Сам не люблю подхалимничать и терпеть не могу подхалимов.

Кто-то другой, наверняка, угощал проверяющего, как издавна повелось на Руси. Кто-то бы назвал такие действия «дипломатическими», необходимыми для дела, но дед Шура был прям и резок и назвал действия, на которые он был неспособен, тоже прямо и резко – «подхалимажем». Идет война, человеческий характер проявляется еще ярче, чем в мирное время. Но мой дед был всегда принципиален.

25-ю годовщину, 7-го Ноября 1942 года. Октябрьской Социалистической Революции провел в городе Цулукидзе. Был на докладе, а вечером смотрел кинокартину.

Эх если бы не эта война навязанная нам немецкими фашистами, не будь войны тогда бы рабочий класс и весь Советский Союз не так встретил бы 25-летие. Все бы горело, все бы блестело. В каждой семье от старого до малого – все бы веселились. Взрослые молодежь шли бы в свои клубы в театры, в кино и веселью не было бы конца, а дети резвились бы на утренниках, школьники в домах пионеров. Все радовались бы, все веселились бы, все благоухало бы. Как хорошо было бы прийти с

демонстрации и торжественно пообедать со своими родными, близкими и знакомыми. Нашлось бы о чем поговорить и вспомнить все эти борьбы за свободу, за великое наше родное Советское Отечество.

Эх где ты взялся будь ты прижды проклят немецкий фашизм, Сколько ты погубил ни в чем неповинных наших славных полных сил и энергии, которые хотели только честно жить и честно трудиться, а сколько ты наделал сирот, калек и бездомных людей и все ради того лишь бы быть властелином, быть пауком и сосать последнюю каплю крови из рабочего класса.

Нет, не быть этому. Наш русский народ не был рабом чужеземцев и не будет им никогда. Народ поднимется, встряхнется и дребезги разобьет немецкий стальной лоб и окончательно похоронит банду немецких фашистов. Этого хочет весь наш народ и вся наша страна и это должно совершиться скоро.

НОВЫЙ 1943 ГОД

Также тяжело прошла встреча нового 1943 года. Правда в Ш. (в штабе?) был устроен вечер и ровно в 24.00 часов подняли бокалы и выпили за новый счастливый наступающий год.

На вечере многие быстро перепились и мало было интересного. Народ начал хандрить и выкидывать всякие номера. Будучи совершенно трезвым ушел домой и лег спать.

Утром узнаю, что на вечере со стороны отдельных лиц было допущено не культурное отвратительное поведение выходящее за рамки приличия. Пришлось о всех допущенных безобразиях писать доклад и приводить людей в порядок.

В Январе месяце 1943 г. мы ударили крепко по д-рам (дезертирам?) и тоже самое сделали в феврале.

Видимо, речь идет о дезертирах, то есть о жителях Кавказа, которые не хотели воевать в Советской армии. Также как и бессарабцы, они не считали эту войну своей.

14-го Марта 1943 года ездил в г. Потти с докладом к т. Ермолаеву, которого я просил о переводе. Ермолаев обещал учесть мою просьбу. А пока что предложил откомандировать: – заместителя Теуги и Упол. (Уполномоченного) Нусимовича.

После откомандирования последних, откомандировал еще Розмарина.

В Потти, как я поняла, находилось командование Черноморским флотом, а генерал Ермолаев Николай Дмитриевич в 1942-1943 годах был начальником Особого отдела Черноморского флота, то есть непосредственным начальником моего деда.

28-го Марта 1943 года сдал дела ОО НКВД УОЧФ (Учебного отряда Черноморского флота) т. Ляшенко и выехал в Потти. По дороге машина потерпела аварию, лопнул кулачок рулевого управления и машина свалилась в канаву. В Потти приехал уже вечером попутным грузовиком.

Началась новая страница в жизни деда Шуры. Не совсем удачно, с происшествя, ну да на войне это не самое страшное.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

4-го Апреля 1943 года получил предписание от 2-04-43 г. за N 279 – на основании телеграфного распоряжения зам.наркома Внутренних дел СССР т. Обручникова от 17-03-43 г. N 6609 – назначен начальником ОО НКВД ГВМБЧФ (Особого отдела НКВД Главной военно-морской базы Черноморского флота).

Позже узнаю, что дед Шура возглавлял СМЕРШ Главной военно-морской базы Черноморского флота. Эта организация была создана на основе Особых отделов НКВД как раз в эти дни.

(Из Википедии: **СМЕРШ** (сокращение от «Смерть шпионам!») — Главное управление контрразведки «СМЕРШ» Народного комиссариата обороны (НКО) СССР — военная контрразведка. Преобразовано из Управления особых отделов НКВД Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 19 апреля 1943 г. Тем же Постановлением были созданы Управление контрразведки «СМЕРШ» НКВМФ СССР и отдел контрразведки «СМЕРШ» НКВД СССР. Под этим названием военная контрразведка просуществовала до мая 1946 года).

В последнее время стала известна новая информация об этой организации. (См. передачу «СМЕРШ: создание и деятельность в годы войны» в серии передач «Цена победы» на радиостанции «Эхо Москвы»).

Принял дела и обязанности 15-04-43 года. Аппарат большой (32), частей много, разбросаны на 200 километров.

Первое время путаюсь в морских терминах. 16-04-43 г. провел совещание, отметил недостатки

и поставил задачи на ближайшее время. Кое-кто из народа недоволен и злобно настроен.

Решил изучить каждого персонально. Есть болтуны, склочники.

21-го Апреля 1943 года начинаю вести подготовку к первомайским торжествам. Вечером провожу совещание и ставлю основные задачи

Живу в кабинете, кушать приносят. Думаю организовать свою столовую. Возможности есть.

22 апреля день прошол за четкой дел и дачи указаний по ним.

В 20.00 часов по г.П... (г.Потти) объявлена воздушная тревога, первая в 1943 году. Налетело 9 вражеских бомбардировщиков. Сбросили несколько бомб, вреда не причинили.

В 21.00 снова воздушная тревога. Над городом кружился один самолет, который повидимому (повидимому) разведывал результаты бомбежки.

Вот как оно было. Сначала бомбили, а потом проверяли «результативность»!

При второй тревоге в Порту было пущено 5 синих ракет. Кто пускал и для какой цели, нужно проверить.

Завтра нужно осмотреть двор-сад, наметить места и накопать щели, хотя бы на метр глубины, которые от осколков и взрывной волны будут предохранять. Щели выкопать на 2-3 человека и на некоторых сделать козырьки.

1 Мая 1943 г.

30-го на 1 мая на всех объектах был полный порядок. Оперативный состав находился на своих местах. Ночью занимались проверкой.

День и ночь на наших объектах прошли благополучно. Вот такие «первомайские тожества» у контрразведчиков.

2 Мая

Работали до 17 часов, а с 17.00 разрешили выходной вечер, т.к. все равно оперсостав гулял бы, а зато 3 будет работать.

Скучно, пойти некуда руководство пьянствует, сижу дома – в кабинете и читаю разную белиберду. Нет хорошей книги.

На завтра много работы, нужно отчитаться за

апрель месяц.

Получил поздравительную телеграмму от комисара ГБ т. Ермолаева с подполковником Г.Б.

Приказ N884 от 15/IV-43. Телеграм N 746 от 3/V-43.

В этот же день получил телеграмму о подготовке к оперативному совещанию – об агентурно-оперативной работе за первый квартал 1943 года и прибыть для участия на совещание Туапсе (РЗС).

Вечером 3/V-43 г. провел короткое совещание – инструктивного характера о подготовке материалов для совещания.

Днем получил письмо от М.Г., по тону ругательное. Чувствуется, что не выдерживают нервы.

Принял решение: забрать к себе и согласовать этот вопрос с т. Ермолаевым.

М.Г. – Мария Георгиевна, моя бабушка Маша. Почти два года разлуки, лишений, невзгод эвакуации. Естественно, что нервы не выдерживают. Дед принимает решение забрать жену и трех дочек к себе в город, в котором одиннадцать дней назад была бомбежка! Видимо, не он один забирал к себе семью на Кавказ во время войны, но нужно было согласовать этот вопрос с руководством.

4 и 5 Мая 1943 г. занимались подготовкой материалов к совещанию а 6 Мая утром должны были выйти катером в Туапсе. Катер пришел в 11.00 часов и пойдём только утром 7 Мая.

Материалы все подготовил, а теперь есть время составить себе коротенький конспект для доклада.

6-го Мая радио сообщило, что по Кубани наши войска прорвали немецкий фронт, протяжением 25 км. И в глубину на 12 км. До 7000 убитых немцев, взяты трофеи. Идут ожесточенные бои.

Наша бомбардировочная авиация бомбила: Констанцу, Ялту, Гомель, Брянск и др. Места скопления войск противника.

Первые строки о наступлении Советских войск. С какой надеждой, должно быть, дед Шура слушал эту сводку с других фронтов. Долгожданное наступление!

7 мая в 4.00 часа катером вышли в Р.З.С.(?) Погода была прекрасная, дошли за 12 часов. Пообедали и в 20.00 часов началось совещание. Первый доклад делал я, а потом остальные: Шаганов, Молчанов и другие. Перерыв сделали в 23 часа. После ужина смотрели

кинокартину «Секретарь райкома».

Изумительная картина из жизни партизан отечественной войны.

Фильм Ивана Пырьева «Секретарь райкома» (1942 г.), классика советского кинематографа.

8 мая совещание началось в 9.00 часов и закончили приблизительно в 16.00.

Вечером улаживали вопросы штатной укомплектованности. Мне насчитали 35 чел. Сидели до 5.00 утра 9 мая. Спать не ложился, т.к. в 7.00 должен отходить катер.

Катер пришел ровно в 7.00 сделали посадку и пошли в Потю.

На этот раз на море был сильный шторм и всю дорогу сильно качало, все пассажиры чувствовали себя неважно. Многие тем и спасались, что лежали, в том числе и я. Через 14.00 часов пришли в Потю.

Когда я сошел на берег то, долго еще шумело в голове и тошнило. Пришлось освежиться холодной водой и потом быстро прошло.

10 мая работал в отделе. Вечером совещание.

11-12-13 и 14 Мая Сухуми и Очамчири проводил совещание с опергруппой.

28 мая заболел гриппом. Лежал два дня.

5-6 43 закончил отчетность и вечером провел оперсовещание.

6-го утром почувствовал себя плохо, снова грипп. Была объявлена воздушная и химическая учебные тревоги.

И 14-25 ч. Температура 37. Состояние паршивое. Сижку работаю не показываю виду.

Заметно, что среди людей много лодырей. Слоняются из угла в угол и проводят время. Работать не хотят. Нужно многих лечить. Скорее бы получить приказ о реорганизации. И тогда начинать прибираться к рукам кое кого.

Зам исключительно плохой человек, считает себя обиженным и не хочет ни во что вникать. Большие так продолжаться не может.

Сегодня после работы думал заняться ответами на письма и повидимому (по-видимому) не смогу это сделать, придется отложить. Как это плохо, когда человек чувствует себя нездорово, когда каждый суставчик ломит-крутит.

Жду машину из ремонта, а вторую из командировки Краснодарского края. С 12 по 16 июня 43 находился в

Сухуми. Обеспечивал «Ящерицу».

«Ящерица» – это, видимо, название операции.

22 ИЮНЯ 1943 ГОДА

22 июня 2 часа ночи. Ровно через час будет два года внезапного нападения на мою родину-мать – Советский Союз, гитлеровскими армиями сброда.

Два года Красная Армия и ВМФ и вся наша страна и все прогрессивное человечество – ведут ожесточенную борьбу с проклятой фашистской армией Гитлера. Гитлер мечтал и приказывал своим бандитам покончить с Советским Союзом за 8-9 месяцев и заставить советских людей ползать на коленях в рабстве.

Героическая Красная Армия и ВМФ самоотверженно и мужественно дерутся и уничтожают гитлеровские полчища и доказали всему миру, что Красная Армия не только устояла от яростных ударов гитлеровских армий, а и сумела от обороны перейти к наступлению и на отдельных участках разгромить гитлеровские армии, как например зимой 1941-1942 разгромила немцев под Москвой, зимой 1942-1943 года – окружение и полное уничтожение в немецкой армии под Сталинградом, Воронежем-Курском и на северном Кавказе.

Два года весь Советский народ мужественно переносит всевозможные лишения. Многие потеряли своих отцов, матерей, жен, мужей, братьев и сестер, стариков и детей и близких (близких) друзей., а многие погибли целыми семьями и тысячи угнанных в Германию на каторгу. Нужно больше набираться злости и мстить и полностью уничтожить немецкую гадину. Спалить их города – уничтожить гнездо фашизма.

Да тяжела эта отечественная война которая разрушает все народное хозяйство и семью.

Вот я уже два года не вижу свою любимую жену – Марию Георгиевну и своих славных дочурок. Конечно им живется не сладко (сладко). Они страдают материально и морально. Светланочка, закончила 9 классов, поступила в комсомол и уже пионервожатый. А я не имею возможности увидеть и похвалить ее мою славную комсомолочку.

Таких конечно десятки тысяч.

Бить проклятого немчуру – истреблять до единого и не оставлять ни одного живого.

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАПИСЬ

1-го Августа 1943.

Я давно уже не пишу писем. Две недели тому назад

получил письмо от Светланы. Она сообщила мне за свои успехи в учебе. Сдала экзамены и перешла в 10-й клас.

Дед давно не пишет не только писем, но и не делает своих записей, которые до 22 июня делал почти ежедневно всю весну 1943 года. Мне понятно, почему в своих двух последних записях он вспоминает старшую дочь Светлану. У нее самые большие и серьезные перемены в жизни: школа, комсомол. Она сама ему пишет письма. Он гордится, что у него такая взрослая и серьезная старшая дочь.

Записи на этом обрываются. Почему? Служба не дает? Наступление? Возможно, дед Шура все-таки забрал семью к себе, и таким образом, у него уже нет потребности вести записи...

ДЕД ШУРА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Светлана:

Должность у отца, когда мы приехали в Потю, была начальник Особого отдела СМЕРШа Главной базы Черноморского флота. А с какой должности уходил, мы не знаем. Знаем, что у него что-то случилось по службе, его понизили в звании, и он писал письмо Калинин, видимо, не соглашаясь с таким решением. Но положительного ответа не получил и очень переживал по этому поводу. Я уверена, что вся его служба была честной. Он был очень ответственный и порядочный человек.

Позже Стелла вспоминала со слов бабушки Маши, что дед Шура пытался вывести на чистую воду какого-то генерала, который вывозил для себя из Германии вагоны с награбленными вещами. Но, видимо, у генерала были большие связи, так как деда перед увольнением на пенсию за его твердый честный характер понизили в звании с подполковника до майора.

До самого увольнения отец жил в Севастополе, а мы в Симферополе, так что о его службе ничего не знали. После службы отец работал еще несколько лет в Симферополе парторгом в каком-то автохозяйстве. Так как он ходил еще в морской форме, его там прозвали «Нахимовым».

Стелла:

После войны с кораблями ЧФ был в Александрии. Привез Гоше (сыну) маленький кинжал. Иногда к нам приезжали его друзья по службе. Например, Поддубный Иван Михайлович, и другие. После службы папа работал начальником отдела кадров «Крымзагодзерно», и у него была рабочая форма. Начальником был крымский партизан Яков Крым.

Гоша, Мария Георгиевна, Лада, Тала, Александр Дмитриевич Сорокины; в коляске Галя Бабушкина (Курляндчик). Площадь В.И.Ленина, г. Симферополь, 1950 г.

ПОСЛЕДНИЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ДЕДА ШУРЫ

Стелла:

Перед самой смертью (дед Шура) летом-осенью проехал на Дальний Восток к месту службы зятя Владилена Бабушкина и старшей дочери Светланы. Поездкой был очень доволен, был в Улан-Удэ у маминого старшего брата Шуры Студенникова. (Дед) много воевал в Сибири в Гражданскую войну.

У деда была мечта побывать в Сибири, где он воевал в молодости. Вот он и осуществил свою мечту незадолго до смерти. Он приехал к нам в Приморье (село Покровка, километрах в 20 от города Уссурийска) весной 1963 года. Он прожил у нас несколько месяцев. Мои родители даже уезжали вдвоём в санаторий на месяц, а я оставалась с дедом. Был май, я заканчивала 7-й класс, сдавала экзамены в музыкальной школе, а дед меня кормил. Отлично помню, как он готовил еду на керогазе. Я уже писала: он всё умел. Я не думаю, что я была очень примерной девочкой в 14 лет. Конечно, у него были волнения по моему поводу, но мы с ним хорошо ладили. Он мне доверял, а я доверяла ему. Я знала, что он не даст меня в обиду.

У нас был крошечный огородик рядом с домом, но мама умудрялась вырастить там всё: картошку, огурцы, помидоры, кабачки, баклажаны, перцы, кукурузу и т.д. Когда дед жил с нами, он, конечно, тоже занимался огородничеством. Провожая деда, мы не думали, что это была наша последняя встреча с ним. После Приморья дед Шура гостил в Улан-Удэ у своего родственника и друга Шуры Александра Георгиевича Студенникова, маминого дяди. Он был очень доволен своей поездкой. У мусульман есть Мекка, у евреев и христиан – Иерусалим, а для моего деда, бывшего

красноармейца и коммуниста, – Сибирь и Дальний Восток тоже были своеобразной Меккой. Эти места, политые кровью его товарищей по оружию, были для него святы. Вера в идею бывает не менее фанатична, чем вера в бога. С верой люди способны на многое.

Дед Шура поклонился своим «святым местам» перед смертью. За него можно только порадоваться. Я ещё хорошо помню, когда мы с ним виделись последний раз в Крыму. В августе 1962 года я летала (первый раз в жизни самолётом!) с группой пионеров Приморья в Артек. Дед встречал нас в аэропорту в Симферополе. С ним была двухлетняя Марина, моя двоюродная сестрёнка, дочка Лады. Хочется добавить ещё штрих к портрету моего деда. Мои родители поженились в 1948 году. Папа, тогда мамин жених, ухаживал за мамой в течение двух лет, приезжая на встречи с ней из Германии, где он тогда служил. Познакомились они в мамином институте на студенческом вечере. Выходить за него замуж или нет, мама решала сама. Дед Шура ей не препятствовал, хотя, учитывая его службу, очень даже мог, так как мамин жених был, во-первых, еврей, а во-вторых, «сын врага народа». Можно «первое» и «второе» легко поменять местами. В ту пору оба эти обстоятельства были «большим препятствием» для того, чтобы породниться с сотрудником КГБ, «русским по происхождению». То, что мой дед выдал замуж свою старшую дочь за такого парня, пусть даже офицера, – это был своего рода вызов обществу. И в этом я вижу широту взглядов своего деда. Да и перечитывая его тетрадь, я обратила внимание и на то, что он оценивал людей по таким качествам, как трусость – храбрость, лень – ответственность. Он и к близким людям подходил с меркой честности и ответственности. Кому-то, наверное, казалось, что он был слишком строг, но мы точно знали, что он справедлив.

Стелла:

Очень заболел – рак легкого, и весной 1964 года его не стало. Я жила у Светланы, вылетела домой, но не успела на похороны. Но даже к тяжелобольному отцу люди приходили за советом.

Я помню соседа по дому в Симферополе, у которого с моим дедом Шурой была крепкая дружба. Мне рассказывали, что он не смог пережить смерть своего друга и вскоре тоже умер. Бабушка Маша была уже практически слепая, когда дед умер. С ней остались младший сын Гоша (Георгий Сорокин, который «нашёлся» 4 января 1945 г.) и Лада с дочкой Мариной. Именно на долю Лады выпало хоронить и отца, и мать.

Елена Макарова

ПОПЕРЕК СУДЬБЫ

(Владимир Павлович Эфроимсон)

В 83-м году мы снимали дачу в Латвии, в рыбацком поселке. Хозяином был врач, бывший зек, и у него по праздникам собирались друзья-лагерники. Сережа говорил по-латышски, его приглашали к столу, иногда и я за ним увязывалась. И вот как-то один из гостей, пожилой краснолицый мужчина, предложил выпить за единственного человека на свете, перед которым бы он и сегодня пал на колени. Беззубый старик, генетик по профессии. В Степлаге они изучали с ним муху дрозофилу. Подопытного материала было более чем достаточно.

Вспыхнуло имя – Эфроимсон. "Генетика Альтруизма".

– Точно, Эфроимсон! Он жив? Он уже тогда был стариком... Но если жив, и вы его найдете, передайте ему мои слова!

В Москве меня ждала радостная новость – герой жив, не шибко здоров, ему можно позвонить. "Да, да, погодите, – отозвался мужской голос и пропал в трубке. Через минуту голос явился снова. – Так вот, я запасся валерьянкой, можете говорить все, что вам вздумается". Я рассказала ему о встрече в Латвии. Да вашего знакомого за такие слова следует спустить с лестницы, – взвился голос, выдержал паузу, и добавил, – жаль, что я живу на первом этаже. А знаете что, любезнейшая, приезжайте прямо сейчас, безотлагательно".

Видимо, Владимир Павлович принял меня за приезжую из Прибалтики, которой негде ночевать. Поздним вечером того же дня он ждал меня у метро "Юго-Западная". В сером пальто, высокий, в шляпе, – в темноте, в профиль, он был похож на упитанного кондора.

Квартира одинокого профессора: со стен свисают ошметки обоев, пол в большой комнате устлан рукописями, в кухне все, что должно быть в шкафу, выставлено наружу – банки, кастрюли, пустые бутылки из-под минеральной воды, кружки, газеты, очки в тарелке с лекарствами, миска с морковью,

свеклой и еще чем-то – здесь, в углу, у подоконника он меня и усадил. В гостях полагается есть. "Винегрет" – провозгласил Владимир Павлович, указывая на вареные овощи. Режьте, откусывайте, вот тут бутылка с архирафинированным подсолнечным маслом, – не разбазаривать же нам драгоценное время на приготовление пищи!

Рассказы о разгроме генетики, о лагерях и губительном режиме Владимир Павлович заедал "винегретом". Он был взволнован, сокрушался, что вытащил меня из такой дали и обещал вернуть семейству на такси, поскольку на дальние дистанции он уже не провожалщик. Из рассказов того вечера запомнилось про энциклопедию. Вернувшись из лагерей, Эфроимсон увидел в витрине магазина детскую энциклопедию. Это было его первым приобретением на воле и первым разочарованием. "Составители ее никогда не были детьми! Средневековые пустоброды в кольчугах! Непозволительно кормить детенышей такой мертвечиной! Знаете, какой лозунг висел в их редакции? "Экономь думать!"

Мы подружились. Всякий раз, прощаясь со мной, он просил "завязывать узелок на носовом платке" – что означало, напомнить ему про историю, припасенную к следующей встрече. В его записной книжке на каждой странице были написаны два имени и два телефона – Еленочки Артемовны [Е. А. Изюмова, ныне Кешман, секретарь и доверенное лицо В.П. Эфроимсона] и Еленочки Григорьевны. На случай если в пути откажет сердце. "Чтобы знали, кому оно принадлежит!"

В то время Эфроимсон «добывал» 600-страничный том под названием «Биосоциальные факторы повышенной умственной активности». После лагерей у него пропала память на имена, и, часто, начав говорить про признаки гениальности такого-то, Владимир Павлович срывался с места, бежал в комнату, где в каталожных ящичках проживали все его гении, вклинивался носом в карточки и кричал оттуда: «Мария

Кюри, бестия!»

"Бестии вы, женщины, – сказал он как-то, рассуждая о судьбе художницы и педагога Фрида Дикер-Брандейс, которой я в ту пору была захвачена, – концлагерь, голод, – дети... и цветы! Детей не завел, в цветах ни черта не смыслю... А вы вот откопали богиню...»

* * *

Владимир Павлович жил поперек судьбы, вопреки системе. Он служил науке в ту пору, когда всякое зерно здоровой мысли уничтожалось в зародыше, он никогда не играл со своей совестью в прятки и в лагере отказался от «теплого места» – работы в лагерной больнице, пошел на общие, где, как известно, мало кто выживал. В ледяной степи профессор читал «Фауста» наизусть, по-немецки, себе и ослу. Осел же, груженный тяжелой поклажей, которую профессор должен был доставить в другой лагерь, стопорил на каждом шагу. Дорога была дальней, темнело, и Эфроимсон не выдержал и обматерил осла. И тот сдвинулся с места. Разговаривать с ослами на их языке Эфроимсон так и не научился. Он, отсидевший срок по 58-ой в 30-х годах, отлученный от Москвы и от науки, отвоевавший на фронте, написавший раппорт об изнасиловании немецких женщин армейцами, вернувшись, собрал материал о преступной деятельности Лысенко и отправил его в вышестоящие органы. Разве он не понимал, что его посадят?

«Я бидистиллированный трус, но я не переносу неправды, – отвечал он на это. – Да, у меня есть достоинства, они отмечены и степенью, в какой-то мере, и объективным вкладом в науку. Но я — человек, разможенный временем, человек с перебитым хребтом. Нам, евреям, нужны столетия, чтобы обрести это самое утерянное чувство собственного достоинства. Мы — всю жизнь с протянутой рукой, мы зависимы от всякого чиновника, который указывал, указывает и будет указывать нам на дверь, даже в могиле мы останемся жалкими просителями, о каком чувстве собственного достоинства может идти речь?!»

Однажды он рассказал мне про человека с чувством собственного достоинства. Этот рассказ я за ним записала.

«В 46-ом году Ваш покорный слуга волею истории оказался на Эльбе. В чине лейтенанта медицинской службы. Врач-эпидемиолог, вполне еще видный собой. Я должен был следить за эпидемическим состоянием победивших войск, кстати, тогда никаких эпидемий не было, эпидемия брюшного тифа вспыхнула в Германии годом позже, косило тысячами, но к данной истории это не относится. Значит, была вечеринка.

Свободные нравы итальянок и француженок, но в пределах допустимого. Царил дух победы и искреннего веселья. Меня, лейтенанта, не обходили вниманием — приглашали танцевать, но я ссылаясь на ранение. Действительно, я был ранен в ногу, но давно, и мог бы не манкировать. Однако Вам-то я признаюсь, я не умел танцевать и робел перед дамами (в этом смысле). Видите ли, светик, на воле я был настолько поглощен наукой, сутками просиживал в лаборатории, и остальная, иная жизнь проходила мимо. В перерывах, как Вам известно, я занимался здоровым физическим трудом и воевал. Но не буду отклоняться. Что до женщин, они мне, вероятно, нравились, как цветы, к цветам влекло, — простите старческую пошлость, — но работа была и останется моей главной возлюбленной.

Поехали дальше. Я стою, вокруг кружатся дамы с кавалерами, дамы в роскошных платьях, кавалеры — в форме, зрелище притягательное, но быстро надоедающее. Мое внимание привлекает мужчина, невысокий, плечистый. Он стоит у колонны, не танцует, просто стоит и смотрит. Я не могу понять, чем привлекает к себе этот человек, но я неотрывно гляжу на него. Он стоит спокойно, вольно, скрестив руки на груди. Потом мы познакомились. Он оказался простым английским матросом. И вдруг я понял, что заставляло меня не отрываясь глядеть в его сторону. Я впервые увидел человека с чувством собственного достоинства».

* * *

Владимир Павлович так и не дождался выхода своей книги про биосоциальные факторы повышенной умственной активности.

Зато теперь! В. П. Эфроимсон: Генетика этики и эстетики. СПб.: Талисман, 1995. — 288 с.; Гениальность и генетика. М.: Русский мир, 1998. — 544 с.; Генетика гениальности. — М.: Тайдекс Ко, 2002. — 376 с. Педагогическая генетика. М.: Тайдекс Ко, 2003. — 240 с. Генетика этики и эстетики. М.: Тайдекс Ко, 2004. — 304 с.

За несколько дней до кончины Владимир Павлович Эфроимсон произнес: «Как это страшно быть реабилитированным, позорная вещь, страшно позорная вещь. Вам нужно доказать всем своим кредиторам, что вы не обманщик-купец, что у вас были в магазине не те товары.

Мне нужны, Ваша честь, <нрзб>, осьмушечка и шампанское, и я буду умирать.

Жёны-мироносицы.

История как его <нрзб> в 22 года...

Я вижу, как кровь льёт из каши <?> то налево, то направо, то налево, то направо, то налево, то направо.

Ещё раз дайте Вашу лапу. Глупо, глупо, глупо. Называется остров Глупостей. А потом начинается лава. <нрзб> оказывается, что таких островов <нрзб> – Эгейское море». <нрзб> – потому что записывала быстро, а почерк у меня скверный.

* * *

«Палачи, которые правили нашей страной, – не наказаны, – сказал Эфроимсон с трибуны Политехнического музея в 1985 году. – И до тех пор, пока за собачью смерть Вавилова, за собачью смерть миллионов узников, за собачью смерть миллионов умерших от голода крестьян, сотен тысяч военнопленных, пока за эти смерти не упал ни один волос с головы ни одного из палачей – никто из нас не застрахован от повторения пройденного... Пока на смену партократии у руководства государства не встанут люди, отвечающие за каждый свой поступок, за каждое свое слово – наша страна будет страной рабов, страной, представляющей чудовищный урок всему миру... Я призываю вас – помните о том, что я сказал вам сегодня. Помните! Помните!»

Однако, на «острове Глупости» нынче в ходу бумажные салфетки, а не носовые платки, и никто не завязывает на них «узелки на память».

300-страничная рукопись, доставшаяся мне в наследство от В.П. Эфроимсона, состоит из его писем, многостраничной рецензии на мою рукопись о детях и творчестве, которая вышла уже после его смерти отдельной книгой – «В начале было детство» (название ругал), незаконченных статей, «рассуждансов» на обрывках бумаги, и цитат из великих.

«Посылая Вам набор ксероксов, я тем самым, уполномочиваю Вас представлять генетику на фронте педагогики от моего имени», – писал мне Эфроимсон 4 января 1988 года, за полгода до «лавы».

Увы, мне не удалось выполнить эту его волю.

Думая о публикации писем Эфроимсона, я решила не сокращать их, выбрать навскидку несколько; читая их целиком, легче следовать ходу мысли.¹

В.П.Эфроимсон – Елене Макаровой

Лето 1985 г.

Дорогая Елена Григорьевна, никогда и никак не поймете, как меня порадовало и подняло Ваше письмо, написанное Вами безо всякой логической последовательности, просто для входа в норму и без задачи что-то конкретное сообщить; Вы ещё не

впряглись в работу и отдались желанию пообщаться. Но то, что у Вас возникло желание пообщаться именно со мной, то, что Вы помните мои письма, меня подняло в моих собственных глазах именно тогда, когда у меня начисто, по швам опустились руки, потому что в который раз увидел себя заплеванным и обесчещенным. У меня на столе завал недоделанной работы, которую никак не могу кончить – вот-вот, а потом опять что-то надо доделывать. А на другом, огромном столе, куча материалов, каша, хаос – по эволюционной генетике этической и эстетической восприимчивости. Но после очередной пощечины буду рад, если хоть через несколько часов смогу сесть.

И вот Ваше письмо из Латвии, ни о чем, а сразу согрело. Почему – дальше, а сейчас наплачусь Вам в жилетку.

Месяц-два назад ко мне обратились корреспондентка из Советской России высказаться по поводу одной дурости, лет 10 гуляющей по журналам, типа снежного человека, летающих тарелок, кожного зрения Розы Кушелевой или разительной целительницы, которую нахально рекламировал (саморекламы ради) один прохвост. Якобы таланты рождаются преимущественно у пожилых отцов (вздор, ерундовский антифакт, но кочующий), а заодно написать о биофакторах гениальности. Я написал, корреспондентка переврала, её шеф добавил, а главред вычеркнул главное, и вместо подписанного мной текста вышла холуйская муть (15.5.85), совершенно тошнотворная. Прочитав, я взбесился, и, чтобы не сотворить скандал, взял себя в руки и поехал в Ленку, где весь день проработал. Потом написал яростный протест, съездил к своим друзьям, напечатали там мне на машинке, 20.5 пошёл в редакцию Сов. России и под расписку сдал протест в отдел писем, на имя Главреда. При случае напомните мне показать Вам полный текст, с распиской из отдела писем о приёме <?>, пока выпишу то, что в разрядку и подчеркнуто... в факте «грубого искажения сути дела ... обнаружения 5 наследственных факторов потенциальной гениальности».

«Заголовок интервью противоположен тому, что сказано в подписанном мной тексте... Требую, чтобы мне была дана возможность изложить мои истинные взгляды и подтверждающие их факты. <...> «Талантами рождаются».

Конечно, в норме, редакции было бы вовсе наплевать, но годом раньше два крупных сотрудника редакции по совсем другому (тоже грязному) поводу с большим интересом прочитали мой ксерокс, а главное – с газеты все-таки могут взискать за помещение неподписанного интервью. Словом, мне стали морочить голову обещаниями, вновь приезжала корреспондентка,

¹ Сохранены особенности стиля и пунктуации

В. П.Эфроимсона. – *Прим. ред.*

и позавчера вечером мне позвонил инициатор интервью, некий Радов, и попросил настойчиво на другое утро, пораньше, привезти ему текст, чтобы успеть поместить в полосу. Еле выговорил себе 2-3 часа резервного времени, вечером вдохновился, ночью написал толково, утром привез Радову в «Савраску» <«Советская Россия»>, он прочитал текст, я ему часа два объяснял, до чего это важно, он оставил себе ксерокс, прочитал рецензии (я ему нарочно показал 2 отрицательных, стребуйте с меня, это интересно, забрал одну положительную), я зашел в буфет (как вкусно и дешево!), поехал в Ленку, но каждые 5 минут засыпал. Сегодня протрезвился: ведь Радов гнал меня сумасшедше, а о помещении в полосу речи и не было, когда я приехал. Будут ещё тянуть, а я – ходи оплеванный.

Ведь после года звонков меня принял на 30 мин. вице-президент АН Овчинников, я ему на пальцах рассказал, он обещал написать письмо в РИСО АН насчет издания рукописи (40 печ. листов), а его секретарша тянет.

Была у меня и годичная волынка в АМН (где удалось скинуть с маршальского поста в генеральский одного мерзавца – не радуйтесь, не потому, что он мерзавец, а потому что зарвался по отношению к более высокому начальству): и нет сил на ближайшие 3-4 дня ехать туда, а надо.

И вот среди всей этой блевотины – Ваше светлое письмо.

Знаете ли, когда я подытоживал «Этику», то пришел к выводу: счастье в том, чтобы быть нужным.

А какой-то греческий классик, Геродот, кажется, написал, что самое страшное несчастье для человека – знать очень многое и не иметь возможности что-либо сделать.

Так вот то, что Вы мне написали – подтверждает, что я ещё кому-то нужен.

Смешная штука, Вы пишете о садах, сирени, каштанах – «трудно вообразить, что всё это получилось само собой, без Творца». Мой будущий приятель – зеленый генетик, давно покойный, когда-то работал от Вавилова у Мичурина, и, так как Н.Н.С. – очень дельный, то он Мичурину понравился. Как-то они вдвоем сидели на крылечке, глазели на сад, и Мичурин спросил у Н.Н.С. – кто эту красоту всю создал? Н.Н.С. ответил: «Естественный отбор, конечно». Мичурин: «Дурак ты, дурак, какой естественный отбор. Бог и никто больше». Кстати, Мичурин ни сном ни духом в лысенкизме не виноват; кстати, Лысенко вовсе не был малограмотным фанатиком, как все считают. Он был продувным фальсификатором, абсолютным циником, умницей, прекрасно знавшим, что почем, хорошим актером – вот ещё одна тема для разговора, когда Вас

сможет муж на машине прикатить из Химок на Юго-Запад.

Ну так снова о нужности. Я – все-таки никому персонально не нужен, а после оплеванности в Сов. России – тем более. А вот то, что я сделал с гениальностью, не только нужно, оно необходимо, всему миру, а всего больше – нашей несчастной стране.

Вот, 20.5. возвращаясь из Савраски, заехал в Зоомузей МГУ – рядом с ним МОИП – Моск. Общ-во Живой Природы, где мне вручили Почетный диплом и президент МОИП, он же вице-президент АН – очень теплые слова мне говорил. В ответ я толкнул 5-минутную речь: мол, 20 лет назад, из дальних странствий возвратясь, возобновив борьбу с Лысенко, я встретил решительную, мужественную поддержку со стороны В.И. Цалкина², у Вас (геолог Яншин³), были опубликованы две убийственные статьи, МОИП имел неприятности (Яншин кивает: были, были), но что-то было достигнуто, и в Минсельхозе и в ВАСХНИЛ стали чесать затылки; пока всё идет гладко, но смотрите – все безобразия, надувательства, провалы регистрируются, как бы не пришлось отвечать.

Но теперь я вновь нуждаюсь в поддержке МОИП. Случайно, подчеркиваю случайно, меня многие здесь знают как человека ничуть не даровитого, но работаю, я сделал великое открытие – обнаружил существование 5 генетических факторов гениальности, 3 из которых можно использовать, чтобы поставить появление гениев на конвейер. Работая 15 лет, 15 лет встречаю отчаянное сопротивление при публикации сути дела, Вы, А.Л., были лично на моем докладе, суть дела себе представляете. Мне очень нужна помощь МОИП.

А.Л. ответил: вся трудность в том, что гениальность – проблема не только биологическая, но и социальная (как будто я это не знаю).

Вот я сижу у разбитого корыта, представляю себе, как в Савраске будут водить меня за нос с опубликованием, попробую один ход конем, а сейчас, отойдя от отчаяния (сколько их было), кажется, и именно из-за Вашего письма, примусь за дело.

Вы цитируете Достоевского (люто его ненавижу, написал 150 машинописных страниц, ведь всё, что о нем писали с тех пор, как было написано «архискверный Достоевский» до нынешнего превознесения). У него есть верные слова: «Мир спасет красота». Я к красоте природы невосприимчив, безнадежно туп, и, может быть, поэтому мне так радостно и завидую Вам, что Вы

2 Вениамин Иосифович Цалкин, советский зоолог и морфолог-систематик, доктор биологических наук.

3 Яншин Александр Леонидович, геолог, академик РАН, вице-президент АН СССР.

её так чувствуете.

Одно категорическое требование к Вам: обязательно сохраните первоначальный текст своих двух романов, как бы Вам не пришлось их переделывать, подчиняясь внутреннему и внешнему редактору. Сберегите! Ой, как они понадобятся в натуральном виде.

Мне очень хотелось бы сохранить Ваше письмо, чтобы временами им подкрепляться. Но оно утонет в моем безбрежном хаосе. Сберегите его (отсылаю Вам) и привезите, когда сможете.
Ваш В. Эфроимсон

В. П. Эфроимсон – Е. Г. Макаровой

3 января 1986

Имейте в виду, что Вы, о несчастная, – жертва той старческой бессонницы, из-за которой я не мог заснуть всю ночь и в результате – совершенно не способен работать, выискиваю предлоги, чтобы от работы увильнуть, отсюда это письмо нудака к Вам.

Этой ночью я в N-ный раз раздумывал, почему собственно мне стискивает горло при десятом или двадцатом перечтении «Легкое дыхание» Бунина. Ну, прежде всего мне физиологически-эндокринно понятны её оба романа. Она не то что глупа, но умственно незрела, ей нравится её будущий соблазнитель по пустяковым признакам. Но он постепенно возбуждает её, а перестав быть девушкой, она перестраивается, она женщина, которой нужно удовлетворение, и она находит его с нелепым офицериком, может быть потому, что у него квартира с отдельным входом или другими столь же вескими преимуществами. Конечно, она его при этом и ненавидит и презирает, за что и платится жизнью. Всё банально. Так в чем же магия очарования, почему маленький рассказ нестерпим? И вдруг я понял, понял через «Выпрямила» Г. Успенского. Напомню: задрипаный, полузамученный, нищий гувернёр вместе со своими учениками едет во Францию, попадает в Лувр, видит Венеру (Медицейскую? Маразм крепчает!) и вдруг понимает, что нельзя гнутья, пресмыкаться, ползать, изворачиваться, есть правда. И та скорбь из-за гибели девушки вызвана тем, что она, своей красотой, легким дыханием могла и должна была радовать, чаровать и выпрямлять массу людей, ну почтальона, который ей принес письмо, приказчика, который ей продавал пуговицы в магазине, гостей, пришедших в театр или на бал и увидевших её. И всё это ушло в никуда. Жалеешь даже не её, а тех, кто мог бы её увидеть и не увидел, не увидит. Это ощущение мне знакомо по собственному профессиональному опыту ассенизатора: строишь, строишь плотины против

потоков дерьма, а они всё сметают, сбивают тебя с ног и борьба безнадежна. Но вот увидишь (в метро, в троллейбусе) какое-то хорошее, благородное лицо и как-то оживаешь, нет, все-таки есть ради чего бороться.

В Вашем рассказе о моряке с носом картошкой⁴, о маленькой остроглазой художнице, на которую он расходует нерастраченную нежность и ласковость, милой, славной, она так и не удосужилась посмотреть его ордена, которых у него целый ящик, не успела ему позвонить, все очень естественно (мне близок, понятен и он и она) и даже банально, даже сентиментально. Но вот чудо догадливости или такта (мне совершенно чуждого и непонятного), всё завершается рассказом о статисте-кинематографисте, который высится среди пенсионных дам, хвастая (да и не хвастая) знанием великих артистов и передразнивая, проигрывая, своего покойного знакомого. К чертям улетает сентиментальность, всё становится реальным, осязаемым, вылепленным, правдивым, они все живые, они все стали моими знакомыми, даже бегло намеченный ланцепуп-художник, из-за которого тоненькая художница забывает о своем старом друге. Ну вот, я и увильнул от опротивевшей обязанности систематизировать то, что никто никогда не напечатает.

И ещё раз настаиваю: берегите, берегите исходные варианты Ваших вещей, а при прохождении их через <нрзб>, редакции и т.п. безжалостно убирайте все, что Вам прикажут. Враньё, что рукописи не горят, они горят и ещё как хорошо, если их не хранить. Храните!

Вашу поздравилку получил. Спасибо.

3.1.1986. В. Эфроимсон

Почему-то вспомнился Ежи Лец: «Инквизиция тоже не вечный двигатель».

В. П. Эфроимсон – Елене Макаровой

Понедельник, 10.02.88. Больница. Кардиоцентр

Не отвечать!!

Дорогая Леночка Григорьевна, ради всех святых, не принимайте мое письмо за основание писать какой либо ответ, тратить на это время.

Идея Ваших «Фазанов»⁵ ничуть не стала яснее и приемлемее, просто, это явно не моего Бога Дьявол, мне пришлось бы очень перестроиться эмоционально и интеллектуально, чтобы их понять, может быть, я вообще вышел из возраста восприимчивости к таким откровениям.

4 «Дядя Паша», Переполненные дни», Советский Писатель, 1982 г.

5 Имеется в виду моя повесть «Где сидит фазан».

Но в моей заброшенности я решил, что можно будет с Вами поговорить на общеинтересную тему, о Достоевском, как я его понял и возненавидел (о том, что на меня Ермиловские и некоторые другие высказывания оказывают совершенно обратный эффект, писать не буду). А случилось со мной вот что: я время от времени читал Достоевского, не составляя себе сколько-либо целостного мнения. Мол, когда-нибудь разберусь. И вот, лет 10-12 назад, уехал в отпуск, на Кавказ, и за месяц целиком прочитал, записывая всего почти Достоевского, отправляя каждые 5-7 дней написанное в Москву, к машинистке, чтобы впечатление не дробилось. Получился солидный пакет соображений, уводивших куда-то к черту на кулички и потрясавших прежде всего ясным пониманием того, что, вроде бы, Достоевского не просто никто не понял, но понял совершенно ложно. Может быть, оробел бы, но тут мне попался Михайловский «Жестокий талант» (1897 г., недавно переиздан), и я понял, что не совсем неправ. Чтобы совершенно разные люди, с промежутком в 60-70 лет пришли к единому мнению – никак не случайность.

А пришлось мне заняться Достоевским по совершенно профессиональным причинам. Году в 1963 у меня сложилась своя концепция (дельная) шизофрении, вскоре меня пригласили организовать лабораторию психических болезней в одном второсортном, но незапятнанном НИИ Психиатрии, и через две недели один из компонентов концепции, к счастью неопубликованный, невежливые психиатры спровадили в частных беседах в помойку.

Ежели гениальная мысль летит в помойное ведро через недели или месяцы, это истинное Высшее Божественное Благо, мне однажды пришлось целый год проэкспериментировать впустую, причем идея была абсолютно правильной, а то, что она технически неосуществима, выяснилось (неожиданно) ещё через год. Ну вот, нужно создавать тяжким трудом новую концепцию шизофрении, явно музыку будущего – позднее загадку блестяще решила моя сотрудница, от которой за это оставили ножки да рожки – пока надо делать что потруднее, слабоумие, эпилепсию. Помню, как недели через две после моего переселения в психиатрию, ко мне зашел проезжий психиатр и дал следующее определение:

Если к Вам в больничный кабинет зайдет больной и после беседы (и 2-3 недель лечения) скажет: «Знаете, доктор, меня лечили долго и многие врачи, но вот только Вы мне действительно помогли», – наводрите уши и ждите дальнейшего. А в дальнейшем этот (очень аккуратный, методичный, ласковый и любезный) больной через пару недель сообщит Вам о злобности и хамстве и прочих пороках больного, что

лежит наискосок от него. Ещё через три недели ждите по поводу выеденного яйца грандиозного скандала от этого наимилейшего больного, с привлечением парткома, директора и всех святых. Короче, подлиза, ябедник, лицемер, склочник, мелочный, занудливый и т.д. – и самый лучший человек в мире.

Но ассоциация с Достоевским пришла гораздо позже, а пока я начал непредвзято читать повесть за повестью, рассказ за рассказом, и с каким-то ужасом вижу, как методично он заставляет своих персонажей попадать в лавины унижений. Даже «Униженные...», тут ещё Deus ex machina девушка ускользает от позора. Но вот «Двойник», «Муж под кроватью» и уж бидистиллированный «Скверный анекдот». Ну ведь так и видишь, что каждому персонажу отваливается и изобретается максимум возможных, безвыходных пакостей. Ну «Братья...». И зачем понадобилось именно такое происхождение Смердякова от Елизаветы Смердящей и дорогого папаши – Карамазова? Ну, зачем рассказывать Грушеньке тайну Екатерины? Почему Настасье Филипповне без конца размахивать знаменем своего растреления в 16 лет, почему нужно на основании этого пакостить активно направо и налево? Зачем компании нахалов позориться перед князем Мышкиным, зачем эта омерзительная сцена с торжественно обоснованным самоубийством с осечкой? Зачем надо Ганьку отправлять на коленях за сотней тысяч? Настасья Филипповна сразу понимает, озаренно, князя Мышкина, он ей и нравится, надо забирать его под мышку и уноситься с ним в неведомые края, хоть в Испанию, хоть куда подальше, где никто ничего не знает. Логично, естественно, просто, но она продолжает самоистязаться и истязать всех окружающих. Лично я – вовсе не человек трезвого расчета, выкаблучивал немало, и у самого Кнута Гамсуна, с евонным Гланом, Викторией, Эдвардой и всеми персонажами – посвистите – не отыщите. (Вообще, Вы совершенно идиотически произвели меня в трезвого рационалиста и т.д. и т.п., совершенно вопреки действительности, но речь не обо мне, а о Достоевском). Ну, объясните, почему Настасье Филипповне вздумалось публично измываться над ничегошеньки не подозревавшим племянником сановного прохвоста, утаскивать Мышкина из-под венца и тут же позорно бросать его, чтобы отправляться под нож купчика Рогожина? Но во всем этом есть одна красная нить, ведущая через все (не забудем и «Двойник» в числе сотни других мелочей) – провести максимальное число персонажей через все запредельные унижения, всех потопить в невылазных помойных ведрах. И это не случайно, это систематический садизм, какое-то истерическое любовование, наслаждение, смакование

унижениями. Когда, сидя на Кавказе, пришел я к этому твердому выводу, проверенному и перепроверенному выводу, не сомневался в нем совершенно... (Помните, как благонамеренно-добропорядочный Лужин подбрасывает Сонечке сторублевку, затем разоблачает воровку и сам оказывается в самой грязной помойной яме?). За что? И этого ведь в каждом произведении навалом. Но меня смутило другое: почему же все слепы перед такой очевидностью? И тут-то (простите, повторяю, пишу с разрывом в неделю) мне в Москве стал попадаться не только Михайловский, но и грома других высказываний современников о Достоевском, не только Стасовские и Тургеневские (они-то врачи), но и дневник жены Достоевского во время заграничной поездки.

Напомню (у Вас же вовсе нет времени ни читать, ни вспоминать). Издатель Стелловский заключил с Дост. кабальный контракт: если Д. не сдает рукопись в срок, все права на последующие переиздания Д. переходят к Стелловскому. Конечно, Д. деньги получил и обо всем позабыл, да в последний момент напомнили друзья. До срока – недели две, а рукопись – 10 печатных листов («Подросток»? «Игрок»? простите, маразм крепчает). Нашли стенографистку и Д. стал диктовать по пол-листа в день (а той же тут же расшифровывать). Еле-еле успели, но тут оказалось, что Стелловский прячется, не желая получить рукопись вовремя. Пришлось писать и вручать с полицейским чином, чтобы тот не мог отвертеться.

Ну, а после этого Д. дрожащим голосом, чуть ли не на коленях, умолил стенографистку стать его женой. Они поехали за границу, и Д. в первом же Рулеттенбурге проиграл все деньги, на чужбине. Началась нескончаемая серия ужасов. Где-то вымолен аванс, но вместо уплаты долга за квартиру или выкупа перезаложённых вещей жены – поход на рулетку и проигрыш до конца; и это всё повторяется по многу раз. Жена (беременная!) голодает, прячется от хозяйки, позорится перед соседями, а Д. каждый новый заем и перевод проигрывает и проигрывает. Карамазовские страсти, неудержимость. Не совсем кстати: Карамазов-отец, по достоверным свидетельствам, в т.ч. и Людмилы Федоровны, списан с отца Ф. Достоевского, до названий деревень включительно.

Кстати, не верьте вранью «Литературки»: отца действительно убили его собственные крестьяне, за садизм, издевательства, зверства, и (кажется, без ручательства), за «ухаживания» за молоденькими горничными-крепостными. Все обстоятельства убийства подробно описаны М.В. Волоцким в «Хронике рода Достоевского» (Позднее я контактировал с родственником автора труда. Есть в каком-то литархиве 2-я часть этого труда, неизданная!). А потом пытались

дело замять: убитого не вернёшь, а если всех почти мужиков деревни угонят на каторгу, то за деревню без мужиков ломаного гроша не выручишь.

Мелочен папаша был неописуемо. Есть письмо: запрашивает жену (любимую!) о серебряных ложках чайных, то ли их шесть, считая одну поломанную, то ли их шесть без неё (владелец 500 душ!) и многое в таком духе. А сверхакуратность, а сверхдотошность, мелочность, занудство, заглядывание дочкам под диваны, не спрятан ли там любовник.

Словом, если всё перечислить, то папаша – типичный 100 %, бидистиллированный эпилептоид. Справка – большинство эпилептиков, припадочных, травматических или генетических, вовсе не эпилептоиды. Но в семье Д. эпилепсия+эпилептоидность доминантно (мономерно, вертикально) наследовалась поколения четыре, хоть в «Хронике...» по психиатрической генетике напутано много, к счастью в рассуждансах, а не в фактах. (Пишу с избытком деталей, потому что Вашему поколению придется пробивать вторую часть «Хроники...» М.В. Волоцкого в печать и комментировать это, заглянув (как следует!) в мою главу об эпилепсии).

А теперь придётся все разрозненные нити связать в толстую веревку (чтобы удавить Д.). Дело в том, что эпилептоид с нарушенным самоконтролем, способный унижительнейшим образом проигрывать деньги, когда жена голодала, к тому же неудержимый картежник с юности, студенчества, человек, очень небезгрешный в других страстях, (поражает, как он мог, например, при 13-тилетней Софье Корвин-Круковской (будущей математичке) рассказывать такую суть своего будущего романа: выхолненный, одетый аглицки помещик лет сорока, выйдя на веранду своей усадьбы, покуривает сигару и вспоминает, как, в Петербурге, в гостинице к нему привела в номер трехлетнюю девочку гувернантка, и какие штуки он с этой трехлетней девочкой проделывал...)

Итак, человек не может совладать с собой, раз сам Д. не в состоянии. Итак, человек по природе тиран и садист (хоть жену-то свою он не думал унижать). Следовательно, необходим высший, карающий закон, высший бесспорный авторитет, поэтому Легенда о Великом Инквизиторе, которого, прощаясь, целует в губы Христос.

Ну, писатель волен изображать любые страсти-мордасти. Но ведь Д., протягивая «Легенду...» Победоносцеву, торжественно заявил: я написал вещь посильнее «Фауста». А слова о Белом Царе, чье имя должно прославлять выше всех! А, ultima ratio, «Бесы»? Всё это и все издевательства над всеми, выстраивается в единую линию.

И для меня, Д. – прежде всего прорицатель и первооткрыватель. Первооткрыватель потому, что он Колумб материков человеческого зла, а прорицатель и пророк потому, что на заре века предвидел, что все эти крысы из подполья действительно начнут править человечеством – и они начали.

А в заключение прошу Вас всё же подглядывать, не мелькнёт ли где-нибудь кончик хвостика Мефистофеля и оный хвостик ухватить!

На письмо не вздумайте, Христа Бога ради, отвечать. Поберегите, если не лень, до времен, когда вылезу из своего (кстати, очень комфортабельного) заключения, сняв с себя сбрую (на мне сейчас висит электрокардиограф с десятком датчиков и висеть ему круглые сутки) и заберусь за свой круглый стол на кухне.

Пока что с грустью отрываюсь от общения с Вами и сажусь за приведение в порядок своей картотеки, в которой фигурирует, кстати, и «третий еврейский каталог» с точными предписаниями, каким, по пророку Моше, надлежит быть еврею, и, что, меня потрясает, имеется рисунок с десятком фигур и подписью «Танцуем вместе»⁶, лопни мои глаза.

Впрочем, пока я занимаюсь главным образом комбинированием выписок, посвященных генералу Самсонову в августе 1914 г.

Ваш В. Эфроимсон

В. П. Эфроимсон – Елене Макаровой

Дорогая Елена Григорьевна, письмо приходится начинать с самых глубоких извинений, не просьбы, а просто мольбы о прощении. Произошло событие очень обидное для Вас, но вдесятеро более обидное для меня. Я получил Ваше письмо, и по обыкновению, отложил его, чтобы прочитать, когда разгрузюсь от повседневной мелочевки, смогу целиком влипнуть в чтение и тут же написать ответ. А дела у меня были совершенно неотложные: я перетаскивал горы своих рукописей в заветное место, на случай весьма вероятных новостей со стороны ССС: пусть сохраняются до лучших времен. Как выразился один композитор, кажется Пуччини: если бы ему предложили стать сразу прославленным, богатым и знатным, и чтобы его оперы везде играли, но после смерти всё это забыли, либо продолжать быть безвестным, нищим, но чтобы после смерти его музыку бы его играли и её бы любили, он, не колеблясь, выбрал бы второе. И вот, перегрузившись, таща сумки

6 Я послала Эфроимсону свой рисунок к повести «Танцуйте с нами», которая входила в книгу «Переполненные дни», но повесть зарезала цензура, а рисунок к преступной повести на обложке остался.

с рукописями, я сунул в карман Ваше нераспечатанное письмо, рассчитывая в тишине, спокойно, прочитать. Письмо нахально торчало у меня из кармана плаща, и, когда приехал на место, оказалось, что оно выпало где-то на улице, м.б. в такси, скорее на улице. Огорчение и озлобление на себя самого Вам трудно представить. Это старый приём: отложить и греться предстоящей радостью. Не очень обижайтесь. Все эти дни я просто сокрушался из-за своего недотепства, которое, кажется, становится совсем повседневным. Была надежда: конверт не вскрыт, какая-нибудь добрая душа поднимет и бросит в почтовый ящик. Вернулся домой, но письмо Ваше так и не пришло, доброй души не нашлось. Надеюсь только, что Вы вспомните содержание письма и расскажете мне при встрече. Надеюсь, что Вы амнистируете меня, понимая, что мне происшедшее куда обиднее и больнее, чем Вам.

* * *

Я настолько завален текучкой и настолько утратил силы, что вот к сегодняшнему дню успел прочитать 1/3 того, о чём все говорят, от чего все в восторге: «Дети Арбата». Я тоже в восторге, но вижу, что автор абсолютно ничего не понял в Сталине, да и не мог понять. Я-то понял только потому, что почти 70 лет занимаюсь историей и 6 1/2 лет заведовал блестяще работавшей (вопреки палкам в колеса) лабораторией генетики психических болезней. О Сталине довольно долго надо писать, чтобы получить верный анализ, от сей тематики воздерживаюсь. Но вот в одной из В. книг, которые мне очень помогли пережить состояние полной психической инвалидности, «Принцесса в Берлине»⁷ я нарвался на несколько строк, которые мне окончательно разорвали туманное место в истории. Вообще-то книга прекрасная, она необычайно ярко, четко показывает, как органично вырос и нацизм, и антисемитизм в Германии. Вот об этом-то я и хочу Вам написать, так как этого нет ни в «Гениальности», ни в «Этике», точнее о том, как несколько строк разорвали для меня туман непроходимого вранья и поставили точки над і там, где я только что-то смутно подозревал: появилось отсутствующее звено. Так как это Plusquamperfectum для всего Вашенского поколения, придется писать подробно.

Где-то у меня в отрывке, ещё не вставленном в рукопись «Этики», описывалась эпопея генерала Самсонова, по официальной истории простачка, который дал немцам возможность уничтожить целую армию при Мазурских озерах (в немецких версиях – при Танненберге, в честь отплаты за поражение Ордена

7 Артур Солмссен. Принцесса в Берлине, 1988 г.

Меченосцев, во времена Ягайло). На самом деле А.А. Самсонов был величайшим героем, а возможно, одним из величайших полководцев 1-ой мировой войны, «автором» «Чуда на Марне», спасителем Парижа⁸. Размазывать это не буду, сможете прочитать в машинописи. Но немецкая сторона мне была не ясна, я понимал, что официальная история и тут сжульничала, но масштабы и детали мне были совершенно непонятны. Я знал, что Гинденбург⁹ на вопрос журналистов, кто же выиграл битву при Танненберге, Гинденбург или Людендорф¹⁰, ответил: «Это я Вам в точности сказать не могу. Но зато могу точно сказать, что будь битва проиграна, то отвечать пришлось бы мне». В другом случае Гинденбург заявил, что будь эта битва проиграна, в Германии не было бы более презренного, ненавистного имени, чем имя Гинденбург. В воспоминаниях Людендорфа по поводу событий этой битвы говорится: «Мы, наконец, преодолели свои сомнения» (перед самым началом они серьёзно подумывали, не повернуть ли свои войска против Ренненкампа¹¹, наступавшего с востока. Самсонов ворвался в Восточную Пруссию с юга). Но Людендорф не упоминает, как, почему, из-за кого они преодолели свои сомнения, вообще даже не

8 А знаете ли Вы, что я в Самсонове копался и установил, что он был одним из величайших полководцев первой мировой войны (чего не понял Солженицын, а понял я – потому что родился много раньше его и ходил, с глазами, вылезшими на лоб от любопытства, и с ушами от этого же растянутыми от пола до потолка). И ключами к его титанической победе – например, строки Н. Гумилёва: Лишь через наш холодный труп / Пройдут враги, чтоб быть в Париже. (Из рецензии В.П. на «В начале было детство»).

9 Пауль фон Гинденбург, немецкий военный и политический деятель. Видный командующий Первой мировой войны: главнокомандующий на Восточном фронте против России (1914—1916), начальник Генерального штаба (1916—1919). Прусский генерал-фельдмаршал (2 ноября 1914). Рейхспрезидент Германии (1925—1934). Именно он назначил Адольфа Гитлера рейхсканцлером, президентским декретом поручив ему сформировать правительство.

10 Эрих Людендорф, немецкий генерал пехоты. Автор концепции «тотальной войны». С начала Первой мировой войны — начальник штаба у Гинденбурга, вместе с последним получил общенациональную известность после победы под Танненбергом; с августа 1916 года — фактически руководил всеми операциями германской армии. После окончания войны близко сошёлся с Гитлером, принимал участие в Пивном путче, но вскоре разочаровался в нацистах и перестал участвовать в политической жизни в 1933 году.

11 Павел Карлович Ренненкамф, российский военный деятель конца XIX — начала XX века. Участник китайского похода русской армии, русско-японской войны и Первой мировой войны. Расстрелян большевиками в 1918 году.

упоминается имя подполковника Гофмана¹², который не только замыслил Канны для Самсонова, но и произвел все нужные для этого передвижения войск, и не без основания. А основания были: Гофман был военным атташе в войну макаков с кое-каками и в 1904 г. был свидетелем того, как огромные силы японцев при Вафангоу навалились на дивизию Самсонова, как из штаба армии слали приказы Ренненкампу идти на помощь Самсонову, как о том же просил Ренненкампа его сосед, Самсонов, как Рен. не двигался, и Самсонов, проявив исключительную храбрость, вынужден был отступить.

Через год, когда Самсонов и Ренненкамф встретились на платформе Мукдена, Самсонов дал Ренненкампу пощечину. Николай II запретил дуэль. На трусости Ренненкампа и построил план Гофман, переубедил и Людендорфа, и Гинденбурга. А о нём ни тот, ни другой – ни слова. А вся слава досталась им. Впоследствии Гофман, не в чине фельдмаршала, ген.-полковника, ген.-лейтенанта, а всего лишь генерал-майора, командовал всем Восточным фронтом и заставил большевиков подписать Брестский мир. Так вот, в романе «Принцесса в Берлине» я случайно в тексте нарвался на: все в штабе знали, что прорыв под Горлицей, уничтоживший русскую армию на Восточном фронте как активную силу, спланировал и осуществил фон Зеект¹³, хоть вся слава была приписана Гинденбургу (враньё, в 1916 г. русская армия вдребезги разбила австрийскую).

Вы, конечно, вообразили, что я в результате (несомненного) маразма впал в детство, играю в солдатки.

Никакого впадения в детство, хоть маразм крепчает. Мне просто раскрылась суть дела. И Гинденбург, и Людендорф, хорошие специалисты военные, были сволочами, хамами и тупицами (кстати, ни Гофман, ни фон Зеект нигде на них не жалуются). Когда выяснилось, 20 июля 1918 г., что война проиграна, и надо немцам уходить из Франции, они, отступая, в безнадежном состоянии, получили приказ уничтожить все-все уцелевшие или полууцелевшие дома, вырубить сады, виноградники. Шедшие за ними франц. войска видели это злобное, уже бессмысленное уничтожение, и отсюда вопль «Германия должна платить», отсюда

12 Макс Гофман, германский генерал и дипломат, сыгравший видную роль в событиях Первой мировой войны.

13 Ханс фон Зеект, командующий вооруженными силами Веймарской республики. В июне 1916 стал начальником штаба при австрийском герцоге, а в декабре 1917 начальником штаба Турецкой армии. Вернулся в Германию в 1918. Аккуратный, пунктуальный, элегантный, он получил в армейских кругах прозвище "Сфинкс с моноклем".

Версаль с наложением на Германию немислимой контрибуции в 200 миллиардов марок золотом (выплатили 15 миллиардов фунтов стерлингов, получив от США и Англии займов на 10 миллиардов фунтов, фунт – примерно 20 марок золотом); отсюда хаос 20-х годов, тем более что именно Гинденбург и Людендорф бросили от имени армии версию «Непобежденная в бою», а не якобы социалисты, коммунисты и прочие жиды. Отсюда Гитлер и т.д., убийство еврея Вальтера Ратенау (дважды спасшего Германию), изгнание Фрица Габера¹⁴, тоже спасшего Германию, пустившего в ход ядовитые газы, отсюда приход Гинденбурга (при огромной, хоть косвенной помощи некоего гения), затем Гитлера.

Вот это замечание, 3 строки относительно того, что именно фон Зеект, а вовсе не Гинденбург, спланировал и выиграл прорыв при Горлице, а Зеект, слава же досталась Гинденбургу – окончательно прояснила суть дела. Ведь по всеобщей версии – Гинденбург – воплощение немецкой порядочности, стойкости, надежности. А он – прохвост. Кстати он позднее выгнал гениального организатора Рейхсвера фон Зеекта под ничтожным предлогом. Рейхсвер достался Гитлеру, со всем своим блестящим Генштабом и офицерством, отобранным по принципу наилучший, наиперспективнейший реже унтер, чаще офицер, постоянный или ещё не утверждённый из 80 (была в 1918-1919 г. безработица, демобилизованным некуда было деваться).

Допускаю вполне, что Вам это не особенно интересно. Но для меня это Софокл: «Суровыми путями ведет нас Богиня, сидящая у руля судьбы».

Вещь, которую могу забыть и не передать. В разное время, из разных отрывков у меня создался внутренний облик Мао. Потом вдруг вспомнил, как в разное время два разных профессора психиатрии мне мимоходом сказали, один, что он лечил в Москве Мао от эпилепсии, другая – что лечила от эпилепсии сына Мао. При таком вертикальном наследовании, это почти наверняка не просто эпилепсия, а комплекс эпилепсия-эпилептоидность.

Что такое эпилептоидность? Эпилептоид, если одним словом – сволочь. Кстати, в семье/роду Достоевского наследовали именно этот комплекс. О Достоевском Вам писал или говорил. Важно то, что

14 Фриц Габер, немецкий химик, лауреат Нобелевской премии по химии (1918) за вклад в осуществление синтеза аммиака (процесс Габера-Боша), необходимого для производства удобрения и взрывчатки. Габера называют «отцом химического оружия» за его работы в области разработки и применения хлора и других отравляющих газов во время Первой мировой войны.

историю очень сильно направляют личности у рычага.

Написав сей ученый труд, я опять вспомнил чеховского профессора (не из «Дяди Вани», дудки), а из р. «Скучная история», к которому приходит развлекать его научными анекдотами его зануда-помощник.

Ничего, в худшем случае передадите это письмо Е.А¹⁵, которая сейчас на Кольском полуострове, у мужа, в Дальних Зеленцах, она вплавит эту всю муру в «Этику».

Получил, наконец, справку из ВИНТИ, что мой двухтомник по гениальности разошелся в 250 экз. Неплохо, если учесть, что экз. стоит 44 тугрика, и были ещё распечатки на папиросной бумаге ценой 15-20 ре за экземпляр.

Читал в «Литгазете» от 3.6 статью – круглый стол «Экономика на перепутье» (прочитайте!) Ей-богу, не знают, как трех свиной накормить, в трёх соснах заблудились. Меня конечно, на такие «круглые столы» не приглашают. Впрочем, пару недель назад был такой круглый стол в Доме литераторов. Добился слова на 15 минут, наговорил себе на 20 лет (по котировке доперестроечной), но надо было бы говорить минут 40, ясно рассказать, не от имени диссидентов, а от имени отсидента, что ждёт, если перестройку затормозят, что собой представлял И.В.С., чем США и Япония будут бить СССР, если перестройку не ускорить. Горжусь тем, что сказал твердо «Отчество в опасности». Надеюсь вскорости получить стенограмму своего выступления, хотя после стенографирования оно явно отредактировано. Я не думаю, чтобы Вы прочитали сами «Советскую Культуру» от 17.02.87 г., стр. 6. Интервью с Дудинцевым «Генетика совести»! Книга пользуется огромным успехом («Белые одежды»). А в интервью Дудинцев поминает добрым словом меня.

Но замечательно то, что Дудинцев получил от меня том о Лысенке осенью 1956 г., на кольце «Б», около Склифософского. В 1957 г. у него был готов первый вариант романа, но его отфутболили во всех издательствах. С «перестройкой» он начал вновь хождения по редакциям, получил много раз коленкой под спину, наконец опубликовали, через всего 30 лет.

Дорогая Елена Григорьевна, я такую уйму всякой всячины смог Вам написать прежде всего потому, что после полутора месяцев дикой бессонницы начал приходить в себя. Очень, очень хочется, чтобы Вы меня искренне простили за идиотскую историю с письмом, рассказали бы, ежели вспомните, что было в нем, но вообще просто необходимо видеть Вас. Многократно целую пару В/передних лапок.

Ваш В. Эфроимсон

15 Елена Артемовна Изюмова (Кешман).

В. П. Эфроимсон – Е. Г. Макаровой*Август 1987 г.*

Дорогая Елена Григорьевна. Пишу вдогонку, что меня просто поразили стихи В/отчима¹⁶. Считайте меня примитивом, но я очень люблю хорошую, звонкую рифму (конечно не розы-грёзы, ласки-сказки-глазки), чеканный стих. А мне редко приходилось читать в журналах хорошие стихи, так редко, что я их многие годы просто пропускаю. Здесь произошёл просто что-то вроде вполне контрольного эксперимента. Глаз случайно упёрся в какую-то строфу, она автоматически, ну как вывеска на магазине, была прочитана, заинтересовала, понравилась, прочитал уже сознательно всё стихотворение, понравилось, прочитал остальные восемь, понравилось, посмотрел имя автора... да где это имя я слышал, что-то знакомое. Вспомнил и сразу увидел, что Вы вовсе не зря ухаживали за своим отчимом, когда и без него хлопот полон рот. Затем стал читать и стихи какой-то Лиснянской. Тоже очень даже понравилось. Потом вспомнил, кто это, откуда фамилиё мне показалось знакомой. Ну и чёртова же семейка!!

Теперь понимаю, что работала и генетика, и социальная преемственность, только в результате их взаимодействия мог вырасти такой фрукт, как Вы.

Вероятно, мне было бы трудно обойтись без Вас, если бы на меня не напала бессонница + абсолютная неспособность работать. Причину я Вам объяснил: когда, ломая себя, режешь по живому мясу, а потом получается пшик, то ничего не может помочь. Такая штука произошла со мной второй раз в жизни.

Первый раз в 1937 г.: работал по 16-18 часов в сутки лихорадочными темпами, поражая выносливостью (Ташкент). До окончания сезона (а итоги подводятся 2-3-4 месяцами позже), мне выдали приказ об увольнении с работы за её неэффективность на протяжении 1 ½ месяцев и, когда я пошел жаловаться по инстанциям, дополнительно объявили врагом народа. Потом меня восстановили на работе (и я продолжал оставаться неарестованным врагом народа). И вот, после восстановления, начался кризис: я не мог работать (титул врага народа с меня сняли ещё через год), а за четыре месяца 1937-1938 г. я написал монографию по генетике тутового шелкопряда. Её защитил я в качестве докторской, только в 1946 г. Экспертная комиссия признала её выдающимся научным трудом, но диплом получил только в 1962 г.

* * *

Родная Елена Григорьевна, я принес длинное покаяние по поводу утери непрочитанным В/давнего

16 Стихи С. И. Липкина.

письма. Оно содержится в громаднейшем письме, отправленном в Ваш Московский адрес, не буду здесь пластаться и повторяться.

Перехожу к важнейшему. В журнальном зале Ленинской библиотеки происходит нечто небывалое, невиданное мной с 1924 г. (не считая двух десятилетий вынужденных перерывов в хождении). Зал взбесился. Ж. Дружба народов имеется в одном экз. в открытом доступе, 2 в фонде, сделано ещё 3 ксерокса, но к каждому, заполучившему № с «Дети Арбата» сейчас же подсаживается очередь. Временный владелец обычно не выдерживает и убегает читать в другой зал. Что до меня, то я Вам свои впечатления и переживания здесь описывать не стану, к приезду Вы сможете хапнуть их у меня в машинописном виде, правда, замешанном в густой винегрет.

После полутора месяцев безделья, в которое меня вверг директор ИоГена, первоначально, прочитав мой ксерокс, предложивший его издать, а потом, когда кастрация была произведена, перетрусивший (надо его амнистировать, его всё равно без боя снимают). Возможно, впрочем, что к В/приезду где-то жалкий огрызок выйдет, так страниц на 10, с обещанным продолжением. Меня очень радует то, что период острой немочи у меня, кажется, начал проходить. Я почти перестал ходить в Ленку¹⁷, реферировать то, что уже не успею соединить в целостную концепцию, а раскладываю пасьянс из карточек и готовлю на машинку то, что уже заготовлено вчерне.

Е.А. уехала на Кольский полуостров к мужу, забрав с собой обеих своих детей. Но старший, окаянный Серёжка, в Ленинграде ухитрился попасть под машину, к счастью отделался сравнительно легко, и вся тройка пасётся в Л-де, наслаждаясь глазением. Меня съедает черная зависть, но мне-то увязываться за ними не следовало: действительно, у меня начались приступы мерцательной аритмии, пришлось раз вызвать скорую, отчётливо представляю, сколько хлопот доставило бы это, если бы я увязался в Л-д или с Вами. Мефистофель всё не реализуется, к чему Вы, презренная обманщица, относитесь преступно равнодушно.

На меня произвело огромное впечатление реабилитация Маши, Гринёва, Савельича, Мироновых, которую так искусно проделала Ольга Чайковская в Литгазете¹⁸. Она же написала блестящую статью об одном расследовании, когда пожилого профессора затаскали по тюрьмам. Мне, сверхопытному в следственных делах, и всё-таки понимающему, что не

17 Ленинская библиотека.

18 <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/GRINEV.HTM>

попасться в похищении Собора Парижской Богоматери можно только полным отказом от дачи показаний, её очерк чрезвычайно понравился. Ежели Вы не читали эти с-цы Литературки, придётся прочитать, я лично замечаю, что «перестройка» очень быстро происходит именно в литературе и боюсь, что это фиговый листок, изображающий «гласность» для Запада, тогда как всерьёз ни гласности, ни перестройки не происходит и не произойдет. Очень подозрительным в этом отношении показалось мне назначение взамен ушедшего по старости крупнейшего ученого и порядочного Александрова серым и непорядочным ... Х (центр памяти на имена у меня не работает с 1949 г.). У меня постоянно останавливаются коллеги с севера, юга, востока (Новосибирска) и я преотлично знаю, что Х серый, тупой бюрократ и очковтиратель. Но его по приятельству сделали Председателем Госкомитета Науки и Техники, взамен истинно государственного человека Кириллина, а теперь, развалив работу в Госкомитете, он в АН начинает стремительно сколачивать свою мафию. Он поднял ввысь Н. П. Дубинина¹⁹, Лысенко №2, с той разницей, что в очковтирательствах Лысенко можно было разобраться на уровне таблицы умножений, а вот в Н. П. Дубинина только на уровне таблицы логарифмов.

На Западе твердо уверовали в то, что Горбачев вовсе не комедиант и не пустозвон, что он понял абсолютную необходимость перестройки и её старается провести, но очень, очень сомневаются, сможет ли он преодолеть свою Номенклатуру. Судя по кардинальной промашке с АН, видимо, нет, но хоть стало интересно читать журналы и газеты.

По поводу Дудинцева и ему подобных был вечер в Доме Литераторов, меня неожиданно выбрали в президиум и даже дали слово. Прежде чем президентствующий прохвост сообразил, как бы это ловчее меня прервать, я успел наговорить если не на 15 лет (времена не те), то, безусловно, на 15 суток. Аудитория была очень обрадована.

Дорогая Елена Григорьевна, то, что Вы пишете о детворе, об «освобождении слона» теперь нужно, как хлеб насущнейший, больше, чем хлеб. Акад. Пед. Наук разругали где-то очень крепко и подделом, но вакуум, вакуум, ещё раз и тысяча раз вакуум. Абсолютно необходимо продумать программу развития для малышей, детей, подростков. Мне заказали статью в «Знамени» и даже объявили в числе будущих авторов, но я никак не выбираюсь из струи своих размышлений совсем в другом плане. Значит, Вам надо писать, писать и писать.

Произойдёт ли перестройка в педагогике по настоящему, ведает один Аллах, за то, что забрали в Армию студентов после второго курса, придется ой-ой-ой как расплачиваться, и законы проклятушей социобиологии до верхов не дошли (фортели Н. П. Дубинина). Но тем более необходимо думать и писать в этом направлении.

Без счёта целую Ваши лапы и надеюсь это осуществить де факто. Бросаю письмо, потому что нужно срочно подготовить к отправке машинистке то, чем Вас намерен чебурахнуть по кумполу по приезде. Ваш обожающий Вас, хоть и забытый, забитый
В. Эфр.

31.8.

P.S. Мне немного страшновато, что этим письмом я вырву клочок из Ваших и без того «переполненных дней». Но после многих лет одиночества, бесконечного сидения сиднем в Ленке и пропуска через себя бесконечных потоков информации (я ведь давно там почти ничего не читаю, а только пробегаю по диагонали и реферирую), просто тянет пообщаться с таким человеком, как Вы. Пеняйте сами на себя!

В. П. Эфроимсон – Е. Г. Макаровой

Лето 1988

Дура. Дмитрий, Ульяна, Роман, Александр.

Видите ли она безблагодатная. Ей, видите ли, становится скверно от того, что кто-то чем-то отвлечет. Видите ли, ночью крутятся какие-то «образы», а потом их стирает кухня, завтрак, обед, (ужин), да и детки крутятся, и муж ещё, «да и злоба на стояние у плиты, и тонет главная идея о торжестве человеческого духа, теплящаяся где-то на дне сознания». Всё это, в особенности сознание своей полной исчерпанности, тупости, бесплодия мной пережито уже сотни раз, и каждый раз чувство абсолютной уверенности, что всё и навсегда закончено, прикончено, не вернётся, остаётся прозябать. И прозябаешь, и прозябаешь, мрак, уныние, безделье или бездумная, механическая работа.

А потом, через недели, месяц, проходит в пустоте нечеловеческая усталость, бессилие, и начинается что-то придумываться, всё быстрее и быстрее. Между прочим, занимаясь биографиями, обнаружил, что догадка приходит не в ходе концентрированного труда, а из-за периода безделья.

Чудесно, что Вы отослали в «Совпис» свою книгу (вёрстку), да ещё на 458 стр²⁰. А то, что теперь она кажется Вам малоинтересной – тоже понятно. Лично я никогда не мог перечитывать свои изданные

19 Николай Петрович Дубинин, советский генетик.

20 «Открытый финал», Советский писатель, 1989 г.

книги. И великолепно разоблачает Вас то, что Вы очень соскучились по своей маленькой комнате. Если соскучились, то уже на полувзводе, отдохнуло, отдышалось то, что нужно. А со своей ребячней, хочешь не хочешь, побыть оченно даже надо, между прочим, уверен, что очень даже хочешь.

А то, что работа кажется самой нужной и важной вещью в жизни, то для Вас это-таки так, и в этом Ваше своё специфическое счастье, хоть Вам будет дико завидовать, причём, конечно, вовсе не тому, что напишешь, как написано, а тому, что вот, сволочь, гадина и т.д. и т.п. издаётся.

А что Вас опять ждёт сумасшедший дом с выставкой²¹, с США и т.д., то на это есть наша старая формула зеков «Бог даст день, Бог даст пайку». Ну а если ДОМ «выходит из-под моей женской руки», то ведь ребятки-то уже подросли – валите всё на них, уверяю, это им полезнее Вашей женской руки.

А доказывать, что Фридл²² Вы выдержите – уже не надо. Доказано.

Что нужно нам сделать – это власть Господня, А что мы сделали, то с нами по сегодня.

У меня над столом пришпилена фотография Майи Плисецкой и рафаэлевская Мадонна. Году в 1921 в Москву приехал Сандро Моисси. Он играл «Живой труп», говорил почти шепотом на немецком языке, я сидел на галёрке и всё понимал, а в огромном зале все замерши сидели. Я ясно вижу столик с ним и анархистом в круге света, а в кулисах начинает шнырять будущий шантажист. Всё вижу ясно и ясно, что уже не успею забыть. Лет через 40 я видел Майю в Кармен-сюите. Она танцевала свой танец обреченности смерти. Я шел потом и думал, что посмотри я её годами 20-30 раньше, то куда хуже следовал бы.

«Из пророка, познавшего женщину, семьдесят семь дней не говорит Бог». Пожалуй все же великое счастье, когда из тебя говорит Бог... Но... есть и другое счастье. Кажется, Вам дано другое счастье, а то, что из Вас говорит Бог, это тоже очевидно, во всяком случае, мне.

В. Эфр.

Из рецензии В.П. Эфроимсона на рукопись книги «В начале было детство»

[...] Сообщу один афоризм собственного доморощенного производства: «В науке важны не

21 Выставка «Рисунки детей концлагеря Терезин» была открыта в июле 1989 года, Эфроимсон тогда уже был тяжело болен. А в Америку я улетела уже после его смерти.

22 Фридл Дикер-Брандейс (1898 - 1944), героиня моего романа «Фридл», вышедшего в НЛЮ в 2012 г.

знания сами по себе, а те ассоциативные возможности, которые они открывают». Поэтому дети (почти все) вовсе не гениальны, они просто ещё ничего не знают и не стеснены тем миллионом абсолютно реальных фактов из мира «этого не может быть, потому что этого быть не может», которыми мы совершенно бездумно руководствуемся во всех наших абсолютно бездумных, но правильных действиях. Ну вот, вероятно Вы хоть немного знаете шахматную игру. Так ни один шахматист не сделает натуральный первый ход h2-h4, чтобы вывести сильную ладью h1 (потому что противник первым же ходом откроет своего офицера и поле h3 будет закрыто). Ни один шахматист не попытается сделать детский мат выводом королевы, потому что противник сразу детский мат предотвратит, а потом начнёт гонять королеву, развивая свои фигуры.

Детёныш ровно ничего не знает, поэтому лишён автоматизмов, поэтому рисует всё чёрт знает зачем, чёрт знает как, а родители ахают и восторгаются, как одна моя знакомая, и потом удивляются, куда всё исчезло. А исчезло потому, что ребёнок начинает соображать: дом-то больше человека и т.д. и т.п., добирается до перспективы. Другое дело, если человек, «взрослея», сохраняет детское любопытство и с седыми волосами, другое дело, если он сохранит детскую способность восторгаться, воспламеняться, вбирать в себя впечатления, запоминать и обратно же и т.д., и т.п. Другое дело, если он, как Высоцкий поёт так, как будто это каждый раз он поёт в последний раз. Другое дело, когда Марине Цветаевой стол:

«Твердивший, что каждой строчке
Сегодня – последний срок».

Я исписываю страницу за страницей, но молю Бога, чтобы Вы ничего не вставляли в свою книгу. Она – не последняя, пусть всё, что годится, войдёт в следующую книгу²³.

В. П. Эфроимсон. Наброски для статей

Когда Эйнштейн опубликовал свою теорию относительности, математики и физики её первоначально встретили как «вещь в себе». Хочешь знай, не хочешь – не знай, это есть нечто «непроверябельное», выражаясь на жаргоне лабораторных физиков и математических крыс. Но в 1919 году физики отправили экспедиции в противоположные части света, из которых можно было наблюдать полное солнечное затмение. Вдруг оказалось, что проходя мимо Луны, лучи Солнца действительно искривлялись под действием

23 Из рецензии на рукопись книги «В начале было детство».

притяжения, как это предсказывала теория Эйнштейна, причём именно настолько, насколько это следовало по теории ожидать, с отклонением на 2% от предсказания, что укладывалось в рамки ошибки астрономических наблюдений. Учёный мир оцепенел, и Эйнштейн оказался величайшим физиком-математиком мира.

Через десяток лет стало известно, что Эйнштейн создал какое-то новое открытие и будет его докладывать. Берлинские и приезжие физики, математики и прочие собрались, и Эйнштейн сделал доклад с вычислениями на доске. Когда он кончил, председательствующий спросил, имеются ли вопросы к господину академику Эйнштейну. Наступило почтительное молчание. Но оно было прервано: в задних рядах наверху поднялся какой-то человек и сказал: «Второе уравнение на доске не вытекает непосредственно из первого, необходимы допущения, которые не доказаны. Кроме того, в ходе вычислений на доске допущены две ошибки». Весь зал повернулся спиной к доске и уставился на нахала. Весь зал, но не Эйнштейн, который смотрел на доску. Минуты молчания. Затем Эйнштейн повернулся к залу и сказал: «Молодой человек там, наверху, совершенно прав. Вы можете забыть всё, что я вам сегодня рассказывал». Этот молодой человек был Л. Д. Ландау.

Соавтор знает, что существуют биологические механизмы гениальности мышления, которые, однако, в огромном большинстве случаев не срабатывают из-за механизмов социальных. Поэтому замечает, что отец остролицего Л. Д. Ландау, крупный бакинский инженер, и его мать, врач, создали сыну идеальные условия развития. В частности, он сверххорошо кончил школу и университет. По всему учёному миру прогремело: какой-то молодой наглец, какой-то Ландау осмелился опрокинуть теорию, с которой выступил сам великий Эйнштейн, и сам Эйнштейн признал, что этот сопляк прав.

Прошло ещё много лет, и Ландау был арестован. Пошли письма зарубежных физиков с протестами против ареста учёного, который, кроме эйнштейновского инцидента, прославился рядом своих открытий. Писали величайшему гению всех времён и народов небезызвестные Нильс Бор, Эйнштейн и другие. Писали письма, тем более, что от кого-то из освобождённых или, скорее, осуждённых, стало известно, что Лев Давидович Ландау осуждается в шпионаже в пользу нацистской Германии, что было уж окончательно сапогами всмятку. Ландау просидел полтора года. Академик П. Л. Капица пошёл к Молотову и заявил ему, что если Ландау не будет немедленно освобождён, то он, Капица, немедленно уйдёт из института. Ландау был освобождён. Он сообщил, что ещё полгода заключения он бы не протянул. Он дал и

характеристику отваге Капицы, которую ныне никто моложе 50 лет не оценит.

* * *

П. Л. Капица вообще позволял себе кое-что. Когда один активист произносил в Академии наук пламенную речь о необходимости исключения А. Д. Сахарова из Академии наук, он заявил и оговорку: «Правда, не было прецедентов...» И здесь раздался голос П.Л.Капицы: «Есть прецедент!». Оратор замер от неожиданной поддержки. Замер и зал: «Как, Капица за исключение?» Капица спокойно повторил: «Есть прецедент». Зал окончательно оцепенел. Выдержав паузу, Капица сообщил: «Гейббельс исключил Эйнштейна из Берлинской Академии наук». Автору неизвестно, реагировали ли господа академики свистками или бурей аплодисментов, продолжал ли оратор свою блестящую аргументацию или нет, но вопрос об исключении А. Д. Сахарова на голосование поставлен не был.

Капица однажды, году в 1978, пригласил соавтора к себе, чтобы расспросить о происхождении его идей, изложенных в его статье «Родословная альтруизма» («Новый мир», 1971, №10). Автору было что рассказать. Он пришёл к своим выводам о врождённости альтруистического начала вовсе не на основании аргументов, приводимых в статье, а на основе личного опыта о значении взаимовыручки для выживания в экстремальных условиях. Автору довелось много жить на норах с простым народом, до войны и после войны, а также во время войны: владея немецким языком как русским, он очень часто бывал на переднем крае, во время наступлений был при опергруппе штадива, и он находился с самыми передовыми частями во время прорывов. За это время он постоянно убеждался в том, что «простонародье», прекрасно способное «ни за что» обидеть, «обложить», нахамить, насвинячить, прекрасно совмещает это с героической выдержкой и не показушной самоотверженностью. Но автор совершил глупейшую бестактность, порождённую его расовой слабостью: любопытством. Он спросил, действительно ли Капица отказался работать над атомной бомбой (о чём тогда ходили только слухи). Он это подтвердил и добавил, что Сталин сказал Берии: «Я его уберу, но ты мне его не трогай», и добавил несколько любопытных деталей о том, как, когда он работал в своей «избе физических проблем», его посетило одно лицо и, не называя имени автора рукописи (он догадался, а потом и узнал, что это был Сталин), попросил написать свои соображения. Автор спросил также, что собой представлял Сталин. Капица ответил, что Сталин был безусловно выдающейся личностью. Были и другие

детали (например, Капица принёс собственноручное письмо Сталина ему, написанное в военные годы). Становилось поздновато, рассказывать суть уже было некогда, и таким образом беседа свелась к «интервью» вместо рассказа о том, чем именно и интересовался Капица, и чему отчасти была посвящена одна из его более поздних публицистических статей.

Обожаемая Елена свет Григорьевна, под влиянием стремительно развивающегося маразма (еле вспомнил фамилию Петра Леонидовича!) решил поскорее написать и отправить Вам один из истребованных очерков-статей о том, что, кажется, не совсем общеизвестно. Кое-что, может быть, подойдёт²⁴.

* * *

Как-то один физик, главное, после падения Берии, обронил в присутствии автора: «Берия дельно руководил развитием атомной физики». Осёл не усёк, что у Берии по шарашкам и в местах похуже сидели уймы специалистов, за обещание оставить семью в покое, или другую вещь, требующую от Берии шевеления бровью или особой интонации голоса, написать ему архидельнейшие планы, инструкции, приказы, распоряжения. Конечно, никто из этих «консультантов» впоследствии ничего не сказал, не написал о выполнении им заданий начальства, которым мог быть в ином случае и младший лейтенант ОРГАНОВ.

* * *

Автору рассказал «настоящий» академик АМН (из-за избытка псевдоакадемиков приходится добавлять определение «настоящий»), П.Ф.Зуродовский, владетель Пастеровской медали, то, что ему рассказал маршал... Жуков, с которым вместе они отдыхали в санатории. Во время заседания политбюро в Георгиевском зале Кремля, все присутствующие были чрезвычайно почтительны с Берией. Выход из Георгиевского зала вёл через небольшую комнату, где сидели офицеры из диверсионной школы Жукова. Когда Берия проходил через эту комнату, его молниеносно схватили, сунули кляп в рот, связали, закатали в ковёр, вызвали коменданта Кремля, под пистолетным дулом приказали ему подать грузовую машину, а на приворотные посты дать приказ пропустить машину без досмотра содержимого и людей.

Непроверенный рассказ одного майора: он был дежурным по Штабу Московского военного округа, когда получил приказ, самый приятный в его жизни: принять на строжайшую охрану Берию и в случае приближения войск ОРГАНОВ открыть огонь без предупреждения.

* * *

Совершенно непроверенное продолжение: Берия, когда его вели на расстрел, упал на колени и стал умолять сохранить ему жизнь.

* * *

Факт достоверный: автору с начала 1955 г. до начала 1956 г. довелось вести малюсенькой клинической лабораторией при больнице. Однажды к нему пришел делать анализ крови статный красавец старшина. Я взял безымянный палец руки, но как только попробовал приложить иглу Франка (бывшую тогда в ходу), настроенную на тонкую кожу, как он вырвал у меня руку. Снова взял палец, и он снова рванул руку, рванул и в третий раз. Я взял палец четвёртый раз, заговорил чем-то зубы, кольнул, он рванул четвёртый раз, но я ему сказал: «Всё!» и начал брать кровь в разные полагающиеся трубки.

Когда он вышел, я сказал своему помощнику:

Я почти всегда благополучно беру кровь с первого раза, редко-редко бывает, что пациент струсит, рванет раз палец до укола, а тут четыре раза рвал руку. А ведь такой редкостно высокий, стройный, красавец из красавцев, и ведь старшина, а четыре раза рвал руку от иглы.

Помощник, знавший всех и вся, ответил мне:

– А он вовсе не старшина. Он – разжалованный в солдаты капитан, теперь выслужился до старшины. Он вел поезд с зеками где-то за Доном, когда немцы прорвали фронт. Он поезд с зеками сжег, за что и был разжалован.

Что очень жестокие люди феноменально трусливы автору известно по другому случаю. Его как-то долго шпыняли и дразнили два подполковника ОРГАНОВ, оскорбляли и так, и этак. Он сидел на стуле, а потом вдруг, по запоздалой реакции, вскочил со стула. Оба подполковника мгновенно, прямо молниеносно, разлетелись в противоположные углы комнаты. Автор сел на стул, подполковники вернулись на свои места, один из них сделал мне замечание:

– Ваша порывистость Вас до добра не доведет.

24 Папка 2. Эйнштейн, Ландау, Капица, Берия.

Инна Мельницкая

ДОМ НА ЮРЬЕВСКОЙ

Юрьевская, 8 – вы знаете этот дом? Во-первых, это самый красивый дом на Юрьевской. Во-вторых, отсюда, из бывшей его кочегарки, зачем-то идет к реке подземный ход. В-третьих, именно здесь, задолго до Макаренко родилась первая харьковская коммуна, получившая название «Искра». И наконец, в-четвертых, здесь (только много позже) родилась я.

Родилась дохленькая, мелкая, со странным родимым пятном на правой стороне живота – чёткий, правильной формы чёрный крест! Акушерка, принимавшая роды в «Женской Помощи»¹, ахнула: «Святой жизни будет!» Другая, покачав головой, высказалась более реалистично: «Нет, это ей, видать, всю жизнь придется тяжкий крест нести!» А мудрый папа, чтобы снять с меня будущую ответственность, изрек: «Да нет, просто это Бог шельму метит». Так определилось мое жизненное предназначение.

Судите сами: вот почему я так долго живу? Сколько раз уже меня снаряжали на тот свет безжалостные врачи и безутешные родители, чем только я честно ни болела: и крупозное воспаление легких, и кровавый колит, и корь, и коклюш, и ветрянка, и еще полдюжины разных пневмоний, и туберкулез, и энцефалит; словом, «в этой маленькой корзинке что угодно для души», или, если хотите, более патриотично «сього-того по макитерці»² А я все равно упрямо топаю по нашей терпеливой земле. А почему? Потому что не могу уйти в Места Счастливой Охоты,

1 «Женская Помощь» женская лечебница в г. Харькове (открыта в 1901 году); в настоящее время Роддом № 2. Здесь и далее примечания редакции.

2 «Сього-того по макитерці, та й годі з мене» украинская поговорка, в дословном переводе означающая: «сего-того по горшочку, да и хватит с меня». Макитра (укр. макитра) широкий глиняный конусообразный горшок; в переносном и шутовском смысле – голова человека.

не расквитавшись с повисшими на мне долгами. Согласитесь – не может, не имеет права порядочный человек уйти, оставив неоплаченные долги, а я всю жизнь пытаюсь себе доказать, что при всех своих недостатках я все-таки человек порядочный...

Так вот, один из самых крупных моих долгов – это долг перед нашей Коммуной. Ибо – если не я, то кто же? Кто напишет о ней, если не осталось уже ни одного бывшего коммунара и даже сама прекрасная память о них стирается – а, может, и стерлась уже – равнодушным временем?

Почему-то наше историческое зрение не стереоскопично – наши оценки мономерны. Взять хотя бы фигуру Столыпина: то ли он подлый вешатель (вспомните «столыпинский галстук»!), то ли поминаемый ныне с умилением гениальный реформатор.

Кто сегодня знает, что в голодном, кровавом 1919 году Железный Феликс, кроме приснопамятной ЧК, создал еще одну, всеми сегодня почему-то забытую, чрезвычайную комиссию – Комиссию по борьбе с беспризорностью? После Первой мировой войны сотрясаемая войной гражданской страна кишела беспризорниками – потерянными, брошенными или осиротевшими детьми. Харьков, уже тогда крупный железнодорожный узел, был буквально наводнен голодной, разутой и раздетой разновозрастной шпаной. Издав указ по борьбе с этим бедствием, Дзержинский формировал эту комиссию не из чекистов, а из учителей, воспитателей и врачей. Вошел в нее незабвенный Петр Иванович Кравцов, врач, поэт и композитор, именем которого названа одна из улиц Города,³ и мой отец Владимир Иванович

3 В данном авторском тексте слово Город пишется с заглавной буквы (подразумевается г. Харьков).

Оскнер, музыкант и учитель-энциклопедист.

Как раз в это время состоялся первый и единственный выпуск гимназии Общества Взаимного Вспомоществования Трудящихся Женщин, организованной Христиной Алчевской и Евгенией Оскнер. Это была единственная в стране гимназия совместного обучения: в ней учились по одной программе девочки и мальчики разных национальностей, разного социального положения и разных вероисповеданий. Собственно, это не был настоящий выпуск – гимназисты не успели пройти полный курс обучения: гимназия была закрыта в декабре 1919 года, когда они только перешли в восьмой, последний класс. Среди них были Сергей Юткевич, будущий кинорежиссер, Леонид Рохлин, будущий академик, основатель Украинской Психоневрологической Академии, Всеволод Солунский, будущий авиастроитель, Александра Мельникова, будущий заслуженный детский психиатр и психотерапевт, Петр Гальперин, будущий выдающийся психолог и будущая его жена – в дальнейшем ведущий кардиолог Московской области. Остальных я просто не знаю или не помню.

Целая стайка талантливой, равнодушной молодежи отправилась за любимым учителем собирать беспризорную детвору по чердакам и подвалам, по вокзалам и асфальтовым котлам.

Детдома возникали и множились как грибы в дождливое лето, и, как грибы, были разнообразны – разнонациональные, разнопрофильные и разновозрастные: был детдом польских беженцев, детдом малолетних правонарушителей, детдом особо одаренных подростков – и просто детдома без особого звания. Чтобы как-то управляться с этим стихийным множеством, стали объединять мелкие в более крупные. По какому принципу или признаку шло объединение, трудно понять – вернее всего, как бог на душу положит, потому что в том детдоме, о котором я пытаюсь рассказать, были представлены все вышеупомянутые разновидности.

В результате всех пертурбаций из нескольких малых получился один очень большой, очень пёстрый, совершенно удивительный детдом, удивительно разместившийся: частично в красивом особняке на Юрьевской, 8, частично – в угодьях бывшей богадельни на Дальней Журавлёвке, северной окраине Города. От богадельни детдом унаследовал изрядный надел земли, несколько корпусов – и коняку с приданным коняке конюхом. Возглавила детдом некая Любовь

Григорьевна Цофнас, получившая в дальнейшем, по мере взросления детей, прозвище (или, скорее, титул!) Коммунистическая Мама – строгая, элегантная, с рыжими локонами, капризной дочкой Галкой и мужем-анархистом, носящим партийную кличку Карун.

Тут у нас возникают сплошные неопределенности. Время было новое, неустоявшееся, перманентно бурлящее, и четкой иерархии званий и должностей для детдомов, наверное, еще не было, а если и была уже – я ее все равно не знаю, потому что меня самой еще очень долго не было. Знаю только, что Карун был главным после ЛГ, что был он анархистом, и «Карун» – имя какого-то индийского божества – была его партийная кличка при будничной фамилии (если я не ошибаюсь) Родионов. Как убежденного анархиста, его время от времени «забирали», но ненадолго, и каждый раз он снова возвращался и снова в прежнем качестве с увлечением читал детдомовцам русскую литературу. Правда, кто-то из старших ребят сочинил и распевал вот такую частушку:

Говорила мне мать:
Не водись с Карунами!
Как научат анархизму –
Скуют кандалами.

Но литературу любили.

Да простят меня взыскательные стилисты: я еще раз нет, наверное, ещё НЕ РАЗ повторю слово УДИВИТЕЛЬНЫЙ, говоря о нашем детдоме. Разве не удивительно, что он, такой неоднородный по составу, умудрился очень быстро стать СЕМЬЕЙ? Может быть, этому до некоторой степени способствовало то, что поначалу он в значительной мере состоял из своего рода микросемей? Заведующая со своим анархистом и дочкой Галкой, сестры Старченко (*Марифанасьевна* и *Настасифанасьевна*), мой отец, моя будущая мама Мария Григорьевна Мельницкая и папина племянница Ольга Сергеевна Лоренс – учителя и воспитатели; а среди бывших воспитанников польского детдома трое Серафиновичей: старшая Ваца, затем Яночка и самый младший Никодим, двое Левицких, Игорь и Лариса, брат и сестра Дедухины, семья Гизинских и т.д., и т.п. Одним словом, так или иначе, все это разноликое множество срослось в одну большую семью, что как-то защищало членов ее от кипевших вокруг социальных и всяких прочих водоворотов.

Закончилось – вчерне – формирование Семьи,

обозначилось формирование личностей и становление отношений между ними: проклюнулись разные интересы, разные склонности, стали проявляться неожиданные таланты. Несколько пацанов присохли к коняке и приставленному к ней конюху – и на глазах у всего детдома конюшня постепенно приобрела божеский вид, а кобыла залоснилась хоть и тощими, но любовно вычищенными боками.

Да это что! В один прекрасный день повариха Христина Владимировна, пришедшая вместе с группой детей из польского детдома, принесла неизвестно откуда и непонятно с какой стати пару кролей: в детдоме завелись кролики! Можно себе представить всеобщий восторг, когда крольчиха принесла первую обойму ушастых детей! Матка Боска Ченстоховска!

Почти такой же восторг вызвало следующее событие: у Владимира Ивановича и Марии Григорьевны родилась Муська – моя старшая сестра. Но Муська была одна, а крольчат было несколько, и – главное! – их можно было потрогать руками!

Время было трудное, голодное, тревожное было время – но в чем-то радостное. Вшей вывели, одежонку отстирали и подлатали; кое-что периодически подкидывала молодая, еще не окрепшая страна, кое-что – осиротевший церковный приход.

Объединенными усилиями распахали и засадили приютской огород: что-то начало там произрастать (интересно – и мало того: в будущем, как предполагалось, – съедобно!)

Юная Ольга Сергеевна, которой досталось пасти малышей, стала учить ребят рисованию – она к тому времени успела окончить художественное училище. С бумагой было туго, и, когда уж было совсем не на чем, – рисовали на песке, на досках и на чем попало мелом и углём. Удивительная рукодельница Анна Евгеньевна (кажется, бывшая жена священника) принялась обучать детвору своему мастерству: сначала учила самому насущному – штопать и латать; потом, опять-таки по насущной необходимости, – выкраивать из тряпья и шить какую-то обувь, и при этом щедро обещала когда-нибудь, в светлом будущем, научить девчонок шить и вязать хорошие, по-настоящему новые вещи. Шитье было производством без отходов: малейшие обрезки и лоскутики шли на игрушки для самых маленьких. Из-под рук Бабы Ньюни (Анны Евгеньевны) выходили истинные чудеса!

Только не стоит думать, что небо над Дальней

Журавлевкой сразу стало невинно-безоблачным. Маленькой Муське не хватало материнского молока, и Владимир Иванович купил козу, названную Стешка. Пасти купленную животину обоим Муськиным родителям было, естественно, недосуг: надо было пасти детдомовскую ребятню. Решено было привязать Стешку к какому-нибудь деревцу в детдомовском саду. До этого опыта общения с мелким рогатым скотом у супружеской пары как-то не случалось: хорошо бы, наверное, собачий ошейник – так где его взять? За неимением ошейника пристегнули Стешку папиным наборным ремешком – ремешок был нарядный, кавказский, с серебряными пряжками, и однажды к вечеру его не стало. Но главное – не стало и Стешки! Вместо ошейника бестолковый вор накинул ей на шею веревку – и коза каким-то образом умудрилась затянуть петлю и удавиться. Дальнейшей судьбы ее я не знаю, но думаю, что, наверное, беднягу сварили и всем детдомом съели – время-то было голодное! А Муська осталась без молока.

Было более чем вероятно, что ремешок далеко не ушел – но папа категорически отказался искать его у ребят: он считал, что это было бы слишком жестоко: нельзя было для того, чтобы найти воришку и вернуть себе украденное, оскорбить обыском вчерашних беспризорников!

– По-вашему, он неправ?

Случались смешные нескладушки из-за языковых различий. В один дождливый, холодный день молоденькая дежурная воспитательница задержала малыша из польского детдома, который порывался выскочить под дождь. Одежонка на малыше худая, ноги босые – простудится, дурачок! А он насупился и твердит, что ему «тшеба, бардзо тшеба». Воспитательница ему – там холодно, простудишься! А он своё! «В другой раз пойдешь, когда дождик кончится», – а пацан ножонками топчет: «До лясу, хцем до лясу!» – и в рёв.

Подоспел Владимир Иванович – в чем дело? «Да вот, почему-то в лес рвется – ненормальный, что ли?» А он, бедняга, в дворовую уборную...

Вывешен плакат: «Бранным словам, ругательствам – бой!» Любознательные – к воспитателям с вопросом: а «сакраментска потвОра» – ругательство или нет? Или вот ещё: «ПоцАлуй кОта в ти врОта, з ктурых фарш лИзе!» Это как считать?

Уже после войны Яночка (помните, средняя в семье Серафиновичей?) показала мне священную реликвию – протокол решения собрания, который гласил: «Выделить Владимиру Ивановичу пару кальсон на пеленки для Муськи». Купить пеленки в ту пору было немисливо, но в тот раз, на Муськино счастье, в детдом поступила партия откуда-то добытого нижнего белья.

Яна рассказывала, что ребята испытывали чрезвычайную гордость, подводя под свое решение теоретическую базу: по общему мнению, в безыдейных, неорганизованных пеленках младенец может вырасти с кривыми ножками, а вот кальсонина – она же ровно направляющая, так что ножки у Муськи будут прямые и стройненькие!

Из одинаково голодных, одинаково замурзанных человеческих бутонов постепенно раскрывались неожиданные, совсем не одинаковые цветы. Наверное поэтому у меня, вопреки запретам стилистики, так настойчиво просится на страницу потрясенный эпитет **УДИВИТЕЛЬНЫЙ**. Удивительный доктор Кравцов, подаривший пацанам две удивительно добрые детские оперы, непростительно (но не удивительно) забытые сегодня, терпеливо учил детвору пению и ставил с пацанами свои улыбочивые маленькие шедевры оперу-сказку «Ёлkich» и оперу для школьного возраста «ИвАнов Павел». Удивительный Владимир Иванович, в разное время и в разных обстоятельствах дирижировавший симфоническим оркестром и преподававший историю, географию и высшую математику, обучал Ваню Макогона итальянскому языку: «Ты, конечно, будешь художником а настоящий художник непременно должен побывать в Италии». И через много-много лет восьмидесятилетний Ваня, профессор Киевского Художественного института, художник-баталист, скульптор и резчик по мрамору, рассказывал мне, что, попав на склоне лет в Италию, вдруг с удивлением почувствовал, как всплывает в сознании все, чему в детдоме учил его когда-то воспитатель.

Поставленные доктором Кравцовым две (ДВЕ!) оперы произвели в сознании всего детдома – да что я говорю, РАЗВЕ ТОЛЬКО ДЕТДОМА? ВСЕЙ ДАЛЬНЕЙ ЖУРАВЛЁВКИ И МАЛОЙ ДАНИЛОВКИ! – полный переворот. Неожиданным фонтаном, упругим ключом вдруг забил неизвестно где до тех пор скрывавшийся артистизм: высокий,

суровый на вид, молчаливый красавец Игорь Левицкий, до того лепивший малышам забавные фигурки из рыжей глины, вдруг стал сочинять веселые маленькие пьески из жизни детдома – сценическая деятельность стала настоящим поветрием! Вдохновенные ребята с одинаковым воодушевлением выходили на импровизированную сцену – и сами смотрели на собратьев-актеров. Это увлечение проросло так глубоко, так прочно, что когда, наконец, много позже, надумала родиться Я, пацаны, которые вдохновенно меня нянчили (сами понимаете – маме было не до меня), пели над моей люлькой арии из разученных опер:

Спит лес, убаюкан метелью,
Укрытый пушистым ковром.
Под старой, развесистой елью
Свил седенький Ёлkich свой дом,
И весело старому деду
С волками водить хоровод,
Бродить по медвежьему следу...

Не берусь с полной ответственностью утверждать, чем еще развлекался старый дед, но, по-моему, процитированное выше должно было вас достаточно впечатлить – тем более, что я и из второй оперы тоже могу:

Дует на море циклон – да, циклон, да, циклон,
Облака приносит он – дда!

Или:

А меридианы – ах, меридианы!
На ломти режут наши страны...

Что там делают параллели, я уже, к сожалению, не помню.

А вот, ставшее уже классикой и всем известное,

Пифагоровы штаны – да, штаны, да, штаны
На все стороны равны – да! –

Это ведь тоже оттуда!

Много-много лет – да что там годы! – целую жизнь спустя вездесущий, всеведущий и, между нами говоря, нередко привирающий Интернет сообщил, что «комическую оперу» «ИвАнов Павел» сотворили и больше ста раз поставили в Питере, еще до революции, В. Раппопорт и некто с многообещающей фамилией Надеждин, – но нам, нашей Первой Столице, нашей

Юрьевской улице и Дальней Журавлёвке, подарил ее незабвенный Петр Иванович вместе с открытием, что артистичность живет в каждом из нас и наука запросто сочетается с улыбкой. А потом – как же «Ёлкич»? Кто его придумал?

Надо сказать, колыбельный репертуар моих босоногих нянь отнюдь не ограничивался ариями из незабвенных кравцовских опер. Цепкая детская память до сих пор сохранила блестящие образцы уличного фольклора, которым меня баюкали. Могу поделиться – вот, пожалуйста:

Шли два уркагана
С одесского кичмана –
С одесского кичмана шли домой,
Но только вступили в одесскую малину,
Как их поразило грозой.
Товарищ, товарищ,
Болять мои раны –
Болять мои раны вглубоке:
Одна заживает,
Другая нарывает –
А третья раскрывается внутри!

И главное:

Товарищ, товарищ, скажи моей маме,
Что сын её умер на войне
С винтовкою в рукою,
И шашкою в другую,
И песнею весёлой на губе!

Или вот – глубоко лирическое:

Ах, ты ведь знаешь – я не был уркаганом,
А уркаганом ты сделала меня:
Ты познакомила с малиной и наганом,
На дело мокрое не дрогнула рука.

Весьмавозможно, тем, что в дальнейшем, – когда мне было уже где-то полчетвёртого, – во мне проснулось поэтическое, метафорическое видение мира, я обязана не очень понятной младенцу колыбельной:

Ты была биксою, когда тебя я встретил,
И ты стояла с улыбкой на мосту:
В ТВОИХ ГЛАЗАХ СМЕЯЛСЯ ПЬЯНЫЙ ВЕТЕР
И папироска чуть-чуть теплилась во рту...

Общеизвестно, что первое слово, которое обычно первым срывается с младенческих уст – это святое слово «мама». Случается однако, что некоторые

младенцы первым делом произносят императивное «дай!» Надо думать, такое начало речевой активности предвещает успешную карьеру общественного деятеля. Со мной все получилось иначе.

В один прекрасный день кучка мелкой пацанвы, возившейся со мной с утра, торжествующе приволокла меня к маме с воплем: «Маригригорьевна, Инка заговорила!»

Событие!

– Что она сказала?

Пацаны почему-то засмутились.

– Ну что она сказала, я вас спрашиваю!

В ответ – нечленораздельное «Гы-ы!»

– Какое слово?

Ни для кого не секрет, что в критических ситуациях женщины, как правило, оказываются решительнее мужчин: жизнь обычно требует от них более быстрой реакции. Девчонка из польского детдома со странно мальчуковым именем Костя Гогис выступила вперед и твердо сказала:

– Она матюкается!

История до сих пор умалчивает, какое именно слово я тогда произнесла, но одно несомненно: так была предreshена моя дальнейшая судьба – быть мне филологом!

А может – бойцом?

Прошло совсем немного времени – и маму перестало интересоваться, что я говорю: она ушла от нас. Нет, не из жизни, слава Богу, а просто от нас, от папы – в другую жизнь, к другому мужчине. И когда чужие люди, заходившие на нашу территорию, спрашивали пацанов, чья это девочка тут вертится под ногами, пацаны отвечали: всехняя! И папа был всехний. Его все любили. Но это очень трудно – быть всехним.

Однако я опять забегаю вперед – извините, пожалуйста! Будем считать, что я еще не родилась. Но время-то все равно идет! Пацанва растет, и с ней вырастают новые проблемы: маленькие как-

то решаются сами собой, а крупные заставляют задуматься. У вчерашних дискантов начинает ломаться голос – ну что ж, Петр Иванович просто переставит их в хоре. Вчерашних малявок при возникновении надобности всеумеющая Анна Евгеньевна научит кроить лифчики из всяких лоскутков. Но вот вчерашних подростков окаянное, нетерпеливое время тербит и беспокоит до боли, до бессонницы: кончается детдомовский возраст! Разлука? Как расстаться с тем, что стало твоей семьей? Друг с другом, с воспитателями, которые заменили тебе родителей? А как быть тем, кто пришел в детдом не один, а с младшим братом или сестренкой? Как быть Ваце Серафинович, если у нее остаются в детдоме Яночка и малый Никодим?

И вчерашние детдомовцы, поступая в свои взрослые шестнадцать лет на фабрики и заводы, общим детдомовским собранием принимают первое взрослое решение: организовать коммуну! Не отдельно, а при детдоме, на Юрьевской, 8. Ясное дело: ведь с завода или фабрики на Дальнюю Журавлевку бегать не станешь, больно далеко! Всю зарплату – в общий котел, а для того, чтобы распределять расходы, избирается хозяйственная комиссия.

И тут в жизнь снова вторгается УДИВИТЕЛЬНОЕ! На общем собрании ребята спохватываются: ведь среди них есть особо одаренные! Они должны учиться! И общим голосованием решается: четверо особо талантливых пойдут учиться дальше за счет коммуны – ну, там во время каникул сколько смогут, столько и поработают на общий котел. Игорь Левицкий, Миша Лысенко и Ваня Макогон поступают в художественное училище; шустрая Поля Петрова, по прозвищу Поля Таракан (в соответствии с цветом волос), по комсомольскому призыву идет в юридический. Но на этом УДИВИТЕЛЬНОЕ не кончается. Коммуна принимает гордое название «Искра» – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Из Искры должно возгореться Пламя – и оно возгорается совершенно УДИВИТЕЛЬНО! Ребята обращаются с письмом в Наркомос (Наркомат Освіти⁴ – действие происходило в период настоящей украинизации). Письмо гласит примерно следующее: «Родина заменила нам утраченных родителей, Родина нас вырастила, воспитала, обучила, сделала нас людьми. Мы уже взрослые, нам исполнилось шестнадцать – пришла пора отдавать долги. Мы просим Наркомос ВЫДЕЛИТЬ

НАМ НА СОДЕРЖАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ группу пацанов – таких, какими когда-то были мы сами».

Естественно, Наркомос обалдел. Казалось бы, кому – после скудных детдомовских харчей, после босоногого детства – не захочется на первые заработанные деньги поесть чего-нибудь вкусенького или – девчонкам – приодеться? Так нет – ВЫДЕЛИТЕ ИМ НА СОДЕРЖАНИЕ!

И что вы думаете – выделили! Такое сумасшедшее было время. Эксперимент!

И ведь организовано было не сверху, а снизу – само себе! Даже, говорят, Петровский и Косиор не раз наведывались посмотреть, как там они справляются – эти самопровозглашенные, эти самонадеянные коммунары. Оказалось, справляются! Туговато, голодновато – но справляются, черт побери! Даже с «выделенными им на содержание». И тогда правительство Республики решило им все-таки как-то помогать.

И я, немного обождая, решила родиться. Поступок, надо сказать, необдуманный.

Как свидетельство административной помощи, помнится такой эпизод. С парадного входа на второй этаж вела мраморная лестница с белыми мраморными перилами. Такими же перилами ограждалась просторная площадка, на которую выходили двери двух комнат и коридор второго этажа. Видимо, площадка служила коммунарам столовой, потому что мне помнится длинный стол, я сижу у кого-то на коленях – не помню, у кого, спиной к Комнате Старших Мальчиков, и ем кашу – какую, не помню – и слышу, как с левого конца стола кто-то говорит тете Христе, которая раздает еду: «А мою порцию масла отдайте Инке, дополнительно: она маленькая, растет, ей больше надо» – и ко мне плывет блюдце с белым прямоугольничком вкусного холодного масла: «Это тебе Коля Колесников передал». Значит, в тот день коммуне перепало редкое лакомство – сливочное масло!

Сколько долгих лет мне греет сердце этот холодный кусочек – потому что это не вкусность, не добавочная сытость – это конденсат заботы и любви. И имя – Коля Колесников – вспоминается с нежностью, хотя я совсем не помню лица того, кому это имя принадлежало. Как мне было хорошо! Трудно, голодно, не было мамы – но мамы ни у кого

4 Освіта (укр.) – просвещение.

не было, кроме Галки Родионовой-Цофнас. Все были безмамные – но я была самой маленькой, меньше всех, поэтому меня надо бы-ло немножко жалеть – и любить. И меня любили! И никто не говорил: «Почему тебе мама халатик не сошьет?» или: «Скажи маме, чтобы пуговицу пришила!»: Просто брали и пришивали. Я была всехняя, а это так хорошо – быть всехней... И почему-то кажется, что самому Коле Колесникову было, наверное, хорошо оттого, что он так поступил, – хоть, может, и остался тогда голодным.

Позже, в школе, всё уже было не так. Там у всех – кроме меня! – были мамы...

Семья-коммуна приобщила малышку – в том числе и нас с Муськой – ко всяким познавательным и трудовым процессам. Через годы, уже после войны, Яночка показывала мне альбомы-журналы коммуны. Вот страница, где Игорь Левицкий и Ваня Макогон играют в шахматы крупными точеными фигурами из карельской березы – и тут же, на углу роскошного шахматного стола (откуда только такое в коммуне?) сидит маленькая Инка и внимательно следит за игрой. А рядом с рисунком, на том же листе – несколько карандашных набросков с подписью «Инкины руки». Не подумайте только, будто я что-то понимала в шахматах – для меня фигуры жили своей, особой жизнью, и, конечно же, больше всех я любила коней! (До сих пор люблю!) А руки у меня от рождения были обязывающие – пальцы, избобличающие династию пианистов.

Другая картинка (уже фотография к сожалению, нечеткая): Миша Лысенко, горбатый, на двух костылях, посреди моря хризантем – а рядом из цветов торчит какой-то кныш⁵ (Яна утверждает, что это Муська). Подпись гласит: «Наши садоводы». Во время летних каникул ученики Художественного училища Игорь и Ваня зарабатывали тем, что красили крыши и заборы, а Миша, которому это было не под силу, выращивал цветы, и коммуна сдавала их в цветочные магазины – тогда вроде бы еще был НЭП.

Повседневные обязанности, работа каждого согласовывались по возможности с его способностями и склонностями – хотя, конечно, чистить нужники и стирать белье тоже было необходимо. Но сохранилось ощущение, что почти всякая работа НА ВСЕХ, даже тяжелая, была источником радости и некоторой гордости – может даже маленького тщеславия!

Дух Коммуны – её НАШЕСТЬ, ЕСТЕСТВЕННАЯ необходимость, так или иначе участвуя в общей жизни, по мере сил помогать друг другу – никем, по-моему, никому не внушалась: это само собой впитывалось сквозь кожу и оседало на всю жизнь в твоём сознании. Как я была счастлива, если мне доверялось крутить ручку Вацыной швейной машинки, когда она подрубала всехние простыни! Как я распухала от тихой гордости, когда, окинув взглядом двор, баба Нюня замечала: «Молодцы ребята! И террасу подмели, и дорожки посыпали!» Она же не знала, что ребята – это мы с Муськой! А двор был НАШ, всехний – и мы были всехние!

Двумя черными сполохами вспыхивают в памяти два события – два дня, когда к нам неожиданно приблизилось слово-понятие СМЕРТЬ, такое непостижимо далекое – ГДЕ-ТО в самом конце жизни, на самом ее краю, – что, пока ты дойдешь до этого края, может, что-нибудь такое придумают, что оно станет совсем необязательным или, в крайнем случае, обязательным не для всех. А тут вдруг рядом с тобой, в твоём коридоре, в маленькой комнате учительницы и воспитательницы Татьяны Юрьевны, говорят, застрелился Соломон Вайнштейн. Мы не понимали – он там застрелился, или, застрелившийся, там лежит? При нем нашли записку: «Катька (или Клавка?) сволочь». Наверное все-таки там было «Клавка», потому что я с детства четко невзлюби-ла это имя. А Соломон был по-цыгански жгучий красавец из средней группы. И опять же – откуда у него оружие? И при чем тут эта Катька-Клавка?

И – второе. Не знаю, было это позже или раньше: на площади Фейербаха, бывшей Вознесенской, было найдено тело молодого парня. Живот у него был вспорот и набит пшеницей, а на груди окровавленной рубахи было намазано – кровью же: НАЖРАЛСЯ, КОМСОМОЛ?

Нет, мы с Муськой этого не видели, и нам, конечно, никто не говорил – но об этом потрясенно шелестела вся коммуна.

Такое было время.

А как они пели, наши коммунары...

5 Кныш – здесь: ребенок, малолетка.

Молодая коммуна и детдом представляли собой зыбкое, но по сути единое, «двухъярусное» целое: куда-то – в армию или «взамуж» – уходили взрослеющие коммунары; их место занимали подрастающие детдомовцы. Настал день – и внутри коммуны создалась первая молодая семья: Ваца Серафинович вышла за Игоря Левицкого. Коммуна выделила молодоженам маленькую комнатку-аппендикс при Комнате Старших Девочек; правда, для этого пришлось отгородить от комнаты узенький коридорчик – иначе супругам приходилось бы, чтобы попасть к себе, каждый раз проходить через Комнату Старших Девочек...

Вправо и вверх от дверей Комнаты Старших Девочек уходила наша любимая, самая хорошая, самая таинственная лесенка. Вообще, по моему тогдашнему мнению, лестницы – самое интересное в этом доме. Я уже говорила, что он и сейчас – самый красивый на улице, но тогда он был бесспорно и самым нарядным. Весь тротуар перед ним был выстлан крупной белой и густо-розовой плиткой – как будто специально для того, чтобы девочки побольше меня могли целый день играть в классы. Между Домом и «классами» был красивый палисадник, где за белой каменной оградой с каменными скамеечками и кованой решеткой буйно цвела *роскошная* персидская сирень. Справа от палисадника, между нашим и соседним домом, красовались *роскошные* (повторяюсь!) кованые ворота (не могу, ну никак не могу удержаться от повтора эпитета: на них было так хорошо кататься, когда никто не видел!) За дверью парадного начиналась шикарная беломраморная лестница с мраморными перилами, но мы ее не очень жаловали: она была какая-то чужая, холодная, и по ее перилам было совершенно невозможно съезжать! Правда, в самом ее начале, под лестницей, был какой-то непонятный уголок, где можно было прятаться, играя в жмурки; только запах там стоял какой-то странный: Я думала, что это так пахнет мрамор – на других лестницах такого запаха не было – но Муська говорила, что пахнет кошками.

С чёрного хода вниз, в кочегарку, вела страшноватая темная лестница. Туда меня не брали, и Муська говорила, что из кочегарки есть узкий лаз в подземный ход, ведущий к реке. Зачем он там был – непонятно, но, наверное, это не выдумка, потому что несколько позже Муська с мальчишками постарше и собакой Туськой лазили туда и нашли там странные вещи – большое бронзовое блюдо с какими-то бронзовыми фруктами и какую-то невиданную, красивую металлическую коробочку. Ребята решили,

что это такой бумажник, потому что в ней были круглые гнездышки разной величины – видимо, для монет – и отделение для бумажных денег.

К себе на второй этаж мы поднимались тоже с черного хода по обыкновенной деревянной лестнице с деревянными перилами, и ничего особо интересного в ней не было; но вот та, с которой я начала рассказ о лестницах – та была самая таинственная и самая любимая. Во-первых, У НЕЕ БЫЛИ РАЗНЫЕ СТУПЕНЬКИ – как вам это нравится? Первые ступенек десять были невысокие и шире обычных, потом лестничка задумчиво останавливалась (здесь в стене была таинственная маленькая дверка, такого же цвета, как ступеньки) – а затем, сузившись и сделав изящный поворот, круто поднималась вверх к двум дверям уже средней величины: правая вела в чердачную каморку, где уютилась Анна Евгеньевна, Баба Нюня, а левая – в комнату бывшего коммунара Сергея Цыганкова.

Для нас правая была дверью в Страну Чудес. Здесь обязательно теплилась хорошенькая лампадка, со стен смотрели суровые, молчаливые иконы – некоторых мы даже знали по именам! Баба Нюня учила нас плести на катушках из-под ниток красивые разноцветные шнурки, делать елочные игрушки и вырезать из бумаги кружевные салфетки. А еще она где-то обучала рукоделию слепых! Стоит ли после этого удивляться, что все наши коммунарки вырастали мастерицами на все руки!

Папа говорил нам, чтобы мы не надоедали Анне Евгеньевне. Мы честно старались не надоедать: мы просто садились играть на нижних ступеньках любимой лесенки – ведь если Баба Нюня нас увидит, она САМА нас позовет!

Во дворе тоже было немало интересного: два почему-то засыпанных колодца, замечательная, клетчатая, как перед палисадником, бело-розовая терраса, на которую выходили наши окна и балкон Комнаты Старших мальчиков, и под ступеньками которой был таинственный закрытый подвал. Предметом постоянного интереса служила солидная мусорка в углу двора: там можно было найти много интересных, не всегда понятных вещей. А еще до революции во дворе была конюшня и каретный сарай, и рядом, во флигельке, жил конюх...

Не знаю, как и когда удалось отвоевать бывшую конюшню под мастерскую для наших скульпторов. Во флигельке поселились чужие люди (коммуна стали

уплотнять), но мастерская оставалась мастерской, в ней работали Игорь и Миша – и как они пели! Для нас с Муськой было настоящим подарком, когда папа брал нас за ручки и вел в мастерскую слушать и смотреть! В мастерской стоял особый запах сырой глины и пахло еще чем-то незнакомым. Перед нами и вокруг нас выросли гигантские фигуры, рядом с которыми даже высокий Игорь казался хлопотливым гномом. Фигуры молчали, но мне казалось, что они молча кричат. Я сказала папе, но он не удивился. Он ответил: «Правильно, Миша хочет назвать это "Рычи, Китай!"»

А еще мне казалось, что здесь работа и песня взаимосвязаны, взаимозависимы – конечно, таких длинных, умных слов я тогда не знала, но просто мне казалось именно так.

Но вот окончили училище Миша Лысенко, Игорь Левицкий и Ваня Макогон, и Ваня ушел в армию. С его уходом мы с Муськой просто осиротели! Если бы вы знали, какой он был хороший!

Вечерами мы часто сидели без света: дом был старый и проводка старая. А папа в вечерние часы где-то преподавал какую-то высшую математику (можно подумать, что математики бывают разного роста!)

Без света было скучно и страшно, и мы стучали в стенку Старшим Мальчикам – стенка была общая. И приходил Ваня, и зажигал нам керосиновую лампу или свечку, и показывал двумя руками замечательный театр теней, и играл на балалайке веселые песни, и учил нас рисовать: точка, точка, запятая – вышла рожица кривая; носик, ротик, оборотик (и дальше по тексту). А еще, нарисовав на бумажных квадратиках смешные картинки, Ваня играл с нами в снип-снап – словом, не было не свете человека лучше, чем он (не считая папы, конечно). И вот он ушел... Правда, папа нас утешал, что для Вани это хорошо: он поступил в знаменитую студию Грекова – студию батальной живописи. Папа объяснил нам, что это такое, но нам все равно было грустно.

Я не знаю, не помню – ведь я была еще совсем маленькой и не ощущала изменений, происходивших вокруг, – я не могу рассказать вам, как и когда коммуна перестала быть Организацией, но точно знаю: семьей она оставалась все равно, и Дом на Юрьевской оставался ее гнездом.

У Игоря и Вацы родился сын, его называли Сашей. Теперь уже он, а не я, был у нас самым маленьким – мне даже иногда разрешали его покачать!

Папа стал работать в школе, Муська пошла в первый класс – а я? Ведь все бывшие коммунары весь день на работе! Папа стал было, уходя на работу, оставлять мне на день кормежку и всяческие напутствия, но мне одной как-то не елось, и меня, одинокую, обижали мыши, так что папа стал брать меня с собой в школу и там пускать в свободное плавание по школьным коридорам. Нас все жалели: девочки на переменах играли со мной и, в случае крайней надобности, водили в уборную; некоторые учительницы пускали меня к себе на урок, давали мне листок бумаги и карандашик; я с удовольствием и уважением слушала красивые, умные слова – БИСSEKTPИCА и ГИПOTЕНУЗА (они мне представлялись важными дамами в длинных нарядных платьях) или ТАНГЕНС и КОТАНГЕНС (это были два изящных, гибких танцора; сегодня я бы представила себе пару латиноамериканцев). Или вот ПАРАЛЛЕЛИ и МЕРИДИАНЫ – ну, с этими я мысленно радостно здоровалась: мне же их пели – помните? А если никаких красивых, интересных слов не было, можно было, в конце концов, малевать что-то свое.

И вдруг – о счастье! В отпуск приехал Ваня! Он пришел к папе прямо в школу, он нёс меня домой на руках, от него пахло табаком, кожаными ремнями и до блеска начищенными сапогами – правда, он нечаянно обжег мне нос папиросой, но какое это может иметь значение! Я еще несколько лет с гордостью носила на переносице шрамик от ожога – это же была ВАНИНА папироса! Потом шрамик куда-то делся, и Ваня надолго исчез. Правда, через несколько лет на художественной выставке в Доме Красной Армии появилась его работа в мраморе: она называлась «Коханья» и изображала двоих, самых дорогих ему людей: Игоря и Зиночку, Ванину жену. Папа водил нас посмотреть – ведь резчиком по мрамору мы Ваню еще не знали.

Не помню, до того, или после, но Дом на Юрьевской понес другую, на этот раз еще более страшную утрату. Закончив какую-то совместную работу, Игорь и Миша решили впервые поехать в Крым. Остановились в гостинице – Миша, Игорь и Ваца с маленьким Сашей.

В первый же день Игорь взобрался на Ай-Петри – и вернулся потрясенный. Впервые – ни с

чем не сравнимое ощущение высоты, необъятный простор, открывающийся перед тобой, И ПОЛЁТ ПТИЦ У ТЕБЯ ПОД НОГАМИ!

Было решено, что назавтра они поднимутся на Ай-Петри с Мишей, чего бы это ни стоило. Ваца с еще грудным Сашей осталась в гостинице. Миша с трудом – на костылях! – медленно, но упорно одолевал подъем, как вдруг сверху пронеслось что-то большое... Бревно? Нет – ТЕЛО!

Игорь, упавший – или прыгнувший? – с Ай-Петри, прожил в сознании еще два часа, но говорить не мог: он прощался глазами...

Ваца с Сашенькой и Миша вернулись в Харьков. Дом на Юрьевской надолго потрясенно затих – пусть это была уже не Коммуна, но Семья оставалась Семей, и гибель Игоря была общим горем – даже для нас, маленьких.

Но жизнь продолжалась. Сёстры Старченко, Марифанасьевна и Настасифанасьевна, работали где-то в школе, папа тоже; самая старшая воспитательница, высокая, темноволосая, таинственная Татьяна Юрьевна тоже работала – не знаю, где. Анна Евгеньевна обучала слепых. Нам казалось, что это должно быть страшно, но она с гордостью рассказывала нам, как много среди них талантливых. Это казалось неправдоподобным – но разве можно не верить Бабе Нюне?

Ваца работала на фабрике, не то швейной, не то ткацкой – то ли это была Тиняковка, то ли «Красная Нить»⁶; Яночка (я только сейчас осознала, что *Яной* ее никто, от мала до велика, никогда не называл) – в типографии где-то возле Благовещенского собора. Выросший Никодим, оставшись один в Комнате Старших Мальчиков, женился на подростке Лёле Костиковой. По-моему, они работали на одном заводе, а много позже, когда началась война, вместе ушли на фронт. Лариса, младшая сестра Игоря, вышла замуж за какого-то чужого, плохого Ваню – он ее бросил, а она осталась в Семье и работала, по-моему, на Тракторном⁷: я помню, как она рыдала, когда застрелился Орджоникидзе, – рабочие боготворили Серго, создавшего этот первый сельскохозяйственный гигант.

6 Тиняковка – «Харьковская швейная фабрика имени Тинякова» (названа в честь революционера Е. Д. Тинякова; «Красная Нить» – суконная фабрика в г. Харькове.

7 Тракторный – здесь: «Харьковский тракторный завод».

Население Дома на Юрьевской менялось – теперь оно делилось на своих и чужих. Свои перестали быть Коммуной, но оставались Семей. Чужие, вселяясь в Дом, оставались чужими – просто соседями, хорошими, плохими, или никакими. Родными они не становились – по крайней мере, в моем представлении.

И вдруг произошло событие, просто выбившее меня из колеи: Яночка вышла замуж!

Ну, ладно, другие тоже выходили; но, во-первых, одни, как Ваца и Лёля Костикова, выходили за СВОИХ, другие ВЫХОДИЛИ куда-то Взамуж – а Яночка, такая НАША Яночка, вышла за совсем ЧУЖОГО, за которым числились некоторые особые, осложняющие обстоятельства. Во-первых, у него, единственного из наших коммуновских мужей, БЫЛО ОТЧЕСТВО: он был ИВАНОВИЧ (прямо как мой папа!) Во-вторых, он был НАЧАЛЬНИК (не знаю, какой – но это все равно). В-третьих, он был ХОРВАТ (такого слова мы тогда еще не знали), военнопленный с Первой мировой войны, и у него были очень черные, очень густые и очень сердитые брови. И главное – вместо левой кисти у него был КРЮК! Как я его боялась! Не знаю, что было страшней: когда он надевал крюк – или когда он его отвинчивал!

У них родилась очень красивая девочка. Яночка иногда разрешала мне покачать ее и поиграть с ней – она так хорошо смеялась! Но как только в коридоре слышались шаги Мартина Ивановича, я на цыпочках улелетывала, и ничто не могло меня остановить!

И вдруг эта девочка, такая красивая, всегда румяная, как райское яблочко, умерла – от неожиданной страшной болезни с длинным названием «туберкулёзный менингит».

Весь Дом затих, замер, тоскливо и тревожно, и Яночка, всегда такая светлая, ясная и звонкая, посерела, съежилась и как-то уменьшилась. Мартин Иванович, и так неразговорчивый, почернел и просто окаменел – но в горе он стал для Дома просто Мартином: он стал СВОИМ!

Кто-то из древних зачем-то придумал недобрую поговорку; «Беда не приходит одна». Заболел Миша Лысенко – и без того нездоровый, хромым и горбатым; его положили в больницу. Кто-то из посещавших его НАШИХ удрученно сказал: «Он и так был невелик – а

сейчас от него только и осталось что голос и глаза». Голос и глаза – такие удивительные!

Болел Миша долго, перенес операцию; его переводили из одной больницы в другую. Дом лихорадило: каждый вечер, приходя с работы, спрашивали друг друга: ну как там? Как? Все это время больного преданно выхаживали Ваца и Яночка. Мне казалось, что обе они, – каждая из них – пережив свою страшную боль, старалась уберечь нас всех от еще одной горькой утраты. Я тоже старалась: все время, когда руки были свободны, я держала скрещенными средний и указательный – говорят, это помогает! И знаете – помогло! Однажды в выходной, в хорошую погоду, когда мы с папой пришли с базара, нас перехватила Яночка: «Владимир Иванович, зайдите к нам!» Мы зашли – и навстречу нам поднялся Миша – БЕЗ КОСТЫЛЕЙ!

То, что плакать от боли или от обиды стыдно – это я усвоила давно, наверное, даже не с ранних лет, а с ранних часов: спасибо маме! А вот вопрос, стыдно ли плакать от радости, до тех пор передо мной не возникал, поэтому готового ответа на него у меня не было, – и, по-моему, не у меня одной...

Скажите – вы когда-нибудь были в Киеве? Если да, вы, конечно, побывали в Бабьем Яру. Каждый, кому довелось там постоять перед Памятником Погибшим, покидает Мемориал уже другим человеком. Но кто из вас знает, что создал эту трагическую громаду бывший харьковский детдомовец, бывший коммунар из Дома на Юрьевской – маленький горбатый ёжик с нестерпимо большим сердцем? Это он запечатлел в камне этот вихрь гнева и боли и сохранил для вас эту жгучую память – а помогала ему в мастерской и выхаживала его после операций беззаветно преданная, сильная и гордая красавица Ваца.

Кто знает сегодня, сколько Мишиних работ украшают наши города, и сколько учеников заслуженного деятеля искусств, профессора Михаила Григорьевича Лысенко разбрелись по свету, чтобы нести миру красоту? И – слышите? – в их числе прямые потомки Дома на Юрьевской – Богдан Лысенко (сын), скульптор и архитектор, и скульптор Наталья Дерегус-Лоренс – да-да, дочка той самой юной Ольги Сергеевны, учившей рисованию детдомовскую пацанву!

Одно оскорбительно потрясает: в нево-

образимо, непростительно возникший на Украине период «войны с памятниками» какие-то – наверное, тупо завистливые бездарности – отбили ногу у прекрасной конной статуи его работы в самом центре Киева. Видимо, к сожалению, не перевелись на нашей Земле Геростраты (очень не хочется писать это имя с большой буквы!).

После войны, для нас по-прежнему Великой и по-прежнему Отечественной, Ваца с Мишей жили на Большой Житомирской, в одной квартире (осколок Коммуны?) с Ольгой Сергеевной – сейчас на углу этого дома живет Мишина мемориальная доска. Потом они перебрались на горбатый Редутный переулок – построили там домик, мастерскую, насадили на горбатым склоне прекрасный сад, в котором поселились белые скульптуры, эскизы Мишиних работ. Там я в последний раз виделась с Вацей – Миши уже не было. Он переселился на ПМЖ – на Байково кладбище. Но все стены в большом, нарядном зале первого этажа были украшены его творчеством – он оставался в этом доме, он был с нами.

Я не раз говорила, но еще раз повторюсь (не знаю, как у других – а у меня это именно так): стихи – они приходят, не спрашиваясь, сами, о чем хотят и когда хотят – в полусне, в пути, на огороде; их записываешь на клочках бумаги, на полях газеты – что попадется под руку. Бывает, и ох как часто, что записать не на чем, и ты их теряешь, забываешь – однако мне почему-то кажется, что чаще всего именно эти, выдохнутые на ходу, разгильдяи и есть озарение, настоящая поэзия, в отличие от стихов, добротню, мастеровито сделанных за письменным столом.

А проза для меня как воинский долг. Я не настоящий писатель, я не выдумываю сюжетов – сюжеты сами грозно наступают на меня и требуют словами присяги: правду, правду ничего, кроме правды! В привычной, удобной обстановке обтекаемого вранья надо сохранить для тех, кто придет после нас, честную память. И я приняла эту присягу, когда впервые услышала в адрес погибавших в оккупации людей оскорбительное слово «оставанец». Вот тогда я начала писать первую книгу прозы «Когда не было лета»⁸! И потому сейчас спешу рассказать о *первой* ЧК – Чрезвычайной Комиссии, созданной в неоглядно далеком 1919 году, о первой Коммуне, возникшей сама по себе, и об УДИВИТЕЛЬНОЙ красоте, на которую может оказаться способен вчерашний беспризорник.

8 Книга И. В. Мельницкой «Когда не было лета» вышла в 1988 году в издательстве «Прапор» (г. Харьков).

Где-то после войны, – уже не Коммуна, но по-прежнему Семья – собрались, кто мог, в Москве, на девяностолетие Коммунистической Мамы (вы еще не забыли, кто это?)

Каким-то образом разыскали и пригласили меня, все еще для коммунаров всехною. Честно говоря, к виновнице торжества я особой нежности не питала: я ее попросту почти не знала – ведь я родилась на Юрьевской, на Юрьевской жили коммунары, а она заведовала детдомом на Дальней Журавлевке и жила при нем. У нас она появлялась редко, и я, маленькая, ее боялась: она была строгая, непривычно нарядная и тщательно причесанная, и дочка ее, Галка, была совсем не похожа на нас. Одним словом, в понятие ВСЕХНИЙ она в моем понимании не входила. Но мои коммунары вырастали из её детдома – как я могла не прийти?

Разумеется, она меня не узнала – столько лет прошло! Но когда меня ей представили, она брезгливо сказала, что маму мою очень не любила. Не надо было ей этого говорить: мама – это не подлежало обсуждению, это была МОЯ ЛИЧНАЯ боль! Я промолчала. Спасибо, кроме нее, это, кажется, все понимали. Посидели, повспоминали – и разошлись. Пригласившая меня москвичка Галина Воскресенская (из тех, что поступили в коммуны «на содержание и на воспитание» – помните?) позвала меня к себе. Жила она в центре города.

– Пешком пойдём?

– Пешком!

Мы шли по вечерней Москве. Галина рассказывала мне о себе и обо мне, маленькой, – она меня помнила, я ее – нет; но – удивительное дело! – я как будто вспоминала ее тогдашнюю: ОНА БЫЛА – ОЩУЩАЛАСЬ! – СВОЯ! И когда она на ходу замурлыкала: «Я не знаю, где встретиться нам придётся с тобой...», это прозвучало привычно, как будто мы не раз в походах пели вместе у костра.

Удивительное продолжалось: оказалось, она живет в булгаковской «нехорошей квартире» – можете себе представить? Тот самый многоэтажный, многоквартирный дом и та самая квартира – наяву? Но все стены были увешаны картинами – родные кавказские горы, писанные маслом! Оказывается, Галина, во взрослом качестве – геолог и, соответственно, бродяга – вдруг, на склоне лет, открыла в себе живописца. Ее картины пользуются большой популярностью –

особенно среди альпинистов!

И это тоже было так естественно НАШЕ ОБЩЕЕ: горы, песни. А Булгаков?

Она говорила – и издали, из давнего-давнего звучали, проступали вроде бы забытые имена, голоса, походки, лица... Вот Аня Гусаревич – сочный, грудной голос, толстая коса; вот похожий на Чапаева (Чапаева я, конечно, не видела, но так почему-то все говорили) Никодим Серафинович – их было много, поляков; а вот Поля Таракан и капризная Галка Цофнас...

А эти картины, – эти горы, гордая красота пройденного пути, гордость ПРЕОДОЛЕНИЯ, – они живут на этих полотнах, они будут жить у кого-то и после нас как материализованная память! Наверное, из-за этих неожиданных картин на стенах «нехорошей квартиры» в висках застучало: а как бы сложилась судьба ее хозяйки, если бы не настойчивое чувство долга, шевельнувшееся в юных коммунарах, и не азартное решение Наркомоса? Если бы Галю не передали новорожденной Коммуне «на содержание и воспитание»?

Может быть, именно с того вечера в сознании поселилось ощущение необходимости сохранить, передать другим эту неправдоподобную, трудную историю первой харьковской коммуны – возникшей задолго до коммуны Макаренко.

Совсем неожиданно, вдруг, – наверное, движимая тем же чувством, – меня как-то разыскала Полина Петрова, та самая Поля Таракан – уже не рыжая, а совсем седая, слепнущая, прокурор на пенсии. Трогательно нежная, она подарила мне выцветшую фотографию: худенькая, голоногая ребятня, сурово, торжественно вытянувшаяся у самодельного знамени! Мои коммунары...

Не знаю, не помню, кто кого разыскал – Ваня меня, или я обожаемого Ваню, – только мне стали приходить из Киева открытки с Ваниными скульптурами и барельефами и неуклюже ласковыми словами.

Однажды кто-то – кажется, Лёля, Ольга Сергеевна Деревус-Лоренс, в то время художник киевской киностудии Довженко – или нет, я путаю: это была ее дочь Наташа, тоже – уже скульптор... Так вот, Наташа сообщила мне, что Ваня лежит в Феофании⁹, вроде бы с инфарктом. Я добралась в правительственную

⁹ Феофания – здесь: клиническая больница «Феофания» в г. Киеве.

Феофанию как раз после обеда; из палаты еще были не убраны тарелки, но у Ваниной постели уже сидел гость – Ванин студент-китаец, и на прикроватном столике лежали листы ватмана.

– Видишь, – весело похвалился Ваня, – пока я тут бездельничаю, меня обучают мои студенты.

– Иван Васильевич делает успехи, – в тон ему заметил узкоглазый гость.

Оказывается, чтобы на больничной койке не терять времени даром, профессор Киевского художественного института постигал под руководством своего студента особенности китайской живописи тушью.

У меня на стене под стеклом красуется тогдашний Ванин подарок: на белом ватмане – озаренное солнцем юное деревце! Можете себе представить написанный ЧЕРНОЙ ТУШЬЮ яркий солнечный свет? Оказывается, это возможно: Ваня смог!

В другой раз я приезжаю в Феофанию и застаю у Вани гостя из Генуи. Генуэзский художник на немыслимом русском языке рассказывает нам о последних солдатах Альпини¹⁰: старики обратились к городской администрации с требованием не хоронить их на общем воинском кладбище – они не хотят лежать рядом с фашистами!

Довольный собой, Ваня демонстрирует нам целую серию портретов медперсонала – прямо портретная галерея Феофании в карандаше! Нет, он не лежит здесь без дела, любимая наша нянечка из Комнаты Старших Мальчиков!

А в горькой Изюм-Барвенковской операции он командовал сапёрным батальоном...

Я возвращаюсь в Харьков.

Возвращаюсь в Харьков – и, как всегда бывает в таких случаях, на меня наваливается куча неотложных дел, неожиданных проблем – и я совсем не сразу выбираюсь на родную Юрьевскую.

Как тут все изменилось – в Доме Номер

10 Альпини (итал. Alpini, «альпийцы»), или Альпийские стрелки — горнострелковое формирование армии Италии. О своих встречах с солдатами Альпини автор повествует в своей книге «Когда не было лета» (глава «Полтава – Рома»), а также в диптихе «Прости меня, Италия!» (см. альманах «Образы жизни» за 2012 год и журнал «Нева», №11, 2014 год).

Восемь!

Нет больше нарядных ворот – проем между домами заложен унылым красным кирпичом; нет уютного палисадничка с персидской сиренью и белыми каменными скамеечками, и вместо бело-розовых «классиков» – скучный серый тротуар!

На парадном подъезде – административная вывеска: какие-то там организации. Но я хитрая, я помню, что от двора соседнего, шестого номера нас отделяли только кусты жасмина – никакой ограды! Я ныряю в соседний двор: жасмина нет, но проход по-прежнему есть, и вот он — наш бывший черный ход (интересно – а кочегарка еще живет?), а вон, на углу второго этажа – окна Комнаты Старших Девочек...

Вот тут был засыпанный колодец – от него ничего не осталось... Зато терраса по-прежнему выложена белой и розовой плиткой, и вон два наших окна и балкон Комнаты Старших Мальчиков – оттуда приходил выручать нас с Муськой наш спаситель Ваня Макогон, оттуда уходили на фронт Никодим с Лёлей Костиковой...

А мастерская? Что сегодня в мастерской? Никто не знает сегодня, какие скульптуры, какие скульпторы тут вызревали. Как они пели! Как зрела Коммуна и коммунары!

Гулко и больно начинает стучать в груди – сердце? Ничего подобного – это память! Это Совесть!

Спотыкаясь, задыхаясь, я выбираюсь со двора.

(Продолжение следует)

Евгений Минин

ПАРОДИИ

ВИНТАЖНОЕ

*Я надевала страны, как трусы –
неделька из коллекции винтажной.*

Лилия Виноградова

Такое нынче время – страшно аж,
И что тут делать очень точно знаю,
и потому, чтоб соблюдать винтаж,
я каждый день исподнее меняю.

И поутру, не глядя на часы,
следа за туалетом очень строго,
я надеваю страны, как трусы,
Голландия мне даже жмёт немного...

БАНКОВСКОЕ

*Но Алла всех была дороже
И дорожает с каждым днем.*

Игорь Иртенъев

Когда женился я на Алле
То был ещё не очень стар,
Её почти за так отдали
Забрали только гонорар.
Теперь не думаю о пьянке,
Я верный муж, любимый зять.
И Аллочку хранил бы в банке,
Да где ж такую банку взять?!

РИФМЕНЬ

*В лесу гуляет виктор цой
с перебинтованной лицом...*

Виталий Кальпиди

Я стихотворец не плохой,
импровизирую стихой,
придумал новую рифмень,
что все поэты – обалдень.
Теперь на строчки, черт возьми,
иными я смотрю глазами.
Могу отныне каждый день
писать по сто стихотворень,
чтоб с перекошенной лицом
читатель крикнул: Молодцой!

ТВЁРДОЛОБНОЕ

*Коль между послушаньем и служеньем
Неодолимый мир стоит столбом,
Я проживу с бессрочным пониженьем,
О каждый выступ ударяясь лбом.*

Марина Кудимова

Лбом ударялась я о выступ каждый –
Таков, наверно, в этой жизни скреп.
Полжизни так я билась, но однажды
Вдруг поняла, что лбище мой окреп.
Не рвусь ни на Канары я, ни в Ниццу,
Осваиваю вновь за пядью пядь
Моей судьбы прекрасную страницу –
Теперь учусь на грабли наступать.

ЧТО-ТО С ПАМЯТЬЮ

*И память стала изменять,
Гуляет, падла, с кем попало.*

Сергей Кузнечихин

Пошли проблемы с головой,
Вот с памятью чего-то стало
Всегда она была со мной,
А нынче, падла, – с кем попало.
Я от беды ни пью, ни ем,
И начал прибегать к угрозам:
–Убью, когда не скажешь – с кем!
Она сказала: Со склерозом...

КОГДА БЫ...

*Под настойчивый рёв тепловоза,
Средь еловых теней и ольхи;
Как бы жили мы, если б не проза,
Кем бы стали, когда б не стихи?*

Александр Кушнер

Не ехидно, совсем добродушно
Приведу адекватный пример;
Что б читали мы, если б не Кушнер,
Что б писали, когда б не Гомер.
Сколько в мире пера виртуозов,
Написавших тома чепухи,
В нищете жило б, если б не проза,
И не спилось, когда б не стихи.

РАССУЖДЕНИЕ

*Любому веку нужен свой язык.
Здесь Белый бы поставил рифму «зык».
Старик любил мистические бури,
таинственное золото в лазури...*

Бахыт Кенжеев

Любому веку нужен пародист.
Гони мерзавца в дверь – вернется через
окно, в солянку бросит острый перец,
а не петрушку, не лавровый лист.
Великие глядят сурово. Их мы

не трогаем, но помнит пусть пиит:
не главное – какую ставить рифму,
да нынче даже рифма не стоит.

Любому веку нужен свой язык.
Поставили Митьки бы рифму «дык».
Она универсальна по контексту,
хотя, возможно, выглядит не к месту,
но промолчу. Добавлю лишь одно,
поэтов в нашем обществе до дури,
но рифмовать и бури, и лазури,
не всем такое мужество дано.

ОБ ЖИЗНИ

*Тяжело душе в ночи бессветной.
Жутко на отшибе бытия.
Как рулон бумаги туалетной,
Рвано убывает жизнь моя.*

Лев Котюков

Жизнь моя, как молнии зигзаги.
Жизнь моя, чего не снится мне.
Ты похожа на рулон бумаги,
Что висит в уборной на стене.
Убываешь, жуткая, без звука,
Жизнь, ты не спеши трубить отбой!
Но поверь, какая ж это мука,
Подтираться каждый день тобой.

НЕ НА...

*И тут пошёл такой дербент,
и непонятно, кто враги:
кто протестующий, кто мент:
копыта, клювы и клыки...*

Сергей Мнацаканян

Хлебал супец и пил кисель,
стихи писал, имел престиж,
но тут пошёл такой брюссель,
такой чудовищный париж.
Я положил на всё прибор,
пишу, как двадцать лет назад,
но тут пошёл такой босфор
что охватил меня асад.

Сижу в квартире сам не свой,
страдаю молча у окна:
пугают третьей мировой,
вот только этого не на...

А.С.П. не дсп

...сам А.С.П. там В. любил.

Эдуард Хвилковский

ГОРЕ НА БОСФОРЕ

*И размышляю: «Зря смеетесь, гады!
Еще не кончен вековечный спор.
Еще мы доберемся до Царьграда
И вычерпаем шапками Босфор!»*

Юрий Поляков

За убежденья не нужна награда,
Об этом мне мечталось с давних пор,
Чтоб как-нибудь добраться до Царьграда
И шапкой напрочь вычерпать Босфор.
Мне не спалось, и в рот не лезла пища,
Но пусть умолкнут навсегда враги,
Добрался, а смотрю – везде грязища:
Там Жириновский моет сапоги.

ЖАЛОБНОЕ

*Мне судьба такая выпала.
Я иной судьбы не жду.
Каждый вечер, что бы ни было,
К месту лобному иду.*

Илья Резник

Моя муза – баба злобная –
Сочиню лишь ерунду –
В тот же час на место лобное
Бессознательно иду!
Ничего тут нет весёлого,
Это муза шлёт сигнал –
Там всегда рубили головы,
Всем, кто ересь сочинял.

Мне сон приснился:

на бульваре

Литературы высший свет,
Сам А.С.П. там был в ударе
И всем за так давал совет.
И на одесском солнце парясь,
Клянусь, я видел чудеса.
Там Валя К. читал про парус,
А Саша Г. – про паруса.
Там Б. читал про Беню Крика,
И Миша Ж. смешил до слез.
И все от мала до велика
Пришли сюда, забыв Привоз.
Вдруг А.С.П., бросая взоры,
С графиней В. уйдя почти,
Мне крикнул: «Эй, на Хэ который,
Нам тоже что-нибудь прочти!».
Ему читал я вдохновенно,
Всю душу выразил в стихе,
А он послал меня мгновенно
Опять,
на ту же букву – «хэ».

Виталий Шрайбер

КАК Я СОЧИНЯЛ ПАРОДИЮ НА ПЕСНЮ ЕВГЕНИЯ КЛЯЧКИНА

В детстве я пытался сочинять стихи, но ничего путного из этих попыток не вышло. Однако некая склонность к рифмоплетству сохранялась у меня и во взрослом возрасте. Проявляла она себя в том, что я время от времени писал поздравления в стихотворной форме друзьям и коллегам ко дням рождения и иным юбилейным датам, шуточные стихи по случаю праздников, дружеских застолий и капустников в лаборатории, где работал.

Был период, когда я довольно часто занимался подобным рифмотворчеством и набил в этом деле руку. Уловив эту мою особенность, один приятель время от времени обращался ко мне с просьбой сочинить поздравление в стихах то к юбилею его начальника, то ко дню рождения дамы, чью благосклонность в тот момент он пытался завоевать. Постепенно это настолько вошло у него в привычку, что однажды он позвонил накануне моего дня рождения и попросил меня написать поздравление мне от его имени. Он называл меня «Виташа», и я помню, что поздравление, которое я написал себе от его имени начиналось словами:

*Дорогой ты мой Виташа,
Я сейчас твоей рукой
День рожденья твой украшу
Поэтической строкой.*

Когда я сочинял шуточные стишки, песенки и прочую подобную ерунду, мне и в голову не приходило, что я занимаюсь литературным творчеством. Я знал, что делаю это на потеху себе и друзьям просто от хорошего настроения и никогда не воспринимал это занятие всерьез. Я даже не считал это своим хобби, поскольку занимался этим нерегулярно, от случая у случая. Одобрительная реакция друзей была мне приятна, но я не склонен был ее переоценивать. Друзья – снисходительные слушатели, к тому же, как правило, к моменту, когда я зачитывал свой очередной опус, слушатели обычно успевали пропустить две-три рюмки.

За все годы было лишь три случая, когда я более серьезно отнёсся и к процессу сочинения, и к

конечному продукту своего творчества. Одним из таких случаев было сочинение пародии на песню Евгения Клячкина «На театральной площади». С просьбой помочь написать текст этой пародии ко мне обратился мой приятель Володя Волков-Китаин. Тут, наверное, нужно кое-что пояснить.

Евгений Клячкин питерский¹ бард, автор и исполнитель многих популярных песен. Он, конечно, не был столь известен как Высоцкий или Окуджава, но в 60 - 70-е годы в Ленинграде Клячкин был не менее популярен, чем Визбор, Городницкий, Кукин. Начинал он с того, что писал и исполнял песни на стихи известных поэтов Вознесенского, Бродского, Горбовского. И хотя потом другие барды и эстрадные артисты тоже пели песни на эти стихи, в ряде случаев исполнение Клячкина запомнилось как первое и лучшее (например, «Пилигримы» и «Рождественский романс» на стихи Бродского). Постепенно он стал сам сочинять и стихи, и музыку, и многие из его собственных песен тоже оказались удачными: «Не гляди назад», «Баллада о солнечном зайчике», «Песня парашютиста» и др.

Мой друг Володя Волков-Китаин – человек довольно известный среди питерских любителей авторской песни. Правда, известен он не столько как автор – собственных песен у него немного, – а больше как хороший исполнитель и профессиональный гитарист. Он лауреат нескольких конкурсов и фестивалей авторской песни. Володя был знаком со многими известными бардами, в том числе и с Клячкиным, и оказался в числе персонально приглашенных в клуб «Восток» на вечер в честь пятидесятилетия Клячкина.

Естественно, предполагалось, что каждый приглашенный что-нибудь исполнит. И вот за несколько дней до мероприятия Володя пришел ко мне озабоченный: песня для клячкинского вечера у него не получалась. Он рассказал, что сначала пытался сочинить свою песню, но получалось что-то банальное.

¹ Может быть, правильнее было бы сказать «ленинградский», поскольку Евгений Клячкин эмигрировал в Израиль в 1990 году, до того как Ленинграду было возвращено изначальное имя Санкт-Петербург.

Тогда ему в голову пришло написать пародию на одну из известных песен Клячкина. Он выбрал для этого песню «На Театральной Площади». Однако удачный текст опять-таки у него не складывался.

– Виталик, у меня к тебе просьба: напиши текст!

Просьба эта меня смутила. Ведь сочинять надо было не просто так, для смеха и «внутреннего употребления», а для исполнения в клубе авторской песни в присутствии любителей и мастеров песенного жанра.

– Нет, Володя, это слишком сложно.

– Но ты же стихи пишешь!

– Ну что ты, Володя, разве это стихи?! Чистое баловство. А тут серьезное дело!

– Ничего особенно серьезного! Это не формальное мероприятие: не конкурс, не концерт. Соберутся, в основном, Женины друзья и знакомые, будет дружеская обстановка.

– Но это же настоящие барды, считай, профессионалы.

– Ну и что. Здесь важен свежий взгляд и чувство юмора, а это у тебя есть, я знаю.

И он показал мне клячкинский текст:

НА ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ

На Театральной площади,
немножко театрально,
стоял я, опершись плечом
на оперный театр.

А каменные кони
оскалились нахально,
и каменные ноздри их
выбрасывали пар.

Профессор Римский-Корсаков,
привстав на пьедестале,
никак не мог подняться,
чтоб руку мне пожать.

А я стоял и бредил
то славой, то стихами,
стихами или славой –
ну как их не смешать!

Роились в небе звезды,
садились мне на плечи, –
ах, только б не прожгли они
мой импортный пиджак!

Качаясь,плыли лица
голубоватых женщин,
стекали мне в ладони,
а я сжимал кулак!

А я дышал вполнеба,
а я держал полмира!
Гигант я или карлик?

Герой или пигмей?..

Носы приплюснув к стеклам,
установились квартиры.

Я стекла гладил пальцем –
я был их всех добрей.

Я прыгнул на подножку –
пропел звонок трамвая.

Я три копейки бросил,
как бросил золотой...

Качаются вагоны.

Кондукторша зевает.

Вожатый смотрит мимо...

Домой... Домой... Домой...

– Очень сложный текст! Почему ты выбрал именно эту песню?

– Интуитивно. Я чувствую, что ее можно хорошо спародировать.

– Но у тебя же не получается.

– А у тебя получится! Я верю в тебя, старина!

Я знал: чтобы начать, мне нужен какой-то толчок, какая-то зацепка, – забавная мысль или что-то в этом роде. Китаин ушел, а я сидел и смотрел на текст, тщетно пытаюсь найти, за что бы зацепиться. Перечитал пару раз самое начало:

На Театральной площади,
немножко театрально,
стоял я, опершись плечом
на оперный театр.

А каменные кони
оскалились нахально,
и каменные ноздри их
выбрасывали пар.

Стоп! Что-то меня смущает. Речь явно идет о Мариинском театре оперы и балета², но вот есть ли кони на здании Мариинского театра? Что-то я не припомню. Кони есть над аркой Генерального Штаба, есть на Александринском театре (театр драмы им. Пушкина), но на Мариинском театре, по-моему, не кони, а какие-то мифологические животные. Или театр не Мариинский? Но раз площадь Театральная, и Римский-Корсаков упоминается, значит точно Мариинский. Что-то тут Клячкин напутал. Может съездить проверить? И, недолго думая, я отправился проверять.

Меньше чем через час я вылез из трамвая на Театральной площади. Стал спиной к зданию

2 В те годы он еще назывался Театр оперы и балета имени Кирова – страшная нелепость. И ведь прилипло! До сих пор за границей многие говорят «Kirov Balley».

консерватории. Слева был памятник Римскому-Корсакову. Театр напротив. Коней нет. Есть грифоны – фантастические животные с туловищем льва и головой орла. Итак, Клячкин, действительно, напутал. Почему-то я обрадовался, хотя какой мне толк от этого открытия – неясно. Но какие-то мыслишки в голове закрутились.

Я вспомнил, что однажды читал что-то вроде шуточного руководства по написанию пародий. Там был упомянут эффективный прием доведения поэтической мысли до абсурда: оттолкнувшись от какой-нибудь безобидной стихотворной детали, нагромождать подобных деталей как можно больше.

Вот, например, у Клячкина герой стоит театрально на Театральной площади. А ведь есть еще Площадь Искусств, и там можно стоять с улыбкой «искусственной», опираясь при этом на Малый оперный театр. Какие еще есть площади? Дворцовая? Там Александровская колонна – «Александрийский столп». Около него можно стоять «остолбенело». Уже кое-что, хотя очень уж большого «нагромождения» сходных деталей пока не получается.

Профессор Римский-Корсаков,
привстав на пьедестале,
никак не мог подняться,
чтоб руку мне пожать.

Но с противоположной стороны консерватории симметрично стоит памятник Глинке. Может быть, Глинка тоже хотел бы пожать руку Евгению Клячкину? Тем более, что Римский-Корсаков «никак не мог подняться»? Или оба они, отпихивая друг друга, старались пожать ему руку?

Кстати, что значит, что он стоял «немножко театрально»? Опершись плечом? Может и есть, конечно, театральность в том, чтобы опереться плечом на театр. Для пародии, однако, «немножко театрально» недостаточно. А как усилить эффект театральности? Желательно до нелепости. Например, «стоял на пуантах», тем более театр-то балетный.

Больше что-то ничего не придумывалось. Я отошел немного от площади и бродил по окрестным переулкам. Быстро темнело. Все стало выглядеть почти в точности по Клячкину:

Роились в небе звезды,
садились мне на плечи, –
ах, только б не прожгли они
мой импортный пиджак!
Качаясь,плыли лица
голубоватых женщин...

Интересно, сохранился ли у Клячкина тот импортный пиджак? Или его звезды прожгли? А может,

в минуту жизни трудную он его сдал в комиссионку? Или заложил в ломбард?

А я дышал вполнеба,
а я держал полмира!

По ассоциации хочется сказать: «а я держал поллитра». Тогда неудивительно, что лица встречаемых женщин покажутся голубоватыми и будут «плыть, качаясь». А вот, кстати, Фонарный переулок! Хорошее название. Можно продолжить «нагромождение» с помощью глагола «офонареть», точнее деепричастия «офонаревши». Получается, что мой персонаж, заложивший в ломбарде пиджак, держа в руках поллитра, бредет, офонаревши, по Фонарному переулку. В довершение мне вспомнились слова еще одной клячкинской песни:

Ботиночки дырявые, от сырости дрожу,
и пальцами корявыми узоры вывожу.

Стоп! Что-то меня заносит не в ту степь. Не могу же я такую чушь писать о Клячкине. Это будет уже не пародия, а хамство. Надо все это выбросить из головы. Расстроенный, я поехал домой и лег спать в надежде, что утро вечера мудренее.

Утром мне, полусонному и стиснутому со всех сторон в вагоне метро, вдруг пришла в голову мысль, что в моей пародии могут быть два персонажа: один, офонаревший, бредущий по Фонарному переулку с поллитрой и вспоминающий как другой – поэт Евгений Клячкин – театрально стоял на Театральной площади.

Вырвавшись из метро на Балтийском вокзале и вскочив в последний вагон электрички на Петергоф, я плюхнулся на свободное место, достал лист бумаги и авторучку и принялся строчить так резво, как будто кто-то мне диктовал на ухо. К моменту, когда я чуть было не проехал платформу Университет, я успел настроичить уже изрядный кусок. Затем, в течение всего рабочего дня я не мог толком сосредоточиться на работе, потому что в голове мельтешили рифмы.

Вечером на обратном пути в электричке я быстро дописал почти всё, что хотел. В итоге получилось следующее.

ПАРОДИЯ

Фонарным переулком я брел офонаревши,
Ботиночки дырявые разбрызгивали грязь;
Недавно сильно выпивши, давно уже не евши,
Грядущего и прошлого постичь пытался связь.

В руках держал полбанки, в руках держал пол-литра.
Давно отнес в ломбард я свой импортный пиджак.

Роились в небе звезды, подмигивали хитро,
А я в ответ на это им показал кулак.

Качаясь, плыли лица испуганных прохожих,
Слегка голубоватых при свете фонарей.
Мне иногда хотелось кому-то дать по роже,
Но я грозил лишь пальцем, я был их всех добрей.

Я вспомнил как однажды отсюда недалече
На Театральной площади пятнадцать лет назад
Поэт Евгений Клячкин стоял, расправив плечи,
Собою подпирая внушительный фасад.

Стоял не на пуантах, а все же театрально,
Не всякий эдак смог бы, тут нужен был талант;
Но Женя, как известно, талантлив колоссально:
Мы – карлики, пигмеи, а он – гигант, атлант.

Поэт и бард маститый, все то, о чем мечтал он,
О чем ночами бредил, давно уже сбылось:
Свои стихи и славу в один коктейль смешал он,
Коней вот только каменных найти не удалось.

Профессор Римский-Корсаков,
сорвавшись с пьедестала,
Давно герою руку успел-таки пожать,
Соседу Глинке завидно, обидно как-то стало,
Но он молчит как каменный, стесняется сказать.

А мы пыхтим, стараемся и тянемся за Женей,
Вот я пойду и встану на Площади искусств,
С улыбкою искусственной замру там без движения,
На театр Малый оперный хотя бы обопрусь.

Не давалась только последняя строфа, в которой я пытался поставить Клячкина на Дворцовой площади у Александрийского столпа и присобачить сюда народную тропу по известной пушкинской схеме, но, естественно, другими словами. Я переставлял слова и так, и сяк, но складно не получалось. За моими упражнениями с интересом наблюдал сидевший рядом коллега Владимир Васильевич Берцев. Он сам писал очень неплохие стихи, в том числе, в отличие от меня, настоящие лирические. Наконец, он спросил:

– Что ты хочешь сделать с этой народной тропой?

Я ответил:

– Известно что: хочу, чтобы она не заросла.

– Так, – сказал Берцев, – значит хочешь, чтобы тропа не заросла?

– Да.

– Ну так заасфальтируй ее.

– Ну Берцев, ты – гений! С меня бутылка.

И я написал заключительную строфу:

А Жене б на Дворцовой стоять остолбенело
Небрежно привалившись к гранитному столпу.
Пускай он там стоит себе, а наше с вами дело –
К нему *заасфальтировать* народную тропу.

Эту пародию Волков-Китаин исполнил на дне рождения Клячкина, предварительно спев оригинальный текст. Потом он, правда, мне признался – пришлось выбросить куплет, где говорилось, что каменных коней найти не удалось. Мне было жаль коней, но Володю я понимал – в куплете ощущалась легкая издевка, и он боялся обидеть юбиляра.

По его словам, и сам Клячкин, и гости одобрительно отозвались о пародии. Клячкин пытался угадать, кто написал текст, называл имена известных авторов. Но Володя сказал, что текст написал его приятель-физик, и назвал мое имя, Клячкину, естественно, неизвестное.

Все это происходило в 1984 году. В 1990 году Евгений Клячкин с семьей эмигрировал в Израиль. В 1994 году он умер из-за остановки сердца во время купания в Средиземном море. Узнав, я очень огорчился, хотя знаком с ним не был, даже ни разу не был на его концерте, слушал только магнитофонные записи.

И последнее. Я в очередной раз убедился насколько замечательным изобретением является Интернет. Сейчас, спустя 30 лет, я нашел довольно подробный рассказ о вечере в кафе «Восток», посвященном 50-летию Евгения Клячкина, и список всех выступлений. Из авторов-исполнителей, известных в Ленинграде, названы Борис Полоскин, Юрий Кукин, Валентин Вихорев, Михаил Кане, Алексей Брунов, а также Владимир Волков-Китаин с пародией «На Театральной площади».

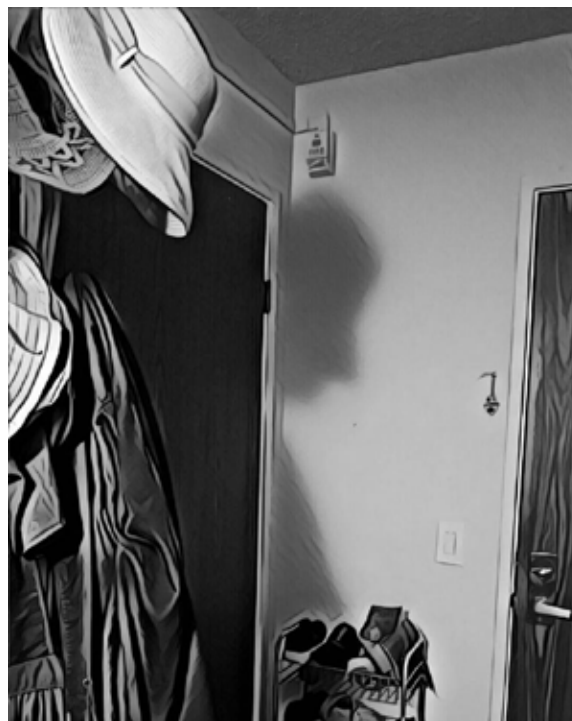
Е. Клячкин

ФОТОГАЛЕРЕЯ

Любовь Шапиро
ИГРЫ ТЕНЕЙ

Прелестная Элиза

Он что-то позабыл

Задумчивый демон

Наэлектризованная кошка

На крыше собора
Парижской
Богоматери

Стоунхендж.
Уилтшир,
Великобритания

Парк Вигеланда.
Осло, Норвегия

Трафальгарская
площадь.
Лондон

Великий Будда.
Котоку-ин,
Камакура, Япония

Парк Миллеса.
Стокгольм, Швеция

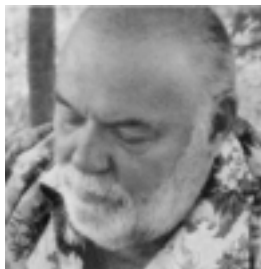

Стена Плача.
Иерусалим, Израиль

Русалочка.
Копенгаген, Дания

Юрий Линник

ЗАМЕТКИ ПО ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

ВЛАСТЬ ЯЗЫКА

Феномен языка вышел на первый план в философии XX века.

Раньше: это что-то служебное – всецело подчинённое пользователю. Теперь: это нечто автономное – способное существенно влиять на человека, даже властвовать над ним.

Гипотеза лингвистической относительности – *Sapir-Whorf hypothesis* – показала: язык предопределяет картину мира, как бы подводя свои силовые поля под исходные элементы – выстраивает их согласно своим внутренним предустановлениям.

В статье Б.Л. Уорфа «*Отношение норм поведения и мышления к языку*» мы читаем о том, как индейцы *хопи* воспринимают время: «*Наше понятие “продолжительность времени” рассматривается не как фактическая продолжительность или протяженность, а как соотношение между двумя событиями, одно из которых произошло раньше другого*».

Войдя в язык *хопи*, мы как бы выпадаем из времени – оно перестает *идти, течь*.

Перед нами нечто *пространственноподобное* – совсем в духе Германа Минковского: четвёртое измерение, ничем не отличающееся от трёх других, чья статика привычна нам.

Уверен, что древнегреческое слово *космос* обладало гипнотической силой – отсекало в сознании эллинов инфинитные представления о Вселенной.

В русском языке омонимия *мир* и *мир* настраивает на благостное восприятие бытия.

Призраки рынка у Фрэнсиса Бэкона генерируются языком.

Слово *коммунизм* – хоть и антирыночное в своей сути – является несомненным *призраком*. Кто будет отрицать его мощную суггестию? Оно захватывало сонмы людей – и ломало им судьбы, оставляя ни с чем. Подчеркнём: не только идеология, но и обозначающее

её *слово* способно действовать как сигнал или стимул, подчиняя себе энергию масс.

Венский кружок сделал блистательную попытку освободить нас от власти языка.

Это нам едва ли не свойственно с рождения: если есть слово – то есть и обозначаемое им.

Я безоговорочно верю в сиринов, единорогов, сфинксов.

Язык внушил мне эту веру – и я благодарен ему.

Это подсознательное: если названо, поименовано – то должно существовать.

Обладая в нашем сознании колоссальным авторитетом, слово ослабляет в человеке критическое начало – исподволь табуирует сомнения в достоверности передаваемого им смысла.

Это остро почувствовали венцы.

Есть ли *денотат* у слова Бог?

Тут не срабатывают ни верификация, ни фальсификация.

Венский кружок говорит: подобные *метафизические слова* должны быть удалены из сферы рационального – но за ними оставляется право питать наши нуминозные настроения.

Лексика данного типа главенствует в словаре поэзии.

Украшает её!

Русский язык содержит в себе что-то бунташное, мятежное по отношению к диктату языка.

Это выразилось дважды:

1/ в фольклорных *небывальщинах*;

2/ в футуристической *зауми*.

Ехала деревня

Мимо мужика,

Вдруг из-под собаки

Лают ворота.

Околесица!

Ахинея!

Язык – смысл – логика: эта связка тут разбивается. Будто слово вырвалось из смирительной рубахи – и ведёт себя как хочет, игнорируя все нормы и правила.

А.Л. Синявский писал в своём «Иване-дураке» по поводу небывальщины: «От прошлого осталась лишь фикция — принцип соединения слов в слаженную цепь тарабарщины. Как если бы сказка напрашивалась на какой-то скандал или шла на откровенный шантаж».

Вот будетлянин Алексей Кручёных:

*в позоре бессмыслия
жизнь мудреца
дороги голове лысой
цветы поросят*

Это эпатаж.

Слово эмансипируется – смеётся над собственными семемами – кривляется, вольничает, играет.

Это великая антиномия: в *тезисе* – мы данники языка, в *антитезисе* – язык творится нами.

Или – или?

И – и!

Соединительный союз – не разделительный! – тут отвечает истине.

ОНОМАТОПЕЯ

Со студенческих лет я испытываю большую симпатию к теории *ономатопеи*.

Звукоподражание – как один из источников языка: это ещё и в эстетическом отношении ценно.

Уйма поэзии!

Слово закрепило акустические образы природы – охотнее всего нашим пращурам позировали живые существа.

Жужжание – кваканье – карканье!

Слово тут ещё и живописует.

Только вместо красок – вибрации воздуха.

Ономатопея охватывает и живую, и неживую природу. Впрочем, наши пращуры не знали этого разделения – они одухотворяли всё бытие. Конечно же, на генезис языка влияло звучание воды – во всём его широком, воистину полифоническом диапазоне.

Прежде всего это вода *проточная, речная*.

Или родниковая.

Иппокрена – и Кастальский ключ: многое они могли подсказать поэтам-языкотворцам.

Журчание – бульканье – плеск: думается, что соответствующие звуки воды отразились не только в этих *ономатопах*, но и в музыке многих других слов. “*Υδωρ*” было для них – как своего рода камертон: давало волну для настройки.

Babble, blob, bubble, flush, gurgle, gush, splash: так английский язык запечатлел – как бы переписал точь-в-точь – различные водные фонации.

Гидронимы: несомненно, что это самый древний – и самый загадочный – пласт языка.

Чарующие – волхвующие – неизъяснимые названия рек!

Часто не удаётся выявить их этимологию.

Мне мнится: эти названия они подсказывали сами. Подслушать нетрудно: каждый перекаат говорит на свой манер – всегда вдохновенно и выразительно.

Это первичное, исходное.

А потому и уходящее от лингвистических интерпретаций – таковые предполагают наличие чего-то предшествующего, более раннего.

А тут – предел.

Бия – Кама – Свирь – Катунь – Клязьма!

Даже если здесь и можно докопаться до значений – то всё равно: в этих *наречениях* чудится звукоподражательный момент – он исподволь навязывает себя, доминируя в нашем восприятии.

Река – и речь: не хочу поднимать М. Фасмера – пусть это будет ложная этимология. Но связь двух этих слов – в субъективных измерениях – для меня беспорна.

Ритмы природы – и метрика стиха: тут вероятны глубокие унисоны.

Максимилиан Волошин пишет:

*Я вижу грустные, торжественные сны —
Заливы гулкие земли глухой и древней,
Где в поздних сумерках грустнее и напевней
Звучат пустынные гекзаметры волны.*

А вот чудесные слова Константина Паустовского:

«И вдруг мне стало ясно, что слепой Гомер, сидя у моря, слагал стихи, подчиняя их размеренному шуму прибоя. Самым веским доказательством, что это было действительно так, служила цезура посередине строки. По существу она была ненужна. Гомер ввёл её,

точно следуя той остановке, какую волна делает на половине своего наката.

Гомер взял гекзаметр у моря”.

В происхождении слов наверняка имела место *звуковая парейдолия*. Это понятие мы образуем по аналогии: как глаз видит смыслы в хаотических образованиях, так и ухо слышит их, воспринимая шум.

Чего стоит белый шум!

Из него можно эксплицировать целые словари.

Различные *мантики*, строившиеся на звуках – грозы ли, дождя ли, травы ли – тоже участвовали в сотворении слов.

В энциклопедии Брокгауза и Ефрона можно прочесть: *«Греки и германцы гадали ещё по журчанью ручьев, по гулу речных стремнин и водопадов».*

Ономатопея – почти натурализм.

Слово и объект: между ними устанавливается едва ли не буквальное подобие.

Это характерно для начальных стадий лигвогенеза?

А.А. Потебня правомерно пишет: *«люди стали выдумывать слова, имевшие более отдалённое сходство с предметами».*

Это *отдаление* стремительно нарастало.

Возникновение слов превратилось в самодовлеющий процесс.

Они рождались в свободной игре ума и чувства.

Вопрос о прямой привязке к реальности отпал.

Слово *«дерево»* не похоже на само дерево.

Расщепление на *конвенциональное* и *реальное* – источник шизотипии. И круче – шизофрении!

Вспомним замечательные стихи Вадима Шефнера:

*Мы явленьям, и рекам, и звёздам даем имена,
Для деревьев названья придумали мы, дровосеки,
Но не знает весна, что она и взаправду весна,
И, вбежав в океан, безымянно сплетаются реки.*

А если знают?

И мы не даём имена, а только их подслушиваем?

Это чисто поэтическое допущение.

Исповедую *лингвистический пантеизм* – сливаю язык и природу.

Не хочу никаких синонимов к слову *стрекоза*.

Только *попынь* действительно горчит на моих губах.

Мёд: он в своём обозначении – и сладкий, и тягучий.

Мне бесконечно дороги мысли Людвига Витгенштейна о *зеркальности* языка Прочитываем «Логико-философский трактат»: «4. 012. Очевидно, что предложение формы «aRb» мы воспринимаем как образ. Здесь, очевидно, знак есть подобие обозначаемого».

Всегда бы так!

Это Велимир Хлебников:

*Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лиэээй — пелся облик,
Гзи-гзи-гзээ пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.*

Звуки как бы сканируют лик – отражаясь от него, обретают соответствующее оформление.

Это акустический отпечаток лика.

Физиогномическое перешло в звуковое.

Выражаясь математически, скажем так: получилось *взаимно-однозначное соответствие* – абсолютный изоморфизм слова и явления, которое оно передаёт.

Михаил Лермонтов писал о звуках неизвестного – скорее всего божественного – происхождения:

*Принимают образ эти звуки,
Образ милый мне;
Мнится, слышу тихий плач разлуки,
И душа в огне.
И опять безумно упиваюсь
Ядом прежних дней.
И опять я в мыслях полагаюсь
На слова людей.*

Стихи эти – своеобразная *ономатопея*: язык вторит – подражает – гармонии сфер.

Настраивал их Бог?

Похоже на откровение!

Оно искони дается поэтам.

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА

В своей книге «Внутренняя форма слова»

Г.Г. Шпет пишет о поэтическом произведении: это *«продукт некоторого целемерного созидания, т.е. словесного творчества, руководимого не прагматической задачей, а внутренней идеей самого*

творчества, как *sui generis* деятельности сознания. И ничто иное, как эта целемерность, определяет собою поражающие нас единство и цельность».

Sui generis – своеобразный, единственный в своём роде.

Поэзия *исключительна*.

Её слово – по выражению Велимира Хлебникова – и впрямь *самовитое*.

Если хотите – *самородное, самобытное, самоценное, самодовеющее, самодостаточное*.

Если язык – согласно Мартину Хайдеггеру – есть *дом бытия*, то поэзия тут – и *домоздатель*, и *домоправитель*.

Она работает на бытие!

Является самым надёжным проводником бытийных энергий!

Настоящий поэт – всегда *корнеслов*: глубже всех ныряет в *λόγος* – и высвечивает его *внутреннюю форму*.

Это о нём написал Борис Пастернак:

*Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.*

*До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.*

Понятие *внутренняя форма слова* отсылает нас к *этимологии*. Ю.С.Маслов так определяет это феномен: «*сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова*».

Делались попытки связать *внутреннюю форму слова* с кантовской *схемой* – действительной посредницей между чувственным образом и абстрактным понятием.

Г.Г. Шпет охотно пользовался термином *алгоритм* – однако современность наложила на него коннотации, чуждые мысли учёного.

Здорово пишет В.П. Зинченко: «*внутренняя конструктивная форма делает слово глаголом, т. е. действием, даже демиургом*».

Именно так!

Для себя *внутреннюю форму слова* я связал с *вестигиями* А.Г. Гурвича, создателя теории биологического поля, которая вдохновляла Осипа Мандельштама: «*Существует категория переживания, которую мы обозначаем как «непосредственное узнавание», т. е. предполагающая существование каких-*

то вестигий от прежде бывшего «оригинального» аналогичного переживания».

Какие *вестигии* полнят наипрекраснейшее слово *колокол*?

Тут замечательна интерференция двух моментов:

1/ первенствует ономастопея с удвоением корня *kol-kol-* – вероятно, восходит к древнеиндийскому *kalakalah* – «шум», «гул» (сравни с хинди: *колахал* – те же значения);

2/ на эту формообразующую матрицу накладывается ещё и общеславянское *kol* – «коло», «около», «колесо».

Звучание *колокола* радиально – оно порождает *коло*, уходящее за окоём. *Колокол* хорошо смотрится в центре мира – как его и визуальное, и звуковое выделение.

Вестигий *окна* – вестимо, *око*.

Вестигий *обиды* (обидеть) – *об-вида* (об-видеть = обойти, обнести, обделить).

Трудно добраться до скрытых значений.

Но поэт чувствует их нутром.

И высвечивает для нас:

*Люблю обычные слова,
Как неизведанные страны.
Они понятны лишь сперва,
Потом значенья их туманны.
Их протирают, как стекло,
И в этом наше ремесло.*

Это Давид Самойлов.

Названия дней недели имеют *внутренние формы* – за исключением *субботы*: слово пришло к нам из древнееврейского языка.

Компенсацией тут может быть новообретённый внешний ореол – как мы это видим в поэме Николая Клюева «Мать-суббота»:

*Слава ковриге, и печи хвала,
Что Голубую Субботу спекла.*

Внутренняя форма есть у слова *темница* – но она отсутствует в слове *тюрьма* (из средневерхненемецкого *turt* от старофранцузского *torn*, латинское *turrim*).

В заимствованные слова *внутренняя форма* может внедряться благодаря замечательному механизму *ложной этимологии*.

К примеру, *спекулянт* превращается в

скупилянта – аллитерация работает на семантику.

Н. С. Лесков блестяще играет на этом приёме в своём «Левше»: *мелкоскоп – микроскоп, студинг – пудинг, клеветон – фельетон*.

Внутренняя форма слова – это первозданное, источник в нём. Проявляя *вестигии*, поэт как бы пересоздаёт слово – и оно обретает для нас необыкновенную свежесть.

ОТДЕЛЬНЫЕ МЫСЛИ

1. СЛОВОТВОРЧЕСТВО

У каждого слова есть автор.

Мы никогда не узнаем его имя.

Правда, тут есть исключения – скажем, неологизм *бездарь* ввёл в оборот Игорь Северянин.

Очень органичное слово!

Замечательны муфтолингвы Вилли Мельникова:

– *Вчераишпиль мне царапает глазавтра.*

– *Не каждая заглядевушка может стать головокруженицей и дожить до неувядамы.*

Тут очень своеобразно работает комбинаторика, похожая на ту, которая задействована в генокоде. *Инверсии – делеции – кроссинговеры – транслокации – рекомбинации*: все эти алгоритмы наследственности могут воспроизводиться на языковом уровне.

Очевидно, неологизм – это своего рода мутация.

Чем старее язык, тем замедленней мутагенез.

К.С. Аксаков ностальгировал по эпохе, когда вещи обретали имена: *«Тот язык, которым Адам в раю назвал весь мир, был один настоящий для человека; но человек не сохранил первоначального блаженного единства, первоначальной чистоты, для того необходимой»*.

А.А. Потемкин иронизировал по поводу этих слов: *«История языка должна быть историей его падения»*.

Мы знаем, что это не так.

Тем не менее *ἀρχή*¹ влечёт, манит.

Истина – добро – красота: кто впервые произнёс эти слова? Как завязались их корни? Откуда выросли?

*Ignoramus et ignorabimus!*²

1 Архэ – в досократовской древнегреческой философии – первооснова, первоначало. – *Прим. ред.*

2 Не знаем и не узнаем – ставшее крылатым выражение из доклада Эмиля Дюбуа-Реймона «О пределах познания

2. ГЕНИЙ ЯЗЫКА

Однажды я спросил Вилли Мельникова:

– Что такое *Genius loci*?³

Он ответил загадочно:

– *Форма жизни*.

Не слишком понятно – однако эвристично.

Это что-то вроде биополя, меняющего напряжение и структуру от места к месту?

Или специфический Дух, не терпящий единообразия?

Очень ярко *Genius loci* проявил себя в стиле модерн. Все варианты специфичны – сразу узнаваемы: английский – французский – испанский – австрийский – финский – русский и т.д. И это при чётко выраженной общей основе.

Понятие *Гений языка* ввёл в 1771 г. Франсуа-Мари Аруэ Вольтер.

Родство с *Гением места* вряд ли может вызвать сомнения.

Вавилонское столпотворение вызвало замечательную дифференциацию языков.

Это работало на *информацию* – антагонистку *энтропии*.

Палестинский Талмуд (IV–V вв.) так распределил между языками их назначения:

греческий – для пения

латынь – для юриспруденции

сирийский – для lamentаций

еврейский – для молитвы

Спорно?

Субъективно?

Но что-то тут есть.

Мнится, что итальянский язык предрасположен водить певучие хоры внутри канцон и секстин – тогда как энтелехией⁴ английского языка является аналитическая философия.

Зыбкое – неуловимое – недоказуемое!

Скорее игра, чем всерьёз.

Но игра, помогающая нам в языковой саморефлексии – и потому весьма значимая для природы» – *Прим. ред.*

3 Гений места (дух места, гений локуса) — в римской мифологии дух-покровитель конкретной местности. – *Прим. ред.*

4 Энтелэхия — в философии Аристотеля — внутренняя сила, потенциально заключающая в себе цель и окончательный результат. – *Прим. ред.*

культуры.

В русском языке мне чудятся вечевая разногласица – хоровое начало – полифония. Он хорошо подходит для того, чтобы Н.А. Бердяев мог раскрыть своё понимание свободы.

Вместе с родным языком мы вроде бы должны получать прививку от тоталитаризма.

Тем не менее страдаем от него.

Опять-таки: вкупе с языком – который однако первым поднимает мятеж, вовлекая в сопротивление народные массы.

3. СЛОВО «СМЕРТЬ» В ЯЗЫКАХ ПЛАНЕТЫ

Амандус Генрих Адамсон (1855–1929). Последний вздох корабля (1902)

Вспомним стихи Александра Блока:

*И краток путь средь долгой ночи,
Друзья, близка ночная твердь!
И даже рифмы нет короче
Глухой, крылатой рифмы: смерть.*

Вот наш выборочный словарь:

*Death – английский
Mors – латынь
Mort – французский
Tod – немецкий
Surt – эстонский
Mah – армянский
Marг – таджикский*

Заметим: все слова односложные.

В белорусском языке – наряду с близким нам «смерць» – существует абсолютно потрясающий синоним, от которого холодит душу: «скон».

Односложность во всех приведённых нами случаях похожа на *последний вздох*.

Быть может, перед нами самый ошеломительный случай *ономатопеи* – звуковой образ смерти.

4. СЛОВО-МОНАДА

В стихотворении Бориса Пастернака «Август» есть такая строфа:

*Прощай, размах крыла расправленный,
Полёта вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство.*

Хочется эти стихи соотнести с мыслями Г.Г. Шпета, высказанными им в книге «Внутренняя форма слова» – речь идёт о «признании той онтологической особенности слова, которая присуща и всякому культурному образованию, и которая передаётся такими „образами“, как „микрокосм“ и „макркосм“, или „монада“, которая отражает (*miroir vivant*) и репрезентирует (*représente*) „универсум“. Только при этой предпосылке приобретает свой смысл и оправдание тот, в высшей степени плодотворный, метод исследования, когда вместо анализа сложного и необъятного целого анализируется такой его „член“, который, будучи подлинным „репрезентантом“ целого, в своей конечной малости, но в полной конкретной целостности, содержит все существенные и структурные мотивы бесконечно большого».

В слове явлен образ мира – слово есть микрокосм – слово репрезентирует Вселенную – часть тут равна целому.

И поэт, и философ утверждают бесконечную информационную ёмкость слова – его неизбежность и неисчерпаемость.

Слова – истинные *гомеомерии*.

Анаксагорский принцип «*всё во всём*» вполне применим к ним.

Слово-микрокосм обладает ошеломительной способностью *всевмещения*.

Самой простой пример этого – *анаграмма*.

Комбинируя ограниченное число букв, можно передать множество смыслов.

Лун
 нуль
 Воз
 зов
 Чертог
 горечь
 Днесь
 снесь

Это Константин Кедров.

Г.Г. Шпет правомерно апеллирует к лейбницеvской монаде.

Прочитирум «Монадологию»: «62. Таким образом, хотя каждая сотворённая монада представляет весь универсум, но отчётливее представляет она то тело, которое собственно с ней связано и энтелехию которого она составляет; и, как это тело вследствие связности всей материи в наполненном пространстве выражает весь универсум, так и душа представляет весь универсум, представляя то тело, какое ей, в частности, принадлежит».

Эти положения вполне экстраполируемы на язык.

Слово – голографично.

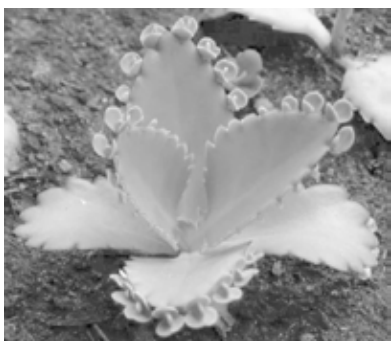
Слово – фрактально.⁵

По сути мы выстраиваем синонимический ряд: разные слова обозначают одно и то же – амбивалентность, равновеликость, взаимозаменяемость большого и малого.

Эту диалектику наглядно представляет бриофиллум – любимое растение И.-В. Гёте. Он называл его «главным представителем метаморфоза». И применял по отношению к нему философский эпитет пантеистический.

Почки бриофиллума, расположенные на краях его листьев, являют из себя микромодель целого.

Жизнь устроена рекуррентно.

5 Фрактал — множество, обладающее свойством самоподобия (объект, в точности или приближённо совпадающий с частью себя самого).—Прим.ред.

Bryophyllum calycinum

Бриофиллум – как бы наглядная манифестация этого свойства, его метафора.

Слову тоже отпущена способность к бесконечной вегетации.

Оно витально.

Биология слова: это наука будущего.

Развитие его напоминает органическую эволюцию.

Как и жизнь, оно противостоит энтропии – но добилось больших успехов: обрело бессмертие.

И нарушило законы сохранения!

Пушкинское «Я помню чудное мгновенье» прочитано миллиарды раз – но его энергия не иссякла: будет питать всё новые и новые поколения.

Это похоже на нетварную энергию.

Вот ещё один аргумент в пользу сближения

Поэта и Бога.

Словами можно любоваться по отдельности.

Возьмём слово *небо*.

Оно само по себе огромное – выпуклое – синее.

Слово *волна* колышется.

Слово *звезда* искрится.

Конечно, это *синестезия* – накладка на звуки зрительных впечатлений. Связи тут крайне произвольные и субъективные. Но в другой – ценностной – системе отсчёта они закономерны.

Горы – в самом своём *verbum* – вздымаются.

Лес – внутри своих фонем – шумит.

Краше всех – слово *Я*: согласитесь, что оно похоже на точечный фокус, в котором собралось *Всё*.⁶

6 Иллюстрации предоставлены автором.—Прим.ред.

Надежда Виноградова

АНАТОЛИК И ДРРРРР...

(По следам недавней одноименной выставки в Петербурге)

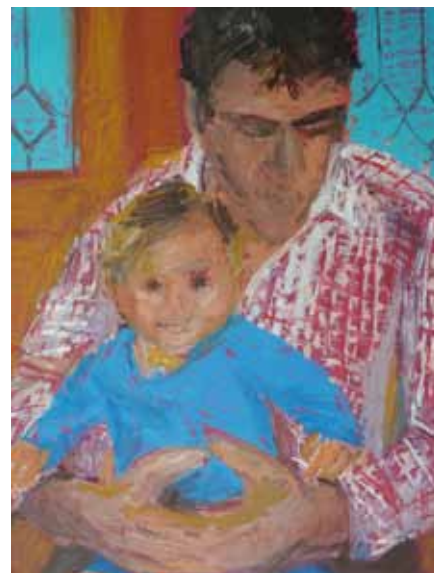
Правило, что художник должен быть немым, дабы не отвлекать от главного, будет нарушено мною сегодня. Ведь надо же объяснить наличие своих работ на страницах нашего альманаха.

Итак, знакомьтесь – Анатолик. Недавнее рождение сына заставило отказаться на некоторое время от привычного масла и кистей и перейти в другой мир – мир масляной пастели. Все картины, представленные здесь, выполнены ею.

И понеслись образы-улыбки, симпатичные личики, касания рук, взгляды... Желание запечатлеть, не пропустить, уловить, не проморгать каждое мгновение, движение, взгляд... Почувствовать, запомнить, осознать и пережить через свою живопись. Все эти радости и тревоги вылились на бумагу.

И в итоге сложилась целая коллекция таких работ, героем которых стал Анатолик.

Не знаю насколько мне удалось передать гармонию, любовь и счастье на бумаге, но очень захотелось поделиться этим с вами. Вам судить...

Александр Янушкевич

ИЗ ЦИКЛА “МАЛЯВЫ”

Прямая обязанность художника –
показывать, а не доказывать.
(Александр Блок)

Представленные здесь холсты созданы Александром Янушкевичем в 2016-2017 годах и входят в цикл «Малявы». Это камерные, малого размера картинки тихого, сосредоточенного состояния. Неброские по цвету, непритязательные по содержанию. При всей мнимой очевидности изображений, якобы узнаваемых силуэтов, предметов, угадываемых без затруднения, явленное зрелище отнюдь не однозначно. Написание этих холстов было монотонным, меланхоличным действием, сходным с процессом выпадения кристалла. Но это не химия, а скорее физика, вернее метафизика. Обыденность, возведенная в степень.

При взгляде на извилистый творческий путь А. Я. вспоминаются великие европейцы: Санчес Котан, Шарден, Джорджо Моранди. Явные параллели их творчества, сближающие, контрастирующие с творчеством А. Я., оттеняют самостоятельную линию его поисков. Постоянная тема, занимающая А. Я. – предмет, объект в пространстве, его интерпретация.

*Плоско-условная в период пуризма, иллюзорно-объемная в эпоху *Trompe L'oeil*, нервная, беспокойная во время «нетерпения кисти» (термин Б. Бернштейна) и сейчас успокоенная, уравновешенная живопись, решенная на сближенных тонах.*

Сегодня в живописи А. Я. метафора и мечта стали основой для выхода реальности за рамки обычной логики. Контраст между реалистичной точностью предмета, изображения и лирической выразительной атмосферой усилили это напряжение и иллюстрируют конфликт между внутренним состоянием художника и внешним миром.

У.3.

Александр Мелихов

НАШЕ ИНТЕЛЛИГЕНТСКОЕ СОЗНАНИЕ ЭПИЧНО

«Сфинкс спросил его: как можно быть идеалистом, оставаясь вместе с тем и реалистом, как можно, глядя на жизнь — верить в правду и добро? Пушкин ответил ему: да, можно, и насмешливое и страшное чудовище ушло с дороги. И в этом мужестве перед жизнью — назначение поэта», — писал Лев Шестов.

Вглядываясь в житейскую сторону пушкинской судьбы, видишь, сколько в ней бедности, тщетных трудов, унижений, обманов, обид, закончившихся мученической смертью, — и какой урок всем нам, какое доказательство всемогущества искусства, что Пушкин сумел превратить ее чуть ли не в сладостную легенду!

...Слово «Пушкин»
стихами обрастает, как плющом,
и муза повторяет имена,
вокруг него бряцающие: Дельвиг,
Данзас, Дантес, — и сладостно-звучна
вся жизнь его — от Делии лицейской
до выстрела в морозный день дуэли.

Эти стихи Владимир Набоков, которого столько раз называли холодным, написал и от нашего имени. Только мы не помним и не задумываемся, какой ценой оплачен этот плющ. Когда нам весело и светло, мы готовы в детской резвости сбрасывать Пушкина с корабля современности или упрягивать в музей на почетное прозябание. А кто-то стремится уничтожить его еще непоправимее, превратив в предмет принудительного обожания:

Уши лопнули от вопля:
«Перед Пушкиным во фронт».
(М. Цветаева)

Это перед Пушкиным, который не терпел напыщенности, который называл свои осенние

вдохновения временем «случки с музой»! «Пушкин в роли монумента» способен вызвать даже неприязнь. Но когда нам становится холодно и страшно, мы, словно только что капризничавший ребенок — к маме, кидаемся к нему, понимая наконец Александра Блока: «Дай нам руку в непогоду, помоги в немой борьбе!» Не знаний, а помощи мы просим у него, и он не держит обиды — он готов снова и снова наполнять нашу жизнь смыслом и красотой.

* * *

Если бы не его романтическая смерть в восставшей Греции, то сегодня лорду Байрону исполнилось бы ровно 230 лет. Видите, как много он потерял, скончавшись от лихорадки 19 апреля 1824-го! Своей иронией я отнюдь не ставлю под сомнение законность романтических порывов, напротив, я хочу напомнить, что нашим главным врагом всегда была, есть и будет не административно-командная экономика, с которой мы боролись в 1988 году, и не экономический кризис, который мы переживали в 1998 и 2008 году, не разглядевши байроновских юбилеев за этими столпотворениями суеты, а старая недобрая матушка-смерть. От которой нас не избавит ни застой, ни модернизация. Экзистенциальный ужас перед бесследным исчезновением способен ослабить лишь романтическое стремление оставить след в памяти потомков, романтическое представление о человеке как о прекрасном и величественном создании.

То есть наиболее надежно защищает нас безумство храбрых, хотя бы и чужое, а вовсе не умеренное и аккуратное искусство возможного.

Впрочем, романтизм вовсе не исключает прагматизма, в котором мы так остро нуждаемся в период реконструкции — пардон, модернизации. Англичанам в свое время как-то удавалось их совмещать: эпоху промышленной революции и оглушительный успех байроновских гордых одиночек, гяуров и корсаров,

бросающих вызов муравьиной суеде цивилизованного мира. Англичанин-мудрец для экзистенциальной бодрости изобрел бунтарский романтизм, а для практической деятельности — за машиной машину. Пропуская мимо ушей романтические призывы знаменитого поэта оказать снисхождение крушителям станков. После своего блестящего, но не имевшего никаких практических последствий выступления в палате лордов Байрон мрачно пошутил, что не только Цицерон, но даже сам Мессия не мог бы повлиять на голоса парламентариев.

Англичане умели отдавать кесарю кесарево, а поэту поэтово. Они умели воодушевляться бунтарским духом, обретая в нем представление о человеческом могуществе, но, реализуя это могущество в практических делах, не собирались слушаться поэта, у которого семь пятниц на неделе. А еще точнее, которому всегда требуется именно то, чего нет в наличии. Который сначала добивается руки и сердца умной и добродетельной Аннабеллы Милбэнк — и тут же начинает ненавидеть ее за умение оставаться гармоничной среди ой какого дисгармоничного мира. Ее безмятежное умение давать уверенные ответы на трагически неразрешимые вопросы вызывало у Байрона ярость Каина, взбешенного кротким Авелем и ринувшегося к чужому алтарю «низвергнуть в пыль угодника небес» (гармоничный Гете находил эту мотивировку убийства гениальной).

К чести Байрона, после скандального развода, закрывшего для него вход в английское высшее общество (при его появлении почтенные дамы падали в обморок), он до конца своих недолгих дней продолжал отзываться об Аннабелле самым достойным образом и, кажется, мечтал вновь соединиться с нею. Однако, не обнаруживая по отношению к нему никаких дурных чувств, она уже не желала делить ложе с поэтом, который на ночь прячет под подушку заряженный пистолет и под воздействием каких-то кошмаров страшно скрежещет зубами.

Однако Каина почему-то совсем не сердит его жена Ада, тоже готовая жить, не бунтуя против небесного владыки. Может быть, потому, что она была готова делить его муки без рассуждений: «Раз ты со мной — я счастлива без рая».

Кажется, Байрону было легко лишь с одной женщиной — но эта любовь, пожалуй, и сейчас считалась бы преступной... Она была обаятельной и довольно бесхитростной — что называется, цельной. Однако не приходило ли ему в голову подозрение, что цельность природы есть бедность природы? В молодости Байрон велел начертать на надгробной плите любимого ньюфаундленда: «Он соединял в себе все добродетели

человека без его пороков». Разумеется, это был эпатаж, но ведь эпатировать может лишь то, что похоже на правду... Почему же тогда не добродетельные псы, а порочные люди возвели столь восхищавшее Байрона грандиозное здание человеческой истории, человеческой культуры?

Если считать исходным свойством романтизма противоречивость, то в лорде Байроне рок явил миру едва ли не эталон романтика. Не только характер — все в нем было сплетено из противоречий. Протей — морское божество, меняющее свой облик, — этот образ приходил в голову не одному его знакомцу. Красавец, до бешенства стыдившийся своей подвернутой ступни. Великолепный стрелок, чьи руки постоянно дрожали. Дон Жуан, чаще обольщаемый, чем обольщающий, и притом мучительно застенчивый. Прославленный поэт, вызывающий злобы не меньше, чем восторгов. Отличный спортсмен, казавшийся дурно сложенным. Скептик, верящий в предзнаменования. Богоборец, отдавший нежно любимую побочную дочь на воспитание в монастырь. Распутник, не прощавший себе ни одной мелочи, готовый клеветать на себя и огорчавшийся, когда ему верили. Гордец, презиравший свет и страдавший, когда свет начинал платить ему той же монетой. Бунтарь, веривший в бессилие человека перед роком. Безмерно мрачный шалун и остро слов. Надменный отшельник и эгоист, вечно обрастающий толпой иждивенцев, на севере мечтающий о солнце юга, а на юге о туманах севера, в одиночестве тянущийся к общественным обязанностям и начинающий тяготиться ими, едва попав в их сеть. Почитатель Наполеона, в «Чайльд Гарольде» восхищавшийся мужественной борьбой испанцев с наполеоновскими войсками, а в «Дон Жуане» уверявший, что «одну слезу почетней осушить, чем кровью поле боя затопить». Циник, постоянно высмеивающий те чувства, которые фонтаном били в его поэзии. Щедрейший даритель, временами впадавший в скардность. Богатейший отпрыск двух знатнейших родов, в детстве полной мерой вкусивший бедности и унижений вплоть до колотушек разгульной служанки, а в юности пытавшийся роскошествовать в нескольких изысканно отделанных комнатах среди запущенных зал полуразрушенного аббатства.

Байрон готов был поддерживать всякого, кто в данный миг представлялся ему угнетенным — чтобы переменить свое мнение на следующий же день после победы:

Я неизменно защищаю тех,
Кто не в чести. И, если час настанет,
Когда толпы победной ревы и смех

Над бывшими избранниками грянет, —
 Я нападать на них сочту за грех.
 И может быть — меня на это станет, —
 Примкну я к роялистам: мне претит
 И демократ, когда он властью сыт.

Уж сколько он проклинал тиранов, за то что
 двуногих тварей миллионы для них орудие одно,
 но в трагедии «Сарданапал» едва ли не перешел на
 сторону тех, кто ставит народ на службу великим и
 ужасным историческим свершениям. Царь-эпикурец
 живет в свое удовольствие и предоставляет такую же
 возможность другим — и падает жертвой народного
 возмущения. Знакомая картина, не так ли? Отверженец
 негодует:

Рабы неблагодарные! Роптать,
 Что я не лил их кровь, что не водил их
 В пески пустыни дохнуть, их костями
 Не убелял прибрежий топких Ганга.
 Не истреблял мечом законов диких,
 Не гнул их на постройке пирамид
 Иль вавилонских стен!

И слышит в ответ:

Но это все
 Достойней государя и народа,
 Чем петь, плясать, блудить и пить, и тратить
 Казну, и добродетель попирать.

Оказывается, народу требуется не только
 веселье, но и великая историческая миссия! Без кото-
 рой самому Байрону жизнь была не в жизнь. Этаким
 аристократический Че Гевара, он то поддерживал
 карбонариев, серьезно рискуя и превращая в арсенал
 свое роскошное палаццо, то вынашивал планы
 окунуться в перманентную революцию Латинской
 Америки, пока наконец не дождался своей финальной
 греческой эпопеи.

Общественный комитет помощи восставшим
 грекам учредили в Лондоне несколько парламентариев–
 оппозиционеров, дабы продемонстрировать свое
 моральное превосходство над правительством,
 связанным международными обязательствами: после
 кошмаров революционных и постреволюционных
 войн Европа сочла за благо не поддерживать никаких
 смут, под какими бы лозунгами они ни затевались.
 К политикам примкнули идеалисты, более всего
 озабоченные полновесностью либеральных начал

писанной вилами по воде греческой конституции,
 однако ни политиканство, ни глупость Байрон не счел
 достаточным поводом ускользнуть от участия в этой
 авантюре — хотя бы уже потому, что он слишком много
 воспевал греческую свободу (Спарта, Фермопилы и
 прочая, и прочая).

Байрон отправлялся в Грецию со слезами, не
 скрывая своей уверенности, что совершает поступок
 как минимум неблагоразумный. Предчувствуя близкий
 конец, он просил позаботиться о трех живших в его
 дворце домашних гусях, к которым он очень привязался.
 В случае благополучного возвращения он намеревался
 написать одну эпическую и одну сатирическую
 поэму, в которой бы не пощадил никого, а прежде
 всего — себя. И греческая эпопея не поскупилась на
 материал.

«Не следует с чрезмерной дотошностью изучать
 народ, который мы намерены облагодетельствовать,
 не то — Бог свидетель — мы ничего доброго в этом
 мире не совершим». Главный романтик мировой
 литературы прекрасно отдавал себе отчет, что в основе
 великих дел лежат великие иллюзии. В «Кефалонском
 дневнике» Байрон сокрушался, что греки «чертовски
 лживы», тут же прибавляя, что это лишь следствие
 рабства (лицемерие лондонского света, очевидно,
 было следствием свободы). Слуга же Байрона вообще
 считал, что турки единственные порядочные люди в
 этой стране.

Сулиоты, которым Байрон посвятил нечто вро-
 де гимна, требовали для рядовых офицерского
 жалования, менее гордый народишко попросту
 увиливал от неоплачиваемых трудов, тогда как сам
 Байрон расточал свою казну с королевской щедростью.

Было не так-то легко отличить повстанца
 от бандита и интернационалиста от авантюриста.
 Каждая из соперничающих клик норовила перетянуть
 чудаковатого англичанина — денежный мешок — на
 свою сторону. Одновременно распространялись слухи,
 в которых Байрон предстал то рукой Стамбула,
 то рукой Лондона. Но этот капризный неврастеник,
 для которого простая невнимательность друга
 оборачивалась предательством, проявлял такие чудеса
 терпения и практичности, что приводил в изумление
 профессиональных военных, не догадывавшихся, что
 источником его прагматизма был романтизм, ощущение
 великой исторической миссии.

Скрывая отчаяние, он сидел на солдатском
 пайке, ни разу не уклонился от скучнейших учений под
 бесконечным дождем, превращающим жалкий поселок
 в непроходимое болото — тогда-то с ним и случился
 первый в его жизни припадок священной эпилепсии.
 Но проклятия от него слышали только по адресу

поборников человеколюбия и прогресса, этого несносного племени позеров и брехунов. Он понимал, что Греция обречена: «Священному Союзу» было хорошо известно, что любые нововведения легче начать, чем остановить, а Российская и Австрийская империи держали «под пятой» ничуть не меньше народов, чем Османская (о британских колониях из деликатности умолчим). У восставших же не было шансов выстоять против регулярной армии без вмешательства европейских держав. А их «Священный Союз» намекал даже на тайную связь смутьянов национальных со смутьянами социальными.

Но героический пессимист держался на избранном посту, как стойкий оловянный солдатик. Однажды из чисто спартанского принципа он провел полчаса в лодке под неиссякаемым ливнем, подхватил лихорадку и скончался в этой дыре из дыр среди, выражаясь по-гречески, полного хаоса, или, выражаясь по-русски, полного бардака. Отдав жизнь бессмыслице.

Однако внезапная смерть великого поэта в рядах греческих повстанцев вызвала такое потрясение общественного мнения, которое перевернуло всю европейскую политику. И турки были изгнаны!

Рано или поздно романтики всегда берут верх над расчетливыми прагматиками. Байроновский призыв «в глубинах самых горьких мук себе награду обрести, торжествовать и презирать, и Смерть в Победу обращать» предстал не поэтической высокопарностью, но могучим средством реальной политики.

22 января 2018 года

* * *

Сегодня день смерти Джорджа Оруэлла. Он тоже разоблачал Сталина. Но не по-нашему.

Наше интеллигентское сознание эпично. В наиболее чистом своем воплощении оно вообразает Сталина бескорыстным садистом, творящим зло исключительно из ненависти к красоте и добру. В более же идеологизированной (например, солженицынской) версии Сталин пригловатый раб коммунистической химеры («Учения»), стремящийся подчинить ей все страны и языки без всякой выгоды для собственного государства. На этом, отечественном фоне особенно интересно рассмотреть, каким виделся вождем мирового пролетариата его выдающемуся младшему современнику Джорджу Оруэллу, мечтавшему послужить этому самому пролетариату, хотя бы и ценой жизни, в Испании, сражаясь в рядах наиболее последовательной компартии POUM (Partido Obrero

de Unificacion Marxista — Объединенная марксистская рабочая партия). У Оруэлла не было причин ненавидеть Сталина за уничтожение и притеснение наших миров, он наверняка не слышал имен Вавилова, Мандельштама, Платонова; ни он сам, ни его близкие никоим образом не участвовали в борьбе за власть в Стране Советов и несколько не пострадали от сталинских репрессий — Оруэлла волнует отнюдь не судьба советской интеллигенции, более всего волновавшая ее самое и ее наследников, но именно, без дураков, борьба за освобождение рабочего класса. То есть он судит Сталина именно как преданный слугитель коммунистической химеры.

И его возмущало прежде всего то, что Сталин этой химере изменил: «Коммунистическое движение в Западной Европе началось как движение за насильственное свержение капитализма, но всего за несколько лет оно выродилось в инструмент внешней политики России». Политики вполне традиционной — поиска сильных союзников, способных дать отпор потенциальному агрессору, при очень слабой озабоченности их идеологической окраской. Иными словами, по мнению Оруэлла, договоры с капиталистическими державами во имя единого антифашистского фронта сделались для Сталина важнее международного рабочего движения — он предал коммунистическую грезу во имя государственных интересов Советской России. Оруэлл использует даже страшное клеймо из коммунистического словаря — оппортунист!

Мало того, сталинские ставленники из Коминтерна ради умиротворения своих капиталистических союзников были готовы расправиться (и расправлялись, Оруэлл сам едва унес ноги) с теми, кто оставался верен делу рабочего класса! Тем не менее, как истинный интеллеktуал Оруэлл сильнее ненавидит даже не тех, кто расправлялся, находясь на передовой исторической борьбы, а тех, кто оправдывал измены и расправы, сидя в безопасной Англии — «людей, духовно раболепствующих перед Россией и не имеющих других целей, кроме манипулирования британской внешней политикой в русских интересах». Он называл их рекламными агентами России, солидаризирующимися с русской бюрократией, готовыми во вторник считать гнусной ложью то, что еще в понедельник было безоговорочной истиной.

«Пришел к власти и стал вооружаться Гитлер; в России стали успешно выполняться пятилетние планы, и она вновь заняла место великой военной державы. Поскольку главными мишенями Гитлера явно были Великобритания, Франция и СССР, названным странам пришлось пойти на непростое сближение. Это

означало, что английскому и французскому коммунисту надлежало превратиться в добропорядочного патриота и империалиста, то есть защищать все то, против чего он боролся последние пятнадцать лет. Лозунги Коминтерна из красных внезапно стали розовыми. «Мировая революция» и «социал-фашизм» уступили место «защите демократии» и «борьбе с гитлеризмом». Однако самым поучительным во всех этих метаморфозах для Оруэлла было то, что именно в антифашистский период молодые английские писатели потянулись не к демократическому, но к коммунистическому антифашизму.

И причины этого были, как всегда, не материальные, но психологические, экзистенциальные — желание слиться с чем-то могущественным, долговечным и несомненным. «Вот оно, все сразу — и церковь, и армия, и ортодоксия, и дисциплина. Вот она, Отчизна, а — года с 35-го — еще и Вождь. Вся преданность, все предубеждения, от которых интеллект как будто отрекся, смогли занять прежнее место, лишь чуточку изменив облик. Патриотизм, религия, империя, боевая слава — все в одном слове: Россия. Отец, властелин, вождь, герой, спаситель — все в одном слове: Сталин. Бог — Сталин, Дьявол — Гитлер, Рай — Москва, Ад — Берлин. Никаких оттенков. «Коммунизм» английского интеллектуала вполне объясним. Это патриотическое чувство личности, лишенной корней».

Упиваясь обретением этих корней, ученики начинают воспевать убийства, возносясь даже выше своих учителей. «Мы добровольно повышаем шансы смерти, Принимаем вину в неизбежных убийствах» — об этих строках Одена из поэмы «Испания» Оруэлл отзывается следующим образом: «Так мог написать только человек, для которого убийство — фигура речи, и не более. Лично я не мог бы бросаться такими словами с легкостью. Мне довелось во множестве повидать убитых — не погибших в бою, а именно жертв убийства. И у меня есть кое-какое представление о том, что означает убийство, — это ужас, ненависть, рыдания родственников, вскрытие, кровь, зловоние. Для меня убийство — нечто такое, что допускать нельзя. Как и для любого нормального человека. Гитлеры и сталины считают убийство необходимостью, но и они не похваляются своей задубелостью, не говорят впрямую, что готовы убивать: появляются «ликвидация», «устранение» и прочие успокоительные эвфемизмы. Аморальность, демонстрируемая Оденом, возможна лишь при том условии, что в момент, когда спускается урук, такой аморалист находится в другом месте».

Намек достаточно прозрачен? Сталинизм заполняет пустоты, выжженные индивидуализмом, замыкающим человека в его личной шкуре. Те, кто

ощущает себя частью чего-то бессмертного — народа, науки, искусства, церкви или даже семейного клана — в подобных суррогатах вечности не нуждаются. «Для душевной потребности в патриотизме и воинских доблестях, сколько бы ни презирали их зайцы из левых, никакой замены еще не придумано», — так вот умел выражаться главный обличитель тоталитаризма!

Однако лично я склонен думать, что патриотизм и воинские доблести были только служебными средствами более глубинной потребности — потребности ощущать себя большим и сильным, прокладывать новые пути в Истории, а для этого нужно было идентифицироваться с могучим игроком — пока Советская Россия оставалась слабой, никакого «советского патриотизма» в рядах британской интеллигенции не наблюдалось: «История русской революции от смерти Ленина до голода на Украине абсолютно не затронула английское сознание. Все эти годы Россия означала только одно: Толстой, Достоевский и бывшие графы за рулем таксомоторов».

Знали бы левые интеллектуалы, что ненавистная им буржуазия тоже способствовала темпам советской индустриализации, торопила Сталина побыстрее купить то оружие, которым он намеревался с нею сразиться. Когда, встревоженный нарастающим голодом, в 1931 году отец народов попросил у своих западных партнеров дозволения убавить масштабы советского экспорта, ему было отказано в очень строгой форме.

Так, например, британский торговый советник передал, что невыполнение принятых обязательств вызовет отказ в дальнейших кредитах, а будущие экспортные поставки и даже советская собственность за границей вплоть до оказавшихся там судов могут быть конфискованы для покрытия долгов. В этом же духе в начале 1932 года высказался немецкий канцлер Брюнинг: или платите — или более никаких кредитов.

В Большой Игре скидок не делают. Если даже впоследствии придется расплачиваться самим.

Меры строгости тоже подталкивали Сталина к сталинизму, равно как и Гитлера к гитлеризму, равно как и... Далее везде.

20 января 2018 года

* * *

Отто Вейнингер в своем интеллектуальном бестселлере "Пол и характер" писал, что женщина поклоняется фаллосу и всему, что из него проистекает — мужу, детям, семье, — ей недоступны высокие стремления.

Неистовый еврейский молокосос вскоре застрелился в том же гостиничном номере, в котором

умер Бетховен, и скорее всего не успел понять, что женщины поклоняются вовсе не фаллосу, а любви. То есть счастью. Ибо счастье без любви невозможно.

Но как же, разве достижения в науке, в искусстве, в политике, в бизнесе, в благотворительности не создают более высокий тип счастья? Женщины, по моему опыту, создания гораздо более возвышенные, чем мужчины, и они гораздо шире открыты бескорыстному восхищению гениями, героями, благодетелями, вождями, чем те же мужчины, которым признавать чужие достижения мешает тщеславие и ревность самцов. Но именно поэтому женщины яснее чувствуют, что всех этих сверхличных переживаний, может быть, достаточно для глубокого морального удовлетворения, но недостаточно для счастья. Любить родину или науку и преданно служить ей, — это, конечно, придает жизни довольно значительный и все-таки далеко недостаточный смысл: ибо при этом мы служим тому, кто в наших усилиях не так уж и нуждается, поскольку они исчезающе малы в сравнении с усилиями всей массы наших соратников. А вот когда мы любим и служим конкретному и очень важному для нас человеку, наш вклад оказывается весьма и весьма существенным; можно даже обольщать себя надеждой, что без нас бы он и вовсе пропал. И несть числа примерам, когда женщины продолжают нежно и преданно заботиться о любимых мужчинах, чей фаллос давно пребывает в полном упадке.

А быть любимой или любимым означает видеть реальные, живые весы, на которых каждое наше качество, каждое наше желание весит или очень или бесконечно много. Это ведь только так говорится, что человеческая жизнь бесценна, а даже простые телевизионные новости упоминают о гибели сотен и тысяч людей как о надоевшей рутине; жизнь ежедневно и ежечасно посылает нам сигналы: ты мошка, ты никто, ты никому не нужен, ты такой же, как все семь или сколько там миллиардов всемирной мошкары, — и вдруг кто-то говорит тебе: ты единственный, таких, как ты, больше нет. И счастье без этого признания нашей бесконечной ценности и уникальности невозможно.

Как и без служения бесконечно ценному объекту, который без нас бы, возможно, и пропал: обеспечивая жизнь и счастье бесконечно ценному объекту, мы и сами становимся бесконечно ценными.

Но разве не любят, скажем, какого-нибудь знаменитого певца или политического лидера его фанатки и фанаты? Любят, разумеется, иногда даже, можно сказать, обожают. Но они обожают не человека, а функцию. Они обожают его голос, его талант, волю, ум, красноречие, решимость, но никому нет никакого дела до его изжоги или бессонницы, до его болезней

и потерь, его страхов и тоски, которую он вынужден от всех скрывать... Оттого-то среди беснующихся поклонников их кумиры временами и чувствуют себя особенно одинокими.

А женщины понимают, что семья — это единственный кружок, где человека любят ни за что, любят не какую-то важную его функцию, а его самого, — потому-то они так и дорожат семьей и любовью в семье: семья пусть и не царство любви, но все-таки тот единственный уголок, где она хоть как-то выживает. Вот серьезный мужчина Энгельс додумался же, что семья нужна не для любви, а для наследования собственности — ведь на свете нет ничего важнее собственности!

А женщины чувствуют: полноценна лишь любовь к человеку, остальное не более чем суррогаты. Вот только почему непременно к человеку другого пола, почему не своего? Потому что главное орудие любви — идеализация, идеализировать же того, кто мало чем отличается от нас, невозможно: себя мы слишком хорошо знаем, мы не представляем тайны для себя, — любовь невозможна без разделения социальных функций и психологических свойств.

Иными словами, любовь будет убита равенством, а вместе с нею и счастье. Впрочем, кто нам сказал, что мы должны быть счастливы? Когда люди забудут, что это такое, они начнут называть счастьем что-то другое.

Михаил Голубовский

ГЕНЕТИКА И БИБЛИЯ. РЕАЛЬНОСТЬ АВРААМА И ЕГО РОДА

Вряд ли я решился бы на публикацию этих изысканий, если бы не поддержка крупнейшего историка-библеиста, исследователя ближневосточных древностей Иосифа Давидовича Амусина (1910–1984 гг.). Его книги «Находки у Мертвого моря» (1964 г.) и «Кумранская община» (1983 г.) широко известны. Именно к нему тридцать шесть лет тому назад, 22 октября 1982 года, я направился в промозглый и дождливый осенний ленинградский вечер домой на улице Орбели, что на Выборгской стороне. Возраст Амусина уже приближался тогда к возрасту библейских патриархов. Но ученый нисколько не утратил живости и остроты ума, интереса и к современным событиям, и к тем, что происходили две тысячи лет назад.

С Амусиным я познакомился ранее через А. А. Любищева. Судьбе было угодно, чтобы в начале 1950-х годов в Ульяновском пединституте встретились три выдающихся интеллигента, хранители тайн и веры: А. А. Любищев, Н. Я. Мандельштам и И. Д. Амусин. Они были духовно близки, свободны в помыслах и поступках и поддерживали друг друга в условиях агрессивно-невежественного гонения тех лет на науку и культуру (всеохватный лысенкоизм после 1948 года, антисемитизм под видом борьбы с космополитами). В 1953 году зоолог-эволюционист Любищев написал первую часть своего критического труда «О монополии Лысенко в биологии» и стал распространять ее по типу самиздата. Началась травля, была устроена дискуссия, которая свелась, по канонам тех лет, к доносу. В защиту Любищева и гонимой генетики выступил историк Амусин. Бесстрашие было органично для Иосифа Давидовича. В предисловии к посмертному сборнику работ историка его младший коллега И. П. Вейнберг пишет, что свойственные Амусину «единство мысли, слова и дела, неспособность и нежелание лицемерить мало соответствовали реальности того времени и обернулись для него тюрьмами и ссылками». Он сидел с перерывами еще в 1926–1933 годы, затем снова в 1938 году. После случайного освобождения успел окончить университет, а в начале войны ушел добровольцем

на фронт. В 1949 году в Институте востоковедения Амусин блестяще защищает диссертацию, но в период начавшейся в стране антиеврейской вакханалии места в Ленинграде ему не нашлось. Амусин обрел пристанище в Ульяновске. В период оттепели, после смерти Сталина, он возвратился в Ленинград и работал в Институте востоковедения АН СССР до конца своих дней. Амусин рассказывал мне, что в те годы для чтения литературы на иврите надо было получать специальное разрешение. Вся литература на иврите отправлялась в спецхран. Древний язык Библии был под запретом!

Когда в 1953 году Амусин защищал Любищева, это был своеобразный контакт истории и генетики на почве научной этики. И вот спустя три десятилетия генетик (в моем лице) пришел к историку, чтобы тот благословил – или опроверг – неожиданные генетические доводы в пользу реальности существования... библейского Авраама. Речь шла о реконструкции – на основе анализа библейского текста – особенностей проявления в родословной Авраама одной редкой наследственной аномалии в системе воспроизведения: частичное бесплодие, которое перемежается с близнецовостью. Память об этой незабываемой для меня встрече «материализовалась» в виде оттиска одной из статей Амусина с его дарственной надписью: «С наилучшими пожеланиями и с признательностью за блистательный рассказ о палеогенетике». В 1986 году я сумел тайно, обойдя официальные запреты, опубликовать мое библейское изыскание в журнале «Koroth», издающемся в Израиле и посвященном проблемам биологии и медицины в Библии и Талмуде.

Вряд ли какой-нибудь другой сюжет Ветхого Завета может сравниться по своему влиянию на религиозную жизнь, философско-теологическую мысль, историю и художественное творчество с повествованием о роде Авраама.

Авраама почитают духовным родоначальником и иудеи, и христиане, и мусульмане. Его личность замечательна не только переходом к монотеизму, заключением Завета с Богом, но и чисто человеческими

деяниями, всем стилем поведения. Когда возник спор из-за границ пастбищ, Авраам не стал «качать права», напоминать своему племяннику Лоту о старшинстве, о том, как он вызволил его из плена. Он сказал: *«Да не будет раздора между мною и тобою, и между пастухами моими и пастухами твоими... Если ты налево, то я направо; а если ты направо, то я налево»*. (Бытие, 13:8). Этот универсальный метод погашения споров между людьми и народами можно назвать *этическим принципом Авраама*.

Стержень данной статьи – приведение доводов из области генетики в пользу исторической реальности Авраама и его рода. Оказалось, что изучение родословной Авраама ставит весьма интересные для медицинской генетики вопросы. Я коснусь также удивительных исследований в области молекулярной палеогенетики: анализ изменений в наследственной молекуле ДНК и их связи с этнической историей. Успехи генетики неожиданно позволили в ряде случаев переосмыслить некоторые описания, которые были хорошо известны по памятникам культуры, но в мифопоэтическом контексте воспринимались как вымысел. Вспомним Сент-Экзюпери: «Астроном доложил тогда о своем замечательном открытии <астероида>... Но никто ему не поверил, а все потому, что он был одет по-турецки. Однако спустя одиннадцать лет тот же самый астроном снова доложил о своем открытии и при этом был одет уже в европейское платье – и по последней моде; и все с ним согласились. Уж такой народ эти взрослые!» И те, кто называют себя «учеными», добавлю я.

НАХОДКИ АРХЕОЛОГОВ XX ВЕКА И ИСТОРИЧНОСТЬ БИБЛИИ

С позиций веры не имеет особого значения, насколько историчны все события в семье Авраама, о которых поведано в книге Бытия. Весь текст Библии должен приниматься как Богооткровение. Однако с тех пор, как на заре XX века археологи в долинах Двуречья «с Библией в руках», по словам историков, раскапывали один за другим упомянутые в библейских текстах города Вавилон, Ниппур, Урук и, наконец, – в устье Ефрата – знаменитый Ур халдеев, родину Авраама, утвердилось доверие к Библии как к ценнейшему географическому и историческому памятнику.

Кратко о других важных новых открытиях. В 1947 г. и в последующие годы в пещерах Вади-Кумран и пустынях вокруг западного побережья Мертвого моря были найдены (запечатанными в глиняные сосуды) многочисленные фрагменты библейских текстов на иврите, начертанных на кожаных свитках. Самый ранний текст относился к середине III века до

н.э., большинство – к периоду между I-II вв. н. э. В их числе оказался и свиток с полным текстом книги пророка Исаяи. Совершенно поразительно, что этот текст практически совпадает с текстами Ветхого завета, которые были написаны спустя тысячелетие и входят в нынешние тексты Библии. Эти находки справедливо считаются одним из самых крупных археологических открытий XX века.

В 1993 г. на севере Израиля на месте древнего города Тель Дан (область обитания евреев племени Дана; Дан – имя одного из 12 колен Израиля) был найден обломок стелы IX-VIII вв. до н. э. Там обнаружили надпись на арамейском языке с упоминанием «дома Давида». Это явное указание на историчность библейского царя Давида; годы его правления – 1010-970 гг. до н. э. Его сын царь Соломон (970-931 до н. э.) воздвиг в 975 г. до н. э. Иерусалимский храм.

В 1979 г. в районе Катеф Хином, южнее Иерусалима, археолог Габриэль Баркай обнаружил нетронутую гробницу, и в ней – два миниатюрных серебряных свитка с самыми ранними из известных ныне надписей на иврите и цитатами из Библии. Свитки датированы примерно 600 годом до н. э. Расшифровка текста заняла многие годы. В итоговой статье 2004 г. группа исследователей из Университета Южной Калифорнии на основе современных методов компьютерной графики подтвердила датировку и 2600-летний возраст библейского текста.

Эти три наиболее важных открытия (есть и другие!) доказывают глубокую древность исходного ветхозаветного ивритского текста Библии, а также историчность, а не только мифологичность основных описываемых библейских событиях и действующих лиц.

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ И РЕАЛЬНОЕ: ПУТИ ВЫБОРА

Отыскивая естественно-научную канву или подоплеку библейских событий и фактов, следует всегда иметь в виду религиозные, мифологические и метафорические пласты языка Библии. К примеру, шесть дней творения – это вовсе не последовательные дни в нашем понимании. Дни означают замкнутые в себе циклы, каждый со своим временем, причем сотворение мира происходит не спонтанно, а в соответствии с замыслом или планом. Библейская космогония распадается на две триады: первый – третий дни и четвертый – шестой дни. Каждая триада включает один астрономический и два биогеоценотических периода (или дня творения). Между триадами есть параллелизм и внутреннее соответствие. Вот первая триада: день

первый – создание небесно-земного хаоса, света и вод; второй – разделение вод и явление тверди; третий – явление суши, моря и растений. Дни второй триады: день четвертый – создание и явление светил; пятый – появление морских животных и пресмыкающихся; шестой – создание животных и человека.

Дни попарно соответствуют друг другу по смыслу событий. Первому акту творения соответствует четвертый. Второму дню, когда были созданы условия для обитания морских животных, соответствует пятый. И точно так же третий день соответствует шестому. «Эта символика есть явление онтологии числа, явление его внутреннего бытия, явление бытия через число... Первичным в этом представлении оказывается сам тип, сама форма этого бытия, а время является моментом производным. Дни творения – это лики, ипостаси конкретно тварного бытия», – заключил богослов, философ и культуролог Владимир Николаевич Ильин (1891–1974 гг.) в своей герменевтической книге «Шесть дней творения». Она вышла впервые в 1930 году в Париже и переиздана там же в 1991 г. (YMCA Press); я читал это издание. Скупые строки о днях творения содержат не только описание библейской космогонии. Они раскрывают смысл самого акта творчества в любой области.

Сходным образом, видимо, можно проанализировать и смущающую нас продолжительность жизни первых библейских патриархов: Мафусаил – 969 лет, Ной – 950, Фарра – 205, Авраам – 175, Исаак – 180. Эти цифры, как и слово «год», могут скрывать еще не познанную семантику и символику (подобно «дням» творения). Скорее всего, слово «год» здесь имело другой смысл, отличный от современного. Как предположил А. А. Любищев, у самых первых патриархов исчисление возраста – всю жизнь или некоторый ее период – могло идти не по годам, а по лунным месяцам (все предки Авраама поклонялись луне). Тогда, считая 13 лунных месяцев в году, 900 "лет" будут соответствовать примерно 70 годам. Начиная с книги Царств, исчисление возраста библейских персонажей вполне соответствует современному: например, царь Давид прожил 70 лет.

ВЗГЛЯД БИОЛОГА И ГЕНЕТИКА

Для биологов Библия была и остается источником важнейших сведений. К примеру, в Библии указано более 150 видов растений с характерными особенностями их произрастания и использования – этому посвящен ряд ботанических монографий. Историки медицины находят в тексте Библии и Талмуда ценные сведения о многих болезнях, начиная с кожных заболеваний, эпидемий (вроде чумы), ожирения,

гемофилии и кончая описанием разного рода мутаций, психопатий и наследственных отклонений.

В выдающемся труде «Выражение эмоций у человека и животных» Дарвин задается вопросом: краснели ли люди от стыда две-три тысячи лет тому назад? Обезьяны краснеют от возбуждения, но не от стыда. Дарвин находит, что «покраснение» проявляется по-разному у различных человеческих рас. У англичан, к примеру, краска стыда доходит до верхней части груди, у индусов – редко достигает шеи. Любопытно, что характерные особенности покраснения могут наследоваться в отдельных семьях. Дарвин описывает семью, где женщины наследовали совсем уж странный вариант покраснения: сначала появляется большое красное пятно на одной щеке, затем – хаотично рассеянные пятна на лице и шее. Далее Дарвин в этом удивительном (и уникальном до сих пор!) анализе обращается к Библии и прослеживает характеры покраснения у семитических народов. Он цитирует пророка Иеремию, укоряющего свой народ: «*Нет, никакого стыда не чувствуют и даже не знают, что значит краснеть*». (6:15).

Людам свойственно скрывать покраснение: они отводят глаза, опускают голову, закрывают лицо руками. И свидетельства об этом Дарвин нашел опять-таки в библейских текстах. Пророк Ездра (9:6) восклицает: «*Боже мой! Стыжусь и боюсь поднять лицо мое к Тебе*». И, соответственно, в книге Исаяи (50:7): «*Потому я не стыжусь и не скрываю лица своего*». Эмоция стыда, вызывающая покраснение, да и другие эмоции две-три тысячи лет назад выражались более непосредственно, по-детски.

Содержащиеся в Библии сведения о разных сторонах воспроизведения рода и сексологии человека порой предвосхищают на многие сотни лет их научное описание. Они содержат удивительные детали. Например, то, что роды в самые архаические времена принимали искусные акушерки, имена которых даже сохранились в тексте Библии. Я ждал, когда же нынешние акушеры-гинекологи проанализируют с современных позиций полуметафорические описания двух случаев рождения близнецов (об этом подробно далее) в первой главе Торы. И вот, наконец, такая статья появилась в 1998 году в международном журнале по акушерству и гинекологии. Выводы – удивительные. «Библейский автор, – читаем мы, – был хорошо осведомлен о важности улавливания движений плода, о протекании беременности, об акушерском искусстве, включая внутриутробные и предродовые способы диагноза близнецовости». Степень детализации хода беременности и родовспоможения в двух описанных в книге Бытия случаях такова, что специалистам удастся в каждом случае определить тип предлежания плода!

Генетиков интересует медико-генетическая подоплека описаний и событий, которые обычно в Библии окутаны или пронизаны мифологическим флером. Как отличить мифологическое от реального? Вот строки из шедевра «Рахиль» в библейском триптихе Анны Ахматовой. В эпитафии – слова из книги Бытия: *«И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее»*.

*Рахиль! Для того, кто во власти твоей,
Семь лет – словно семь ослепительных дней.*

*Но много премудр сребролюбец Лаван,
И жалость ему незнакома.
Он думает: каждый простится обман
Во славу Лаванова дома.
И Лию незрячую твердой рукой
Приводит к Иакову в брачный покой.*

*Течет над пустыней высокая ночь,
Роняет прохладные росы,
И стонет Лаванова младшая дочь,
Терзая пушистые косы.
Сестру проклиная, и Бога хулит,
И Ангелу Смерти явиться велит.*

Это высокая поэзия точно следует тексту Библии. Генетическая подоплека этой драмы такова. Внук Авраама Иаков был женат на своих двоюродных сестрах, дочерях Лавана – Лии и Рахили. Забегая вперед, скажу, что в родословной Авраама передавался в ряду поколений фактор, вызывающий частичное бесплодие. В силу менделевского закона расщепления он достался Рахили, но не Лии. На языке Библии это выражено так: *«Господь узрел, что Лия была нелюбима, и отверз утробу ее, а Рахиль была неплодна»* (Быт. 29:31). Именно из-за долгого 12-летнего изматывающего бесплодия терзалась и стонала Рахиль, завидуя своей плодоносной сестре. Она была готова уступить Лие ночную «очередность» возлежания с Иаковом за спасительные корни мандрагоры, лишь бы был шанс преодолеть бесплодие. Когда Лия родила Иакову четырех сыновей, Рахиль пришла в полное отчаяние: *«Дай мне детей, а если не так, то я умираю»*. В романе-притче Томаса Манна "Иосиф и его братья" есть попытка иного дидактического истолкования странного различия в плодовитости двух сестер. Решение Господа направлено не против Рахили и не служит моральной компенсацией нелюбимой Лие. Оно символизирует возмездие самому Иакову за его необузданную пристрастность к Рахили, доходящую до идолопоклонства. И даже, как считает Манн, это был акт своего рода ревности Бога к своей божественной

привилегии на страсть и роскошество в чувствах.

Методы молекулярной генетики, развитые за последние 20 лет, открыли удивительные возможности для анализа соответствия между древними текстами, изустными преданиями и реальной историей этносов. Один из этих методов основан на сопоставлении степени изменчивости оснований в молекуле ДНК в мужской «игрек» хромосоме (Y-хромосоме). Она передается только по мужской линии – от отца ко всем его сыновьям. У человека 23 пары хромосом; 22 из них сходны у обоих полов, и лишь одна пара хромосом, определяющих пол, различна у мужчин и женщин. Женщины несут две «икс» -хромосомы (XX), а мужчины имеют набор XY. Каждый мужчина получает свою X-хромосому от матери, а Y-хромосому – только от отца. Последняя примерно в четыре раза меньше X-хромосомы и несет в основном гены, влияющие на определение пола и подвижность спермиев. Значительная же часть Y-хромосомы состоит из множества повторов оснований ДНК, которые не несут генов, зато очень изменчивы. Анализируя молекулярные варианты рисунков Y-хромосомы в определенных точках, можно проследить, как эти точки меняются (мутируют) в ряду мужских поколений.

Согласно традиции, установленной еще законами Моисея около 1300 до н. э. (Исход 28:1-3), священниками у евреев могут быть лишь мужчины из племени Левита, потомки Аарона, брата Моисея. Это значит, что в еврейских общинах, которые строго следуют традиции, где бы они ни жили, большинство священников, или «коганим» (их потомки ныне носят фамилии Коган или Кац), передавали из рода в род своим сыновьям – будущим священникам – Y-хромосому, которая когда-то была у праотца Аарона. В процессе этой передачи с течением времени в разных точках ДНК по всей длине Y-хромосомы неизбежно происходили изменения или мутации. Средняя скорость мутаций на одно основание ДНК за поколение генетиками установлена, она довольно постоянна у разных организмов и метафорически была названа «молекулярные часы».

В Центре генетической антропологии в Лондоне сопоставили различия в девяти точках Y-хромосомы у евреев из двух этнических еврейских общин – ашкенази (выходцев из Центральной Европы) и сефардов (выходцев из Испании). Эти две группы евреев берут начало от диаспоры, возникшей после разрушения Иерусалимского храма вавилонским царем Навуходоносором в 586 до н. э., и с тех пор ведут обособленную друг от друга жизнь. Были сопоставлены различия по ДНК в Y-хромосоме среди священников двух групп и среди других евреев. Y-хромосомы священников из двух общин сходны на 45–50 %, и с тех пор ведут

тогда как у остальных евреев сходство рисунков Y-хромосомы с таковыми у священников не превышает 5%. Зная скорость мутаций на одно основание ДНК за поколение – «молекулярные часы» – можно примерно оценить число поколений, сменившихся с того времени, когда у священников сефардов и ашкенази была одна исходная Y-хромосома их родоначальника Аарона. Если принять за длину поколения 25 лет, это время отстоит от современного на 2650 лет, а при 30-летнем интервале – на 3180 лет. Спускаясь в глубь истории, мы можем определить точку схождения, когда «коганим» из ашкенази и сефардов еще составляли один ствол. Эта точка близко соответствует началу диаспоры после разрушения первого храма в Иерусалиме и вавилонского пленения в 586 году. Данное исследование подтверждает, во-первых, надежность ведущихся многие сотни лет генеалогий, и, во-вторых, реальность, историчность библейского текста.

Вот другое недавнее детективное историко-генетическое изыскание, которое еще продолжается. Речь идет о происхождении темнокожих людей из племени Лемба, численностью около 50 тысяч, обитающих в Южной Африке. Говорят они на языке банту, как и их темнокожие соседи, и сходны с ними по фенооблику. Однако люди Лемба соблюдают ряд иудейских обрядов: практикуют обрезание, носят кипу, чтут субботу и не едят свинину. У племени есть устное предание, согласно которому его предки были выходцами из Израиля. Реально ли это, и как их занесло на юг Африки? Оказалось, что изустная традиция соответствует истории. К такому выводу пришли две группы исследователей: этнологи из Еврейского центра Лондонской школы восточных и африканских исследований, которые исследовали молекулярные варианты Y-хромосомы. Примерно 2500 лет назад мужчины из еврейской популяции мигрировали в Африку и женились на африканских женщинах.

Каждая этногруппа в той или иной степени статистически отличима по набору молекулярных изменений ДНК Y-хромосомы от других этногрупп (популяций). Это дает возможность выявлять затерянные во времени пути исторической миграции в процессе гибридизации племен и народов. Оказалось, что примерно в 50% случаев потомственные священники из племени Лемба имеют рисунок «Y-хромосомы Аарона», тогда как у остальных людей племени заметна примесь окружающих негроидных вариантов Y-хромосомы. Реконструируя генетические и этнологические данные, исследователи пришли к согласованному выводу, что племя Лемба действительно имеет еврейское происхождение и, видимо, берет начало из еврейской колонии, какие издревле существовали в Йемене. Мужчины из этой колонии регулярно плавали в целях

торговли в Африку и, очевидно, однажды застряли на юге Африки, оказавшись там без женщин. Тогда они стали брать в жены темнокожих соседок, и в ходе регулярной гибридизации стали неотличимы от других народностей банту. Тем не менее в этом племени как традиции, так и Y-хромосомы сохранили явные следы происхождения их носителей от евреев.

Аналогичным образом был проанализирован этно-генетический статус двух темнокожих племен из Эфиопии, соблюдающих религиозные иудейские традиции (одно из этих племен носит название *фалашин*). Европейские единоверцы узнали о «черных евреях» из Эфиопии лишь в XIX веке. В 1973 году раввинат Израиля с некоторыми оговорками признал еврейское происхождение фалашей. В 1984–1985 годах пятнадцать тысяч фалашей были вывезены в Израиль в ходе операции «Моисей». В 1991 году была репатриирована в Израиль еще одна группа черных евреев Эфиопии числом в четырнадцать тысяч. Члены обеих этнических групп говорят на языке амхара и считают себя потомками евреев, пришедших в Эфиопию с королем Менеликом I, предполагаемым сыном царя Соломона и царицы Савской. Анализ ДНК Y-хромосом показал, однако, что фалашин генетически не связаны с евреями, а происходят от каких-то древних поселенцев Эфиопии, обратившихся в иудаизм, тогда как другая группа эфиопских евреев действительно имеет явную примесь Y-хромосом с молекулярным рисунком, свойственным популяции евреев.

То, что изустная традиция может сотни лет надежно передавать сведения о реальных событиях прошлого, отмечал, например, известный исследователь островов Полинезии Бенгт Даниельсон: «Интерес к прошлому на многих островах был так велик, что имелись особые школы, куда вожди направляли своих сыновей. У полинезийцев не было письменности, все приходилось учить наизусть. Для развития памяти полинезийские историки повторяли вслух все предания и генеалогии. Этот способ давал удивительные результаты. Достаточно назвать предание о Коропанге – таитянском вожде и мореплавателе, который жил около тысячи лет назад. На Таити, Гавайях, Нукухиве, Мангареве и в Новой Зеландии старики-ученые независимо друг от друга рассказывали европейцам про Коропангу, и хотя перечисленные острова лежат в разных концах Полинезии, эти рассказы во все основном совпадают». Это наблюдение дает возможность представить, как сотни лет передавались у древних евреев удивительные детали генеалогии рода Авраама и многие реальные перипетии этой семьи. Этому способствовала особая ритмическая или стиховая форма передачи устной традиции из поколения в поколение.

НАСЛЕДСТВЕННЫЕ АНОМАЛИИ И БИБЛИЯ

Анализ изменчивости признаков среди представителей разных рас, этнических групп и индивидов по существу относится к генетике человека. У персонажей Библии можно встретить много наследственных вариаций нормы, равно как и мутаций. Среди них: шестипалость, чрезмерная волосатость, рыжеволосость и плешивость, леворукость, ожирение, подагра. Научное описание изменчивости и наследования признаков у человека датируется началом XX века, когда были переоткрыты законы Менделя и появилась хромосомная теория. Накопление знаний в этой области дает возможность усматривать естественную подоплеку тех библейских событий, которые, казалось, имеют чисто религиозный смысл. Так, одним из чудес, которые совершил пророк Моисей, было исторжение воды из скалы в пустыне Син на юге Палестины в селении Кадес: *«И поднял Моисей руку свою: и ударил в скалу жезлом своим дважды, и потекло много воды: и пило общество и скот его»*. Является ли это чудо столь уж нереальным? Анна Ахматова пишет в автобиографической поэме «У самого моря»:

*Знали соседи – я чую воду,
И, если рыли новый колодец,
Звали меня, чтоб нашла я место
И люди напрасно не трудились.*

На 3-ем конгрессе по медицинской генетике в Чикаго в 1966 году итальянский исследователь Э. Мессери сообщил о наследовании подобной разновидности ясновидения – способности чувствовать воду под землей. Из 70 человек в семьях восьми профессиональных водоискателей около половины обладали способностью чувствовать подземные источники. Признак явно наследуемый и зависящий от действия одного или нескольких генов. Недаром и сестра Моисея Мириам обладала даром ясновидения и называлась «пророчицей». Способность «чувять воду» поддерживалась групповым отбором, ибо могла спасти от гибели все племя, кочующее по пустыне.

Другой пример – описание в Библии наследственного полиморфизма по лево-праворукости и влияния этого различия на жизнь и судьбу субпопуляции. Считается, что в большинстве случаев разделение людей на правшей и левшей зависит от одной пары генов R и r. По распространенной (но не единственной), модели, ярко выраженные левши – это носители рецессивного, т. е. менее влиятельного) варианта (rr), так что если оба родителя – левши, то и дети у них, как правило, левши. Правши – носители доминантного гена, оказывающего более сильное влияние (RR). А носители

двух генных вариантов, (Rr), гетерозиготы, – это либо правши, либо люди, одинаково хорошо владеющие правой и левой рукой. Левши-спортсмены (теннисисты, фехтовальщики, боксеры) имеют явное преимущество в борьбе, ибо противник не успевает приспособиться к неожиданным левосторонним ударам.

Библия не обошла вниманием столь важное природное различие между людьми. В Книге Судей речь идет о периоде 1200–1025 гг. до н. э., когда шла непрерывная борьба сынов Израилевых с населявшими Палестину народами. Случай, связанный с леворукостью, особенно примечателен. Он касается истории убийства моавитского царя Еглона, которому евреи служили 18 лет. Аод, один из сынов Израиля, посланный с дарами к Еглону, был левшой. Он изготовил короткий обоюдоострый меч и припоясал его под плащом необычным образом – к правому бедру. Усыпив тем самым бдительность телохранителей, Аод проник в покои тучного, страдающего от ожирения Еглона, *«протер левую руку свою и взял меч с правого бедра своего и вонзил его в чрево его»* (Суд. 3:15-21).

Жители города Гива из племени Вениамина надругались над наложницей, которая принадлежала одному из гостей, посетивших город. Остальные израильтяне решили отомстить им. Началась братоубийственная война. Потомков Вениамина набралось около 26 тысяч. Им противостояло до 400 тысяч. Но сыны Вениамина отыскали 700 отборных воинов-левшей, которые *«не бросали мимо»* камни из пращей. По законам популяционной генетики, каждый четвертый из племени Вениамина одинаково хорошо владел и левой, и правой рукой. Это дало им явное преимущество в борьбе, что и фиксирует Библия (Суд. 20:15).

Первый царь израильский Саул (1030–1010 гг. до н. э.) также происходил из племени Вениамина и имел резиденцию в той же леворучной и злополучной Гиве. Про сородичей Саула, пришедших после его смерти в дружину к новому царю Давиду (около 1010–970 гг. до н. э.), особо отмечено: *«Вооруженные луком, правую и левую рукой бросавшие камни и стрелявшие из лука – из братьев Саула от Вениамина»* (1 Пар., 12:2). Видимо, повышенная частота гена леворукости сохранялась столетиями среди жителей Гивы, потомков отца-основателя Вениамина. Интересно соотнести описание тех или иных особенностей библейских героев с современным знанием наследования и проявления этих особенностей. Такого рода исследование предпринял генетик Ричард Гудман (1932–1989 гг.), который опубликовал в 80-е годы книгу «Генетические нарушения среди евреев». В 1972 году Р. Гудман провел детальное изучение леворукости среди школьников из разных этнических сообществ Израиля. Были найдены

более чем двукратные различия между группами в частоте гена леворукости. У евреев-сефардов частота строго леворуких составила около 10%, у ашкенази – около 7%, тогда как у евреев – выходцев из Северной Африки и Йемена – 5% и 3,5% соответственно. Эти данные вполне согласуются с тем, что описано в Библии – и в отношении общего уровня встречаемости леворукости, и в отношении заметных различий в частоте признака между близкими популяциями.

Генеалогический метод – один из основных в генетике человека. И в этом смысле Библия представляет исключительный интерес, ибо она вся проникнута описаниями родословных. Родословные прослеживались на многие сотни лет: *«от Авраама до Давида четырнадцать родов и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов»* (Матф.1:17).

Сведения о наследовании некоторых признаков в ряду поколений могли бы в том или ином виде содержаться в Библии и основанных на ней текстах.

В Талмуде зафиксирован первый пример медико-генетической консультации в отношении мутации гемофилии, или кровоточивости. Недуг особенно опасен для народов, у которых распространен обычай обрезания. У евреев, как известно, обрезание делают на восьмой день после рождения, а у мусульман – в подростковом возрасте. К гемофилии приводит рецессивная мутация, локализованная в X-хромосоме. Младенцы, носители этой мутации, умирали от операции. До появления хромосомной теории наследование гемофилии представлялось капризным и запутанным. Пораженный болезнью отец почему-то не передает ее ни своим сыновьям, ни дочерям. Между тем от его здоровых дочерей гемофилия передается внукам. Поскольку болезнь достаточно распространена (можно упомянуть королевские семьи Европы и единственного сына Николая II), то к XIX веку были выведены простейшие эмпирические правила ее наследования. Правило Нассе (1820 г.) гласило, что гемофилией болеют только мальчики, но передается болезнь через их матерей и сестер. Это, конечно, «тепло», но не «горячо». Во-первых, не через всех сестер, а во-вторых, девочки редко, но способны болеть.

И вот оказывается, что библейские мудрецы благодаря традиции скрупулезного слежения за родословными проникли в сущность наследования гемофилии глубже, чем биологи и медики вплоть до начала XX века. В одном из трактатов Вавилонского Талмуда сообщалось о сестрах из Сефориса (нижняя Галилея). Первая произвела обрезание своему сыну, и он умер. Вторая – и ее ребенок умер. Третья – то же несчастье. Тогда четвертая пошла к рабби Симеону,

сыну Гамлиеля, и он разрешил отказаться от обрезания. (Я благодарен Самуилу Коттеку, профессору истории медицины Медицинской школы Хадасса в Иерусалиме за ссылку на первоисточник в Талмуде. – М. Г.).

Составители Талмуда дают точное указание: смерть младенца от кровотечения освобождает от обрезания всех родных братьев умершего, а также его двоюродных братьев, но только по женской линии, а не по мужской. Поскольку X-хромосома с мутацией гемофилии передается именно от матери к сыну, то указание на передачу болезни по материнской линии нашло в рамках хромосомной теории наследственности естественное истолкование. Такое проникновение в запутанный характер наследования гемофилии имеет для генетики важное следствие. Оно означает, что родословные записи велись очень точно и передавались из поколения в поколение много сотен лет. Возникает желание посмотреть, не зафиксировано ли в библейских родословных наследование каких-либо других четких признаков.

НАСЛЕДОВАНИЕ БЕСПЛОДИЯ И БЛИЗНЕЦОВОСТИ В РОДУ АВРААМА

Мне удалось по-новому взглянуть на изученную, казалось бы, во всех извилах родословную Авраама. Это произошло случайно. В начале 70-х годов, когда я работал в Институте цитологии и генетики в Академгородке (Новосибирск), довелось анализировать родословную одной большой еврейской семьи, в которой передавались две противоположные, на первый взгляд, аномалии – частичное или полное бесплодие и склонность к рождению близнецов. Характер наследования этой аномалии привел к мысли о действии не двух, а одного полудоминантного гена. Это мог быть своего рода ген-регулятор, изменение в котором вызывает сбой в репродуктивной системе. Воспользуюсь простой аналогией. Неисправность смесителя воды приводит к неустойчивости и к легкому сдвигу либо в плюс-, либо в минус-направлении. Из крана течет то холодная, то горячая вода.

Мутации способны изменить уровень гормонов или характер тканевой чувствительности к ним. Женщины, долгое время страдавшие от бесплодия, после инъекции им в кровь гормона, стимулирующего рост фолликул, случалось, рождали близнецов. Сходным образом могла бы действовать мутация, в зависимости от генотипа меняющая активность гормонов или в плюс-, или в минус-сторону. Возможен и другой сценарий: мутация затрагивает ход образования половых клеток или влияет на характер взаимодействия мужских и женских половых клеток в сложном процессе

оплодотворения и первых делений оплодотворенной яйцеклетки.

Чтобы сделать выбор между разными генетическими моделями, я стал искать в специальной литературе аналогичные родословные, где описывались бы передаваемые по наследству бесплодие и склонность к рождению близнецов. Выяснилось, что среди немногочисленных подобных родословных лучшая приведена в Библии, в генеалогическом древе Авраама в первой книге Бытия. Драматические повороты в судьбе семьи Авраама хорошо известны благодаря религиозным и теологическим текстам, исторической и художественной литературе, живописи и музыке, и ничего нового здесь как будто не извлечешь. Но неожиданно оказалось, что, опираясь на генетику и учитывая накопленные факты в области наследственной патологии воспроизведения, можно дать новое объяснение широко известным аномалиям, встречавшимся в этой семье. Строгое слежение за родословными позволяет не только построить непротиворечивое генеалогическое древо рода Авраама, но и установить передачу в ряду поколений одной удивительной мутации, влияющей на воспроизведение.

История рода Авраама подробно изложена в главах 11–50 книги Бытия. Его отец Фарра был вождем небольшого племени, обитавшего в Месопотамии в районе города Ур. *«И взял Фарра Аврама, сына своего, и Лота, сына Аранова, внука своего, и Сару, невестку свою, жену Аврама, сына своего, и вышел с ними из Ура Халдейского, чтобы идти в землю Ханаанскую: но, дойдя до Харрана, они остановились там»* (Быт. 11:31). Аврам и Сара после рождения у них сына Исаака стали называться Авраамом и Саррой. События, связанные с переходом патриарха Фарры из Ура в Харран (около 500 км к северу от Ура), по мнению историков, относятся к XVIII веку до н. э. Это был весьма активный в истории цивилизации период: создание кодекса Хаммурапи в Вавилоне, нашествие гиксосов в Египет и начало сооружения грандиозного мегалитического комплекса Стоунхендж в Британии.

Используя генетическую символику, по имеющемуся тексту 11–20 глав книги Бытия можно составить непротиворечивую родословную Фарры и его потомков. С позиций этнологии и генетики любопытны типичные, характерные для древних племен родственные браки и полигамия. Жена Авраама Сарра была его единокровной сестрой, дочерью Фарры от другой жены. Сын Авраама Исаак вступил в брак с Ревеккой: по мужской линии она приходилась ему двоюродной племянницей, а по женской – двоюродной внучкой. От этого брака родились близнецы Исав и Иаков; последний был женат на двух своих двоюродных сестрах. Были запрещены инцестные

связи: *брат-сестра* или *сын-мать* (комплекс Эдипа). Однако не было строгого запрета на связи *отец-дочь*, на что обратил внимание историк Соломон Лурье (на его специальную заметку указал мне И. Д. Амусин). Поэтому история инцеста Лота и его дочерей изложена в Библии без всякого назидания.

Генетическая запись родословной Фарры – Авраама позволяет проследить передачу по наследству одновременно двух признаков – бесплодия и склонности к рождению близнецов. Сарра, жена Авраама и его же сводная сестра, долгие годы «была неплодна и бездетна». Отчаявшись иметь детей, она, согласно обычаю, привела к Аврааму наложницу, египтянку Агарь, родившую Исаила. Затем была наложница Хеттура, родившая шестерых сыновей (о потомках женского пола в текстах упоминается лишь эпизодически). Далее Библия повествует, что благодаря божественному вмешательству у престарелой Сарры родился, наконец, сын Иаков. Вмешательство богов в рождение героев – обычный атрибут древних текстов. Например, согласно египетским надписям, отцом царицы Хатшепсут был якобы не Тутмос I, а бог Амон-Ра, который явился к жене Тутмоса I и возвестил: «Хатшепсут – имя дочери моей, которую я вложил в твое тело».

Преклонный возраст, в котором Авраам и Сарра произвели на свет сына Исаака, как и необычная продолжительность их жизни, несомненно, имеют некий мифологический смысл, который трудно ныне точно дешифровать. Однако возможность родить ребенка за пределами постменопаузы у женщины – «когда обыкновенное у женщин у Сарры прекратилось» – нельзя полностью исключить. В последние годы в клинике итальянского гинеколога С. Антинори тринадцать женщин старше 50 лет стали матерями, а в 1994 году 59-летняя англичанка выносила и родила двойню (правда, после искусственного осеменения и гормональной терапии). Известен случай рождения ребенка 63-летней женщиной (в результате подсаживания оплодотворенной яйцеклетки). Для гинекологов было неожиданностью, что в столь пожилом возрасте весь аппарат, обеспечивающий протекание беременности и роды, сохраняет потенциальную способность функционировать.

В 1980 году вышел сборник путевых писем известного эволюциониста и генетика Феодосия Довжанского (1900–1975 гг.), большую часть жизни творившего в США. Он родился в небольшом городке Немирове на Украине. История его появления на свет и происхождение его необычного имени удивительно напоминают библейский рассказ о рождении Исаака. Родители Довжанского долгие годы оставались бездетными, но страстно хотели иметь ребенка. И

вот, когда матери уже давно пошел пятый десяток, а отцу было около шестидесяти, супруги совершили паломничество в монастырь святого Феодосия в Чернигове. Мать молила Бога послать ей ребенка и обещала, что, если произойдет чудо и родится мальчик, она назовет его в честь святого Феодосия. И чудо произошло! Свое появление на свет Добжанский рассматривал как некое предназначение свыше и завет развивать свой талант, несмотря на все превратности жизни. Оставшись в США в конце 20-х годов, он стал затем главой американских эволюционистов.

Как бы то ни было, но после долгих лет бесплодия Сарра родила Исаака. Жена Исаака Ревекка тоже страдала от бездетности. Супруги прожили вместе 20 лет, но детей у них не было. *«И молился Исаак Господу о жене своей, потому что она была неплодна; и Господь услышал его, и зачала Ревекка, жена его».* После долгого бесплодия Ревекка родила близнецов – Исав и Иакова. Близнецы бывают двух типов: однойцевые (монозиготные или идентичные) и двуйцевые (дизиготные). Первые имеют одинаковые наборы генов и потому очень сходны меж собой. А вторые сходны не больше, чем просто родные братья или сестры. Библия не оставляет сомнений, что Исав и Иаков – дизиготные близнецы, ибо они резко отличались по фенотипу. *«Первый вышел красный, весь, как кожа, косматый; и нарекли ему имя Исав»* (видимо, Исав был рыжим и волосатым). Он был охотник по натуре, добродушен, вспыльчив, но отходчив. А Иаков вырос *«человеком кротким, живущим в шатрах»*, был домовит, трудолюбив, изобретателен и хитер. По инициативе матери Ревекки, облачив руки козьими шкурами, Иаков обманым путем получил право первородства. И потому вынужден был бежать из дома, из Вирсавии (современная Беэр-Шева), в Месопотамию, за 1000 км в Харран, где жил брат Ревекки Лаван.

Далее в родословной Авраама свидетельства проявления гена бесплодия находим у Рахили. Когда Лия родила Иакову уже четырех сыновей, несчастная Рахиль пришла к мужу в отчаянии: *«Дай мне детей, а если не так, я умираю».* Иаков в гневе возразил: *«Разве я Бог, который не дал тебе плода чрева?»* Рахили пришлось, как и Сарре, выбрать мужу красивую наложницу Валлу, которая вскоре родила Иакову сына Дана, а потом – Неффалима. Длившееся 12 лет бесплодие удалось все же преодолеть. Рахиль прибегла к испытанному средству народной медицины – «мандрагоровым яблокам», найденным первенцем Лии Рувимом в поле во время жатвы пшеницы. Растения вида *Mandragora officinarum*, распространенные в Средиземноморье, относятся к семейству пасленовых и издревле использовались в самых разных целительных снадобьях. Вера в лечебные свойства мандрагоры

усиливалась из-за сходства корней этого растения с фигурой человека. Хотя в мандрагоре найдены биологически активные алкалоиды, прямых данных об их эффективности в случае бесплодия пока нет.

После рождения первенца Иосифа различие в плодovitости двух сестер сохранялось, и Рахиль умерла при рождении второго сына, Вениамина. Действие гена, вызывающего аномалии в системе воспроизведения, распространялось в роду Фарры – Авраама и на мужчин. Особенно показательна ситуация с Иудой – четвертым сыном Лии (см. рис. 1). У Иуды было три сына: Ир, Онан и Шела. Брак первенца Ира с Фамарью оказался бесплодным. Ир рано умер и, по обычаю левирата, Фамарь была отдана в жены следующему сыну – Онану. *«И сказал Иуда Онану: войди к жене брата твоего, женись на ней как деверь и восстанови семя брату твоему».* (Быт. 38:8). Онан, однако, *«когда входил к жене брата своего, изливал семя на землю».* За этот грех, как сказано в Писании, Господь умертвил Онана. Такова мифологическая канва. Но можно думать, что причина бесплодия Онана вовсе не в его сознательном грехе. Онан, видимо, как и его старший брат Ир, оказался носителем доминантного гена с неполным проявлением, который затрагивает функцию воспроизведения и достался братьям от их отца Лавана.

Оригинальное и весьма правдоподобное медицинское истолкование истории мужского бесплодия братьев Ира и Онана предложил Вильям Обер (William Ober), профессор-клиницист больницы Mount Sinai и затем Медицинского колледжа в Нью-Джерси. Во время командировки в Австралию в начале 90-х годов мне посчастливилось купить его полную эрудиции и остроумия книгу с нарочито фривольным названием *«Bottoms up!»* и подзаголовком: *«Эссе патолога на темы медицины и культуры».* Обер всю жизнь интересовался гуманитарными и культурологическими аспектами медицины. Его цель – проанализировать на ряде примеров, как разного рода патологии, болезни или эпидемии отражались в особенностях хода истории или в творчестве отдельных личностей.

Одна из глав книги Обера касается бесплодия в семье Авраама. Обер анализирует возможные причины преждевременной смерти и аномалий функции воспроизведения в случае с братьями Иром и Онаном. Медицинская трактовка этого случая в библейской критике оказалась затруднена путаницей и смысловым дрейфом. С именем Онана связали не преждевременное семяизвержение или прерванное половое сношение, *coituis interruptis*, а совсем другую аномалию – онанизм в смысле мастурбации. Такая персонифицированная языковая трансформация произошла в начале XVIII века во французской литературе, а затем утвердилась в викторианской Англии. По мнению Обера, Ир и

специальном бассейне (микве), наполняемом водой из естественного источника или дождевой водой; в еврейских общинах микве строили в первую очередь, даже раньше синагог.

Как отмечает профессор Жорж Валленсен в книге с пикантным названием «Кошерный секс», ни у одного из народов не было такого ритуального воздержания и ритуальной гигиены, как у евреев. У мусульман половые сношения запрещались только во время менструаций, у индусов жены были «нечистыми» только четыре дня в месяц после кровотечения. У евреев же первый день соития наступал после семи дней воздержания (прошедших со дня окончания менструации), так что строго чтившие ритуалы древние евреи были «детьми восьмого дня». Мужья, в сущности, полгода находились в периоде воздержания по отношению к своим женам.

Лишь в середине XX века было установлено, что овуляция происходит как раз посередине 28-дневного цикла и именно это время оптимально для оплодотворения. Кроме того, после вынужденной абстиненции у мужчин возрастает либидо, и на встречу с яйцеклеткой устремляется максимальное число зрелых спермиев. Как возникло и что значило столь долгое ритуальное супружеское воздержание у евреев – остается загадкой. Современник Иисуса Христа Филон Александрийский (13 до н. э. – 54 н. э.), пытавшийся гармонично соединить иудаизм с греческой философией, правильно догадался, что двухнедельный запрет на супружескую близость объясняется тем, что эти дни после менструации «бесплодны». Однако можно усомниться, что в истоке этого отличительного ритуала лежит исключительно целесообразность.

Учитывая познания древних евреев в сексуально-репродуктивной сфере, вряд ли стоит удивляться тому, что уже через три месяца Иуде донесли, что его невестка *«впала в блуд, и вот она беременна от блуда»*. Да, ранняя диагностика беременности у древних израильтян в роду Авраама была на отличном уровне! А иные современные женщины узнают о своей беременности только на пятом-шестом месяце.

Но вернемся к генетике. В семейном треугольнике Ир/Онан – Фамарь – Иуда, как и в случае рождения близнецов у Ревекки, можно усмотреть опять-таки пример действия гена, который либо вызывает бесплодие, либо повышает шансы рождения близнецов. Судя по характеру наследственной передачи, такой ген должен быть доминантен и, как говорят генетики, иметь неполное проявление и выражение. Это значит, что вовсе не у всякого носителя данного гена проявится наследственная аномалия в системе воспроизведения. И все же в ряду поколений действие гена время от времени должно проявляться – его можно обнаружить,

если проследить достаточно большое число потомков. Исходя из этой генетической логики, я решил специально поискать в тексте Библии хоть какие-то указания на сей счет. И они нашлись!

В данном аспекте для генетика замечательны книги Хроник, или Паралипоменон (по-гречески “пропущенное”, “содержащее добавление”), которые содержат подробные перечисления родословных древ. В этом довольно нудно звучащем перечислении именно там, где речь идет о потомках Иуды и его сына Фареса, указывается на бесплодие у мужчин (о женщинах здесь, к сожалению, почти нет упоминаний). Одного из правнуков Фареса звали Онам. *«Сыновья Онама были: Шаммай и Иада. Сыновья Шаммая: Надав и Авишур... Сыновья Надава: Селед и Афаим. И умер Селед бездетным. Сыновья Иады, брата Шаммаева: Иефер и Ионафан. Иефер умер бездетным»* (Пар., 2:28-32)

«ФЕНОМЕН ИУДЫ»: ОТЦЫ И БЛИЗНЕЦЫ

Итак, представляется высоко вероятным наследование в роду Авраама гена, вызывающего бесплодие наряду со склонностью к рождению близнецов. Случай с Иудой особенно показателен. Сыновья Иуды страдали бесплодием, а он сам стал отцом близнецов. Но тут возникает трудный вопрос. Вполне можно представить, что Иуда передал своим сыновьям ген(ы), который приводит к бесплодию. Но каким же образом генотип Иуды может непосредственно влиять на рождение близнецов у Фамари да еще в ситуации однократной связи? Приходится допустить какое-то мистическое прямое отцовское влияние на близнецовость. Как это может быть? Ответа до сих пор не найдено. Назовем условно эту загадку “феномен Иуды”. Мне удалось предложить подходы к ее решению, что приводит к важным теоретическим и прикладным следствиям.

В ясной форме данная проблема была поставлена американским генетиком Ч. Дэвенпортом еще в 20-е годы. Прямое отцовское влияние на близнецовость у человека было выявлено в таких случаях, когда, к примеру, у одного и того же мужчины в браке с разными женщинами регулярно рождаются близнецы. Или же женщина в браке с одним мужчиной рождала повторно близнецов, а в другом браке у нее были лишь одиночные роды. Сходные факты были получены и на других млекопитающих. В частности, в генетике животноводства, где благодаря методу искусственного оплодотворения уже давно получают сотни потомков от отдельных быков-производителей, у некоторых из них возникало до 10% близнецов в потомстве. Косвенные данные указывают, что влияние отца на рождение близнецов не связано ни с его поведением,

ни с его физиологическими признаками, но прямо зависит от его генов. Загадку феномена Иуды можно переформулировать так: в чем могут состоять генетические особенности мужских половых клеток, которые в процессе оплодотворения женских клеток приводят к появлению более чем одного эмбриона? Библейская Фамарь уже более 3700 лет назад была вполне искушена в особенностях полового цикла и смысла оплодотворения. Но чтобы попытаться понять, почему у нее могли родиться близнецы, а Ир и Онан были бесплодными, придется сделать небольшой экскурс в современную биологию человека и познакомиться с сутью новых неожиданных открытий, сделанных в последние два десятилетия в репродуктивной генетике.

С позиций генетики процесс оплодотворения состоит в слиянии женской и мужской половых клеток (или гамет), которые имеют уменьшенное вдвое число хромосом. При слиянии ядер яйцеклетки и спермия образуется зигота, и нормальное двойное число хромосом восстанавливается. Половые клетки образуются в ходе особого типа деления клеток – мейоза, характер и ход которого резко различны у двух полов. У мужчин ко времени наступления половой зрелости число половых клеток, способных дать спермии, достигает 1 млрд. и непрерывно пополняется по мере расходования. У девочек же к моменту рождения процесс созревания и деления половых клеток полностью блокируется, а при достижении полового возраста до 90% из этих клеток отмирает. Из оставшегося к 15-16 лет запаса в 300-400 яйцеклеток одна раз в месяц претерпевает овуляцию. Эта выходящая на свидание со спермием яйцеклетка еще не закончила второго деления мейоза и не уменьшила число хромосом вдвое. Окончательное выделение ядра яйцеклетки и уменьшение числа ее хромосом вдвое заканчивается лишь при проникновении через оболочку одного спермия. И здесь очень важный пункт.

Выясняется, что процессы образования половых клеток и оплодотворения очень несовершенны и сопровождаются большим числом отклонений от нормы. Лишь менее 10% зигот могут развиваться более или менее нормально. В остальных же случаях происходит гибель зигот и абортирование эмбрионов на самых разных стадиях их развития. Причины гибели разные, но значительную долю среди спонтанных абортов составляют хромосомные мутации. И среди них, в свою очередь, значительную часть составляют зиготы не с двойным, а с тройным набором хромосом, так называемые триплоиды. Триплоиды обычно абортируются, редко-редко они доживают до рождения, но потом погибают вследствие многочисленных аномалий развития.

Откуда же в аномальной зиготе или триплоид-

ном эмбрионе третий лишний генетический набор (хромосомный набор) – от мамы или папы? На рубеже 80-х годов совершенно неожиданно выяснилось, что в 70-75% случаев дополнительный набор хромосом приходит в зиготу от отца! Это значит, что в яйцеклетку проникает не один спермий, а два. Их ядра сливаются с ядром яйцеклетки и получается тройной несбалансированный набор хромосом и генов, приводящий к аномалиям или гибели. Другое важное открытие состоит в разгадке природы так называемых пузырных заносов, или "молей", (от англ. hydatidiform mole). Так называются похожие на гроздь винограда аномальные продукты оплодотворения и развития, у которых зачастую вовсе нет эмбриона, но происходит лишь злокачественное разрастание клеток оболочки зародыша в местах образования плаценты. Около 1-3% от всех зачатий приводят к пузырным заносам, или молям. Моли способны стать агрессивными – их клетки, распространяясь через кровоток, могут привести к злокачественным опухолям. Неожиданно выяснилось, что наиболее агрессивные моли – результат так называемого андрогенеза, особого типа развития, которое начинается лишь при участии двух отцовских наборов генов и отсутствии материнского генома. Явление андрогенеза (от греч. "андрос" – мужской) встречается в природе у некоторых насекомых (наездники, палочники). Искусственный андрогенез у тутового шелкопряда открыл и успешно применил в селекции известный российский генетик Б. Л. Астауров. Получены и андрогенные растения. Но то, что естественный андрогенез, пусть и в ограниченной степени, существует у человека – абсолютно неожиданное открытие, настоящая сенсация. Этого никто не предполагал до начала 80-х годов. Совершенно непонятно, почему гибнет женское ядро, почему блокируется развитие эмбриона и возникает "неведома зверюшка", как в сказке Пушкина.

Вместе с тем новые открытия дают возможность предположить, как гены отца могут повлиять на исход оплодотворения и привести к рождению близнецов. Таковыми могут быть гены, которые, действуя уже в спермиях, повышают вероятность проникновения в яйцеклетку не одного, а двух из них. В этом случае возможно несколько сценариев оплодотворения. Как правило, ядра двух спермиев сливаются с ядром яйцеклетки и образуется триплоид, который абортируется. Слияние только двух спермиев может привести к аномальным продуктам оплодотворения – заносам. Итог в первом и втором вариантах – бесплодие. Возможен и третий сценарий, когда ядро одного из проникших спермиев сливается с собственно ядром яйцеклетки, а ядро второго спермия – с дочерним продуктом деления яйцеклетки (второе деление мей-

оза). И тогда могут родиться близнецы третьего типа. Их рождение будет собой представлять лишь удачный исход аномалии оплодотворения. Феномен Иуды есть синдром бесплодия – близнецовости, зависимый от генов отца.

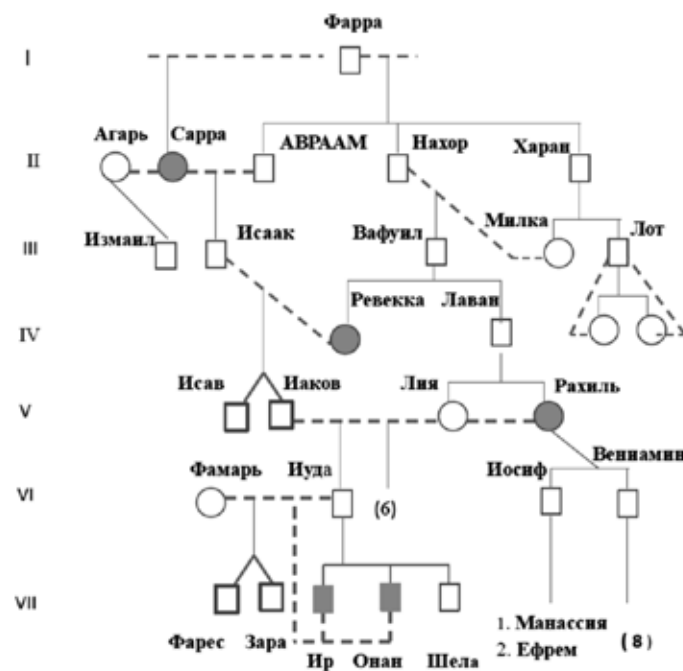
И, наконец, в случаях диспермии возможен четвертый удивительный сценарий – рождение организмов-химер, образованных слиянием двух разных полноценных продуктов оплодотворения (зигот). Два потенциальных организма образуют одно целое. Химерные организмы легко получают и широко используются ныне в модельных генетико-эмбриологических исследованиях на мышах и на других животных. Если слияние двух однополюх зигот произошло на самых ранних стадиях развития, то обнаружить и доказать появление "двуединого" или "двуединой" особи-химеры очень трудно. Однополюе химеры, которые описаны в литературе, могут ничем не отличаться внешне от обычных мужчин и женщин. Но вот если химеры получают путем слияния разнополюх зигот, тогда появляются особи-гермафродиты, мужчины или женщины по виду, но большей частью бесплодные. На уровне изучения хромосом и генов доказано существование нескольких десятков людей-химер. Возможно, это верхушка айсберга среди множества тех аномальных вариантов, которые abortируются и исчезают.

Например, лишь на рубеже 80-х годов обнаружен феномен "исчезающие близнецы" или *vanishing twins*. Оказалось, число близнецовых зачатий в 7-10 раз выше числа рождений близнецов. Один из членов близнецовой пары погибает на ранних стадиях развития. Это один из тех сценариев, когда, выражаясь языком Библии, "у женщины течет кровь многие дни не во время очищения ее". Известно, в каких ситуациях и насколько часто они возникают у человека. Писатель А. Явич в своих интересных воспоминаниях ("Книга жизни". – М., 1985) описал встречу с одним удивительным человеком, который привлек автора своим фенотипом: у него был раздвоенный нос, как будто срослись два носа или два лица. Оказалось, этот человек называл сам себя "незавершенной двойняшкой", постоянно ощущая в себе две личности.

Есть основания полагать, что в семьях с прямым отцовским влиянием на близнецовость (это своего рода индикатор), можно ожидать и бесплодия (триплодия и андрогенные моли), и близнецов третьего типа (промежуточные между моно- и дизиготными), и особей-химер. Все это предстоит доказать в будущем. Однако благодаря Библии размышление над родословной Авраама и "феноменом Иуды" дало возможность задуматься над нерешенными проблемами генетики оплодотворения и близнецовости.

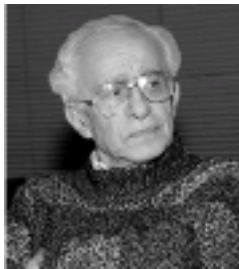
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, круг замкнулся. Как генетик, я твердо убежден, что невозможно выдумать родословную с наследственной передачей такой характерной и сложной аномалии воспроизведения. То, что в современной еврейской семье, историю которой я анализировал, встретилось наследование подобной (но, видимо, не идентичной) мутации, подтверждает, что в основе библейского текста о семье Авраама – не вымысел, а реальность. То есть библейские персонажи от Фарры, Авраама и до Иосифа – реальные лица, это следует признать фактом со всеми важными следствиями подобного факта для библейской критики и истории.

Фрагмент родословной Авраама

Вертикальные линии связывают 7 рядов поколений. Пунктиром показаны линии брака. Кружки обозначают женщин, прямоугольники мужчин, затушеванные символы носителей аномалии, вызывающей нарушение плодовитости. Цифры в скобках – число потомков мужского пола.

Борис Бернштейн

KARM STIIL – SEAL JA SIIN

Жесткий стиль – там и здесь

Я равнодушен к магии чисел, к обаянию круглых дат и к суете юбилеев. Тем не менее, трудно не отметить некоторые совпадения в связи с размышлениями о так называемом «суровом стиле». Действительно, конференция происходит в 2009 году; с начала событий, давших имя этому движению, миновало полвека.

Заглушая голос собственной скромности, я решаюсь упомянуть о некоторой личной причастности к давним историям. Тридцать лет назад в ежегоднике «Советское искусствознание '79» появилась статья критика и историка советского искусства В.С.Манина, где автор обсуждал события 1960-х-70-х гг. Уже тогда «суровый стиль» становился историей и, следовательно, предметом тщательных разысканий, включая сюда и генезис термина. Так вот, из этой статьи я узнал, что первым, кто употребил это выражение в отношении к живописи того времени, был я сам¹. Это было сделано в статье – в журнале «Искусство» (1960, № 2), – посвященной таллиннской выставке «Тематическая картина республик Прибалтики». Выставка была, если я не ошибаюсь, первой совместной выставкой трех республик, она состоялась в 1959 году, пятьдесят лет назад. Я не претендую на лавры изобретателя термина и не несу за него ответственность; терминологическим инструментом сделал «суровый стиль» московский критик Александр Каменский несколько лет спустя. Я употребил выражение «суровый стиль», говоря об одной определенной картине – «Мужья возвращаются» Э.Илтнера. Но нечто носилось в воздухе. Пятьдесят девятый год можно принять за условный рубеж.

Интервал в полстолетия, да еще в переломное, как оказалось, время, делает эпоху «сурового стиля» далекой историей. Это значит, между прочим, что людей мира искусства, для которых «суро-

1 В.С.Манин. О некоторых типологических свойствах советского искусства конца 50-х – начала 70-х годов. // Советское искусствознание '79 – 2., М.: Советский художник, 1980, с. 40. Ср.: M.C.Bown. Socialist Realist Painting. New Haven-London: Yale Univ. Press, 1998, p. 389.

вый стиль» был частью личной биографии, остается все меньше. Личный опыт повсеместно уступает место опыту опосредованному, момент проживания события исчезает из описания и анализа, остается реконструирующая и интерпретирующая работа историка искусства с «чужим» материалом. Этот «чистый» историк наконец-то свободен от мемуарных наваждений, ему неизвестны драматические страсти, надежды, обиды, aberrации памяти, субъективные привязанности, мании и фобии, которые уносят с собой современники и участники событий.

Он свободен и бесстрастен?

Не знаю.

Знакомство с некоторыми современными интерпретациями событий того времени показывает, насколько новый историк зависим от нынешних контекстов и модных идеологем, и как верно, случается, он им служит.

«Суровый стиль» более всего разработан на материале русского искусства шестидесятых годов. Поэтому логично было заглянуть в современную российскую литературу. Я ограничусь немногими примерами.

Вот фрагмент диссертации, посвященной интересующему нас периоду.

"При исследовании советского русского изобразительного искусства 60-70-х годов на определенном этапе встает вопрос о взаимоотношении художника с властью. Этой проблеме было уделено достаточно много внимания в середине 80-х, в 90-х годах прошлого века. Абсолютизация социального аспекта в перестроечное и постперестроечное время выдвинула его в ряд основных критериев в оценке деятельности художников при социалистическом строе. Эта проблема рассматривалась в соответствии с конъюнктурой времени с одной стороны, как правило, негативной. В связи с этим следует сказать, что история русского изобразительного искусства ХУ111 и

XIX века и современный ее этап демонстрирует наличие в культуре и искусстве некоторых объективных моментов во взаимоотношениях художника с властью, необходимых для полноценного функционирования искусства в любой общественной системе, в том числе и тоталитаризме. В советский период эти взаимоотношения имели регулярный, взаимодополняющий характер. В самой идее служения своим творчеством народу, государству существовала внутренняя логика, некий эмоциональный и моральный баланс, адекватный реальности, который регулировал вопросы, связанные с социальной адаптацией художника. Он также обеспечивал относительно безопасную зону творческого бытования и развития художников в условиях тоталитарного строя. В настоящее время проблема художника и власти теряет ту полемическую остроту перестроечного периода.²

Известно, что пути, ведущие к адекватному историческому описанию, множественны и запутаны, и результаты поиска редко бывают единообразны. Но сам процесс искания истины регулируется определенными и достаточно простыми нормами исследовательской этики. К сожалению, в современной российской практике эти нормы нарушаются систематически. Приведенный фрагмент не заслуживает подробного комментирования. И без того ясно, что в нескольких предложениях фальсифицирована вся тоталитарная система художественной жизни, сооруженная в дни сталинской тирании и сохранявшая основную, пусть несколько расшатанную, структуру в долгие десятилетия постсталинского увядания. В цитированной работе, равно как и во многих других аналогичных текстах, производится от-мывание или замалчивание самых темных страниц советской художественной политики и эстетическая реабилитация соцреалистических практик.

Не надо предпринимать специальных усилий, чтобы увидеть мотивы выбора этой стратегии. Во-первых, она – вполне конъюнктурно – соответствует центральным шовинистическим идеологемам ны-нешнего режима, предусматривающим то-

2 <http://74.125.155.132/search?q=cache:m--3Wv8PMpwJ:www.vipdisser.com/146932.rtf+%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BD+%D1%81%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BB%D1%8C&cd=5&hl=en&ct=clnk&gl=us>. Как указано на сайте, текст диссертации можно купить у автора по сравнительно недорогой цене (900 р.). Диссертация датирована 2005-м годом, имя автора в этой системе не раскрывается.

тельную идеализацию и мифологизацию всей российской истории, включая реабилитацию сталинизма. Во-вторых, она наивно и непосредственно обслуживает интересы арт-бизнеса, который, как известно, чужд моральных ограничений. Наследие соцреализма – ходкий товар – как в самой России, так и на мировом рынке, и этот товар должен иметь профессиональное искусствоведческое обеспечение³.

Реабилитация соцреализма требует действительного абстрагирования не только от проблемы «искусство и власть», но от всего социального, культурного, ментального контекста – во имя открытия и сбережения присущих искусству соцреализма «пластических ценностей». О пластических ценностях возможен отдельный разговор. Но сейчас мне важно подчеркнуть, что никакое осмысленное обсуждение причин появления, природы и судьбы «сурового стиля» в рамках такой одномерной методологии просто невозможно. Предлагаемый здесь подход может показаться архаическим – пусть, меня это мало беспокоит. Важно достичь некоторой степени понимания, а для этого следует принять в расчет множество факторов, вызвавших к жизни «суровый стиль», определивших его быстрые метаморфозы и угасание, и наконец – неоднородность его феноменологии. Последнее особенно важно, поскольку я собираюсь говорить о существенных различиях «сурового стиля» в Москве и в Эстонии.

* * *

Я хотел бы для начала поддержать тезис, который уже был высказан в соответствующей литературе: московский «суровый стиль» был последней фазой соцреализма в советском изобразительном искусстве⁴. Я имею в виду, разумеется, не механическую хронологию, а логику смены доминирующих

3 См., напр.: Т.Маркина. Холст/масло. Журнал «Weekend» № 61 (3392) от 07.04.2006, ср.: В. Bernstein. Visuaalne kujund ja kunstimaailm. Tallinn -Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2009, lk.454, vd.137.

4 Сходное положение можно найти, скажем, в книге М.С. Bown: «The Severe Style was not the end of socialist realism, but it was the beginning of the end.» (Matthew Cullern Bown. Socialist Realist Painting, p. 410) Следует учесть, что «советское» в моем тексте – чисто территориально-политическое понятие, охватывающее все, что происходило в пределах тогдашнего Советского Союза: советские диссиденты, советский концептуализм, «соцарт» и т.п. – «советские» в этом, и только в этом смысле. Напротив, соцреализм – понятие, отвечающее совокупности признаков, выработанных в 1930-е–40-е гг.: «реализм», «идейность», «партийность», «народность» и их дериваты.

концепций. «Чистые» соцреалистические произведения – не редкость на выставках семидесятых и начала восьмидесятых годов, но это скорее пустая, увядающая форма, атмосферу определяют не они. То же происходит на уровне рефлексии: в серьезной критике конца семидесятых само понятие соцреализма, равно как и его частные определения, отсутствуют⁵, тем не менее, псевдотеоретическая литература, начиненная казенной риторикой и подкрепленная ссылками на решения последнего съезда КПСС, продолжает являться на свет – ее, скорей всего, уже никто не читает, сама публикация подобных трудов приобретает ритуальный характер.⁶

Так вот, в стадийной схеме истории советского искусства российский «суровый стиль» был последней фазой соцреализма, мощной и в то же время обреченной попыткой его очищения и облагораживания. Такое было возможно только в условиях известного ослабления режима после смерти Сталина и в результате критики сталинизма «сверху» в середине 1950-х. Так называемая «оттепель» подготовила почву для социальных иллюзий, отличавших интеллигентскую ментальность шестидесятых годов. В спектре идеологических миражей призрак катастрофическо-го распада «социалистической системы» был едва различим, вернее сказать, был неразличим вовсе. Никто в шестидесятые годы не написал, будто по Европе бродит призрак падения коммунизма, никто так даже и не подумал, если не считать, конечно, шизофренических страхов самих кремлевских вождей. Центральное место в неофициальной мысли шестидесятых занимали различные проекты улучшения, либерализации и гуманизации наличного социализма; к концу десятилетия эти ожидания отлились в формулу «социализма с человеческим лицом». Кстати, ее выдвинула в качестве цент-рального лозунга самая решительная атака на систему – пражская весна 1968 года.

Великий правозащитник Андрей Сахаров по-сылал свою «Памятную записку» непосред-

5 Из лексикона эстонской критики они выветрились уже в шестидесятые годы.

6 Достаточно сравнить, скажем, обзорные критические статьи В.Манина и А.Кантора в названном выше ежегоднике «Советское искусствознание» (1979 – 2) с казенной риторикой академического сборника «Эстетика и пути творчества» (М.: Изобразительное искусство, 1977). Предполагаю, что статьи этого сборника, подготовленного Академией художеств СССР, прочли от начала до конца, да и то невнимательно, авторы хвалебной рецензии в газете «Книжное обозрение» (15.IX.1978) и более никто.

ственно Л.Брежневу. Такой противник режима как А.Солженицын обращал свое программное письмо – кому? Вождям. Вот что там было: «*Допустите свободное искусство, литературу, свободное книгопечатание не политических книг, Боже упаси! не воззваний! Не предвыборных листовок – но философских, нравственных, экономических и социальных исследований, ведь это все будет давать богатый урожай, плодоносить – в пользу России. (...) Чего вам опасаться? Неужели это так страшно? Неужели вы так неуверены в себе? У вас остается вся неколебимая власть, отдельная сильная замкнутая партия, армия, милиция, промышленность, транспорт, связь, недра, монополия внешней торговли, принудительный курс рубля, – но дайте же народу дышать, думать и развиваться!*»⁷

Это 1973-й год. Ни на что иное надежды нет.

Таковы иллюзии лидеров оппозиционной мысли. Типологически представительный шестидесятник мыслит о реформах в пределах социалистической системы. Российский «суровый стиль» формируется в этом ментальном бульоне. Поэтому о нем приходится говорить, как о фазе соцреализма. Подобно социалистическим утопиям оппозиционной общественной мысли, он имеет конечной целью моральное очеловечивание и эстетическую либерализацию самого соцреалистического искусства.

Другим следствием постсталинских метаморфоз режима, так или иначе оформленным в шестидесятые годы, стал «советский андеграунд». В нынешней России, когда диссидентское искусство и искусство «сурового стиля» экспонируются на равных основаниях и нередко рядом, «суровый стиль» может восприниматься как «хрущевский официоз». Но это ретроспективная оглядка «через плечо», взгляд сквозь многослойные линзы перестроечного, постперестроечного и современного художественного сознания. Синхронное «строгостиллю» сознание переживало его иначе⁸.

7 А.Солженицын. Письмо вождям. <http://bookz.ru/authors/soljenicin-aleksandr/alsolzhn02/page-3-alsolzhn02.html>.

Разрядка моя — ББ.

8 См.: Андрей Ковалев. Введение в политэкономии эпохи застоя. Две стадии «сурового стиля» // Артхроника, 2004, № 2. - <http://www.artchronika.ru/item.asp?id=296>. Замечу попутно, что Susan Reid задолго до А.Ковалева назвала «суровый стиль» «официальным искусством оттепели». (См. : Susan Reid. The “art of memory”: retrospectivism in Soviet painting of the Brezhnev era. // Art of the Soviets. Painting, sculpture and architecture in one-party state, 1917-1992. M.C.Bown, B.Taylor

Дальнейший ход дел показал, что соотносимые с «суровым стилем» иллюзии либерализации были ложными, но само переживание было по большей части подлинным и, вероятно, только немногие надеялись использовать идею «социализма с человеческим лицом» как тактическую уловку.

Дальнейшая судьба стиля, я полагаю, была так или иначе сопряжена с кризисом либеральных надежд перед лицом политических реалий середины–второй половины шестидесятых гг. – вплоть до подавления чехословацких реформ в 1968 г. Искусство мастеров «сурового стиля» претерпевает существенные метаморфозы, которые позволяют некоторым исследователям говорить о приходе второго варианта стиля.⁹ Основанием для выделения второго варианта служит, видимо, тот факт, что в связи с ним фигурируют те же имена (Андронов, Никонов, Попков, Жилинский, братья Смолины и т.д.). Однако, по своим главным характеристикам это не вырожденная фаза того же стиля, не трансформация «строгости», это вообще не суровый стиль, а нечто совсем другое. «Суровая правда советских будней», «рядовой труженик» с его скрытым пафосом труда и созидания, романтика экзотических профессий геологов, полярников, космонавтов или физиков-ядерщиков более не в фокусе; если этот набор как-то сохраняется в представительных экспозициях, то уже как товар *second hand*, изготовленный эпигонами. Лидеры бывшего сурового стиля, равно как и новые лидеры легального искусства, определившиеся в семидесятые годы, являют собой новый вид советского художника – советский художник (не диссидент) вне социалистического реализма. Можно назвать общественные настроения, которые были фоном этой радикальной метаморфозы: крах иллюзий «усовершенствованного социализма» и последовавшие за ним апелляции к национальной почве, с одной стороны, и субъективированный интеллигентский эскейпизм – с другой.

В итоге можно говорить о трехчастной структуре «советского искусства» 1960-х – первой половины 1980-х гг. На одном краю – шлейф ортодоксального или трансформированного, «гуманизированно-

9 Там же.

го» соцреализма. Посередине – достаточно обширная зона по существу не соцреалистического, но официально допущенного к экспонированию и обсуждению искусства, которое – из соображений идеологической мимикрии – притворно считается советским. Наконец, на другом полюсе – нелепо и неуклюже гонимое диссидентское искусство. Понятно, что границы между этими множествами размыты и заметно меняются во времени и пространстве: что в Таллине не дозволено, то запрещено и вытеснено в подполье в Ленинграде, Москве или Киеве...

* * *

Картина Э.Илтнера, в которой я обнаружил строгую стилистику, действительно, предвосхищает стилистические подходы классического «строгостилья» – достаточно поставить рядом с нею, скажем, «Строителей Братской ГЭС» В.Попкова. Однако, в ней отсутствует идеологический фон, который делает картину «сурового стиля» новой правдой социалистической утопии. Этот фон едва высвечивается с помощью некоторых элементов контекста (место и время написания, автор). Вот «прибалтийское качество», к которому стоит присмотреться пристальней.

Нам предстоит искать отражения «сурового стиля» в эстонском искусстве. Оказывается, это не так легко сделать.

Ближе всего подходит к российской модели живопись Николая Кормашова; в особенности – его большие «тематические картины» с их строгим пафосом будничного физического труда. Совпадает даже периодизация – «суровый» период в творчестве Кормашова логически заканчивается «Трапезой» 1968-го года, именно тогда, когда надежды на либерализацию режима терпят крушение и московский «суровый стиль» теряет дыхание. Правда, и у Кормашова можно найти стилистические отличия, которые связывают его с эстонским контекстом.

Когда же мы начинаем искать другие эквивалентные российской модели случаи, нас подстерегают серьезные трудности. Разумеется, беспретенциозная, «сухая» поэтизация трудовых будней может быть увидена в «Шахтерах» Э.Окаса или «Утре» Р.Корстника. Но их отличает от строителей Братской ГЭС В.Попкова или нефтяников Т.Салахова отсутствие некоего качества, которое я бы назвал «латентной патетикой». Это специфический парадокс, рожденный ментальными разладами переходного времени. Художники «сурового стиля» восставали против насквозь фальшивой, показной патетики триумфаль-

ного позднесталинского стиля и одновременно – против мелочных сентиментальностей первых послесталинских лет, когда поверхностное развенчание «теории бесконфликтности» породило множество картин квазикритического бытового жанра: вернувшиеся домой грешные мужья соревновались с раскрытированными на собраниях комсомольскими руководителями ...¹⁰

Но концы и начала переплетаются. К тексту притягивается контекст: за неподвижными монументально-прозаическими фигурами строителей гидроэлектростанции все равно слышится победный рев экскаваторов, насыпающих грандиозную плотину. Вот коннотации, подобных которым нет у Окаса или Корстника, как нет их у Илтнера. Их картины – без экскаватора за сценой.

Николай Андронов. Плотогоны. 1958-1961

Эдгар Илтнер. Мужья возвращаются. 1957

Н.Кормашов. Рыбаки. 1963

Виктор Попков. Строители Братской ГЭС. 1960-1961

¹⁰ Поветрие не миновало и Эстонию: А.Пеек на одной из тогдашних выставок показал сатирическую сцену «Утро бюрократа». Интересно, где эта небольшая вещица сейчас?

От «сурового стиля» здесь остались одни трудовые будни, но без латентной «патетики созидания». С другой стороны, не лишены были патетики триптих «Aegade laulud» (1970) или панно «Inimene ja kosmos» (1971,) Лепо Микко, или «космические» «Kolm poissi» (1971) Энна Пылдрооса. Однако, их пафос был – полагаю, преднамеренно – аранжирован столь абстрактно, что оказывался вполне амбивалентным: для соотнесения этих образов с советскими реалиями требовалась особая настроенность ума и специальное желание. Рассматривать картины такого типа в соотнесении с «суровым стилем» было бы насилием, верней всего

Е. Põldroos. Kolm poissi. 1971

счесть их не относящимися к теме разговора¹¹.

Значит ли это, что в Эстонии «суровый стиль» проявился лишь частично и поверхностно, чуть-чуть? И да, и нет. Как отражение московского стилевого поветрия – безусловно да. Как спонтанный и вполне автономный стилистический феномен – безусловно нет. Просто его надо искать в другом месте, поскольку он имел принципиально иную природу.

Я полагаю, что отсчет короткой истории «сурового стиля» в Эстонии можно было бы начать с 1959 года, когда, помимо упомянутой выставки тематической живописи республик Прибалтики, состоялась еще первая «дозволенная» республиканская молодежная выставка, породившая значительный резо-

11 Цитированный выше М.С.Вовн отнес к произведениям около- или прото-сурового стиля триптих Л.Мууга «Протест против войны» (1959, см.: Вовн, цит. соч, с. 392). Для этого есть некоторые основания, но композиция Л.Мууга куда ближе к образцам «идейной» живописи ГДР, нежели к зарождающемуся «суровому стилю».

нанс.

На этом фоне менее заметной была дипломная серия литографий Пеетера Уласа «Risti ja mõõgaga», хотя именно там упрятана была генетическая программа эстонского «сурового стиля». Серия по жанровой принадлежности была исторической, что само по себе было чуждо зарождавшемуся направлению. Затем, она была посвящена уходящему в глубокую древность судьбоносному событию национальной истории и, следовательно, ни к какому аспекту социалистической реальности отношения не имела. Можно было бы сказать, что авторский голос раздается из «не времени», если бы не стилистика литографий – стилистика в узком и точном терминологическом смысле.

Это обстоятельство кажется мне особенно существенным. Когда определенная группа художников была классифицирована в качестве представителей определенного стиля, речь шла скорее о некотором направлении с размытыми собственно

Peeter Ulas. Risti ja mõõgaga. 1959

стилистическими признаками. Некоторая формальная общность там проявлялась на уровне сюжетном и композиционном. Скажем, межперсональная разобщенность и фронтальная экспозиция действующих лиц характерна столько же для «Строителей Братска», сколько для «Плотогонов» Н.Андропова или «Гимнастов» Д.Жилинского¹². У молодых эстон-

12 Отсутствие сюжетного взаимодействия, обособленность персонажей и их замкнутость на себя позволяют современному исследователю увидеть у некоторых мастеров «сурового стиля» отблески философских построений экзистенциализма, с трудом проникавших в советскую интеллектуальную среду: разобщенность персонажей можно толковать как неспособность к контактам, некоммуникабельность, экзистенциальное одиночество. (См.: В.А.Лебедев. Загадочный Жилинский. // Искусство в современном мире. Выпуск 3. // Российская АХ. НИИ Теории и истории изобразительных искусств. Москва: Издательство

ских художников, разумеется, быстро формировались индивидуальные стилистические признаки, но при этом можно указать на общий для них стилеобразующий принцип – принцип экспрессивной, «говорящей» визуальной формы. Этот принцип определяет и обосновывает необходимость и характер деформаций, намеренных искажений рисунка, игры ракурсов, пространственных сдвигов, колористических напряжений и т.п., иначе – всей совокупности собственно формальных, адресованных смотрению компонентов картины или графического листа. Собственно, о «строгом стиле» в эстонском искусстве можно говорить (если можно вообще) именно на этом уровне – на уровне визуальности. Тут центр тяжести перенесен на экспрессивно напряженную формальную систему. Именно в этом, я полагаю, идиоматическая принадлежность «сурового» Кормашова к эстонской эстетической парадигме первой половины – середины шестидесятых годов. Однако, такой стилеобразующий принцип предусматривает широкий веер стилистических возможностей. Суровость «сурового стиля» таким образом отнюдь не детерминирована, во всяком случае – не детерминирована однозначно.

Что же у Уласа сурового и откуда эта суровость берется?

Можно было бы довольствоваться банальностями относительно «северной» эмоциональной сдержанности и т.п., но в этом нет нужды. Верней бу-

N.Kormašov. Sepikoda. 1966

дет предположить, что молодой Улас, с его мощным творческим зарядом, верил в возможность стать другим Кристьяном Раудом – не вторым, а другим, но с той же национальной закваской и с той же экспрессивной энергией. Об этом свидетельствуют его ранние работы (включая эстампы карельского цикла).

Ilmar Kimm. Sepad. 1960

«Латентный экскаватор», упрятанный в невидимый подтекст «Строителей Братской ГЭС», у Уласа выведен на первый план и занял почти все «окно» листа, но за ним не видно никакого латентного просвета в будущее – ничего, кроме грубой и ожесточенной схватки машины с безразлично озлобленной природой («Ekskavaator soos»). Другое дело, что Улас, художник второй половины XX века, стилистически быстро эволюционировал, но так или иначе, а утопического «света в конце тоннеля» у него не найти.

Peeter Ulas

"Памятники исторической мысли". 2009. С. 114 — 118). Правда, сегодня некоторые особенно придирчивые аналитики отделяют Жилинского от «сурового стиля». Но если принять, что у «сурового стиля» собственного стиля нет, отнесение работ раннего Жилинского к «суровому стилю» по многим признакам вполне обоснованно.

Трудно сказать, не совпадение ли это, что его наиболее трагический образ – то ли асфальтовым катком, то ли танком раздавленная жертва («Ohver») – датирован тем же 1968-м годом, что и трагическая «Трапеза» Кормашова. И далее – это уже чистый параллелизм, о каком-либо влиянии говорить не приходится, это скорей социально- и личностно-психологический резонанс – Улас после этого, подобно московским коллегам, хотя и в совершенно несопоставимом стилистическом ключе, создает свои наиболее национально насыщенные вещи («Kaarnajärv», «Soojärv», «Pilved taluõuel», kõik – 1970).

Для динамичного Уласа это был логичный, но преходящий эпизод. Однако, связь эстонского варианта «сурового стиля» с национально-романтическими настроениями – отнюдь не случайность. Другой яркий пример – графика Виве Толли первой половины-середины 1960-х гг. Я думаю, что ее эстампы «рыбачьего» цикла (начиная со «Старого рыбака» 1963 г.) вполне можно считать эстонским и в то же время персональным, утонченно сублимированным эквивалентом «сурового стиля». В нежной, изысканной суровости этих листов, а еще более – последовавших за ними «фольклорных» эстампов, сохраняется аура специфического фольклоризма Кр.Рауда, иначе говоря – это другая суровость, имеющая мало общего с московским феноменом, возведенным в ранг стиля.

V.Tolli. Pilved loomine

Тем не менее, тут можно усмотреть некий резонанс.

Любое описание российского «сурового стиля» будет неполным без указания на его собственно живописные, формальные характеристики. Живопись мастеров «сурового стиля» была интенционально направлена на восстановление связи времен: отсеченные командным введением соцреализма богатейшие традиции русской живописи 1910-х-1920-х гг. снова, хотя бы отчасти, восстанавливались – и для начала ориентирами были избраны стилистика «Бубнового валета» и возникшего в 1920-х гг. ОСТА («Общество станковистов»).

Для эквивалентных настроений в Эстонии ориентиром стали – хотя бы отчасти, но достаточно заметно – национально-романтические традиции. Без сомнения, почвой для них были соответствующие общественные настроения. Примечательно, однако, что здесь можно усмотреть некоторое предвосхищение судеб российского «сурового стиля».

* * *

Подводя итоги (и, соответственно, несколько упрощая), можно сказать следующее.

Подлинный «суровый стиль», будучи последней, по-преимуществу искренней попыткой трансформации соцреализма, ни в какой степени не был и не мог быть идеологически стерильным. Он был идеологизирован и потому особенно опасен для прославленных стражей сталинистской соцреалистической доктрины. Это они – в сотрудничестве со сталинистами из партаппарата – преуспели в науськивании Хрущева на художников «сурового» направления. В позднейших метаморфозах художников «сурового стиля» сыграли свою роль различные факторы, в числе которых была и идеологическая травля после разгрома манежной выставки в декабре 1962-го года. Однако, в той мере, в какой «суровый стиль» был сопряжен с иллюзорными надеждами на гуманное преобразование советской системы, кризис гуманистических иллюзий был окончательным приговором самой основе этого направления. «Суровый стиль» умер, художники, которые его создавали, остались. Прослеживая их дальнейшую судьбу, можно заметить, что они в брежневские времена не стали изгоями, напротив, многие получали солидные (и питательные) государственные заказы и, можно сказать, были интегрированы в

систему. Тем не менее, в их творчестве – у лучших – оставался сектор свободного выбора. То, что произошло там, интересно более всего. Кризис идеологической утопии не освободил художников от идеологичности, как таковой. Потребность осталась, и для ее утоления была избрана другая идеологическая перспектива. Она была реализована в «деревенских» жанрах, которые предстали как хранители русского национального начала. Трудно не заметить, что аналогичный идеологический поворот детерминировал творчество писателей-деревенщиков и сформировал определенные группировки внутри правящего аппарата.

Эта смена ориентаций становится хорошо видимой в современной ретроспективе. Крах советской системы не привел ни к ослаблению идеологизированности российского массового сознания, ни к ожидаемой идеологической диверсификации; вакуум, переживаемый как острая недостача, был заполнен националистической и шовинистической идеологией, приправленной агрессивным православием. Эволюция художников «сурового стиля» стала – в свете позднейшего опыта – неким предварительным наброском, первоначальной моделью возможного будущего. Этим я не хочу сказать, что лучшие «деревенские» работы бывших «суровых» мастеров, такие, как скажем, «мезенский цикл» В.Попкова, сводимы к примитивным националистическим идеологемам, ничего подобного. Напротив, они ценны своим художественным качеством и человеческими смыслами.

В Эстонии, где советская идеологическая система не имела и не могла иметь глубоких корней, произошло совмещение двух этапов. Даже «очеловеченная» социалистическая утопия оставалась для интеллигентского сознания по преимуществу чужеродной, ее трудно было потерять, ибо она, по сути дела, не была приобретена. Поэтому отблески «сурового стиля» в Эстонии либо оказывались размытыми, либо почти сразу приобретали фольклорно-национальную окраску. И далее, эта фаза идеологической идентификации, в свою очередь, оказалось преходящей. «Бытие в мире» стало нужней и интересней «бытия в доме», индивидуальность – сильнее уравнивающих идеологических парадигм, модернизм (и наступающий постмодернизм) – привлекательней ретроспективного «связывания концов». Поколение пятидесятых годов быстро меняет ориентиры, а за ним, наступая на пятки, появляется по-

коление АНКа. Контакты и переключки между Эстонией и Москвой перенастраиваются: уже не дозволенное внесоциалистическое искусство, а открыто диссидентское – в лице его наиболее сильных мастеров – находит в Эстонии живой отклик и понимание. Наступает время относительной свободы – в вязких ментальных средах «периода застоя», готовившего условия для крушения системы.

Мы сохраняем фамилии художников и названия их картин на эстонском языке, как это делает автор в оригинале своей статьи, любезно переданной нам дочкой Бориса Моисеевича Еленой Бернштейн. – Ред.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамович Семен родился, учился, защитился, женился в Москве, где провел первую половину жизни. По специальности инженер-строитель. Живет в Калифорнии. Автор двух книг стихов: «Пушу по ветру слов круженье» и «Родная речь», изданных в Москве (2007).

Бернштейн Борис Моисеевич (1924-2015) – доктор искусствоведения, профессор-эмеритус Академии Художеств Эстонии. Книги, статьи и альбомы по истории русского, эстонского искусства и по всеобщей истории искусства, а также по теории искусства и методологии искусствознания опубликованы на русском, эстонском, английском, немецком, польском, испанском, венгерском, сло-вацком, латышском, литовском и др. языках. **Печатался во всех выпусках нашего альманаха.**

Виноградова Надя родилась и выросла в Ленинграде. Первостроеобразование получила в родном городе, окончив в 1998 году физический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. И хотя мысль о занятии живописью появилась и жила в ней со школьной скамьи, переехав в Соединенные Штаты, Надя продолжила еще серьезнее заниматься физикой в аспирантуре Аризонского университета. И только получив степень доктора философии (PhD), и став, наконец, достаточно умной, поняла она, что жизнь скоротечна и, если что-то хочешь изменить, то это надо делать решительно. Таким образом, в 2003 году Надя поступает в Школу искусств в Торонто, затем переезжает в Калифорнию, где проводит несколько лет в Ателье классического реализма Давида Харди. Там она изучает премудрости классической школы рисунка и живописи, но в какой-то момент начинает ощущать замкнутость этого пространства. Судьба сводит ее в Сан-Франциско с художником Михаилом Петренко, у которого она берет мастер-классы. Он помогает ей сломать ограничения, диктуемые классическим реализмом. Далее, вернувшись временно в Петербург, Надя занимается в студии Анатолия Заславского, где знакомится с множеством интересных художников, которые безусловно влияют на ее творчество и

формируют ее сегодняшний стиль.

Сейчас Надя живет и работает в Калифорнии. Жизнь ее, полная эмоций, встреч и выставок, активно протекает между Сан-Франциско и Петербургом, и сидя на берегу Тихого океана, она тихонько мечтает о своих друзьях и Петербурге, а приезжая в Петербург, она стремится обратно в солнечную Калифорнию.

Гандельсман Владимир Аркадьевич родился в 1948 г. в Ленинграде, закончил электротехнический вуз, работал кочегаром, сторожем, гидом, грузчиком и т. д.. С 1991 года живет в Нью-Йорке и Санкт-Петербурге – поэт и переводчик, автор пятнадцати поэтических сборников, переводов из англоязычной поэзии, множества публикаций в различных российских журналах.

Голубовская Инна Никитична (в девичестве Гришина) родилась в 1939 г. в семье рабочих в деревне Антропшино, Павловского района, Ленинградской области. Отец – Никита Иванович Гришин (1911-1942 гг.), мать – Татьяна Кузьминична Гришина (Ковалева) (1912-1987 гг.). Инна Никитична – блокадница, выжившая благодаря эвакуации с Ленинградским приютом № 77, в котором она оказалась весной 1942 г. после смерти от голода и холода дедушки и бабушки в блокадном Ленинграде. Вернулась в семью в июле 1945 г. В 1963 г. окончила биолого-почвенный факультет (кафедра генетики) Ленинградского Государственного Университета. Поехала по распределению в Академгородок, в Институт Цитологии и Генетики СОАН СССР, где проработала с 1963 по 1985 гг. Защитила кандидатскую диссертацию в 1971 г. и докторскую в 1984 г. по специальности «Генетика». В 1985 году вернулась в г. Ленинград и трудилась во ВНИИ Растениеводства им. Н.И. Вавилова (ВИР) до 2014 г. В США работала в Университете Северной Дакоты (г. Гранд-Форкс, 1992-1998) и в Университете Калифорнии Беркли (г. Беркли, 1999-2010). По словам Инны Никитичны, ее семью составляют: «замечательный муж – М.Д. Голубовский, оптимист с огромным чувством юмора, две очаровательные дочери, Вита и Юлия, и два любимых внука, Аня и Даник».

Голубовский Михаил Давидович (р.1939) – генетик, историк науки, эссеист. Окончил кафедру генетики Ленинградского университета. С 1963 по 1988 работал в Новосибирском Академгородке в области генетики популяций, мутационного процесса и теории эволюции. Затем в Санкт-Петербурге в Институте истории естествознания и техники РАН. Доктор биологических наук, автор более двухсот работ, в их числе книга «Век генетики: эволюция идей и понятий» (2000). В 2002 г. награжден Дипломом журнала «Звезда» за статью «Библия и Ген». Работал во Франции, Австралии, различных университетах США; в последние годы аффилирован в университете Калифорнии, Беркли. Увлекается словесными играми. (Анаграммы, лимерики, палиндромы. Некоторые из палиндромов М. Голубовского вошли в российскую антологию палиндромов.) Публикации в журналах «Природа», «Звезда», «Нева» (С. Петербург), «Вестник» (Балтимор), альманахе «Средний Запад» (Ст. Луис), «Мосты» (Германия), «Образы жизни» (Сан-Франциско). Проживает в г. Беркли, Калифорния.

Жук Вадим Семенович – поэт, драматург, актёр. Родился в 1947 г. в Ленинграде. Закончил театроведческий факультет ЛГИТМиКа. Работал актёром в театрах Сибири. Снимался в фильмах А. Сокурова, И. Масленникова, В. Хотиненко, А. Борщевского и других. Был единственным автором и художественным руководителем ленинградского-петербургского Театра-студии «Четвёртая стена», спектакли которого демонстрировались по Центральному телевидению. Пишет капустники для Центрального Дома Актёра. Был автором и ведущим радиопередачи «Слушать подано!» Радио России. Вел совместно с М. Жванецким передачу «Простые вещи» на РТР. Совместно с С. Плотовым писал куплеты к передачам «Итого» и «Плавленный сырок». Автор передачи канала «Культура» «Обыкновенный концерт с Эдуардом Эфириным» Был художественным руководителем и ведущим фестиваля «Золотой Остап». Постоянный ведущий и председатель жюри фестиваля капустников «Весёлая коза». Постоянный ведущий премии Конгресса фантастов России «Странник». Председатель или член жюри, автор сценария и ведущий церемоний ряда анимационных и театральных фестивалей. Автор либретто (совместно с И. Иртеньевым) мюзикла «Весёлые ребята». (Комозитор – М. Дунаевский). Автор либретто оперетты «Чайка» на музыку А. Журбина и «Русское горе» на музыку С. Никитина, идущих на сцене Московского Театра Современной пьесы, музыкального спектакля «Лес» с В. Дашкевичем в Санкт-

Петербургом театре «Комедианты» и других. Автор сценария (с К. Михайловой) полнометражного мультфильма «Возвращение Буратино». Автор и соавтор сценариев анимационных фильмов «Собачье сердце», «Сказка про Волка», «Лис», «Ваня и Леший» и ряда других. Выпустил сборники лирики «Стихи на даче» (изд. «Зебра») и «Жаль – птица» (изд. «Время») Вадим Жук живёт в Москве.

Золотаревская Марина пишет прозу и переводит с английского. Родилась в 1960 году. Окончила Харьковский политехнический институт. Автор книги «Кто её зовёт?..» (2008, Сан - Франциско, иллюстрации Владимира Витковского), включающей оригинальные сочинения и перевод поэмы Д.Г. Байрона «Лара». В 2011 году была издана книга «Переход», составленная из произведений Марины Золотаревской и Аллы Ходос. Марина Золотаревская была постоянным автором, переводчиком и членом редколлегии русскоязычного журнала «Тегга Nova», издававшегося в Калифорнии. Безответственный редактор литературного альманаха «Образы жизни» (издается в Сан-Франциско). Публикации в журналах «День и ночь», «Радуга», «Новый берег», «Зарубежные записки», на литературном сайте «Интерлит». Живёт в Сан-Франциско.

Ильин Игорь Волеславович – писатель и переводчик. Родился 3 мая 1956 года. Учился на отделении перевода факультета иностранных языков; дипломная работа про особенности перевода эпиграмматической поэзии выполнена под руководством И. В. Гаврильченко (Мельницкой). С 1978 по 1981 служил в Анголе военным переводчиком. Работал зам. декана подготовительного факультета иностранных граждан ХГУ им. А. М. Горького, преподавателем кафедры английской филологии. Учился в аспирантуре Крымского государственного университета. С 1994 года – преподаватель английского языка в Лингвистическом центре Streamline (Языковой центр «Международный дом» – International House Language Center). Перевел 16 книг, в число которых входят “Чайка Джонатан Лингстон” Ричарда Баха, “Маленький Большой Человек” Томаса Берджера, «Заклятие дома с химерами» Эдварда Кэри, «Тайны гномов» Вила Хейгена (перевод с голландского), а также переведенные на украинский «Хроники Нарнии» Клайва Стейплза Льюиса и «Винни-Пух» Алана Милна (в соавторстве с И. В. Мельницкой и А. Кальниченко). Оригинальные сочинения Игоря Ильина: Коробов И. Легенда об охотнике / И.Коробов // Азия и Африка сегодня. №9, 1983.; Ильин, И. Легенда о бамбуке. Легенда Кайала. Легенда об охотнике

// UNIVERSITATES: наука и просвещение: научно-популярный ежеквартальный журнал/ Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина : Медиа-группа "Окна", 2005 г.; Несколько историй из жизни нашего колдуна. // UNIVERSITATES: 2006 ; Мне и весело, и грустно... / UNIVERSITATES: 2012, N 3 ; Тот, кто пришел с дождем// Протей : Переклад. альм. - Вип. 1. - X. : Вид-во НУА, 2006. ; Легенды Ико (из тетрадей, найденых в Торреш Ведраш) // Протей : Вип. 2. - X. : Вид-во НУА, 2006.; Тот, кто пришел с дождем и другие истории. // Образы жизни, альманах, 2012. (США); Несколько историй из жизни нашего колдуна. // Образы жизни, альманах, 2015-2016. (США); Африканские сказки. // РХ, альманах, 2016. (Украина); Ohamba noNembudu. // РХ, альманах, 2016. (Украина); Несколько историй из жизни нашего колдуна, его жен и детей, родичей и соплеменников, друзей и недругов. // РХ, альманах, 2017. (Украина). Еще несколько историй... // РХ, альманах, 2018. (Украина).

Кейлин Александр (р. 1945 в Москве). После окончания института 33 года просидел на одном и том же стуле в оборонном НИИ. Когда стальная опора стула лопнула, понял – это сигнал – надо ехать. Больше всего любил ездить в командировки по стране и собирать истории из цикла «Этого не может быть [кроме как в России]». Многократно печатался в журнале «Вопросы специальной радиоэлектроники». В Америке с 1998 г. Печатался в альманахе “Образы жизни” за 2015-2016 годы.

Короткова Екатерина Васильевна – прозаик и переводчик. Дочь писателя Василия Гроссмана. Родилась в Киеве, где прошло почти всё её довоенное детство. После войны жила во Львове, где окончила школу; училась на славянском отделении Львовского университета, затем в Институте иностранных языков. Работала учительницей английского языка в шахтёрском поселке (по семейной традиции выбрала Донбасс), позже – в Библиотеке иностранной литературы в Москве. Печатается с 1958 года. Переводила английских классиков – Твена, Диккенса, Эллиота, Теккерея, Честертона, Киплинга и других, а также мастеров современной английской прозы. Ей принадлежит первый перевод Агаты Кристи на русский язык. Автор романов и повестей в жанре исторической прозы, рассказов, мемуаров (в том числе воспоминаний об отце). Произведения Е. В. Коротковой опубликованы в России, на Украине, в Англии и США.

Курляндчик Галина родилась в 1949 году в Крыму, выросла в Приморье. Окончила факультет рус-

ского языка и литературы Рязанского государственного педагогического института. Более двадцати лет работала в научной библиотеке по программированию в новосибирском Академгородке. Живёт в городе Санта Клара, Калифорния, и Москве. Организовала и пополняет сайты: «Живопись иглой» (www.svetart.ru), «Чудеса рукотворные» (www.chudosite.ru), «Летопись моей семьи» (www.mychronicle.ru), а также сайт для бывших коллег Якова Курляндчика <https://www.nftmivt.ru/> Электронная почта Галины: galina.kurlyandchik@gmail.com

Линник Юрий Владимирович, 1944-2018

доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии ПетрГУ, заслуженный деятель науки РФ Поэт. Член Союза писателей СССР с 1970 г. Родился в г. Беломорск. Детство прошло в г. Сортавала. Учился в Литературном институте (Москва) и Петрозаводском университете. Аспирантура по эстетике – Московский областной педагогический институт им. Н.К. Крупской. 1965-1969. Кандидатская диссертация: Объективность красоты в органической природе (1970)

Макарова Елена родилась в 1951 году в Баку в семье поэтов Григория Корина и Инны Лиснянской. Живет в Хайфе, Израиль. Член международного ПЕН-клуба, Союза писателей Израиля, Союза писателей России. Закончила Московский Литературный институт им. Горького и Московский Художественный институт им. В.И.Сурикова. Елена Макарова – автор свыше сорока книг на двенадцати языках, в том числе прозаических сборников. В деятельности Макаровой значительное место занимает изучение и пропаганда художественного творчества узников нацистских концлагерей. Вместе с соавторами ею были подготовлены 4 книги, объединённые серийным названием «Крепость над бездной»: «Терезинские дневники, 1942 – 1945» (2003), «Я – блуждающий ребенок. Дети и учителя в гетто Терезин, 1941 – 1945» (2005), «Терезинские лекции, 1941 – 1944» (2006), «Искусство, музыка и театр в Терезине. 1941 – 1945». Среди других работ на эту тему – выставки и книги о художнице школы «Баухауз» Фридл Дикер-Брандейс, одной из основателей искусствотерапии; на ее уроках в концлагере Терезин детьми было нарисовано более 5 тысяч рисунков. Книга «Фридл Дикер-Брандейс. Жизнь во имя искусства и преподавания» вышла сперва на немецком, затем на английском, чешском, французском и японском языках. Недавно издана на русском языке. В период с 1988 по 2011 Елена Макарова курировала 38 выставок на тему

«Культура под гнетом нацизма». С 2007 Е.Макарова ведет он-лайн семинары <http://forum.mykanon.com/> по искусствоведению для родителей и детей.

Мелихов Александр Мотелевич — писатель и публицист. Окончил математико-механический факультет Ленинградского университета, работал в НИИ прикладной математики при ЛГУ; кандидат физико-математических наук. Как прозаик печатается с 1979 года. Проза опубликована в журналах «Нева», «Звезда», «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Дружба народов», «22», «Nota Bene» (Израиль), «Зарубежные записки» и др. Автор книг «Провинциал», «Весы для добра», «Исповедь еврея», «Горбатые атланты, или Новый дон Кишот», «Роман с простатитом», «Нам целый мир чужбина», «Чума», «Красный Сион», «Любовь-убийца», «Мудрецы и поэты», «Интернационал дураков», «Биробиджан — земля обетованная», «Тень отца», «Республика Корея: в поисках сказки», «Дрейфующие кумиры», «Броня из облака», вышедших в издательствах «Советский писатель», «Новый Геликон», «Лимбус Пресс», «Вагриус», «Ретро», «Время», «Прозаик», «Текст», «АСТ», «Журнал "Нева"». Романы «Нам целый мир чужбина», «И нет им воздаяния» и «Свидание с Квазимодо» входили в шорт-лист премии «Русский Букер». Литературный критик, публицист, автор книги «Диалоги о мировой художественной культуре» и нескольких сот журнально-газетных публикаций, заместитель главного редактора журнала «Нева».

В последние годы А.Мелихов развивает концепцию «человека фантазирующего», рассматривая историю человечества как историю зарождения, борьбы и распада коллективных грез.

Мельницкая Инна Владимировна — поэт, прозаик, переводчик, пишущая на русском и украинском языках. Коренная харьковчанка. В течение многих лет преподавала на факультете иностранных языков ХГУ, руководила литературной студией, воспитавшей целый ряд переводчиков иноязычной прозы и поэзии. Произведения И. Мельницкой переводились на белорусский, мордовский, молдавский и итальянский языки, входили в русскоязычные издания США и Израиля. После выхода в свет книг «Когда не было лета» и «Надпись на парапете» в 1989 году И. Мельницкая была награждена итальянской медалью ASS.NAZ. ALPINI, а в 1999 году была приглашена британской киностудией Би-Би-Си для участия в многосерийном фильме «Война века». За сборник стихов «Опрокинутые облака» автору присуждена премия имени Бориса Слуцкого и звание лауреата конкурса «Русское слово Украины 2002»; за повесть «Украинский эшелон», первую книгу одноименной дилогии, — международная литературная премия имени Юрия Долгорукого и звание «Харьковчанин года 2005», за повесть «Страна моего детства» — юбилейная премия журнала «Радуга».

Мелодьев Мартин Михайлович родился в 1953 г. в Новосибирске. Окончил экономический факультет Новосибирского университета. С 1990 г. живет в Америке. Член калифорнийского клуба авторской песни «Полуостров», клуба русских писателей в Нью-Йорке и клуба поэтов НГУ. Автор книг стихотворений: «Сочетания» (Новосибирск, 1991), «Шлюз» (изд-во Hermitage. Нью-Джерси, 1998) и «Цветной проезд» (Новосибирск, 2000). Публикации в газетах и ежегодниках США: «Альманах Поэзии», «Встречи», «Альманах клуба русских писателей в Нью-Йорке», «День и ночь» (Красноярск), в альманахе «Образы жизни» (Сан-Франциско). В России публиковался в сборниках «Общая тетрадь. Из современной русской поэзии Северной Америки» (Москва, 2007), «Гнездо поэтов» (Новосибирск, 1989), «География слова» (Москва, 2000), «СП: Поэзия новой волны» (Новосибирск, 1993), «К востоку от Солнца» (Новосибирск, 1999-2007), «Петербургский литератор» (СПб, 2000), «Время Ч» (Москва, 2001), «Как по нотам» (Свиньин и сыновья, Новосибирск 2018). Страница в интернете: www.mmelodyev.narod.ru

Милитарёв Александр Юрьевич род. в 1943 г. в Томске. Российский филолог и лингвист, специалист в области семитского, берберо-канарского и афразийского языкознания, применения лингвистических методов в реконструкции этнокультурной истории, а также иудаики и библеистики. Автор 4 монографий и около 150 научных и научно-популярных статей. Представитель научных школ И. М. Дьяконова и С. А. Старостина, Московской школы дальнего языкового родства. Окончил переводческий факультет 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков им. Мориса Тореза по специальности «Английский и испанский языки». В 1973 г. окончил аспирантуру Института востоковедения РАН, где работал младшим (1973 — 1986) и старшим (1986—1994) научным сотрудником. С 1994 г. работает в Институте восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Доктор филологических наук (2001), профессор (с 2004 г.). Внештатный преподаватель на филологическом факультете МГУ (1986 — 1990), профессор Института стран Азии и Африки МГУ (2005 — 2008), заведующий кафедрой языков и культур древнего Ближнего востока и ректор Еврейского университета в Москве / Высшей гуманитарной школы им. С. Дубнова (1994 — 2009). Член общества «Мемориал» (1990 — 1991), участник обороны Бело-

го дома (август 1991). В 90-е годы инициировал обращением к Дж. Соросу соросовскую программу помощи российским гуманитариям и деятелям культуры-рыивсероссийскийконкурснаучно-исследовательских проектов, поддержавший несколько тысяч российских ученых в области гуманитарных и социальных наук, и был одним из организаторов этих программ. Поэт и переводчик. Автор книг «Стихи и переводы» (М.:Изд-во «Наталис», 2000), «Номо tardus (Поздний человек)» (М.: Изд-во «Критерион», 2009). «Охота за древом». (М.: Издательские решения, 2018 г. Живет в Нью-Йорке и Москве.

Евгений Минин – поэт, пародист, издатель, родился в г. Невель Псковской области. Председатель Международного Союза Писателей Иерусалима, член СП XXI век, член Российского ПЕН-центра. Издатель и главный редактор журнала «Литературный Иерусалим», лауреат Третьего поэтического фестиваля памяти Поэта – Израиль, а также премий журнала «Флорида», журнала «Дети Ра» и «Литературной газеты» «Золотой телёнок». Автор 11 книг. Живёт в Иерусалиме.

Немировский Александр. Пишет с 14 лет. С 1980 до 1986 года выпустил 7 сборников в тогдешнем самиздате. На основании этих сборников в Москве в 1996 вышла книга стихов – «Без Читателя». В 1989 одно стихотворение просочилось в еженедельник «Собеседник». Входил в литературный клуб «Постскрипtum» (1989). С 1990 года живет в Калифорнии. В 2007 подборки стихов печатались в журнале Terra Nova (2007 Август). Вторая книга «Уравнение разлома» вышла в Сан-Франциско в 2009, третья книга – в 2012. Домашний сервер: <http://www.pomet.us>. Постоянно печатается в Альманахе «Под небом единым». Специалист по базам данных в Силиконовой долине. Начинал программистом, а последние 18 лет ведет свой небольшой бизнес на основе им созданной и патентованной технологии. Проживает в Калифорнии.

Новиков Вячеслав Анатольевич (В этом номере печатается под псевдонимом Слава Блуд.) Родился в 1955 г. в Брянской области. Раннее детство провел в средней полосе России среди лесов и пчел (у дедушки была пасека). Среднее образование получил в средней школе № 25 г. Донецка, одной из самых средних в городе. В 1972 поступил на переводческое отделение факультета романо-германской филологии Харьковского государственного университета, ко-торое закончил в 1977 году. После этого два года служил бортпереводчиком (была такая должность) в военно-транспортной авиации, летал в разные страны

Африки и Азии: Эфиопию, Уганду, Ливию, Йемен, Афганистан и др.. Потом еще два года отслужил военным переводчиком в Эфиопии. После демобилизации работал в деканате по работе с иностранными студентами Харьковского политехнического института. В 1987 г. поступил на курсы переводчиков ООН при Московском институте-те иностранных языков им. Мориса Тореза и был зачислен в группу синхронистов, где проучился год. После сдачи ооновских экзаменов был направлен на работу в штаб-квартиру ООН в Нью-Йорке. Там проработал почти 20 лет, переводя синхронно с английского и французского на русский. В 2009 г. был переведен в отделение ООН в Вене, где работает по сей день.

Ольшванг Хельга – поэт, сценарист, режиссер. Родилась в Москве. Окончила сценарный факультет и аспирантуру ВГИК, автор нескольких документальных и художественных фильмов. С 1996 года живёт в США. Стихи и стихотворные переводы Хельги Ольшванг печатались во многих периодических изданиях и поэтических антологиях, были переведены на английский, шведский и вьетнамский языки, а также вышли четырьмя отдельными сборниками в издательствах “Композитор”, “Пушкинский Фонд” и “Русский Гулливер”.

Перцова Мария родилась и выросла в Баку. С 1990 года живет в США, в маленьком городке Кемпбелл, неподалеку от Сан Франциско. По образованию – физик, по наклонностям – ... Вместе с Жанной Шпиц (музыка и исполнение) стала автором песенного альбома «Понятные и странные». В 2008 году вышла книга стихов Марии Перцовой «По другую сторону обмана».

Полякова Юлиана Юрьевна, 1965 года рождения. Окончила библиотечный факультет Харьковского института культуры и театральный факультет Харьковского университета искусств им. Котляревского (специальность – театроведение). Работает в библиотеке Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

Ратнер Александр Григорьевич родился 10 октября 1947 года в Днепропетровске. Окончил Днепропетровский металлургический институт. Кандидат технических наук. Лауреат премии Ленинского комсомола в области науки и техники. Поэт, писатель, переводчик. Первая публикация была в 1963 году. Александр Ратнер – автор 21 книги стихов, в том числе двух для детей, и трех книг прозы. В его переводах

с украинского вышло 7 поэтических книг, из них две – для детей. Лауреат премий имени Николая Ушакова и Дмитрия Кедрина (Украина), дипломант Международной литературной премии имени Великого князя Юрия Долгорукого (Россия), награжден Почетным дипломом Международного Совета по книгам для детей (IBBY). Член Национального Союза писателей Украины с 1988 года и Союза писателей СССР с 1989 года.

Соколова Тая (Соколова Татьяна Михайловна), 16 лет; учится в Харьковском художественном училище. Ее графические работы опубликованы в Альманах РХ №7 и №9, Харьков

Соломонов Артур родился в Хабаровске в 1976 г. Закончил Театроведческий факультет ГИТИСа, Курс Натальи Крымовой. Работал в газете “Газета” – корреспондентом отдела культуры, “Известия” – специальным корреспондентом отдела культуры, на телеканале “Культура” – заместителем руководителя PR-службы, куратором отдела спец-проектов, интернет-портала телеканала и пресс-службы, редактор отдела культуры, журнала “The New Times”, в “Новой газете” – редактором отдела “Московедение”. Блог Артура Соломонова – на сайте Slon.ru. Первый роман Артура Соломонова “Театральная история” получил высокие отзывы Л. Улицкой, Л. Ахеджаковой, В. Шендеровича и других известных деятелей культуры. Ссылка на страницы романа “Театральная история” в фэйсбуке: www.facebook.com/teatralnaya.istoriya. В Контакте <http://vk.com/public59427264>. Проживает в Москве.

Тасбулатова Диляра родилась в г. Алма-Ата. Кинокритик, киновед, писатель. Член союза кинематографистов России. Публиковалась в сотне изданий – от глянцевого до серьезных, от научных до развлекательных. Взяла несколько тысяч интервью: среди ее визави Иоселиани и Джармуш, Мэтт Деймон и Лукас, Павел Костомаров и Сергей Лозница. В течение долгих лет была обозревателем самых крупных кинофестивалей – Канн, Берлин, Венеция. Читала лекции в Швеции и Америке, заседала в жюри международных фестивалей. Более пяти тысяч публикаций. Лауреат премий – «Критик года» и «Лучший киножурналист России».

Трегуб Александр. Учился (инженер-электронщик) и защитился (кандидат химических наук) в Киеве; эмигрировал с семьей в Израиль, работал в Иерусалимском университете, а также на Гумбольдтовской стипендии в Германии. Переехал в Америку, где работал как visiting scientist в университете Теннес-

си, Калифорнийском университете в Сан-Диего, Стэнфордском университете. Краткая биография опубликована в Marguis' «Who's Who in America». Последние 16 лет работает в компании «Интел» в Северной Калифорнии. Литературное творчество включает публикации на международном сайте www.interlit2001.com, в альманахе “Образы Жизни”, сборниках “Апраксин Блюз”, газете “Кстати”, журнале “The Economist”.

Трестман Григорий Жил в Минске. Окончил Белорусский политехнический институт, редакторский курс Московского полиграфического института. Работал слесарем, ротаторщиком, инженером, редактором издательства «Высшая школа» (Вышэйшая школа), редактором ряда журнально-газетных изданий. Печатался в союзной и республиканской прессе («Дружба народов», «Советская культура», «Искусства і літаратура» и др.) В Израиле с 1990 года. Живет в Иерусалиме, а также в поселении Нокдим, Иудея.

Работает в пресс-группе партии НДИ. Член Союза писателей Израиля, с 2004 г. — Содружества русскоязычных писателей Израиля «Столица», с 2014 г. — Международной федерации русских писателей.

Академик Международной академии наук, образования, технологии и искусств (The International Academy of sciences, education, industry & arts, Калифорния, США). В 2017 г. за выдающиеся достижения в области литературы и искусств удостоен золотой медали Академии.

Печатался в периодических изданиях, альманахах и сборниках в Израиле, США, Канаде, СНГ и др.

Автор книг «Перешедший реку», Тель-Авив, 1996

«Голем, или Проклятие Фауста», Москва, 2007

«Маленькая страна с огромной историей», Израиль, 2008,

«Большая история маленькой страны», Израиль, 2011,

«Свиток Эстер», Иерусалим, “Скопус”, 2013

«Израильский узел. История страны - история противостояния».

“Книга-Сэфер”, 2014 (Б/м, Электронная книга),

«Земля оливковых стражей», Иерусалим. Изд. ЕНФ-ККЛ, 2014

«Иов», Минск. “Новые мехи”, 2014.

«...Где нет координат. Стихотворения и поэмы». Иерусалим, “Скопус”, 2017.

Москва, 2007

«Маленькая страна с огромной историей», Израиль, 2008

«Большая история маленькой страны», Израиль, 2011

«Свиток Эстер», Иерусалим, “Скопус”, 2013

«Израильский узел. История страны - история противостояния».

“Книга-Сэфер”, 2014 (Б/м, Электронная книга)

«Земля оливковых стражей», Иерусалим. Изд. ЕНФ-ККЛ, 2014

«Иов», Минск. «Новые мехи», 2014.

«...Где нет координат. Стихотворения и поэмы». Иерусалим, «Скопус», 2017.

Ходос Алла родилась в Минске. Окончила филфак Белгосуниверситета. Работала воспитателем в школе-интернате для детей-сирот, соцработником в Райсобесе, социологом на заводе, учителем в школе. Живёт в Америке с 1994 года. Работала в русскоязычной газете «Запад-Восток» (Сан-Франциско) и в школе. Автор книг стихов и прозы: «Интернат», «Человекоснег», «Воздушный слой». В книге «Переход» собраны прозаические произведения Марины Золотаревской и Аллы Ходос. Публиковалась в журналах и альманахах «День и ночь», «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Тerra Nova», «Апраксин Блюз», «Зарубежные записки», на сайте «Интерлит» и др. Ответственный редактор литературного альманаха «Образы жизни» Живёт в Хейварде, Калифорния.

Черешня Валерий родился в 1948 г. в Одессе, живет в Санкт-Петербурге. Автор четырех поэтических книг («Свое время», 1996; «Пустырь», 1998; «Сдвиг», 1999; «Шёпот Акакия», 2008), книги эссе «Вид из себя» и многочисленных публикаций в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Постскриптум» и пр.

Шрайбер Виталий родился в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) Государственного университета. Много лет работал на физическом факультете и в НИИ Физики университета. Доктор физико-математических наук. В качестве приглашенного исследователя работал в университетах Польши и Германии. С 2004 года живет в Калифорнии. Работает в одной из компаний Силиконовой долины.

Якобсон Михаил. Родился в 1939 году в Москве. В 1971 году уехал из СССР. После окончания докторской программы по истории преподавал в университетах США. Автор или соавтор семи книг и более двадцати статей. Почти все опубликованные работы Михаила Якобсона – научные труды. Повесть «Карзубый» является одним из его немногих художественных произведений.

Янушкевич Александр родился в 1949 г. в семье художника. В 1974 г. окончил Московское художественное училище памяти 1905 года. Выставляться начал с 1975 г. . В 1976 г. принят в

Объединение молодых художников при МОСХ СССР. С мая 1985 г. – член Союза художников СССР. С 1994 г. – член Международного художественного фонда. С 1996 г. – член Профессионально-творческого Союза художников России. С августа 2000 г. – член Профессионального Союза художников.

* * *

Читатель может заметить, что мы не публикуем сведений о Золотаревском Юрии. Он предпочитает, чтобы редакция не публиковала о нем никаких сведений. В подобных случаях мы идём автору навстречу при условии, что он сообщает эти сведения самой редакции.

* * *

Редакция, как правило, не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, однако иногда публикуются. В последнем случае редакция в переписку вступает.

* * *

Контакты: E-mail: obrazyzhizni@yahoo.com

Вебсайт: www.obrazyzhizni.com

* * *

Стоимость номера, включая пересылку, 25 долларов. Заказать альманах можно по электронной почте: obrazyzhizni@yahoo.com